

ISSN 2223–2982



СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№2–2 2024 (ФЕВРАЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

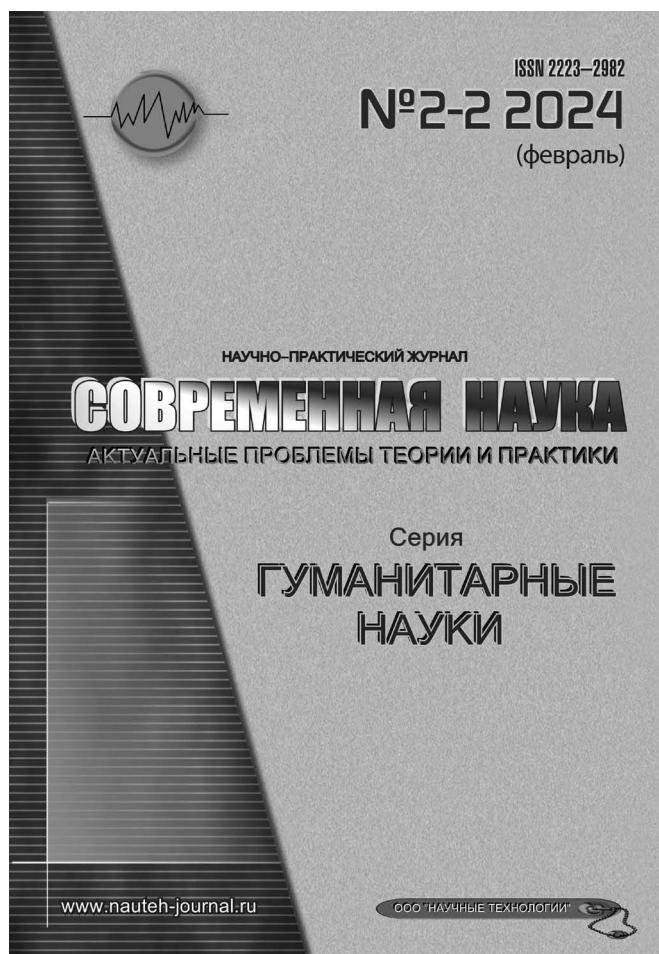
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №2-2 (февраль) 2024 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)



В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 15.02.2024 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982



Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор,
Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины и
биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент,
независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ
им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр
Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н.,
профессор, Московский государственный областной
университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения
детства, семьи и воспитания Российской академии
образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент,
Дагестанский государственный медицинский университет
Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-
Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-
Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор,
Северный (Арктический) Федеральный университет им.
М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор,
Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н.,
профессор, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский
государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор,
Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт
экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор,
Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО
МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор,
Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор,
Владимирский филиал Финансового университета при
Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Бирюкова А.Б. – Организация медицинской помощи населению в дореформенной Самаре
Biryukova A. – Organization of medical care for citizens in pre-reform Samara 7

Каримов Т.Т. – Ясачные татары команды Аднагула Сюлюкова Киргизской поземельной волости Уфимского уезда (по материалам III ревизии)
Karimov T. – Yasak tatars komand of Adnagul Syulyukov of the Kyrgyz land volost of Ufa uezd (based on materials of the III revision)..... 12

Каримов Т.Т. – Ярмекей Суюндуков – основатель деревни Ермекеево Кыр-Еланской поземельной волости Уфимского уезда
Karimov T. – Yarmekey Suyundukov – founder of the village of Ermekeevo Kyr-Elan land volost of the Ufa uezd..... 18

Поляков А.Н. – Формирование элитарной культуры Киевской Руси в рамках процесса становления цивилизации
Polyakov A. – Formation of the elite culture of Kievan Rus in the framework of the process of formation of civilization 23

Педагогика

Антипов О.В., Суханова Е.Ю., Сурков А.М. – Новые методы и технологии обучения физической культуре студентов непрофильных вузов
Antipov O., Sukhanova E., Surkov A. – New methods and technologies of teaching physical culture to students of non-core universities 29

Бадмаева У.С., Хамдамова Н., Эрдниева Э.А., Шагаева Н.А. – Дидактическая игра как средство развития памяти у детей старшего дошкольного возраста
Badmaeva U., Khamdamova N., Erdnieva E., Shagaeva N. – Didactic game as a means of memory development in older preschool children 34

Беленкова Ю.С. – Профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному студентов технических вузов
Belenkova Yu. – Professionally oriented teaching Russian as a foreign language to technical students 38

Боронихина И.О., Варфоломеева Н.С., Еремина Н.В., Куприянова Т.С., Шеховская Ю.А. – Современная парадигма обучения профессиональному переводу в неязыковом вузе
Boronikhina I., Varfolomeeva N., Eremina N., Kupriyanova T., Shekhovskaya Yu. – The modern paradigm of teaching professional translation in a non-linguistic university. 42

Брыкин Ю.В., Мелихова Е.В., Руслякова Е.Е., Багдасарова И.Ю., Есипов Р.А. – К вопросу о формировании инклюзивной электронной информационно-образовательной среды
Brykin Yu., Melikhova E., Ruslyakova E., Bagdasarova I., Esipov R. – On the issue of creating an inclusive electronic information and educational environment..... 49

Будаева Э.В. – Формирование корпоративной культуры студентов в образовательной среде вуза
Budaeva E. – Formation of corporate culture of students in the educational environment of the university..... 54

Зайцева С.А. – Методы тестирования нарушения обработки слуховой информации у детей. Современный взгляд <i>Zaitseva S.</i> – Methods of testing disorders of auditory information processing in children. A modern look 60	Менжевицкий М.Е. – Использование цифровых коммуникаций в структуре дополнительного образования <i>Menzhevitskiy M.</i> – Use of digital communications in the structure of supplementary education..... 87
Кабышева М.И., Порубайко Л.Н. – Педагогические предикторы повышения двигательной активности в сфере образа жизни студентов медицинского университета <i>Kabysheva M., Porubayko L.</i> – Pedagogical predictors of increased motor activity in the field of lifestyle of medical university students..... 65	Стельмахова Л.А. – Авторская тетрадь «От сказки к милосердию» как один из способов воспитания этической культуры младшего школьника <i>Stelmakhova L.</i> – Author's notebook "From a fairy tale to mercy" as one from ways of education of ethical culture of junior schoolchildren 93
Кропта О.А. – Проблема изучения неологизмов в современной лингвистике <i>Kropta O.</i> – The problem of studying neologisms in modern linguistics..... 70	Тепляков С.В. – Модель формирования профессиональных ценностных ориентаций у военнослужащих контрактной службы войск национальной гвардии России <i>Tepliyakov S.</i> – A model for the formation of professional value orientations among military personnel of the contract service of the Russian national guard troops 97
Ледовских И.А., Пишкова Н.Е. – Реализация проектного-ценностного потенциала блока естественно-научных дисциплин в вузовском образовании с использованием понятия «образовательная премия» <i>Ledovskikh I., Pishkova N.</i> – Realization of the project-value potential of the block of natural science disciplines in university education using the concept of "educational award" 74	Терницкая С.В., Гудков С.Е. – Организационно-методические особенности спортивной тренировки в женском боксе <i>Ternitskaya S., Gudkov S.</i> – Organizational and methodological features of sports training in women`s boxing 102
Луцюк В.Е., Нюрксне Л.А., Першин Ю.Л. – Здоровьесберегающий аспект физической культуры в непрофильных вузах <i>Lutsyuk V., Nyurksne L., Pershin Yu.</i> – Health-saving aspect of physical education in non-core universities 79	Терницкая С.В., Токарчук В.Д. – Моделирование как метод организационной подготовки к соревнованиям по военному многоборью <i>Ternitskaya S., Tokarchuk V.</i> – Modeling as a method of organizational training for military all-around competitions 106
Медвецкая А.Л. – Педагогика К.Д. Ушинского как источник повышения профессиональных и личностных компетенций педагога высшей школы <i>Medvetskaia A.</i> – K.D. Ushinsky's pedagogy as a source of increasing professional and personal competencies of a higher school teacher..... 83	Хасан-заде Резван Тофик – Психолингвистические основы обучения РКИ в лингвистических вузах Ирана (на примере компетентностного подхода) <i>Hassanzadeh Rezvan</i> – Psycholinguistic foundations of teaching Russian as a foreign language in linguistic universities in Iran (using the example of a competency-based approach) 110

Шкилевич И.А., Главатских М.М. – Использование STEAM-подхода как средства формирования иноязычной коммуникативной компетенции
Shkilevich I., Glavatskikh M. – Using the STEAM approach as a means of forming foreign language communicative competence115

ФИЛОЛОГИЯ

Адзиева Э.С. – Проблемы заимствования арабизмов в религиозном и научном дискурсах британского и американского английского языка
Adzieva E. – Problems of borrowing Arabisms in the religious and scientific discourses of British and American English122

Бородина М.А., Ван Сяолин – Краткий обзор развития китайской авангардной литературы в XX веке
Borodina M., Wang Xiaolin – A brief overview of the development of Chinese pioneering literature in the 20th century125

Ван Лэвэнь – Трагедийное начало прозы А.П. Чехова: от ситуации отчаяния к фатализму бытия
Wang Lewen – The tragic beginning of prose by A.P. Chekhov's: from a situation of despair to fatalism of existence133

Выговская Д.Г., Чиркова О.И. – Психолингвистический подход к изучению ценности «мир»: поколенческий аспект
Vygovskaia D., Chirkova O. – Psycholinguistic approach to studying "peace" value: generation aspect138

Демидова Е.В., Аргашокова С.Х. – Особенности рубрикации информационного пространства в онлайн-изданиях журналов для дизайнеров и архитекторов
Demidova E., Argashokova S. – Peculiarities of information space categorization in online editions of magazines for designers and architects142

Дубровская О.В. – Темпоральные полипредикативные конструкции со значением одновременности в английском и шорском языках
Dubrovskaya O. – Temporal polypredicative constructions with simultaneous meaning in English and Shor languages147

Дун Хаомин – Кодирование лингвокультурной информации в мимических фразеологизмах со стержневым компонентом ТГ «лицо»
Dong Haoming – Coding of linguistic and cultural information in mimic phraseological units with the core component of the tg "face"150

Иксанова Р.М., Кириллова И.К., Зубкова Я.В. – Структурные особенности англоязычной строительной терминологии
Iksanova R., Kirillova I., Zubkova Ya. – Structural features of English-language construction terminology154

Ильин А.А. – Структурно-семантический анализ кинематографической лексики
Ilin A. – Structural-semantic analysis of cinematic vocabulary158

Курбанов И.А., Магомедов М.М. – Формирование интерпретирующих значений фразеологических единиц и паремий с компонентом-наименованием рептилий, амфибий и рыб в русском, английском и даргинском языках
Kurbanov I., Magomedov M. – Formation of interpretive meanings of phraseological units, proverbs and sayings with a reptilian, amphibian and fish component in the Russian, English and Dargwa languages163

Ма Лимин – Сопоставление языковых особенностей дипломатического подстиля русского и китайского языков (на материале «совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху»)

Ma Liming – Comparison of language features of the diplomatic sub-style of the Russian and Chinese languages (based on the material of "The joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on deepening the relations of the comprehensive partnership and strategic interaction entering a New Era")169

Молявина Е.А. – Язык массовой культуры в современных средствах массовой информации
Molyavina E. – The language of mass culture in modern mass media174

Новикова М.Г., Лебедева А.А. – Герменевтика как смыслопорождающая основа юридического перевода
Novikova M., Lebedeva A. – Hermeneutics as a legal translation meaning-generating basis177

Тянь Кайгэ – Тенденции развития социальной рекламы в Китае в настоящее время
Tian Kaige – Trends in the development of social advertising in China at the present time182

Урукова Л.А. – «Донбасс: "боль" и "надежда" – ключевые слова текущего момента»

Urukova L. – "Donbass: "pain" and "hope" are the key words of the current moment"187

Чжу Цзыцзин – К вопросу о художественном своеобразии «врачебной прозы»: влияние модернизма на творчество Лу Синя

Zhu Zijin – On the artistic uniqueness of "doctor's prose": the influence of modernism on Lu Xun's work.196

Информация

Наши авторы. Our Authors.202

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале204

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ В ДОРЕФОРМЕННОЙ САМАРЕ

Бирюкова Анна Борисовна

Кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Самарский государственный технический университет»
annabir@mail.ru

ORGANIZATION OF MEDICAL CARE FOR CITIZENS IN PRE-REFORM SAMARA

A. Biryukova

Summary: The formation of the infrastructure of medical institutions and the medical community in Samara was studied in article in the context of its transformation into a gubernia center. The methodology of local history became the basis of the research. The use of historical-genetic and problem-chronological methods helped to identify the free stages in the development of the medical care system in the pre-reform provincial city: 1) the end of the XVIII – the first quarter of the XIX century – the formation of urban medicine, the appearance of the first medical staff in the province. 2) the end of the 20s – 40s of the XIX century – the appearance of the first medical institutions in Samara and the formation of the medical community; 3) the 50s – early 60s of the XIX century – the formation of a medical care system for the urban population, the development of organizational and infrastructural forms of urban medicine in the context of a large-scale influx of population to Samara in connection with its transformation into the provincial capital.

Keywords: medical care, hospitals, pharmacies, doctors, pre-reform era, provincial town, Samara.

Аннотация: В статье изучено становление инфраструктуры медучреждений и медицинского сообщества Самары в контексте ее преобразования в губернский центр. Основой исследования стала методология локальной истории. Использование историко-генетического и проблемно-хронологического методов помогло выявить три этапа в развитии системы медицинской помощи в дореформенном провинциальном городе: конец XVIII – первая четверть XIX в. – становление городской медицины, приезд в провинцию первых медиков; конец 20-х – 40-е гг. XIX в. – появление в Самаре первых медучреждений и складывание медицинского сообщества; 50-е – начало 60-х годов XIX в. – формирование системы медицинской помощи городскому населению, развитие организационных и инфраструктурных форм городской медицины в условиях масштабного притока населения в Самару в связи с ее преобразованием в губернскую столицу.

Ключевые слова: медицинская помощь, больница, аптеки, врачи, дореформенная эпоха, провинциальный город, Самара.

В последней четверти XVIII в. город, как особый социокультурный феномен, игравший важнейшую роль в презентации прогрессивных идей российской власти, начинает занимать во внутривластном курсе коронной администрации концептуально значимую позицию. Медицинская сфера, как и система образования, в просвещенческой парадигме рассматривалась в контексте реализации идеи общественного блага, поэтому забота о «теле» горожанина была важной стратегической линией, заложенной Екатериной II и продолженной ее потомками.

Изучение этапов становления городской медицины на примере дореформенной Самары, безусловно, имеет ценность с точки зрения истории места в узком ее понимании (краеведение). В то же время совмещение методологии локальной истории, микроистории, проблемно-хронологического подхода и историко-генетического метода позволяет рассмотреть особенности развития организации медицинских учреждений в дореформенную эпоху на примере одного города в контексте изменения его административного статуса (в 1851 г. Самара из уездного города стала губернской столицей).

В большинстве городов Юго-Востока России первыми медицинскими учреждениями были лазареты и госпитали для нижних воинских чинов [1, с. 239]. Начало медицине в Самаре было положено созданием при Оренбургской экспедиции «гошпиталя для солдат и драгун, ремесленных и работных людей». Медицинская помощь горожанам в нем оказывалась за плату. В 1744 г. «гошпиталь» был переведен в Оренбург [15, с. 47].

Важной вехой в развитии медицинской помощи гражданскому населению стало формирование «приказной медицины». В губерниях были созданы Приказы общественного призрения (1775 г.) и врачебные управы (1797 г.). В каждый уездный город назначался лекарь, два лекарских ученика и повивальная бабка. Первым самарским врачом, обслуживавшим горожан, был Федор Иванович Баумгартен. В Самаре при нем работали двое лекарских учеников Петр Попов и подьяческий сын Андрей Сапожников [12, ч. 2, с. 109-110.]. Ф.И. Баумгартен, как и большинство врачей, служивших в России в конце XVIII в., был иностранцем. К моменту определения на «вакантную докторскую должность» в Самаре за его плечами была многолетняя служба военным врачом в русской армии. В 1785 г. «за болезнью» он был уволен с армей-

ской службы «с награждением штаб-лекарского чина», после чего перебрался в Уфу, а затем в Самару (1793 г.). В 1820-е гг. самарским врачом служил выпускник Виленского университета М.А. Стрижалковский. Медицинскую помощь жителям Самары, Сызрани и Ставрополя с 1804 г. по 1807 г. оказывал лекарь Усольской вотчины австриец Алоиз Гетте [3, с. 443; 12, ч. 1, с. 130, ч. 2, с. 109]. Существование первой больницы в Самаре подтверждается ее фиксацией на плане города 1804 г. [2]. Самарская клиника не имела «ни определенных лекарей, ни аптек», поэтому во время ревизии 1808 г. чиновники не признали ее действующей больницей [10, л. 45-45 об.].

С конца 1820-х гг. начинается новый этап в развитии самарского здравоохранения. Рост населения в следствии «белотурочной лихорадки», вызванной хозяйственным освоением Самарского Заволжья, требовал особого внимания власти к вопросам организации и развития социальной инфраструктуры города. Большинство больниц в регионе возводилось при значительном содействии дворянства и купечества [1, с. 241-242]. Так, в Самаре «иждивением помещицы Е.А. Путиловой» (1828 г.) была построена новая больница [12, ч. 1 с. 120], врачом которой стал штаб-лекарь Григорий Андриянович Троицкий, в прошлом военный врач, участник Отечественной войны 1812 года. В 1822 г. «по прошению» Троицкий был уволен с военной службы и через два года переехал в Самару. Здесь он служил в должностях уездного и городского врача до выхода в отставку в 1859 г. [12, ч. 2, с. 142; 13, л. 1].

В середине 1840-х гг. в Самаре помимо городской больницы была построена больница удельного ведомства, рассчитанная на 24 места, обслуживавшая удельных крестьян. Вероятнее всего, эта больница первоначально размещалась в арендованных помещениях. В марте 1845 г. были объявлены торги на строительство больничного корпуса – деревянного одноэтажного дома на каменном фундаменте и флигеля для врача [12, ч. 2, с. 118; 15, с. 49].

В начале 1840-х гг. большинство городских больниц Симбирской губернии вмещали в себя не более 10 коек. Исключение составляли ставропольская (15 мест), сызранская (20 мест) и самарская (12 мест) больницы. В среднем больница Самары обслуживала около 200 больных в год [12, ч. 1, с. 47, 120]. До середины 1840-х гг. она находилась в относительно неплохом состоянии, по сравнению с больницами других уездных городов губернии. Финансирование городских больниц было крайне скудным. Так, в июне 1842 г. Симбирская врачебная управа констатировала, что из-за недостатка средств следует выписать из Казани «от мастера хирургических инструментов Грибеля... для корсунской, сызранской и самарской градских больниц только необходимые инструменты, которые требуются в крайних случаях, не терпящих

промедления времени» [12, ч. 2, с. 114]. Большинство больниц губернии были переданы на баланс городов. Перерасход выделенных на их содержание средств в 1842 г. составил 19% (по Самаре – 9,6%), в 1845 г. – 8,7%. Ситуация с финансированием больницы Самары относительно стабилизировалась к середине 1840-х годов. В 1845 г. расходная часть бюджета клиники впервые за много лет не превысила ее доходы [подсчитано по: 12, ч. 2, с. 117, 119].

Самара была первым уездным городом Симбирской губернии, в котором открылась вольная аптека (не позднее 1835 г.). Первоначально ее содержал провизор Циглер. С ним был заключен контракт на поставку лекарств для самарской больницы. Это оказалось более выгодным, чем содержать аптеку при самой больнице. В 1843 г. Симбирский приказ общественного призрения планировал заключить контракты с вольными аптеками на поставку медикаментов для всех городских больниц губернии [12, ч. 1, с. 40; ч. 2, с. 114-118].

Колоссальный приток населения в Самару в 40-е годы XIX в. (в 1842 г. население города насчитывало 11250 чел., в 1851 г. – 20 331 чел. [подсчитано по: 12, ч. 1. с. 173; ч. 2, с. 131]) поставил на повестку дня вопрос о строительстве более вместительного стационара. Персонал больницы перестал справляться с наплывом пациентов. Об этом свидетельствует следующий эпизод. В сентябре 1849 г. врач больницы Г.А. Троицкий отказался принимать трех больных, направленных к нему полицмейстером. В больнице не было свободных мест, и люди умерли «без всякой помощи со стороны доктора на крыльце же больницы» [12, ч. 2, с. 124]. Тот факт, что врач не был подвергнут служебному взысканию, свидетельствует о понимании властями главной причины трагедии, заключавшейся в инфраструктурном кризисе самарского здравоохранения.

9 января 1848 г. Симбирской губернатор Н.М. Булдаков подал на имя министра внутренних дел рапорт о необходимости строительства новых каменных больниц в Самаре и Сызрани. 22 июня 1848 г. в МВД было принято решение о возведении в Самаре каменной больницы «за счет остатков от городских доходов». В ноябре 1848 г. были объявлены торги «на постройку больничного дома и флигеля в г. Самаре на сумму, исчисленную по смете серебром в 13452 руб. 51 коп.» [12, ч. 2, с. 123, 160]. В итоге подряд на строительство был получен симбирским купцом второй гильдии Иваном Сапожниковым, который согласился построить здание больницы за 12330 руб. серебром. 27 сентября 1849 г. с ним был заключен контракт на строительство больницы с условием сдачи объекта через два года. На заготовление материалов подрядчику было выдано 5390 рублей. Однако строительство откладывалось. Причина заключалась в попустительстве местных властей, которые не просчитали всех возмож-

ных сценариев и рисков как финансовых, так и организационных. Строительство новой больницы предполагалось первоначально на месте старого деревянного стационара. К больничной территории присоединялось также место расположенного рядом острога. Это означало, что на время строительства нового больничного корпуса и здания полиции с острогом город должен был потратить 500 руб. в год на наем здания для размещения больных, а также весьма внушительную сумму на аренду помещения для арестантов, что было крайне обременительно для самарского бюджета. Весной 1850 г. заказчик предложил перенести стройку на новое место, на берег р. Самары в 50 саженях от старой больницы [12, ч. 2, с. 160]. Ответ на это предложение затерялся в недрах министерства.

Новый поворот делу предал пожар, случившийся в Самаре 13 июня 1850 года. В нем сгорел 521 дом, включая здание старой больницы и острога. Пожар уничтожил и материалы, закупленные подрядчиком для строительства новой больницы. Кроме того, в связи с преобразованием Самары в губернский город потребовалось возведение более вместительной клиники. Контракт с И. Сапожниковым был расторгнут. С учетом сгоревших материалов на сумму 2142 руб. 40 коп. подрядчик должен был вернуть оставшиеся деньги городу. Однако только в марте 1865 г. сумма в размере 3247 руб. 60 коп. поступила городскую казну [12, ч. 2, с. 139, 160-162, 183].

В эти события положили начало новому этапу в развитии системы медицинской помощи в дореформенной Самаре. Уже первые месяцы существования Самары как губернского центра показали колоссальные просчеты всех уровней власти относительно обеспечения жителей молодой губернской столицы медицинской помощью. Только наличного населения в 1851 г. здесь было 20 331 человек, помимо этого несколько десятков тысяч «чернорабочего народа» проходили через Самару транзитом. Самарская больница, рассчитанная на 56 коек (50 коек для мужчин и 6 в «особом флигеле для женщин»), увеличилась до 60 коек. Однако даже это количество мест совершенно не удовлетворяло потребности города [12, ч. 2, с. 131-133].

Оренбургский и Самарский генерал-губернатор В.А. Перовский в октябре 1851 г. ходатайствовал перед начальством об открытии в Самаре больницы на 120 человек (при возможном увеличении до 175 коек). Он особо подчеркивал, что в городе находилось огромное число военных, включая усиленную инвалидную роту в 600 человек. При этом самарская клиника находилась в крайне неудовлетворительном состоянии: «Вся почти градская больница наполнена нижними чинами здешней усиленной инвалидной роты... Тюремная больница имеет суточное состояние больных от 30 до 50 чел. В прошедшем феврале число больных доходило до 70.

Больница эта, хотя и помещается в отдельном доме, но получая белье, больничные вещи, продовольствие и прислугу из градской больницы, составляет, по сущности, часть оной. Ныне в обеих больницах суточное число больных доходит до 20 человек и возрастает прогрессивно. В градской больнице, ... имеется белья и прочих принадлежностей на 60 человек, и ... штат этой больницы составлен только на 60 человек. Можно представить, в каком состоянии находится белье, которое должно служить для двойного числа больных. За недостатком денег..., нет ни штор у окон, ни форточек, ни ширм и не устроена больничная аптека» [12, ч. 2, с. 133].

К весне 1853 г. был принят новый штат больницы, рассчитанной на 100 кроватей, включая 6 мест для женщин [12, ч. 2, с. 136]. Для размещения больных был нанят дом поручика Д.Е. Обухова напротив Струковского парка. Им же был построен второй дом для больницы. Однако арендная плата в 2000 руб. была слишком высокой. Губернатор С.Г. Волховский договорился о ее снижении до 1500 руб. год [12, ч. 2, с. 140]. Кроме того, были наняты дома купца Шихобалова и мещанина Казанцева. В середине 1850-х гг. число мест в больнице возросло до 140 (20 отводилось для сифилитиков, 20 – для умалишенных), а к началу 1860-х гг. – до 150 [8, л. 30; 12, ч. 2, с. 126, 155].

В предреформенное десятилетие самарская больница содержалась за счет средств приказа общественно-го призрения. При этом расходы клиники существенно превышали сумму, выделяемую на ее содержание. В 1855 г. расходная часть больничного бюджета превысила доходную на 24%, в 1858 г. – на 68%, а в 1860 г. – более чем в 2 раза [подсчитано по: 8, л. 55; 9, л. 150-150 об.; 13, ч. 2, с. 158]. Часть расходов брал на себя попечитель больницы, купец В.Е. Буреев. Кроме того, он поставлял «предметы продовольствия, одежды и обуви для больных» [8, л. 31].

Для решения всех организационных вопросов, возникавших в больнице, 15 октября 1851 г. в Самаре был создан больничный совет [12, ч. 2, с. 132]. С назначением на должность старшего врача самарской больницы Н.В. Постникова (1856 г.) существенно улучшился ее внутренний распорядок. Проведенная осенью 1860 г. ревизия показала, что «больница эта содержится во всех отношениях отлично и в примерно порядке, ... содержание больных превосходное, аптека ни в чем не имеет недостатков, все необходимые лекарства... найдены превосходного качества», а «старший и младший врачи этой больницы вполне знакомы с современным состоянием науки, ... деятельны и внимательны к своим больным» [14, л. 6-6 об.].

Основная проблема самарской больницы заключалась в отсутствии собственного здания. «За неимением просторных складов, больница принуждена продоволь-

ственные припасы приобретать ... некоторые много что на месяц, в ущерб правильному хозяйству и экономии», – говорилось в отчете самарского губернатора за 1860 г. [9, л. 35-35об.]. К концу предреформенной эпохи больница с трудом справлялась с наплывом пациентов. В начале 1850-х гг. ней содержалось 1336 больных (1282 муж./84 жен.) в год, спустя десятилетие – почти 2000 чел. (1790 муж./ 180 жен.) [7, л. 63-63 об.; 9, л. 150-150об.]. Скудность больных летом и осенью приводила к повышенной смертности [12, ч. 2, с. 157].

В самарской клинике (как и в других больницах региона) лечились, главным образом, военные, помещаемые сюда начальством. Пациенты, находившиеся здесь добровольно (мещане и крестьяне), составляли примерно 4-5%. Степень недоверия к больнице и медикам по-прежнему была очень высока, что было следствием масштабного процесса медикализации. Задолго до выхода в свет известной работы М. Фуко, самарский врач Ю.Б. Укке сравнивал больницу с тюрьмой: «Есть еще многое, что неприятно поражает больного; ... педантизм в порядке и опрятности для многих очень стеснительный. Мужская прислуга, которая даже мужчинам не так удобна, как женская; казарменный вид всего учреждения; однообразие и несоответствие с народными привычками больничной пищи; редкое разрешение посещения родственников и знакомых. Нередко также в обращении больничного персонала оказывается недостаток теплоты и благосклонности. ... Не говорю уже о том, что больницы, где вскрывают трупы, непременно пользуются в народе дурной славой» [Цит. по: 12, ч. 2, с. 157].

Помимо больницы Самарского приказа общественного призрения в губернской столице в начале 1860-х гг. по-прежнему функционировала больница удельного ведомства, в которой в течение года лечилось более 250 человек и тюремная больница с 20 кроватями. В 1857 г. в Самаре был создан военный госпиталь, рассчитанный на 10 офицеров и 200 нижних чинов [6, с. 819-820]. В 1860 г. был выстроен дом для умалишенных «на пожертвования частных лиц... и, находился на двух местах», определенных под богоугодные заведения [4, с. 148]. В преддверии открытия Самарской губернии с осени 1850 г. было подано несколько прошений провизоров Самарской, Симбирской, Владимирской, Костромской губерний, желавших открыть вторую вольную аптеку в Самаре. Однако только в сентябре 1853 г. врачебная управа «признала не только возможным, но и полезным» ее наличие. Содержателем аптеки стал провизор из г. Бузулука Гельмих. Первая вольная аптека перешла в собственность провизоров И. Шмидта, а затем – В. Миллера (1852 г.) [12, ч. 2, с. 126-138].

21 февраля 1852 г. наряду с больничным советом в Самаре был открыт комитет общественного здравия. Его целью было «принятие единообразных мер к пре-

сечению болезней эпидемических и эпизодических» и популяризация медицинских знаний среди населения. Источником знаний по медицине для горожан стали тематические публикации в губернских ведомостях и собрание книг и журналов, содержащихся в больничной библиотеке [12, ч. 2, с. 134; 15, с. 51].

Важной составляющей обеспечения населения медицинской помощью был кадровый вопрос. С конца 1820-х г. начинает формироваться медицинское сообщество Самары. В связи с перемещением Г.А. Троицкого (1845 г.) на должность городского врача на место уездного врача был приглашен 27-летний Иван Гамбурцев (май 1847 г.) – слушатель Московского университета. В 1828 г. в Самару приехала повивальная бабка Анна Голдсмит. С начала 1840-х годов ее место заняла Мария Егорова. В это же время в Самаре работали также ветеринарный помощник Турчанинов, старший лекарский ученик Погорелов, младший лекарский ученик бывший писарь Самарского уездного суда Павел Батьковский [11, л. 199 об.; 12, ч. 2, с. 112-115, 150]. Несмотря на то, что штат самарских медиков к середине 1840-х годов был полностью укомплектован, однако к началу 1850-х годов с возросшей нагрузкой на всю медицинскую инфраструктуру вновь потребовалось его обновление. В самарской больнице была введена должность младшего врача, которую занял бывший перемышльский уездный врач, специалист по «душевным болезням» Ю.Б. Укке [12, ч. 2, с. 136-137; 15, с. 51]. В 1851 г. самарский губернатор добился сохранения в губернской столице должности городского врача. Его жалованье было увеличено с 200 руб. 5 коп. до 257 руб. 29 коп., тем самым он был уравнен в содержании с уездными врачами. Возросла оплата труда младшего персонала больницы [12, ч. 2, с. 130, 133].

Количество врачей в Самаре постепенно увеличивалось. В 1853 г. здесь было 9 специалистов, в 1855 г. – 11, в 1860 г. – 14. С конца 1850-х гг. в Самару стали наведываться «вольнопрактикующие» врачи – «узкие специалисты» [7, л. 29-30; 9, л. 28; 12, ч. 2, с. 154]. При этом уездных городах губернии ощущалась нехватка медиков. В 1860 г. при самарской больнице «в видах усиления медицинских средств в губернии и приготовления опытных фельдшеров» было решено создать отделение фельдшерских учеников «из сирот разного звания» [9, л. 30-30 об.].

Умеренно континентальный климат Самары, «лежащей на сухой песчаной равнине», создавал благоприятные условия для лечения здесь болезней дыхательной системы [16, с. 4-5]. Именно в Самаре появились первые кумысолечебницы, организаторами которых стали помещик Д.А. Путилов (1857 г.), доктор Н.В. Постников (1858 г.), купцы Е.Н. Аннаев (1863 г.) и др. [12, ч. 2, с. 163, 166, 178].

В развитии самарских учреждений здравоохранения

в дореформенную эпоху можно выделить три основных этапа: 1) *конец XVIII – первая четверть XIX вв.* – становление системы «приказной» медицины в Самаре, начало работы первого уездного врача и лекарских учеников, открытие первой городской больницы. 2) *конец 1820-х – 1840-е годы* – расширение медицинской инфраструктуры, усложнение задач, стоявших перед самарскими медиками. В этот период при содействии самарского дворянства происходит открытие новой городской больницы, больницы удельного ведомства, первой аптеки. Начинает формироваться медицинское сообщество, состоявшее из уездного и городского врачей, лекарственных и ветеринарных помощников, повивальной бабки. 3) *50-е – начало 60-х годов XIX в.* – формирование системы медицинской помощи городскому населению, развитие

организационных и инфраструктурных форм городской медицины в условиях масштабного притока населения в Самару в связи с ее преобразованием в губернскую столицу. Открытие Самарской врачебной управы, приказа общественного призрения, больничного совета и комитета общественного здравия. Расширение медицинского сообщества молодой губернской столицы, появление в Самаре медицинских специалистов различного уровня и профиля подготовки, начало проведения научных исследований самарскими врачами, увеличение штата самарской больницы, усовершенствование больничного распорядка, становление профилактической медицины и санаторно-курортного лечения в форме кумысолечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова А.Б. Больницы губернских центров Среднего Поволжья и Заволжья (последняя треть XVIII – середина XIX вв.) // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 238-253.
2. Геометрический план Самары 1804 г. – URL: https://retromap.ru/1418044_53.174463,50.096712 (дата обращения: 02.01.2024)
3. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т.1 Самарское Поволжье XVI – середине XIX вв.: монография /ред. колл. П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.: науч. ред. Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов. 2-е изд. испр. и доп. Самара: ООО «Слово», 2020. 480 с.
4. Классика самарского краеведения. Антология. Вып.3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XIX вв. (краеведческая картотека) /Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов. Самара: изд-во «Самарский университет», 2007. 432 с.
5. Полное собрание законов (ПСЗ – II). СПб., 1837. Т. XI. № 9808. С. 312-319.
6. ПСЗ – II. СПб., 1857. Т. XXXII. Ч. 1. № 32299. С. 819.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 5 (1854). Д. 43 а.
8. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. (1856 г.). Д. 59.
9. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6 (1861г.). Д. 43.
10. РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 414.
11. РГИА. Ф. 1299. Оп. 14.
12. Самара в конце XVIII – 60-е годы XIX вв.: город и горожане. Документы и материалы: в 2 ч. /Авт.-сост. А.Б. Бирюкова. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2023. Ч. 1. 400 с.; Ч. 2. 400 с.
13. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1772.
14. ЦГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 137.
15. Шерешевский Г.М. Начало самарской медицины // Самарский краевед. Ч.1 / сост. А.Н. Завальный. Самара, 1991. С. 46-60.
16. Укке Ю.Б. Самара как место лечения. М., 1864. 12 с.

© Бирюкова Анна Борисовна (annabir@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯСАЧНЫЕ ТАТАРЫ КОМАНДЫ АДНАГУЛА СЮЛЮКОВА КИРГИЗСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ВОЛОСТИ УФИМСКОГО УЕЗДА (ПО МАТЕРИАЛАМ III РЕВИЗИИ)

Каримов Тагир Тимергазимович

К. и. н., старший научный сотрудник,
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)
tkarimov@bk.ru

YASAK TATARS KOMAND OF ADNAGUL SYULYUKOV OF THE KYRGYZ LAND VOLOST OF UFA UEZD (BASED ON MATERIALS OF THE III REVISION)

T. Karimov

Summary: The article for the first time examines in detail the revision tales of 1762 of the yasak tatars of the team of Adnagul Syulyukov of the Kyrgyz land volost of the Ufa district. Their study allows us to judge the size of this category of population and the villages where they lived. Supplementing this material with information from the revision tales of 1795, the author traces the transition of the yasak tatars to the teptyar class. The same materials were partially used to study information about marriages, which indicates a single tatar world, where there were no barriers between the tatars of the bashkirs, teptyars and other classes. The incomplete use of materials from the III revision explains the unreliability of much information about yasak tatars in the works of bashkir historians and in the encyclopedic publication.

Keywords: single tatar ethnocultural space, Kyrgyz land volost, tatars of the bashkir class, tatars of the teptyar class, yasak tatars.

Аннотация: В статье впервые подробно рассматриваются ревизские сказки 1762 г. ясачных татар команды Аднагула Сюлюкова Киргизской поземельной волости Уфимского уезда. Их изучение позволяет судить о численности этой категории населения и о деревнях, где они проживали. Дополняя этот материал сведениями из ревизских сказок 1795 г., автор прослеживает переход ясачных татар в тептярское сословие. Эти же материалы частично использованы для изучения сведений о браках, что свидетельствует о едином татарском мире, где не было преград между татарами башкирского, тептярского и других сословий. Неполное использование материалов III ревизии объясняет недостоверность многих сведений о ясачных татарах в трудах башкирских историков и в энциклопедическом издании.

Ключевые слова: единое татарское этнокультурное пространство, Киргизская поземельная волость, татары башкирского сословия, татары тептярского сословия, ясачные татары.

Актуальность исследования заключается в том, что в трудах башкирских авторов ясачные татары, впервые полно зафиксированные в материалах III ревизии (1762 г.), нередко замалчиваются, а их история искажается. Определенным вкладом в изучение проблемы можно считать книгу «Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722-1782 гг.)» [14], впервые давшую общую картину присутствия ясачных татар в поземельных волостях. До этого сведения о ясачных татарах этих волостей по материалам 1764 г., представляющим собой не что иное, как сведения из ревизских сказок 1762 г., содержались только в сборнике «Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии» [6]. Однако необходимость детального изучения информации III ревизии сохраняется.

К 1762 г. ясачные татары Киргизской поземельной волости были распределены по разным командам. Однако большая часть из них состояла в команде старшины Аднагула Сюлюкова. Кроме того, в эту команду входили и черемисы нескольких деревень.

К команде старшины Аднагула Сюлюкова относи-

лись ясачные татары и черемисы следующих деревень: Иштерьяково (43 души муж. пола), Тупеево (в источнике «Тупыево»; 42), Токтагулово (46), Камаево (45), Куручево («Кручево»; 41), Килкабызово (42), Катаево (44), Токбердино (78; черемисы), Куяново (43), Сакатово («Сакытово»; 45), Устимово («Устимово»; 35), Менеди («Мяндеево»; 8, черемисы), Чюрабаево, что на речке Чекае (7), Нижнее Ташлино («Тюбень Ташлино»; 70), Верхнее Ташлино (26), Янтемирово (33), Кусады (42; черемисы), Зирикли (43), Камышли (23; черемисы), Заитово (24), Битиково (6), всего 786 душ муж. пола. Сотником ясачных татар и черемис был Айдагул Янтемиров [14, с. 88].

Во время Крестьянской войны 1773-1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева, эти же деревни числились в команде старшины Табыша Абдуллина как участники восстания, там же приведено вышепоказанное количество душ муж. пола со ссылкой на данные 1764 г. [6, с. 278]. Правильное название д. Менеди и этнос проживающих там установили по ревизской сказке 1795 г. [9, л. 880-880 об.]

Особо отметим, что вышеперечисленные ясачные та-

тары заселились до 1747 г., о чем свидетельствует содержание ревизских списков 1762 г. Однако более ранние материалы переписей о них не сохранились, поэтому некоторые детали (например, историю заселения) выявить не представляется возможным. Далее мы подробно рассмотрим сведения о ясачных татарах этой переписи 1762 г., частично обратив внимание на их последующую регистрацию в тептярском сословии и однородность с татарами башкирского сословия.

В д. **Иштеряково** (ныне Илишевского района РБ) в 1762 г. жили семьи ясачных татар Габдерязака Аминова (38), Кутлучуры Килметева (36), Курманая Апасева (87), Ярмяка Бикбова (66), Смака Сарманаева (35), Мянди-кая Уразметева (36), Шикманая Илметева (71), Иштугана Тюлина (66) и другие, всего 43 души муж. пола [13, л. 440]. К 1782 г. их потомки (48 душ муж. и 36 душ жен. пола) будут зафиксированы в тептярском сословии, а численность татар тептярского сословия составит в 1795 г. 59 душ муж. и 46 душ жен. пола [9, л. 56-60].

Уже в наши дни потомки ясачных татар по переписи 2002 г. были превращены в башкир. Башкирские историки исказили историю д. Иштеряково, и не изучив должным образом переписи по этой деревне, бездоказательно пишут о «башкирах-припущенниках, перешедших в сословие тептярей» [5]. Говоря о тептярском сословии татар, в то же время они не признают таким же образом башкирское сословие татар-вотчинников.

В д. **Тупеево** (ныне село Илишевского района РБ) в 1762 г. показаны семьи ясачных татар Курмякая Калметева (76 лет), Маметея Кулметева (66; его сыновья Дявети, Девлетбай, Уметкул, Емангул), Юлдаша Аднагулова (74), Абдюкея Будялина (55), Имакая Айдарова (51), Давлета Айдарова (41), братьев Кузекея (49) и Илкея (40) Ахметевых, Айтугана Аркеева (61), Биккини Урекаева (46), Ибрагима Кинзина (58) и других, всего 42 души муж. пола [13, л. 441]. К 1782 г. они и их потомки (54 души муж. и 37 душ жен. пола) будут зафиксированы в тептярском сословии, а в 1795 г. численность татар тептярского сословия составит 53 души муж. и 41 душа жен. пола [9, л. 66-63]. Кроме них, в деревне проживали татары мещеряцкого (11 душ муж. пола в 1747 г. [14, с. 69]) и башкирского сословий; они ничем не отличались от татар тептярского сословия и вступали с ними в брачные союзы (эти сведения содержатся в ревизской сказке 1795 г. и метрических книгах).

Башкирский историк А.З. Асфандияров искажает историю д. Тупеево, когда пишет, что «тептяри были припущены в эту деревню между III (1762 г.) и IV (1783 г.) ревизиями, а мишари гораздо позже — в начале XIX в.» [1, с. 267]. Кроме того, он выдает башкирское сословие татар за их национальность. Информация этого автора перекочевала в книгу «Кыргызы» [4, с. 95].

В д. **Токтагулово** (ныне с. Тактагулово Бакалинского района РБ) в 1762 г. зафиксированы ясачные татары Ишей (55 лет; сын Субхангул) и Ишмет (30) Рысметевы, братья Кансуяр (38; дети Уразай и Уразгилды) и Сюекей (31; сын Якуп), Суяргул (26) и Исергап (19) Каныевы, Бикбов Уразметев (56; дети Бикчура и Биктимер), Муслюм Усеинов (51; дети Масыгут и Мустай), Адигам (31; дети Анвар и Фейзулла), Аюп (22; сын Габит), Абиш (10) Ибрашевы, братья Мамет (40; сын Абдусалам), Уразай (38; дети Урманай и Урмакай), Габбяс (22) Бикметевы, Сагит (20) и Кутлы (13) Янгильдины, братья Камей (46), Килмет (32) и Килбакты (42; сын Кильдияр) Бикеевы, братья Бикташ (28; сын Сайран) и Утяш (17) Наурузовы, братья Мурсалим (42), Сапар (38) и Мряс (26) Алкеевы, братья Юзей (46; дети Мратша и Адильша), Буляк (25; сын Санзяп) Юбановы, всего 46 душ муж. пола. К договору выборной Сапар Алкеев «тамгу приложил», староста Ишей Рысметев «руку приложил» [13, л. 441-443].

В д. **Камаево** (ныне село Бакалинского района РБ) в 1762 г. жили ясачные татары Ярмекей Суюндуков (61 год; сыновья Уразай, Уразгилда, Суяркул и Минлигул), Балтака Богданов (41; сыновья Ишмухаммет и Юзей), братья Субханкул (33) и Кинзябай (22) Бикбововы, Ижбулды Маметеев (38; сыновья Ишмухаммет, Ишкиня и Иман), братья Мурадым (18), Аббяс (18) Ибраевы, братья Сагит (41; сын Абдулзялил), Карачман (24) и Салим (21) Игибаевы, братья Кадырмет (33; сыновья Кутлумет, Альмухаммет, Абдрахим, Мяндыан и Валит), Халил (30), Уразгильда (23), Уразмухаммет (20), Аднагул (18) и Айдагул (17) Кадыровы, Якуп Дюскеев (58; сыновья Мавлют, Ягафер и Баязит), Сагындык Туктагулов (36) и другие, всего 45 душ муж. пола [13, л. 443-444]. К 1782 г. они и их потомки (60 душ муж. и 63 души жен. пола) будут зафиксированы в тептярском сословии, а в 1795 г. численность татар тептярского сословия составит 86 душ муж. и 66 душ жен. пола [9, л. 73-82]. Кроме них здесь жили еще 4 души муж. и 2 души жен. пола татар мещеряцкого сословия команды старшины Ильяса Киреева [10, л. 1136 об.], а татар других сословий не было.

Авторы книги «Кыргызы» сообщают, что «V ревизия населения (1795 г.) учла в д. Камаево Кыргызской волости 8 дворов с 53 жителями-башкирами» [4, с. 98]. Осуществляя четкую цель башкиризации истории края, они также фальсифицировали данные переписей 1834 и 1859 гг. по д. Камаево, назвав ее жителей «башкирами». Они могли положиться на информацию своего коллеги А.З. Асфандиярова [2], но, видимо, их это не устроило.

В д. **Куручево** (ныне село Старокуручево Бакалинского района РБ) в 1762 г. учтены ясачные татары Аит Атабаев (75; сын Ишикей), Абдрахим Суюшов (17 лет; сын Абдрешит), Юмакай Мягядиев (23), братья Айдаш (29) и Кятис (19) Рысметевы, братья Ижбулда (41; сын Абдулла) и Тимирбулат (32) Бикметевы, братья Ширым (44; сыно-

вья Габдрешит, Абдулла, Абдулзялил и Абдулхамит) и Башир (38) Абдрезяковы, Уразгильды Урметев (68; сыновья Юлдаш, Габдулла, Бурангул, Утягул, Исламгул, Имангул), Бекчура Баисланов (38), братья Минлиш (36) и Мясей (30) Имашевы, Балта Токтаров (42; сыновья Мукай и Ижбулат), Юлдаш Токтаров (55; сын Юмай) и другие, всего 41 душа муж. пола [13, л. 444-445].

Кроме того, в 1762 г. отдельно записан «деревни Курусево бывшего Уфинского уезду Казанской дороги есашного татарина Абдуллы сын родной (кои умре)», Габдулгази Абдуллин («ныне живет в доме брата своего Бекчюры Баисланова») [13, л. 462]. В другом списке он также будет указан отдельно как одна душа муж. пола, кроме него в д. К[р]учево этот источник зафиксировал еще 40 душ муж. пола [6, л. 281]. К 1782 г. они и их потомки (81 душа муж. и 50 душ жен. пола) будут отмечены в тептярском сословии, а в 1795 г. численность татар тептярского сословия составит 98 душ муж. и 93 души жен. пола. Как и в переписи 1762 г., здесь Юлдаш Токтаров также будет учтен последним, его жена (дочь татарина башкирского сословия д. Тупеево) после смерти мужа «отошла к отцу в 1782 году» [9, л. 223-230].

В д. **Килькабызово** (ныне село Бакалинского района РБ) в 1762 г. показаны ясачные татары братья Мухаммет (57 лет; у него приемыш Рафик Айдагулов) и Аднагул (36) Акметевы, Аднагул Бикчурин (55; сыновья Субхангул, Ракай), Балта Бекчурин (41), Тукан Абдрезяков (34; сын Габдин), Бикей Урмяков (58; сыновья Минлиш, Ишмухаммет, Утягул, Яныш), Нурка Урмяков (72; сын Рахмангул), братья Айдагул (49; сыновья Имангул и Юзей), Исангул (46; сыновья Субхангул, Ракай, Кучим, Исмагил), Султангул (41) и Кинзягул (31; сыновья Утягул и Мряс) Иштугановы, Ишей Саферов (44; сыновья Ишмухаммет и Курбангали), братья Уметкул (17) и Субхангул (15) Мавлеевы, Юлдаш Иштуганов (46), Аблей Солтанаев (44; сыновья Ярмухаммет и Яркей), братья Ишбирды (41; сын Ишкара) и Бучук (19) Ишметевы, братья Юртбагыш (21) и Туиш (18) Исмагиловы, всего 42 души муж. пола [13, л. 445-446]. К 1782 г. они и их потомки (73 души муж. и 54 души жен. пола) будут зафиксированы в тептярском сословии, а в 1795 г. численность татар тептярского сословия составит 99 душ муж. и 92 души жен. пола. Наблюдаются браки с татарами башкирского сословия дд. Биккинино, Ишметьево, Катаево (3 брака), Качкиново «Мензелинской округи» (жена Балта Бекчюрина Алтынбика Сулейманова, 58 лет), Калмаш, Сабаево, Туктагулово, Тупеево, Урметево, Урсаево «Бугульминской округи» (2), Чекмагушево, Шигаево. Жены двоеженца Юзея Айдагулова показаны как дочери «башкирцев» дд. Тлянчи и Уразметьево «Мензелинской округи» [9, л. 214-220 об.]. Эти факты свидетельствуют о том, что между «тептярями» и «башкирцами» разных территорий не было никаких преград, ведь все жили в едином татарском мире.

В д. **Катаево** (ныне с. Старокатаево Бакалинского района РБ) в 1762 г. учтены ясачные татары Табыш Абдуллин (52 года; сыновья Мукмен, Ягафер, Баязит, Бяиз), Муслюм Рысаев (91; сын Недыр и внук Зайнигабидин Недыров), Усеин Айтук (67; сын Бикбулат), Аит Бекчурин (84; сыновья Мустафа и Мустаким), Ямангул Масегутов (17), Ибрагим Усманов (38; сыновья Мрат, Мрадым, Махмут), Аит Биккенин (37; Абдул), Ромай (10) и Исламай (6) Сеитовы, Яныбек Ювашкин (75; сыновья Алибяк и Габидула, внук Зайсан Алибяков), Аднагул Муайтмасов (10), Акбай Янбулатов (35), Мутюк Алдаров (76; сын Ишкуват), Зайт Юртбагышев (52; сыновья Умер, Умюр и Гайсар), Темир Юртбагышев (41), братья Араслан (56; сын Кулчан), Сюяргул (41; сын Сююндюк) и Салим (52; сын Баис) Юлдашевы, Кусекей Шигаев (69; сын Утемыш), всего 44 души муж. пола [9, л. 446-447]. К 1782 г. они и их потомки (53 души муж. и 59 душ жен. пола) будут записаны в тептярском сословии, а в 1795 г. общая численность татар тептярского сословия составит 142 человека. Как и во всех деревнях, здесь наблюдаются многочисленные браки с татарами башкирского сословия дд. Агбязево (2 брака), Алдарово (2), Амекеево (3), Буляково «Мензелинской округи», Какребашево (2), Каракашлы, Карьявдино, Куручево (2), Кутуево, Куяново, Минлярово, Митрево «Мензелинской округи», Новая «Бугульминской округи», Рсаево, Тупеево (2), Урманево (2), Урметево (2), Урсаево (3), Саперово, Сасыбурун, Семекеево, Сингряново, Чекан и Чекенево [9, л. 211-213 об., 255-258]. Все эти факты являются еще одним свидетельством единства татарского мира и отсутствия сословных барьеров.

В д. **Куяново** (ныне с. Старокуяново Бакалинского района РБ) в 1762 г. учтены ясачные татары братья Кимьяк (62 года; сыновья Туиш, Юлуш, Юлдаш, Кинзегул) и Муксин (51; сыновья Карагул, Аиткул) Бикметевы, братья Максют (31; сын Махмут, пасынок Мансур), Кушай (29), Ишей (22), Ижболды (19) и Ишкильде (10) Маметеевы, братья Беккол (22) и Минлигул (19) Атлюкеевы, Сеит Бикметев (86; у него племянник Уразгилде Уразаев), Мустафа Бикметев (46; сыновья Мустаким, Мустай, Муслюм, Мукмен, Мансур, Зюбеир, Абул[х]яир), братья Иманай (44; сыновья Суюндук, Сюяргул и Рафик) и Рахмангул (40; сын Ягуда) Уразметевы, Юсуп Килметев (51; сыновья Исламгул, Ишмухаммет, Искендер) и его «родной брат» Кутлугуш Кутлуев (15), братья Умер (44; сын Абдулзялил) и Халил (31; сын Абдулкадир) Пулатовы, всего 43 души муж. пола [13, л. 449-451]. К 1782 г. они и их потомки (32 души муж. и 21 душа жен. пола) окажутся в тептярском сословии, а в 1795 г. общая численность последних составит 57 человек. Абдрешит Гумеров в 1795 г. переехал в д. Тамьян «Мензелинской округи» [9, л. 221-223]. Возможно, в 1762-1782 гг. часть населения перешла в другую местность; только так можно объяснить снижение их численности.

После Куяново в 1762 г. зафиксированы ясачные тата-

ры д. **Сакатово** (ныне Бакалинского района РБ), в список вошли Рысмет Ишкинин (51 год; сыновья Абдрахман и Рахмангул), Зяркей Зянгеров (36; сын Мурсалим), Бигиней Иштеряков (46; сыновья Бикташ, Тимиркей, Биктемир), Беккул Иштеряков (36), братья Имангул (30; сын Балтач) и Балта (19) Милютовы, братья Юзей (17), Сюбей (13), Субхангул (7) и Исламгул (4) Илмурзины, братья Савыр (46) и Баймурза (41; сын Баязит) Тоймурзины, Кучюм Советкин (46), Бикмет Зянметов (58; сын Кутлугуш), братья Биктемир (38; сыновья Бикбатыр и Батырша) и Мряс (19) Ахметовы, Биккиня Зяйметев (41; сыновья Рамазан и Рафик), Балгач Чекеев (50; сыновья Абдулгази, Абдусялям, Абдрашит), Кучюк Зекеев (58; сын Юлдаш), Аднагул Кансуяров (28; сыновья Субхангул и Юзгул), «у него брат» Айдагул Сюяргулов (21), Токтагул Кансуяров (19), Беккиня Сюрмятов (51; сын Бектемир), Айтуган Байчурун (71), всего 45 душ муж. пола. «Доброй человек Бектемир Акметев подписку дал и тамгу приложил», так завершается список д. Сакатово [13, л. 451-452]. К 1782 г. потомки сакатовцев (41 душа муж. и 34 души жен. пола) будут показаны в тептярском сословии, а в 1795 г. общая численность татар тептярского сословия составит 76 человек [9, л. 207-211]. Сакатово с момента основания оставалась односословной деревней, только с 1855 г. в связи с переводом «тептярей» в Башкирское войско население этой и остальных деревень стало фиксироваться «новобашкирцами» по сословию.

В д. **Устюмово** (в источнике «Устимово»; ныне Бакалинского района РБ) в 1762 г. отмечены ясачные татары Иштуган Ишкинин (69; его сыновья Зюлюш и Забир Ишеевы), Ишкват Ишметев (2), Муллакай Иштуганов (44; сыновья Имангул и Султангул, Маметкул и Медияр), Ижбулда Ишкинин (56; сыновья Бекмен, Юзей и Усман, сын последнего Сююндюк), Азнакай Курмилин (51; сын Салих), Биган Мюстюкеев (17), Айдакай Курмилин (36; сын Абдулгази), Тякей Янгильдин (51; сын Чапай), Жюмай Иргильдин (39), Кулдавлет Маметев (46; сын Ямасалих и Мусагит), братья Урманчи (51; сыновья Ишмурат и Ишкват) и Рамгул (46; сын Балта) Ишелеевы, мулла Шарип Черюбаев (46; сын мулла Ибрагим), Салим Биметев (46; сыновья Бектеир и Исламкул). Про Салима сказано, что «жительство имеет в своей в деревне Токмак Карановой по реке Ику» [13, л. 452-453]. К 1782 г. устюмовцы (29 душ муж. и 20 душ жен. пола) будут показаны в тептярском сословии, а в 1795 г. численность татар тептярского сословия составит 62 человека [9, л. 241-243]. В 1795 г. здесь же учтены 28 душ муж. и 36 душ жен. пола крепостных крестьян «лейб гвардии конного полку вице вахмистра Петра Осипова сына Тевкелева» [8, л. 108 об.].

В д. **Нижние Ташлы** (ныне село Шаранского района РБ) в 1762 г. зафиксированы ясачные татары Енаберды Самилев (41 год; сыновья Чаки, Баки, Шафи, Гайсар, Басян, Араслан), братья Муслюм (34; сын Мустафа, 15), Адиль (25; сын Мряс), Абдюкея (21) и Юзея (20) Усеино-

вы, братья Баиш (51; сыновья Баис, Нияз, Зяли и Абдулкарим), Юлуш (46; у него племянники Минлигул Игиметев, Мазит и Абдулмен) и Юлмет (41; сын Чапай) Самилевы, Кадырмет Тимофеев (68; сыновья Сагит, Юзей, Санжап, Мякей, Субханкул), Ахмер Калмаев (35; сын Якуп, пасынок Ягафер; выборной), братья Темирбулат (46; сыновья Темкей, Иликей, Бикбатыр, Ишмухаммет, Ярмухаммет) и Балтай (41) Сармантаевы, братья Псенчи (59; сын Юлдаш) и Уракчи (51; сыновья Янаберда и Юлуш) Булагаевы, Явгильде Ишменев (36; у него племянник Мурсалим Давлетбаев; староста), Аднагул Бакин (36), Имангул Гаранкин (36), Аиткул Урускулов (20), Токтамыш Утямышев (27), Урускул Ишменев (41; сын Юзюкей), братья Кадырмет (69; сын Заит и внук Масегут) и Баймулла (61; сыновья Нуруш, Бердыгул, Рамгул, Минлегул, Утягул) Баймурзины, Баислан (42; сын Башир) и Араслан (28 лет) Аймановы, Баки (17) и Якуп (10) Курманаевы, всего 68, а с учетом пропущенных Кучюка Биккинина и Бектемира Байдыбаева – 70 душ муж. пола [13, л. 454-456]. К 1782 г. нижнеташлинцы (49 душ муж. и 49 душ жен. пола) будут показаны в тептярском сословии, а в 1795 г. их численность составит 111 человек [9, л. 243-247 об.].

Составители «БЭ» утверждают, что Нижние Ташлы «основана тептярями между 1762 и 1783 по дог. о припуске на вотчинных землях башкир Киргизской вол. Казанской дороги» [12]. Как можно заметить, она возникла до 1747 г. Итоги переписи 2002 г. по этой деревне не отражают реальную национальность жителей.

В д. **Верхние Ташлы** (ныне село Шаранского района РБ) в 1762 г. учтены ясачные татары Девлекей Гаврилов (51 год; сыновья Девлетбай и Аднаш), Бикбов Биккулов (17), Тойняш Тутаяев (49; у него пасынок Исенбай Дускеев), братья Санча (51) и Курмаш (49; сын Минлиш) Иртугановы, братья Миряс (41; сын Мансур) и Минли (36; сын Рахманкул) Телдияровы, Танчура Мамысев (59), у него братья Чурагул Иманаев (34), Салтанай (41; сыновья Амин, Солтангул, Мирзагул, Сибгангул, Аллагул), братья Бикташ (22) и Абдюш (9) Кебеевы, Ермяк (56; сын Яки) и Якуп (34) Янгурчиевы, всего 26 душ муж. пола [13, л. 456]. К 1782 г. верхнеташлинцы (30 душ муж. и 20 душ жен. пола) будут показаны в тептярском сословии, а в 1795 г. их численность составит 58 человек [9, л. 248-249 об.]. Обратив внимание на Аднакая Курменеева в сведениях 1795 г., мы полагаем, что это тот самый Азнакай Курмилин, записанный в 1762 г. в д. Устюмово. Кроме него, обнаружили Аднагула Акметева, известного по списку 1762 г. д. Килькабызово. Поэтому есть основание полагать, что эти две семьи переселились из названных деревень до 1782 г. Аднакай (Азнакай) женился на Салихе Юсуповой (58), дочери ясачного татарина из д. Курсапи Смаково «Арской округи» Казанского наместничества [9, л. 249]. Это указывает на территорию его происхождения (к слову, эта деревня упоминается и в сведениях 1795 г. по д. Зириклы).

В «БЭ» написано, что с. Верхние Ташлы «основано на вотчинных землях башкир Киргизской вол. Казанской дороги по дог. 1782 о припуске, предполож., татарами и безземельными башкирами, перешедшими впоследствии в сословие тептярей» [3]. Как мы видели из переписей 1762 и 1795 гг., предками нижнеташлинцев были ясачные татары, перешедшие в тептярское сословие. Рассуждения о якобы безземельных башкирах имеют дезинформационную направленность; ими пронизаны ряд книг А.З. Асфандиярова и других башкирских авторов. Как правило, подобные рассуждения не имеют доказательной базы. Любой переход фиксируется в материалах переписи населения и нетрудно доказать ложность подобных рассуждений. Что касается о 1782 г. как даты основания с. Нижние Ташлы, эта информация также не достоверна, поскольку деревня возникла до 1747 г. Итоги переписи 2002 г. по этой деревне не отражают реальную национальность жителей.

В д. **Янтемирово** в 1762 г. отмечены ясачные татары братья Алдар (51; сыновья Ермяк и Халил, пасынок Кунакбай Илтабанов, сын последнего Юлдаш), сотник Айдар (47; сыновья Бикбатыр, Минлигул, Утегул) и Танчура (24) Янтемировы, Айбаш Сюяшев (58; сыновья Тимеркей и Ишей), «у него брат» Иштерьяк Танатаров (29), Бекчура Улукманов (41), Имангул Исмаилов (46), Ванка Иванов (59; «у него живет Бикбов Тоишев»). «По прежней переписи написаны»: Сарманай Янбактин (66; «него пасынки» Касым и Каспулат Беккинины), братья Ямангул (19), Имангул (11) и Аднагул (6) Сабангуловы, Мазай Тупеев (29; сын Минлигул), Ишмухаммет Куранаев (18), Иманай Янбактеев (74; сыновья Абдусалим, Абдулкарим и Абдулзелли), Биккиня Касаев (26) и его родственник Бектемир Курманаев (20) [13, л. 457-458]. Названный здесь Алдар Янтемиров является сыном основателя деревни; он родился около 1711 г., поэтому есть основания полагать, что деревня была основана не позднее первой четверти XVIII в. К 1782 г. янтемировцы (42 душ муж. и 40 душ жен. пола) будут показаны в тептярском сословии, в 1795 г. их общая численность составит 110 человек [9, л. 231-234 об.].

В д. **Зириклы** (ныне село Шаранского района РБ) в 1762 г. учтены ясачные татары Килмет Килметев (49 лет; сын Абдулзелли), Аблей Абдуллин (44; сыновья Абызай, Абдусалам, Абдрашит), Мамедели Иштерьяков (58; сын Ягафер), Якуп Хамзин (26), Камей Аминев (51; сыновья Мавлют, Габит, Забир, Габидулла), Кулчюбай Мурзабаев (34; сын Мазит), Садыман Тимашкин (57), его племянник Чяричи Ишкильдин (25; сыновья Райман и Рахманкул), Сафар Юсупов (38), Муслюм Михайлов (58; сыновья Исай, Усеин, Зюбеир), Аднагол Муслюмов (33; сын Назар), Утеган Дусметев (26; «у него пасынок» Абулхаир Алмяшев), Абдулкарим Алмяшев («полугоду»), Ишмурат Калметев (12), «брат ево меньшей» Юлдаш Игиметев (9). «Той же деревни Зериклиной»: братья Салих (19), Гафан (17), Габбяс

(11) и Местери (9) Гусмановы, Искак Кучюмов (26), всего 37 душ муж. пола. Позже составили отдельный список пропущенных, куда включили братьев Умера (44), Бакира (21), Усмана (20), Якупа (20), Галия (16) и Якыя (10) Кутлуметевых; с учетом их ясачных татар в д. Зириклы стало 43 души муж. пола [13, л. 459-460]. К 1782 г. они будут записаны в тептярском сословии. Кроме них, в 1762 г. были учтены ясачные татары-новопоселенцы; их сословие не изменится.

В д. **Зайтово** (ныне с. Нижнезайтово Шаранского района РБ) в 1762 г. учтены ясачные татары Ижбулда (36; сыновья Абдал и Мавлюш), Мансур (24; сыновья Абдулгагап и Амирхан) и Абзан (28) Юлметевы, Кускилде Сюрмекеев (57), Абдулрахим Ярмяков (21), Билял (19), Гилял (10), Фазил (8) Салиховы, Хамзя Ермяков (61; сыновья Тазитдин, Бурх[ани]ддин и Халил, сыновья последнего Вялит и Халит), Мустафа Утеев (34; сын Мустаким, «у него же оставшие после родного брата дети» Яхья и Айса Усмановы), Уразай Байметов (36; сын Утягул), всего 24 души муж. пола [13, л. 461-462]. К 1782 г. их записали в тептярском сословии. Кроме них, в 1762 г. были учтены еще ясачные татары-новопоселенцы (о них речь пойдет позже), сословие их не изменится.

Последней деревней ясачных татар команды Аднагула Сюлюкова зафиксирована **Бетки** (в источнике «Битиково»). В 1762 г. здесь были отмечены братья Муса (76 лет; сыновья Ахмер и Абдулла) и Танатар (44; сыновья Абдулкарим и Абдрешит) Дусаевы, всего 6 душ муж. пола [13, л. 462].

Итак, ясачные татары команды Аднагула Сюлюкова жили в 15-ти деревнях. По другим источникам известно, что, кроме них, значительную их часть населяли татары-вотчинники, географически именованные «башкирцами». К 1782 г. ясачные татары оформились в тептярском сословии. Разносословное население рассматриваемой Киргизской волости входило в единое татарское этнокультурное пространство, охватывающее огромную территорию современной Российской Федерации.

Однако рассматриваемая численность ясачных татар команды Аднагула Сюлюкова нуждается в частичной корректировке. Известно, что в 1762 г. вотчинники д. Чекан-Тамаково дали «договорное письмо того же Уфимского уезда Казанской дороги команды старшины Аднагула Сюлюкова жительствовавшим во оной деревни Чекан Тамаковой татарам Ишбулде, Мансуру и Абзану Юлметевым, Кучкилдию Сюрмакаеву, Габдрахману Суюшеву, всего пяти дворам в том, что вновь еще припустили их на жалованную землю от государя императора предкам нашим, где также по прежнему они должны иметь жительство и пользоваться всеми угодьями, пашню пахать, сенокосными лугами называемыми Зарыкбаш и Аркалыкуль должны они пользоваться свободно, хмель щипать для себя сколько потребно будет, рыбу ловить и по мало-

сти продавать, а естли зверей поймают, именно лисиц, куниц, выдр и бобров или найдут дубленицы с пчелами, то с нами башкирцами делить попалам» [11, л. 65-66].

Наследники вышеназванных татар, оказавшись в теплярском сословию, 8 января 1842 г. сообщили стряпчому

по делам башкирцев и мещеряков Сокурову, что проживают в д. Чекен-Тамаково и владеют землею по нигде не засвидетельствованному договору 1762 г. «и по ревизиям же состоим показанными в деревне Заитовой, отстоящей от пашен в одной версте». В 1834 г. их было 11 душ муж. пола [11, л. 63-63 об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. 744 с.
2. Асфандияров А.З. Камаево, село в Бакалинском р-не Старокуручевский с/с. // Региональный интерактивный энциклопедический портал «Башкортостан». URL: <https://bashenc.online/ru/articles/87688/> [дата обращения – 08.01.2024 г.]
3. Верхние Ташлы, село в Шаранском р-не // Региональный интерактивный энциклопедический портал «Башкортостан». URL: <http://bashenc.online/ru/articles/83634/> [дата обращения – 08.01.2024 г.]
4. История башкирских родов. Кыргыз. Том 10. Уфа, 2015. 808 с.
5. Иштеряково, деревня в Илишевском районе // Региональный интерактивный энциклопедический портал «Башкортостан». URL: <http://bashenc.online/ru/articles/85938/>. [дата обращения – 08.01.2024 г.]
6. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975. 496 с.
7. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-138. Оп. 2. Д. 32. Л. 125 об.-130 об.
8. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 33.
9. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 34.
10. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 35.
11. НА РБ. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 18.
12. Нижние Ташлы, село в Шаранском р-не // Региональный интерактивный энциклопедический портал «Башкортостан». URL: <http://bashenc.online/ru/articles/88350/> [дата обращения – 08.01.2024 г.]
13. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 440.
14. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722-1782 гг.): справочное издание. 2 изд., испр. и доп. / Отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань, 2021. 240 с.

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯРМЕКЕЙ СУЮНДУКОВ – ОСНОВАТЕЛЬ ДЕРЕВНИ ЕРМЕКЕЕВО КЫР-ЕЛАНСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ВОЛОСТИ УФИМСКОГО УЕЗДА

Каримов Тагир Тимергазимович

К. и. н., старший научный сотрудник, Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)
tkarimov@bk.ru

YARMEKEY SUYUNDUKOV – FOUNDER OF THE VILLAGE OF ERMEKEEVO KYR- ELAN LAND VOLOST OF THE UFA UYEZD

T. Karimov

Summary: The article examines the question of the founder of the village of Ermekeevo (now the regional center of the Ermekeevsky region of the RB). The village bears the name of the yasak tatar Yarmekey Suyundukov from the village of Kamaevo, Kyrgyz land volost, who settled here under an agreement with the Kyrilans in 1742. However, Yarmekey continued to be listed in the census in the village of Kamaevo (now Bakalinsky region of the RB), only since 1811 his descendants began to register at their place of residence in the village of Ermekeyevo. With the consent of Yarmekey, tatars from several places settled in his village, including from the village of Shalchili, Nadyrov volost. The descendants of the latter are recorded in the village of Ermekeyevo, Bugulminsky district, which first appears as part of the Belebeevsky district only in 1834. They and the descendants of Yarmekey are recorded together in the 1859 revision list of the village of Ermekeyevo, Belebeevsky district. Before this, a descendant of a native of the village of Shalchili (now the village of Nizhnie Chershily, Leninogorsk region of the RT) moved from there to the village of Bayryaka as an appointed (decree) mullah; he turned out to be the paternal ancestor of the composer Sofia Gubaidullina.

Keywords: Ermekeyevo, Kamaevo, Kyrgyz land volost, Kyr-elan land volost, Sofia Gubaidullina.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об основателе д. Ермекеево (ныне райцентр Ермекеевского района РБ). Деревня носит имя ясачного татара Яркекея Суюндукова из д. Камаево Киргизской поземельной волости, поселившегося здесь по договору с кыр-еланцами в 1742 г. Однако Яркекей продолжал числиться в переписях в д. Камаево (ныне Бакалинского района РБ), только с 1811 г. его потомки стали записываться по месту жительства в д. Ермекеево. С согласия Яркекея в его деревне поселились татары из нескольких мест, в том числе из д. Шалчили Надыровской волости. Потомки последних записаны в д. Ермекеево Бугульминского уезда, которая впервые появляется в составе Белебеевского уезда лишь в 1834 г. Они и потомки Яркекея записаны вместе в ревизском списке 1859 г. д. Ермекеево Белебеевского уезда. Перед этим потомок уроженца д. Шалчили (ныне с. Нижние Чершилы Лениногорского района РТ) перебрался оттуда в д. Байряка назначенным (указным) муллой; он оказался предком по отцовской линии композитора Софии Губайдуллиной.

Ключевые слова: Ермекеево, Камаево, Киргизская поземельная волость, Кыр-Еланская поземельная волость, София Губайдуллина.

Вопрос о возникновении и развитии д. Ермекеево ранее затрагивался в нескольких трудах. Из них отметим две, где рассматривался вопрос о возможном основателе деревни. Ниже приводим цитату из книги А.З. Асфандиярова.

«Название д. Ермекеево связано с именем ясачного татара из д. Камаево Ермекея Суюндукова, припущенного с другими пятью татарами на кыр-еланскую вотчину в д. Абдулкаримово («Писмян тож»). За припуск платили половину ясака башкир-вотчинников. Затем Ермекей обосновался отдельно, и это поселение стало известно под названием Ермекеево. Сюда башкиры-кыр-еланцы припустили в 1747 г. ясачного татара Аймаана Алмачаева и в 1759 г. — муллу Мустакима Заитова «для жительства общи с Ермекеем и с его согласия». В 1749 г. среди жителей появились башкиры во главе с Яманса-

ром Якуповым, которые 4 августа получили разрешение «переехать на свою жалованную землю при р. Ря». По договорной записи башкир от 28 марта 1764 г. ясачный татарин Уразай Бикметов стал припущенником-тептярем. Тептярь Султе Сеитов с 7 дворами обосновался здесь по договору от 3 февраля 1791 г. с условием уплаты ежегодно оброка по 10 коп. с двора. По приемному письму ермекеевцев от 2 апреля 1812 г. был принят сотник Тулбай Тураев. Половина государственных крестьян (татары) была переведена сюда из д. Исламбахтино. В восстании Е. И. Пугачева участвовало 26 ясачных татар. ... В Ермекеево в 1859 г. проживало 23 башкира, 26 татар, 329 тептярей, 2 мишаря м. п.» [1, с. 227].

Часть этих сведений нуждается в исправлении, какие именно, об этом мы сообщим при рассмотрении других сведений. Здесь лишь отметим, что на протяжении всей

книги этот автор выдает количество душ ясачных татар в 1764 г. во всех деревнях за число участников восстания Е.И. Пугачева.

Есть и другая точка зрения, которая отражена в следующей цитате. «*V ревизия 1795 года называет деревню Ермяковой, VII — Ермековой. Ермекеево было основано припущенниками из тептярей и ясачных татар. По договору с башкирами деревни Абдулкаримово Кыр-Еланской волости от 9 марта 1742 года были припущены ясачные татары во главе с Адилем Кильмекковым, которые поселились 6 дворами «из платежа в казну ясака ежегодно по 10 куниц». Предполагается, что название села связано с именем тептяря-татарина Ермека Бейкашева, который в 1752 г. оставил своё поселение и был принят «в родственники к общему владению землёю» башкиром с. Рятамак Муртазой Кульчубаевым. В 1749 году здесь поселились башкиры-припущенники» [4].*

Таким образом, в первой цитате основателем деревни называется Ермекей Суюндуков из д. Кимаево (?), а во второй – предположительно Ермек Бейкашев. Помимо отсутствия единой точки зрения, отметим, что вопрос возникновения села досконально не изучен. Его пришлось изучать на основании множества различных источников, в первую очередь ревизских документов, раскрывающих интересные подробности об участниках заселения села.

В первой цитате не называется дата припуска Ермекея Суюндукова, эта дата (9 марта 1742 года) называется в вики-справочнике со ссылкой на краеведческий труд по истории Ермекеевского района [5]. Поэтому анализ источников с целью выявления имени основателя деревни начнем с документа 1742 г.

По договору от 9 марта 1742 г. кыр-еланцы старшина Москов (в источнике «Козгян») Девлеткулов из д. Тойняшево (ныне с. Тайняшево Чекамгушевского района РБ), Зыян Кузыев из д. Кузыево «со общаго той волости мирскаго совету деревни Япаровой Утегана да Аканая Такаевых, Юлуша Япракова, Сююндюка Сагындыкова, деревни Кузы Тимиека Кузыева, деревни Тименяковой Девлета, Бектыша Тименяковых с товарищи» припустили ясачных татар Адилу Килмякова, Абдулкарима Курманаева, Муслиму Апасева, Бекбова Акметева (из д. Тименяково), Ермекея Суююндюкова (д. Кимаево), Сюлеймана Уразметева (д. Енабердино) «з детьми з братьями и племянниками...на вотчинную свою землю для поселения шести дворами» [7, л. 308-310]. Договор примечателен тем, что перечисляются вотчинные земли данных кыр-еланцев с указанием и границ и говорится, что «припустили их же Адилу и Муслиму с товарищи на **третью вотчинную землю** (выделено нами. – Т. К.) для владения с нами ж во обще со всякими угоди, как и вышепоказанной, которая имеется, по межам

а именно от перевозу Ногаева вверх по речке Ря до вершины по обе стороны и с малыми речками, которые пали в тое речку, и до вершин тех малых речек. ...А с тех вышеписанных трех вотчинных земель им Адилу и Муслиму с товарищи заплатить в казну доимачнаго ясаку за прошлые годы за семь лет по десяти куниц на год обще с припущенниками Казанской дороги Байлярской волости деревни Тойчиной з башкирцами Исекеем Сапеевым и продчими башкирцами и другими иноверцами, которых припустили тое ж нашей Кыр Иланской волости деревни Епакровой (Япраковой. – Т. К.) башкирцы Утеган да Акана Токановы с товарищи, а с нынешнего 1742 года с помянутых вотчинных земель платить им Адилу и Муслиму с товарищи в помощь Асанну с показанными ж прежними припущенниками Исекеем Сапеевым с товарищи по десяти куниц на год по вся годы без доимки. ...Сия запись в Уфимской провинциальной канцелярии у крепостных дел в книгу записана марта девятого дня тысяча семьсот четыре десять второго (1742. – Т. К.) году» [7, л. 310-310 об.].

Впоследствии жители д. Ермекеево в числе основных земельных документов первым назвали договор от 9 марта 1742 года [7, л. 318 об.]. Этот же договор являлся основным документом жителей д. Абдулкаримово («Писмян тож») [7, л. 707] (ныне Ермекеевского района РБ). Возможно, по этой причине А.З. Асфандияров утверждает, что Ермекей сперва жил в д. Абдулкаримово, а «затем... обосновался отдельно, и это поселение стало известно под названием Ермекеево». Комментируя договор от 9 марта 1742 г., он со свойственной ему тенденциозностью искажает его смысл, совершенно не заботясь о своей репутации историка. «По договорной записи башкир Кыр-Еланской волости от 9 марта 1742 г. ими были приняты башкиры, мишари, тептяри и ясачные татары в количестве 6 дворов с условием уплаты вотчинникам по 10 куниц в год» [1, с. 222], – пишет А.З. Асфандияров, хотя в тексте самого договора речь идет только о ясачных татарах, припущенных «для поселения шести дворами».

Поскольку в договоре от 9 марта 1742 года указано имя ясачного татарина Ермекея Суюндукова из д. Кимаево, есть основания полагать, что именно он имел отношение к названию основанной по этому договору деревни. Однако для этого нужно найти этого татарина в переписях по д. Ермекеево, и уточнить название его прежней деревни, так как оно неточное (Кимаево в переписях нет).

Мы еще вернемся к Ермекею Суюндукову и его бывшей деревне, но сначала обратим внимание на другие соглашения жителей д. Ермекеево. Для удобства рассмотрим их в хронологическом порядке.

По договору от 10 октября 1759 г. с вотчинниками Кыр-Еланской волости мулла Мустахим Заитов и его родственники (из д. Нуркеево) команды старшины Сулей-

мана Суюндукова («Суюндукова») Байлярской волости перешли в д. Еркеево на устье речки Ря. *«Поселиться им домами ниже устья речки Ря в деревне Еркеево, на что и жительствующий во оной Еркекей согласен»*. Договор содержит родовые тамги старшины Москова Девлеткулова (в виде буквы «Х»), Илчикея Урметева, Абзелила Байчурина («Бейчюрин») и Ижберды. Свидетелями были и свои тамги приложили Байгилда Байсарин, Шаккай Иманов и другие [7, л. 326-326 об.].

Из этого договора четко видно, что к 1759 г. д. Еркеево существовала и припуск новых жителей изменил ее сословную структуру: к ясачным татарам добавились татары башкирского сословия. В этом случае требовалось согласие первопоселенца Еркекея, которое он дал.

По договору от 10 декабря 1759 г. вотчинники Зиян Кузыев, Суюндук Сагындыков (из д. Япрыково) Кыр-Еланской волости припустили ясачного татарина Мустакима Зайтова и его родных братьев из д. Нуркеево Байлярской волости «в деревню Еркеево для общаго с ним Еркекеем жительства» [7, л. 327].

Из этого договора видно, что ясачные татары из той же д. Нуркеево перешли в д. Еркеево. Первая деревня образовалась по договору с башкирцами Кыр-Еланской волости в 1742 г. из числа переселенцев Казанской дороги, среди которых преобладали байлярцы.

По договорной записи от 28 марта 1764 г. вотчинник команды Москова Девлеткулова Зиланской волости д. Балаково Ахмер Юртбагишев припустил ясачного татарина команды Аднагула Сюлюкова Киргизской волости Уразая Бикметева с братьями (из д. Токтагулово). *«Имея у себя довольную, а затем праздную землю, называемую Ря, на свой повыток припустил я Ахмер с братьями ж також и в отдельную той же нашей Иланской волости ... в вотчину по речке Ря и Сулле левом ... за которое припущение взял я Ахмер з братьями у него Уразая з братьями денег восемь рублей»*, – сообщается в документе [7, л. 318-323].

Этот же документ ввел в научный оборот другой автор. *«По договорной записи от 1 апреля 1764 г. башкир д. Балаково Еланской волости Казанской дороги Ахмер Юртбагишев, имея у себя довольную, а за тем празно лежащую землю, называему Ря, на свой повыток припустил» татарина из д. Токтагулово Уразая Бикметева с братьями»* [1, с. 394], – пишет он. Как видим, автор неправильно сообщил дату и не указал, к какой волости относится д. Токтагулово. Кроме того, можно было сообщить, что этот татарин жил в д. Еркеево, а не по месту припуска (д. Балаково).

Этот договор еще раз демонстрирует, что состав жите-

лей д. Еркеево постоянно увеличивался за счет новых поселенцев, преимущественно из ясачных татар. Кыр-Еланская волость названа здесь Зиланской, а значит, могла бы называться Кыр-Зиланской. В этом источнике мы также обращаем внимание на то, что вотчинник Ахмер Юртбагишев имел свой участок земли («повыток») в пределах волости и лично распоряжался им.

III ревизией (1762 г.) впервые зафиксирована «Новопоселенная деревня Еркеево, что на речке Ря, коя впа-ла в Ик реку» с ясачными татарами, перешедшими из д. Шалчили, что на речке Куваке (ныне с. Нижние Чершилы Лениногорского района РТ). Это были Юлдаш Сюнчалин, Ишкуват и Ишмухаммет Баишевы, Сялкей Сеитов, Масыгут Айбулатов и другие, всего 18 душ муж. пола. К документу сотник Беккия Нюрюмов и старшина Килмекей Юртаев «тамгу свои приложили» [14, л. 1372-1374].

Кроме того, о переходе их в д. Еркеево сообщается в самой сказке 1762 г. д. Шалчили, что на речке Куваке. Перешедшими показаны Масыгут Айбулатов, его сыновья Суюндюк, Ахмер и другие жители деревни [14, л. 1307-1310].

Как видим, отмеченных ранее в договорах ясачных татар в этом списке нет, поэтому его нельзя считать полным. Их нет и не могло быть в другой одноименной деревне под названием «Еркеево, что на речке Нугуш» [14, л. 511-513] (ее 26 ясачных татар были выданы А.З. Асфандияровым за участников Пугачевского восстания из д. Еркеево). Более того, ясачных татар из списка 1762 г., ранее называвшихся переселившимися в д. Еркеево, будет обнаружено в переписи 1795 г. д. Ермакаево «Бугульминской округи». Они (Уразай и Юлдаш Сюнчалины и другие; всего 27 и 25), записанные в тептярское сословие, состояли в команде Ишмрата Ишбулдина. Жены некоторых были из дд. Абдулкаримово, Ретамаково, Тураево, Сулли [8, л. 107-110].

Ревизская сказка 1795 г. впервые в д. Еркеево зафиксировала следующих татар тептярского сословия: 1) Абдрахман Дусеев (1735-1785; дети Абдулкарим (его Салават), Абдулгагап, Минлигул); 2) Араслан Усманов (1723-1792; дети Муртаза (умер в 1787 г.), Хасан, Хусейн, Сафьян, Тимербулат), его внук Абдрафик (3; сын Муратши Муртазина); 3) Мавлют Мукаев (29), всего 11 душ муж. и 5 душ жен. пола (в 1782 г. было 16 и 11 соответственно) [9, л. 765-765 об.]. У Абдулкарима жена Амиля Амирова (28) была дочерью башкирца д. Тураево. Из этой деревни Максют Зайтов (54 года в 1782 г.) и Мустай Зайтов (49) показаны как переселившиеся в 1791 г. в д. Чигалды Бугурусланской округи. Однако это переселение не состоялось, по сведениям 1811 г. они по-прежнему продолжали жить в д. Еркеево.

Как видим, в этом документе по-прежнему нет потом-

ков ясачных татар, отмеченных ранее в договорах. Их можно встретить лишь в ревизской сказке 1811 г., список которой мы приводим ниже.

Кроме зафиксированной в 1795 группы «тептярей» (в 1811 г. их стало 12 душ муж. пола), в д. Ермекеево в 1811 г. показана следующая большая группа татар этого сословия («сверх тептяри ж»): 1) Урмакай (52; дети Сеитбаттал, Сеитбурхан, Бурханитдин, Сагитдин), Урманай (? 50; дети Кагарман (его Габидулла), Мухамметкарим, Габдулла, Губейдулла), Сатый (44; дети Тимербай, Шамсутди, Сейфутдин), Сапер (умер в 1801 г.; сын Мухаметша), Сеитягофер (33; дети Сейфулла, Хуснутдин) Уразаевы; 2) Аббяс Бикметев (69; дети Абдулбашир (его Абдулзяппар), Абдулзелил, Абдуллатиф (его Абдухалик, Гапсалих, Габдулхалим, Габдрахман)); 3) Солтанбек (умер в 1809 г.; сын Юлбарыс) и Солтан (64; дети Тимербулат, Арасланбек) Уразаевы; 4) Уразгильда (69; дети Ирناзар, Назаргул, Смагил, Ислангул, Искан) и Минлигул (51; сын Гаир) Ермяковы; 5) Ниязгул Суяргулов (умер в 1808 г.; дети Алнагул, Солтангул, Исламгул, Девлеткул); 6) Айман (умер в 1799 г.; дети Илчигул (его Кутлузаман, Кутлугаллям, Абдулгаллям, Абдулхалим), Рамазан, Нигьматулла, Хабибулла), Амак (умер в 1798; дети Рахметулла, Ибрагим) Алмекеевы; 7) Масегут (умер в 1799 г.; дети Абдуллатиф, Абдулмазит, Абдулвагап, Абдулхалик) и Мустахим (умер в 1811 г.; его сын Мунасып (его Гадилша, Валиша, Габдулфарис)) Заитовы, всего 59 душ муж. пола. «а всего всех и с прежними» 71 душа муж. пола [10, л. 457-458 об.]. «Тептяри» № 1-2 ранее числились в д. Токтагулово по IV и V ревизии, 3-5 – в д. Камаево, 6 – в д. Девеево, хотя продолжали жить в д. Ермекеево все время, но входили в состав команды Абдюса Мурсалимова Киргизской поземельной волости.

Сведения из ревизской сказки 1811 г. позволяют заключить, что значительная часть татар тептярского сословия д. Ермекеево происходила из дд. Токтагулово и Камаево Киргизской поземельной волости. По имени уроженца последней деревни Ярмекея Суюндукова деревня стала называться Ермекеево. Ревизская сказка 1762 г. д. Камаево показывает, что у Ярмекея (ему 61 год) были сыновья Уразай, Уразгилде, Суяркул и Минлигул [14, л. 443-444].

По данным 1816 г., 79 душ муж. пола «тептярей» д. Ермекеево относились к Белебеевскому уезду, а 20 душ муж. пола – к Бугульминскому уезду. Деревня входила в число «особых» деревень как «припущенные Киргиланской и Байлярской волостей башкирцами» [6, л. 571]. Только по переписи 1834 г. «тептяри» Бугульминского уезда будут показаны в д. Ермекеево Белебеевского уезда. О них сказано: «состоящих жительством Оренбургской губернии Белебеевского узда в деревне Ермекеевой, считающих ведомством оной же губернии Бугульминского уезда по той же деревне Ермекеевой». В списке показаны Хам-

зя Ишкуватов (1757-1828; сын Зямалетдин), Губейдулла Ибрагимов (47; сын Габдулгали), Яхья Юлдашев (1762-1824; сын Хисметулла (его Хисамутдин)) и другие, всего 15 душ муж. и 26 душ жен. пола [12, л. 428-47].

В 1859 г. в д. Ермекеево татар тептярского сословия насчитывалось 327 душ муж. и 345 душ жен. пола. К мещерякскому сословию относилась семья Габдулвалия Ишкузина (2 душ муж. и 3 души жен. пола), переселившаяся из д. Чукадытамаково по предписанию командующего Башкирским войском от 16 сентября 1858 года. Общая численность татар обоих сословий составляла 329 душ муж. и 348 душ жен. пола [13, л. 690-724]. С момента вступления в Башкирское войско (1855 г.) их сословие изменилось: они стали «башкирцами из тептярей» и «башкирцами из мещеряков» (семья Габдулвалия Ишкузина). До этого в Кыр-Еланской поземельной волости «башкирцами» по географическому признаку называли только татар-вотчинников.

В ревизском списке под 16-20 номерами записаны Тимирбулатовы, Уразгильдины, Ирнараровы, Минлигуловы – потомки Ермекея Суюндукова из д. Камаево Киргизской поземельной волости.

Под 31-36 номерами в списке показаны потомки тех, кто был зафиксирован в 1762 г. в д. «Новопоселенная деревня Ермекеево, что на речке Ря, коя впала в Ик реку». Однако семья Зямалетдина Хамзина перешла в д. Тураево, а указного имама Габдулгалия Губайдуллина (сын Мурзагит, братья Ахметгарей и Абдулвали) – в д. Байряка. У Габдулгалия родился сын Масгуд (11 октября 1874 год); последний в 1902 г., после смерти отца, станет имамом д. Байряка [2]. Губайдулин Асгат Масгудович – отец композитора Софии Губайдулиной [3].

Кроме этого населения («башкирцев из тептярей и мещеряков») в д. Ермекеево жили наследники двоюродного брата Махмута Хансеварова, выходца из татарских мурз («из мурз ясачных татар»). В 1834 г., например, их было 10 душ муж. и 20 душ жен. пола [11, л. 727]. Никакого другого населения («башкирцев-вотчинников» или «башкирцев-припущенников») в д. Ермекеево никогда не было, как бы голословно ни утверждали некоторые авторы.

Итак, основателем д. Ермекеево являлся ясачный татарин Ярмекей Суюндуков из д. Камаево Киргизской поземельной волости, по имени которого деревня и получила современное название. С момента заключения договора с кыр-еланцами он жил в основанной им деревне, но продолжал числиться по месту своего рождения в д. Камаево. Продолжатели рода Ярмекея, ставшие татарами тептярского сословия, впервые были зафиксированы в д. Ермекеево лишь в 1811 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. 744 с.
2. Губайдуллин Масгуд Габдулгали улы, Самарканд / [Электронный ресурс]. – https://vk.com/wall-130649882_6638 (дата обращения: 15.12.2023).
3. Губайдуллина София Асгатовна / [Электронный ресурс]. – <http://www.famhist.ru/famhist/gub/0002667b.htm#0001e046.htm> (дата обращения: 20. 01. 2024).
4. Ермекеево/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ермекеево>(дата обращения: 15.12.2022).
5. Земля Ермекеевская...: [Сб.] / Администрация Ермекеевск. р-на Респ. Башкортостан; [Под ред. В.Я. Бабенко]. Уфа, 1999. 337 с.
6. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1755. Л. 571.
7. НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4871 б.
8. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 23.
9. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 34.
10. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 97.
11. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 506.
12. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 510.
13. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 735 б.
14. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801.

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ КИЕВСКОЙ РУСИ В РАМКАХ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Поляков Александр Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент, Оренбургский
государственный университет
polyakov150@mail.ru

FORMATION OF THE ELITE CULTURE OF KIEVAN RUS IN THE FRAMEWORK OF THE PROCESS OF FORMATION OF CIVILIZATION

A. Polyakov

Summary: The article deals with the topical issue of the formation of the elite culture of Kievan Rus as the basis of Russian civilization. The author concludes that the culture of the upper strata of ancient Russian society was formed on the basis of the Great Moravian and Bulgarian traditions under the influence of Byzantium, the nomadic East and partly the feudal West.

Keywords: civilization, elite culture, cities, monumental architecture, jewelry craft, weapons, literature, painting.

Аннотация: В статье рассматривается актуальный вопрос о формировании элитарной культуры Киевской Руси как основы русской цивилизации. Автор приходит к выводу, что культура высших слоёв древнерусского общества складывалась на основе великоморавских и болгарских традиций под влиянием Византии, кочевого Востока и частично феодального Запада.

Ключевые слова: цивилизация, элитарная культура, города, монументальное зодчество, ювелирное ремесло, вооружение, литература, живопись.

Последнее время на официальном государственном уровне стало культивироваться понятие России как самобытного государства-цивилизации. Утверждённая 31 марта 2023 года новая концепция внешней политики прямо исходит из этого определения. Россия представляется здесь в качестве «обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [1].

Понятие «Российская» или «Русская» цивилизация далеко не новое. Подобное восприятие России восходит к трудам Н.Я. Данилевского, А.Д. Тойнби, Г.В. Вернадского. В 90-е годы XX-го – начале XXI века о Русской (Российской, Восточнославянской, Евразийской) цивилизации писали О.А. Платонов, А.Я. Флиер, В.М. Хачатурян, В.А. Никонов, Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец, Д.М. Володихин, В.М. Межуев, С.В. Алексеев, М.М. Мчедлова и другие [21]. Считает Россию особой цивилизацией и президент Российской Федерации В. В. Путин. Выступая на площадке дискуссионного клуба «Валдай» в 2013 году, он отметил: «Россия — как образно говорил философ Константин Леонтьев, — всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скреплённая русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве» [2].

Особое значение в этой связи имеет проблема формирования Киевской Руси как начальной стадии развития Русской цивилизации, определившей особенности культуры и государственности России. Однако именно в данном вопросе практически отсутствуют какие-либо научные труды, опирающиеся на цивилизационный подход (за исключением трудов автора настоящего исследования). Целью данной статьи является попытка рассмотреть проблему возникновения Русской цивилизации через призму формирования элитарной культуры древнерусского общества.

На мой взгляд, цивилизация — это общество определённого типа, основанное на выделении особого слоя населения, который освобождается от производительного труда и живёт за счёт других социальных групп — рабов, арендаторов, наёмных рабочих и т.п. Появление такого слоя населения — его можно рассматривать как социальное ядро цивилизации — влечёт за собой существенные перемены в организации общества. Вместо родовых общин и племён, характерных для первобытности, возникает государство. Наряду с культурой основного населения, которая является продолжением родоплеменной культуры, складывается особая элитарная культура. Именно она становится своего рода визитной карточкой каждой конкретной цивилизации. Образ жизни элиты (социального ядра) отражается в материальных признаках цивилизации, которые можно рассматривать в качестве надёжных маркеров времени её зарождения. К таким признакам можно отнести появление городов и монументальной архитектуры, производство и рас-

пространение предметов роскоши, создание комплекса вооружения. Кроме того, культура любой цивилизации предполагает развитие письменности, литературы и высокого искусства.

Проявление этих признаков происходит постепенно, в течение всего X столетия. В связи с этим становление древнерусской цивилизации (а следовательно, и государства) необходимо рассматривать как длительный и сложный исторический процесс, обусловленный множеством факторов. Понять его можно, проследив истоки и тенденции развития высокой (элитарной) культуры в Киевской Руси [14, с. 26–76].

Города и монументальное зодчество

Новой формой поселений, отражающей процесс становления цивилизации, являются города. В Восточной Европе им предшествовал ряд торгово-ремесленных поселений (мест остановок и обслуживания заморских купцов) вдоль Волжского торгового пути и его ответвлений, а также множество восточнославянских селищ и городищ с бедной материальной культурой и хаотичной застройкой небольшими подквадратными жилищами.

Город в Киевской Руси — экономический, политический и культурный центр своей округи. Здесь концентрировалась воинская землевладельческая знать, находились представители власти и очаги высокой культуры. Все древнерусские города имели одинаковую планировку, характер застройки и общую материальную культуру. Укрепления древнерусских городов строились по всему периметру (в отличие от славянских городищ, которые укреплялись только с напольной стороны). Они состояли из рва, вала, в основе которого находились срубы, забитые камнями и землёй, и стен из дубовых брёвен с башнями на поворотах. Обычно город имел две (в крупных городах больше) системы обороны: детинец (кром, кремль) — главную, наиболее укрепленную часть и окольный град с более лёгкими оборонительными сооружениями [17, с. 14]. В основе застройки городов были дворы, окружённые частоколом. Улицы обустроивались мостовыми с помощью брёвен, расколотых пополам, уложенных плоской стороной вверх. Вдоль мостовых при необходимости прокладывались водоотводные системы в виде деревянных труб, бочек-отстойников и срубов-водосборников. Наличие дворово-уличной застройки, мостовых и водоотводных систем, более развитые укрепления — главные признаки, отличающие древнерусские города от слабо укрепленных или вовсе не укрепленных восточнославянских посёлков с беспорядочным расположением жилищ [15, с. 202–203].

Происхождение оборонительных сооружений древнерусского типа окончательно не выяснено. Первые крепостные валы с основой из деревянных клетей воз-

водятся в Киеве и его округе (Белгороде, Переяславле, Заречье, Василеве) в эпоху Владимира. К этому времени относится и период бытования технологии облицовки вала кладкой из сырцовых кирпичей [12, с. 72–73]. П.А. Раппопорт считает, что она попала на Русь из Тамани. Ю.Ю. Моргунов видит истоки древнерусских оборонительных сооружений «с лицевыми сырцовыми обкладками ... в фортификации болгаро-византийского культурного округа» [12, с. 77]. Эта связь действительно хорошо прослеживается в общей картине бурной строительной деятельности Владимира — возведении с помощью греков Десятинной церкви, кирпичных ворот нового центра Киева (города Владимира), сооружений «дворцового» типа. Однако, необходимо отметить, что византийское влияние распространялось не только на Болгарию, но и на другие страны. Крепостные сооружения, составленные из валов, в основе которых были деревянные срубы, забитые землёй, известны, например, в великоморавских градах. Для них же характерна традиция облицовывать валы камнем [1, 113–114].

Процесс становления городов в Киевской Руси (то есть приобретение ими вышеназванных признаков) растянулся на всё X столетие. Первым древнерусским городом следует считать Киев, который назван автором «Повести временных лет» «матерью городов русских». Именно здесь впервые в Восточной Европе появляется дворово-уличная застройка — на Подоле в конце IX – начале X века. Что касается первых укреплений на Старокиевской горе (центре древнерусского Киева), единой точки зрения по этому вопросу не сложилось. М.К. Каргер полагает, что они были возведены в VIII–IX веках. П.П. Толочко датирует их более раннем временем — VI–VII веками [20, с. 152]. А.В. Комар предпочитает более позднюю датировку. «Первые слабые укрепления Старокиевского городища, — отмечает он, — возникли не ранее рубежа IX–X вв. ... К середине X в. оказалось, что своё существование в качестве крепости городище не оправдывает, укрепления забросили и вал начал разрушаться ...» [7, с. 319]. Точку зрения Комара полностью разделяет К.А. Михайлов. Он пишет: «Киевские укрепления были возведены в самом конце IX – начале X в. и вскоре оказались заброшены» [11, с. 13]. Так или иначе, оборонительные сооружения, свойственные древнерусским городам, как и первые монументальные постройки возводятся в Киеве только в княжение Владимира [4, с. 19]. Однако, лидерство Киева по данному признаку остаётся — в других городах такие сооружения появляются ещё позже.

Помимо Киева, в X веке признаками города обладают ещё четыре поселения: Ладога, Новгород, Полоцк и Чернигов, которые, скорее всего, были основаны Киевом [14, с. 84–88]. В Ладоге дворово-уличная планировка появляется во второй четверти X века (920–950 гг.) вместе с древнерусской культурой [9, с. 85]. Вопрос о датировке

оборонительных сооружений здесь окончательно не решён. Отнесение каменной ладожской крепости к рубежу IX–X веков, как это делает А.Н. Кирпичников, в настоящее время подвергается критике [9, с. 90]. В Новгороде дворово-уличная застройка распространяется с 30-х годов X века. Строительство новгородского детинца, принятое в 1045 году Владимиром Ярославичем, связывается с одновременным возведением здесь Софийского собора (первого монументального сооружения города) [13, с. 6]. О строительстве детинца сообщает Новгородская Первая летопись под 1044 годом, и эта летописная статья подтверждается археологическими раскопками [13, с. 7]. «Вал 1044 г. состоял из дубовых городен, — пишет Е.Н. Носов, — поставленных в его основании и засыпанных землёй, и слоя чистой светло-коричневой глины. Городни делились на клетки дополнительными срубными стенками» [13, с. 7]. Существование более ранних оборонительных сооружений в Новгороде пока не установлено [13, с. 12]. В Полоцке детинец возводится во второй половине X века, после разрушения славянского городища, однако дворово-уличная планировка распространяется здесь только в начале XI столетия. В это же время появляются мостовые и монументальные постройки [3, с. 79]. В Чернигове ранние крепостные сооружения не сохранились. Считается, что черниговский детинец был одной из крепостей, построенных князем Владимиром в конце X столетия [6, с. 17, 18]. Рубежом X–XI века датируются и первые следы дворово-уличной застройки. Вместе с тем, дворово-уличная система становится устойчивой только в XI веке, тогда же возводятся первые монументальные сооружения (Спасский собор) [3, с. 72].

Первым древнерусским монументальным сооружением является Десятинная церковь в Киеве. Согласно «Повести временных лет», она была построена в 996 году византийскими мастерами. У Иакова Мниха приведена относительная датировка — на 4-е лето после крещения, что приходится на тот же 996 год [15, с. 107]. По данным археологических раскопок, стены храма были возведены в технике скрытого ряда из плоского кирпича-плинфы на известковом растворе. «Эта техника, как и сохранившиеся фрагменты богатого убранства здания, — отмечает П.А. Раппопорт, — свидетельствуют, что строителями были столичные византийские мастера» [16, с. 30]. Наряду с храмом греки «построили кирпичные ворота — парадный въезд на укрепленную территорию киевского «города Владимира», а также несколько дворцовых зданий» [16, с. 30], говорить об облике которых трудно из-за плохой сохранности. «Ясно лишь, что это были не жилые, а парадные помещения, — пишет П.А. Раппопорт, — тогда как жилые были деревянными и находились либо на втором этаже, либо рядом с кирпичными дворцами» [16, с. 30]. Необходимо оговориться, дворцовый характер данных сооружений признаётся не всеми [4, с. 17]. Вероятно, они предназначались для суда, приёмов послов и других публичных мероприятий кня-

зя. Завершив строительство ансамбля монументальных построек, греческие мастера вернулись в Византийскую империю. Строительство на Руси сооружений подобного рода после этого прекратилось и не возобновлялось вплоть до 30-х годов XI века [16, с. 30].

Собственное монументальное строительство началось на Руси только в XI столетии. Однако все храмы, как и Десятинная церковь, возводились по византийской крестово-купольной системе из кирпичей-плинф на известковом растворе. Первым сооружением, в котором, византийское влияние частично было переработано в национальном стиле, является Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке, основанная в середине XII века. Храм был построен в рамках той же крестово-купольной системы (он был шестистолпный с одной апсидой), но его внешнее убранство уже вышло за пределы греческих традиций. Барабан главы церкви был высоко приподнят, закомары оформлены в виде кокошников, такой же формы были сделаны бровки над окнами. Вся конструкция сооружения как бы стремилась вверх [18, с. 84–85].

Производство и распространение предметов роскоши

Формирование в середине X века первого комплекса ювелирных украшений на Руси и распространение новых технологий ювелирного ремесла (зернь, скань, тиснение) можно рассматривать как некое подобие технической революции. И комплекс украшений, и технологии появляются внезапно и сразу в более или менее совершенном виде. Древнерусский ювелирный убор периода становления цивилизации включает подвески-лунницы, серьги «волынского» типа, шаровидные пуговицы, лопастные бусы, круглые полусферические подвески. Практически все они имеют великоморавское происхождение. Наиболее вероятное объяснение этому предлагает С.С. Рябцева. По её мнению, образцы ювелирного искусства и новые технологии попали на Русь вместе с западнославянскими мастерами, переселившимися в эти места после гибели моравского государства в начале X века [19, с. 82, 96, 103–104].

После официального принятия христианства под влиянием Византийской империи ювелирный убор на Руси довольно сильно изменился. «В середине (конце) XI–XII вв. на Руси, — отмечает С.С. Рябцева, — появляется масса новых типов ювелирных украшений (трёхбусинные серьги, колты с рясами, широкие створчатые браслеты-наручи, венцы-диадемы), являвшиеся, в основном, произведениями городских ювелиров и предметом городской моды, подчас доступными только привилегированным слоям. <...> Появление предшествующего убора, на наш взгляд, объясняется приходом западнославянского населения, принёсшего с собой традиции

Подунайского ремесла, впитавшего византийские традиции. Здесь же мы имеем дело, вероятно, с непосредственным вывозом из Византии на Русь моды на эти типы украшений, отдельных изделий и мастеров, которые начинали совместно с русскими ювелирами производство некоторых из этих украшений» [19, с. 278].

Византийская мода, пришедшая на Русь после принятия христианства, привела к появлению в древнерусском высоком искусстве сюжетов и характерных для византийских украшений героев: грифонов, барсов, львов, сиринов, птиц, танцующих и пирующих людей, образов святых, девичьих ликом, а также побегов растений, крисов, геометрических узоров и плетёнки [19, с. 184, 262]. Все они стали любимыми персонажами не только для древнерусских ювелиров, но и писцов, живописцев и зодчих.

Вооружение

Возникновение в X веке различных форм и видов оружия в ареале расселения восточных славян, как и в случае с ювелирным делом, носит характер технической революции. Комплекс вооружения формируется внезапно в середине — второй половине X века и в большинстве своём не имеет местных корней. Многие средства боевого и защитного снаряжения были заимствованы. Некоторые виды наконечников копий и стрел, кольчуга и меч — на Западе. Шлем, пика, кистень и лук — на Востоке.

Вместе с тем, необходимо отметить, что западное влияние было ограниченным и не получило развития. Так называемое оружие «викингов», которое обнаруживают археологи в ходе раскопок, обычно имеет локальное распространение — север, северо-восток восточнославянского ареала. Скорее всего, это объясняется тем, что носителями его были пришлые купцы, разбойники и скандинавские наёмники. Комплекс вооружения, принесённый ими в Восточную Европу, не закрепился здесь и не стал оружием древнерусского воина. Практически все формы и типы вооружений западного типа исчезают в XI веке (скрамосаксы, ланцетовидные и некоторые другие наконечники копий). Остались только меч-каролинг и кольчуга. В конце X столетия начинается их местное производство. В середине XI века мечи каролингского типа вытесняются романскими.

Киевская Русь национализировала большей частью восточные образцы вооружения (сложносоставной лук, чекан, копьё-пика, кистень, шлем, сабля и булава), частично общеславянские (универсальный топор с оттянутым вниз лезвием и удлинённым обухом; наконечник копья с относительно широким пером), которые имели двойное назначение. Именно они получили повсеместное и массовое распространение и развитие в качестве

древнерусского комплекса вооружения [15, с. 192–196].

Литература и живопись

Первые древнерусские литературные произведения, известные нам, относятся к XI веку. «Появление русской литературы в конце X — начале XI века — «дивлению подобно». — восклицает Д.С. Лихачёв — Перед нами как бы сразу произведения литературы зрелой и совершенной, сложной и глубокой по содержанию, свидетельствующей о развитом национальном и историческом самосознании» [10, с. 17]. Обычно это связывается с богатым наследием, которое пришло на Русь вместе с христианством. Традиции греческой (античной и византийской) литературы, пришли на Русь частично из самой Империи, частично через болгаро-моравское посредство. «Богатая болгарская переводная и оригинальная литература, — пишет Д.С. Лихачёв, — перешла на Русь и здесь стала органической частью литературы русской» [10, с. 18]. Одним из первых древнерусских литературных произведений является «Слово о Законе и Благодати» Илариона, написанное в княжение Ярослава Мудрого (обычно датируется 1037–1050 годами). Отличаясь ритмичностью и лаконичностью, «Слово о Законе и Благодати» стало одним из эталонов мирового ораторского искусства [10, с. 20].

Живопись в Киевской Руси известна в виде мозаик, фресок, икон и книжных миниатюр. Как и монументальное зодчество, она имеет византийское происхождение. Из Византийской империи на Русь пришла технология всех видов живописи, пропорции человеческих фигур, система передачи пространства и времени, композиционные приёмы и правила, образы и символика. Историков искусства, как и филологов, удивляет, относительная быстрота освоения русскими живописцами канонов и высот византийской культуры [5, с. 5]. Неожиданное возникновение развитой русской живописи в XI веке «подобно дивлению» не меньше, чем литературы. С первыми образцами византийской живописной культуры Русь, по всей видимости, познакомилась в Десятинной церкви в конце X века. Однако уже в княжение Ярослава Владимировича, местные художники, по мнению многих специалистов, участвовали в оформлении главного храма Руси — киевского Софийского собора, при этом не уступая греческим наставникам. Как так получилось, убедительного ответа нет. Вероятно, дело в том, что древнерусская живопись к XI веку, как и литература, уже прошла определённый путь развития, но не на самой Руси, а в Великой Моравии и Болгарии.

Наблюдение за процессом формирования элитарной (высокой) культуры в Киевской Руси позволяет сделать следующие выводы. В середине — второй половине X века происходят довольно быстрые перемены в жизни восточных славян. В Среднем Поднепровье оседают но-

сители «цивилизованного» образа жизни, очень быстро распространяющие своё господство по всей зоне проживания восточных славян и других местных племён. Они основывают города — поселения с мощными укреплениями, дворово-уличной планировкой и сложной структурой. Складывается комплекс вооружения, впитавший в себя восточные, общеславянские и частично западные черты. На основе технологий и образцов, заимствованных из Великой Моравии, формируется парадный ювелирный убор. В 30-е – 50-е годы XI-го века начинает развиваться монументальное зодчество, литература и живопись. Определяющее воздействие на это оказывает византийская культура, под влиянием которой во второй половине XI века обновляется и комплекс ювелирных украшений.

Таким образом, элитарная (высокая) древнерусская культура на стадии становления питалась преимущественно славянскими традициями — великоморавскими и болгарскими, испытывавшими в своё время культурное влияние своих соседей — Византии, Востока и

частично Запада. В определённой мере можно говорить и о непосредственном воздействии Византии на культуру русской элиты (уже на стадии роста), а также кочевого Востока и феодального Запада. Революционность, с которой формируется элитарная культура Киевской Руси, позволяет полагать, что цивилизационный образ жизни развивался здесь на почве более ранней славянской цивилизации — Великой Моравии, а затем и дунайской Болгарии. Думать, что восточнославянское население при этом проживало «звериньскимъ образомъ» («Повести временных лет»), нет оснований. И хотя оно действительно отставало от своих южных и западных собратьев, переживших процессы становления цивилизации раньше, начиная с IX века (но особенно в X столетии) восточные славяне постепенно осваивают новые способы земледелия (трёхполье) и новый тип упряжки, позволяющей применять лошадь в качестве тягловой силы [14, с. 81–82]. Это формирует одну из главных предпосылок стабилизации и сохранения цивилизации — достижение определённого уровня производящего хозяйства, позволяющего содержать возникшую элиту общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова, Д. Развитие форм поселений в Великой Моравии // Великая Моравия, её историческое и культурное значение / отв. ред. Г.Э. Санчук, Й. Поулик. М.: Наука, 1985. С. 108–125.
2. Выступление Владимира Путина на заседании клуба "Валдай" [Электронный ресурс] // Российская газета М., 2014. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>
3. Древняя Русь. Город, замок, село / отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985. 431 с.
4. Ёлшин Д.Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты: автореф. дис. к.и.н.: 07.00.06. / Ёлшин Денис Дмитриевич. СПб., 2008. 22 с.
5. Живопись домонгольской Руси / Автор-составитель О.А. Корина. М.: Советский художник, 1974. 128 с.
6. Коваленко В.П. К исторической топографии черниговского детинца // Проблемы археологии Южной Руси: Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» Чернигов, 26–28 сентября 1988 г. Киев: Наукова думка, 1990. С. 15–23.
7. Комар А.В. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 300–333.
8. Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.: Электронный ресурс // Министерство иностранных дел Российской Федерации: сайт. Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>. 05.08.2023.
9. Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья: сб. науч. ст.; отв. ред. А. В. Виноградов. СПб., 2008. С. 69–94.
10. Лихачёв Д.С. Величие древней литературы // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 7–24.
11. Михайлов К.А. Сравнительная топография первых древнерусских городов IX–X вв. (к юбилею одной статьи) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сб. матер. Международ. науч. конференц.; отв. ред. С.Д. Захаров. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 5–20.
12. Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.
13. Носов Е.Н. Новгородский детинец и городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // Новгородский исторический сборник. Вып. 5 (15). СПб.: «Дмитрий Буланин», 1995. С. 5–17.
14. Поляков А.Н. Киевская Русь как цивилизация / 2-е изд. испр. и доп. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. 518 с.
15. Поляков А.Н. Образование Киевской Руси. Оренбург: ОГУ, 2020. 254 с.
16. Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат. С-Петербургское отд-ние, 1993. 288 с.
17. Раппопорт П.А. Древние русские крепости. М.: Наука, 1965. 88 с.
18. Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. 160 с.
19. Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор: основные тенденции формирования. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005. 384 с.

20. Толочко П.П. Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная // Ruthenica: Альманах історії та археології Східної Європи. 2009. № 8. С. 151–183.
21. Цивилизация Руси-России: сб. науч. ст./ под общ. ред. А.А. Королёва. М.: Изд. МосГУ, 2007. 59 с.

© Поляков Александр Николаевич (polyakov150@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОВЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СТУДЕНТОВ НЕПРОФИЛЬНЫХ ВУЗОВ

NEW METHODS AND TECHNOLOGIES OF TEACHING PHYSICAL CULTURE TO STUDENTS OF NON-CORE UNIVERSITIES

**O. Antipov
E. Sukhanova
A. Surkov**

Summary: Digital reality and computerization of the educational process leave their mark on teaching activities in the discipline and elective courses "Physical Culture and sports". In addition, there is a change in the type of thinking of modern youth, mainly defined as "clip", which determines a change in the paradigm of organization and implementation of both the teaching of the subject itself and the creation of motivational potential for physical activity. The above makes it advisable to use new methods and technologies in sports training in higher education. Due to the fact that digital technologies are actively integrated into the sports industry, methods and techniques of physical education training are also gradually beginning to introduce these innovations into their range, which quickly become the norm of life and are considered an integral part of sports pedagogy, including the educational activities of teachers in non-core universities. Accordingly, gadgets and smart devices, which, at first glance, increasingly entail physical inactivity and abandonment of sports, can become good tools for activating youth sports activities and an incentive to include regular workouts in their daily lives.

Keywords: physical education, physical activity, sports, new methods, technology, higher education institution, clip thinking, students.

Антипов Олег Владимирович

к.б.н., доцент, ФГБОУ ВО МГАВМиБ-МВА
имени К.И. Скрябина
antipov_ov@bk.ru

Суханова Елена Юрьевна

к.б.н., доцент, ФГБОУ ВО МГАВМиБ-МВА
имени К.И. Скрябина
Lena.sukhanova@yandex.ru

Сурков Александр Михайлович

к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО МГАВМиБ-МВА
имени К.И. Скрябина
surkov.1954@bk.ru

Аннотация: Цифровая реальность и компьютеризация образовательного процесса накладывают свой отпечаток на преподавательскую деятельность по дисциплине и элективным курсам «Физическая культура и спорт». Помимо этого, возникает изменение типа мышления современной молодежи, преимущественно дефинируемое, как «клиповое», которое детерминирует изменение парадигмы организации и реализации как непосредственно самого обучения предмету, так и создания мотивационного потенциала к физической активности. Вышесказанное обуславливает целесообразность использования на спортивных тренировках в высшей школе новых методов и технологий. В связи с тем, что в спортивную индустрию активно интегрируются цифровые технологии, методы и техники обучения физической культуре также постепенно начинают вводить в свой спектр данные нововведения, которые достаточно оперативно становятся нормой жизни и считаются неотъемлемой частью спортивной педагогики, в том числе, образовательной деятельности преподавателей в непрофильных вузах. Соответственно, гаджеты и умные устройства, которые, на первый взгляд, все чаще влекут за собой гиподинамию и отказ от спорта, могут стать хорошим инструментарием для активизации спортивной деятельности молодежи и стимулом включить в свою повседневную жизнь регулярные тренировки.

Ключевые слова: физическая культура, физическая активность, спорт, новые методы, технология, высшее учебное заведение, клиповое мышление, студенты.

Введение

Цифровая эпоха создает новые условия существования человека и детерминирует появление как негативных, так и позитивных факторов, оказывающих влияние на физическую активность молодого поколения. Между тем все кардинальные преобразования в историографии человечества всегда изначально вызвали научные и социальные прения и диспуты, прежде чем начинали комфортно сосуществовать с обществом и конструктивно использоваться людьми.

Материалы и методы исследования: междисциплинарное теоретическое исследование, описание,

обобщение.

Результаты и обсуждения

При работе с молодежью возникает трудность с повышением мотивации к спортивным тренировкам. Но те инструменты, которые, на первый взгляд, стали действовать деструктивно на студентов, можно адаптировать под конструктивную работу, а именно сделать их вспомогательным инструментарием для привлечения обучающихся к тренировкам и проведения занятий по физической культуре и спорту. Для этого, как подчеркивают В.Д. Прошляков, Г.В. Пономарева, Т.И. Толстова (2022), у студентов необходимо совершенствовать не только

физические качества, но и формировать «необходимый объем знаний о важности регулярных физических нагрузок в жизни каждого человека» [6, с. 77].

При формулировании методических разработок важно ориентироваться на активизацию у обучающихся физического самовоспитания, а также на стимулирование их мотивационного потенциала к сознательной работе над собой, подчеркивая их достижения определенных результатов. Самовоспитание заключается в применении совокупных приемов и видов деятельности, ориентированных на «улучшение состояние здоровья, физического развития и подготовленности, организации здорового образа жизни» [3, с. 147]. Такая методология подразумевает комбинацию классических методов физического развития с новаторскими образовательными подходами и адаптацию учебных программ под индивидуальные потребности каждого обучающегося.

Исходя из вышесказанного, наиболее релевантно осуществлять обучение студентов физической культуре и спорту, а также формировать их навыки самовоспитания с привлечением инновационных средств для физических упражнений, которые облегчают образовательный процесс, тем самым улучшая его и делая современным и интересным. Как подчеркивают в своем исследовании Т. Шепеленко, О. Лучко, С. Довженко и И. Бондаренкова (2023), сегодня существует множество различных фитнес-трекеров и мобильных приложений для тренировок, а также гаджеты, обеспечивающие отслеживание состояния здоровья, объема активности, мониторинг качества выполнения упражнений и техники выполнения определенных элементов и движений [10, с. 368]. При этом, как отмечают Т.И. Сираев и Г.А. Шейко (2022), «технологии используются не только для диагностики здоровья, развития физического здоровья, но и для педагогического контроля» [7, с. 230]. На рисунке 1 и 2 представлены наиболее популярные средства отслеживания физической активности и поддержания здоровья (данные получены в результате опроса 5000 респондентов среди читателей проектов «Здоровье Mail.ru» и «Hi-Tech Mail.ru» с 8 по 13 ноября 2023 г.) [4].

Важно подчеркнуть, что основной процент россиян, которым импонирует использование гаджетов в спорте – это молодежь, прежде всего, обучающиеся старших классов и высших школ. Соответственно, если преподаватель будет освещать целесообразность включения цифровых технологий в физическую активность, процент тех, кто будет заниматься спортом постоянно и замотивирован в посещении дисциплины «Физическая культура» в вузе существенно возрастет, так как, как подчеркивают Е.А. Попова, В.В. Баранов (2018), сегодня уже «практически невозможно полноценное обучение новейшим методам в области физической культуры без использования широких возможностей ... СМАРТ-технологий» [5, с. 146].

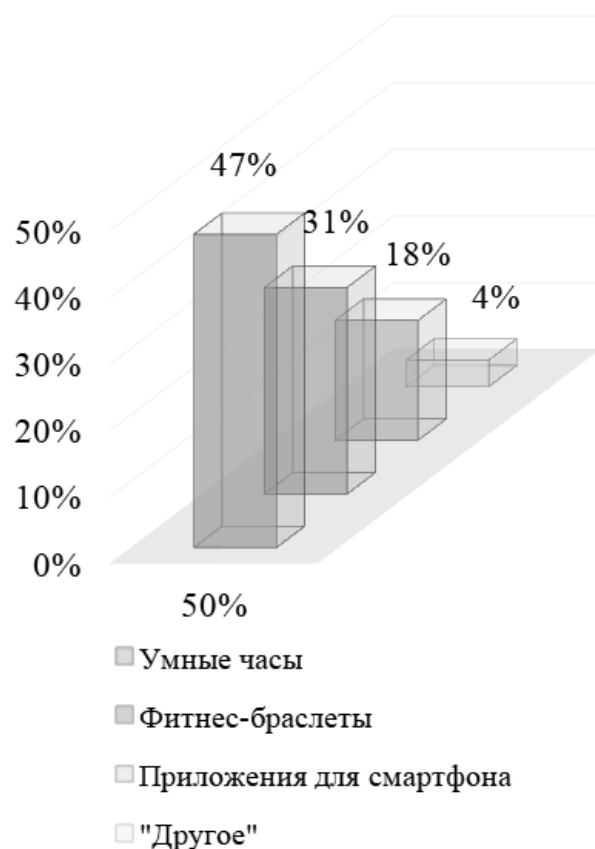


Рис. 1. Процент россиян, использующих в спорте гаджеты

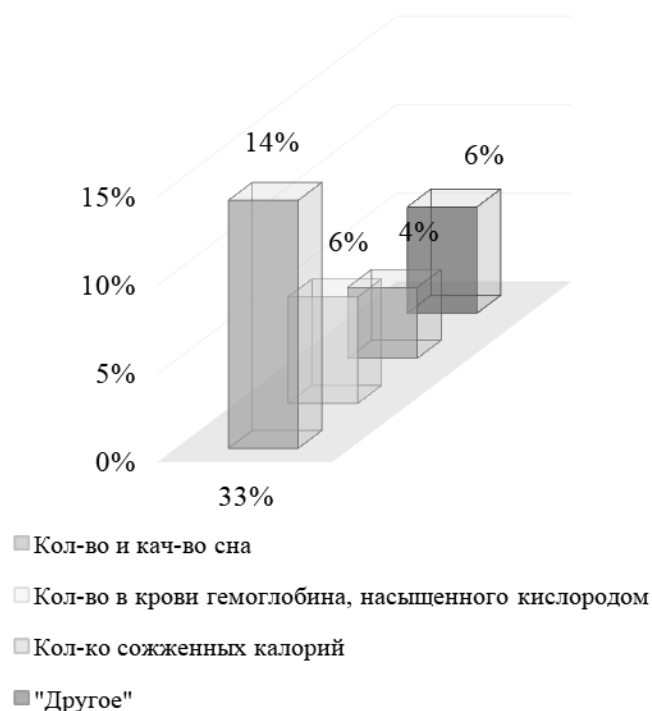


Рис. 2. Основные цели использования гаджетов в спорте

Таблица 1.

Новые методы обучения физической культуре в непрофильных вузах

Методы Г. Крагуевича (G. Kraģuvič) [8, с. 2456]	Гаджет	Метод	Визуализированное представление
Метод вербальной коммуникации или метод «живых слов»	Планшет, компьютер, телефон, умная колонка, smart-часы и т.д.	Видеообзор, обучающее видео, тематическая лекция от умной колонки, короткометражные видео из социальных сетей, спортивные блоги, онлайн-курсы; «коллаборационные онлайн-системы для преподавателей...»: обмен опытом, идеями, проектами, планами уроков, а также организация совместных проектов» [5, с. 147; 2, с. 67] и т.д.	
Демонстрационный или иллюстративный метод	Планшет, компьютер, телефон и т.д.	Презентация, видеообзор, обучающее видео, короткометражные видео из тик-ток и др. социальных сетей; художественные фильмы про спорт; документальное кино про спорт, спортивные блоги и т.д.	
Метод практических упражнений	Фитнес-браслет, фитнес-трекер, пульсоксиметр, умная колонка, планшет, компьютер, мобильный телефон с фитнес-приложениями и т.д.	Подсчет первичных показателей человека (пульс, артериальное давление, температура тела); степень насыщения гемоглобина крови кислородом, частота пульса и его «объемная» амплитуда; видеообзор, короткометражные видео из социальных сетей; упражнения или программа упражнений из мобильного фитнес-приложения и т.д. Например, «функционал фитнес-трекера способен упростить и повысить эффективность самоконтроля обучающихся, сделать процесс выполнения упражнений и их результаты интересными и наглядными» [2, с. 68; 1, с. 585].	
Комбинированный метод	Фитнес-браслет, умная колонка, планшет, компьютер, мобильный телефон с фитнес-приложениями и т.д.	Подсчет первичных показателей человека (пульс, артериальное давление, температура тела); степень насыщения гемоглобина крови кислородом, частота пульса и его «объемная» амплитуда; видеообзор, короткометражные видео из социальных сетей; упражнения или программа упражнений из мобильного фитнес-приложения; интерактивные спортивные игры и т.д.	
Игра как метод	Умная колонка, планшет, компьютер, мобильный телефон и т.д.	Киберспорт, тематические доклады от умной колонки про спортивные игры и их правила; художественные и документальные фильмы про спортивные игры; киберспорт; мобильные фитнес-приложения с интерактивными спортивными играми (Fitplan: Gym & Home Workouts – Тренировки со звездами; Freeletics – Спортивная лихорадка; Fitness Buddy – Чемпионская гонка и т.д.), мультимедийные тесты по физической культуре и т.д.	

Методы Г. Крагуевича (G. Krağujević) [8, с. 2456]	Гаджет	Метод	Визуализированное представление
Метод имитации и драматизации	Умная колонка, планшет, компьютер, мобильный телефон и т.д.	Театрализованные физкультурные занятия; тематические доклады от умной колонки; художественные и документальные фильмы про спорт; мобильные фитнес-приложения (например: SworKit – Новая жизнь без отговорок; Nike Training Club – Погружение в спортивное сообщество; «7 Минут» – Марафон здорового образа жизни; 30DAYS – 30-дневная проверка сил и энергии; «Ежедневные Тренировки» – Быстрый экскурс в фитнес-индустрию; «Отжиматор» – Руками толкая планету и т.д.); имитация выполнения упражнений на учебно-тренировочном этапе (например, лыжная имитация летом и пр.), спортивная фотография и т.д.	

Компьютеризация во многих профессиональных и учебных сферах привела к тому, что у индивида снизилось количество физической активности, однако, появилось больше временных ресурсов для развития себя как личности. Таким образом, исходя из таблицы 1 и согласно исследованиям С. Перумал, А. Субрамани (S. Perumal, A. Subramani 2020), благодаря технологиям, особенно мобильным, сегодня преподаватели физической культуры имеют широкий спектр гаджетов, которые они могут использовать для изучения и улучшения физических навыков своих обучающихся. Перечень инструментария включает в себя также анализ видео тренировок студентов, снятых во время занятий, приложения для физиче-

ского воспитания, игровые системы, виртуальные классы, а также системы контроля и трекары [9, р. 9413].

Выводы: цифровизация общества существенно сдвинула границы физической активности и возможностей спорта. Если изначально гаджеты и компьютерные устройства минимизировали двигательную деятельность человека, то сегодня они становятся эффективным инструментарием для привлечения к спорту и расширению его потенциала. Данные технологии, в синтезе со спортивной педагогией, способствуют появлению новых методов обучения студентов непрофильных вузов, которые не только формируют физические навыки, но прививают здоровый образ жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закиров Ф.Х., Красильников А.А., Лубышев Е.А. Фитнес-трекеры на уроках физической культуры: примеры и перспективы // Московский экономический журнал. 2020. №4. С. 584-592. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10244>.
2. Красильников А.А., Лубышев Е.А., Закиров Ф.Х. Информационные технологии в методологии преподавания физической культуры // Материалы III научно-практической конференции (I всероссийской) института естествознания и спортивных технологий. 2019: сборник научных статей - Москва, 2019. Москва: МГПУ - С. 66-70.
3. Кульмаметьева Э.С., Ниясова Н.С., Бабушкин Г.Д. Активизация физического самовоспитания школьников-подростков // Омский научный вестник. 2013. №1 (115). С. 147-151.
4. Половина россиян пользуются фитнес-трекерами. CoNEWS. Статья от 15 ноября 2023. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2023-11-15_polovina_rossiyan_polzuyutsya. Дата обращения: 29.01.2024.
5. Попова Е.А., Баранов В.В. Смарт-технологии в подготовке будущих учителей физической культуры // Primo aspectu. 2018. Т. 36. №4 С. 145-150. ISSN: 2500-2635. Popova E.A., Baranov V.V. (2018) Smart Technologies in Training of Future Teachers of Physical Culture. Primo aspect, 36(4). Pp. 145-150. ISSN: 2500-2635.
6. Прошляков В.Д., Пономарева Г.В., Толстова Т.И. Совершенствование преподавания дисциплины «Физическая культура и спорт» // Физическое воспитание и студенческий спорт. 2022. №1. С. 73-79. <https://doi.org/10.18500/2782-4594-2022-1-1-73-79>. Proshlyakov V.D., Ponomareva G.V., Tolstova T.I. (2022). Improving teaching of the discipline "Physical culture and sport". Physical Education and University Sport. №1. Pp. 73-79. <https://doi.org/10.18500/2782-4594-2022-1-1-73-79>.
7. Сираев Т.И., Шейко Г.А. Влияние гаджетов на развитие физического здоровья // Теория и практика современной науки. 2022. №12 (90). С. 228-231. Siraev T.I., Sheiko G.A. (2022) The Influence on the Development of Physical Health. Theory and practice of modern science. №12 (90). Pp. 228-231.
8. Aksović N., Bjelica B., Jovanović L., Lalović L.M., Zelenovic M. (2021) Teaching methods in teaching physical education. Italian Journal of Sport Rehabilitation and

- Posturology. 10 (24); 3; 3; 2452 – 2464; ISSN 2385-1988 [online].
9. Perumal S., Subramani A. (2020) Technology in Physical Education. WAIMS© World Academy of Informatics and Management Sciences. Vol. 9, Iss. 4. Pp. 9413-9416.
 10. Shepelenko T., Luchko O., Dovzhenko S., Bodrenkova I. (2023) Innovative technologies and tools in physical education. InterConf. <https://doi.org/10.51582/interconf.19-20.09.2023.032>.
 11. Суханова, Е.Ю. Цифровые технологии в преподавании физической культуры / Е.Ю. Суханова, Ю.Л. Першин, Н.Н. Штукин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 3-2. – С. 104-107.
 12. Антипов, О.В. Элективные курсы по физической культуре и спорту как мотивационно-ценностная составляющая на занятиях студентов в вузе / О.В. Антипов, Е.Ю. Суханова, Л.А. Нюрксне // Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии и биотехнологии : Сборник научных трудов Международной учебно-методической и научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня основания ФГБОУ ВО МГАВМиБ - МВА имени К.И. Скрябина, Москва, 20–22 ноября 2019 года / Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии - МВА имени К.И. Скрябина», 2019. – С. 7-8.
 13. Карсека, Л.С. Новый универсальный подход к методике занятий физической культурой со студентами в специальной медицинской группе / Л.С. Карсека, А.М. Сурков, Н.Н. Штукин // Культура физическая и здоровье. – 2019. – № 3(71). – С. 138-139.
 14. Першин, Ю.Л. Использование инновационных технологий при проведении занятий в секции единоборств / Ю.Л. Першин, А.М. Сурков, Р.В. Гежа // Актуальные проблемы физической культуры и спорта в современных социально-экономических условиях: Материалы Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 20–21 января 2020 года. – Чебоксары: Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, 2020. – С. 319-322.

© Антипов Олег Владимирович (antipov_ov@bk.ru), Суханова Елена Юрьевна (Lena.suxanova@yandex.ru),
Сурков Александр Михайлович (surkov.1954@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПАМЯТИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

DIDACTIC GAME AS A MEANS OF MEMORY DEVELOPMENT IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN

**U. Badmaeva
N. Khamdamova
E. Erdnieva
N. Shagaeva**

Summary: The article examines the peculiarities of the concept of "memory" in psychological and pedagogical research. Scientists in the field of pedagogy and psychology pay much attention to the study of the processes of preserving and reproducing information, and have devoted their work to analyzing all possible aspects of the memorization process. The authors of the article read that didactic play promotes the development of memory, creating effective game motivation, subordinates memorization to a goal that is close and understandable to a preschool child, and allows him to realize the ways of performing activities. The didactic game is aimed not only at consolidating the knowledge available to preschoolers, but also contributes to the acquisition of new ones, since such mental processes as observation, comparison, juxtaposition, memorization occur in the game activity.

Keywords: didactic game, play activity, memory, the process of memory development, mental processes, senior preschool age.

Бадмаева Ульяна Сергеевна

Учитель-логопед, МКДОУ «Детский сад №33 «Радуга»,
г. Элиста
ulanabadmaeva@gmail.com

Хамдамова Нилуфар

Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста
nilufarhonhamdamova@gmail.com

Эрдниева Эльза Анатольевна

Воспитатель, МКДОУ «Детский сад № 17», г. Элиста
elzaerdnieva@yandex.ru

Шагаева Наталья Аркадьевна

Кандидат педагогических наук, доцент, Калмыцкий
государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
г. Элиста
natalya-shagaeva@yandex.ru

Аннотация: В статье проводится изучение особенности понятия «память» в психолого-педагогических исследованиях. Ученые в области педагогики и психологии уделяют много внимания изучению процессов сохранения и воспроизведения информации, посвятили свои работы анализу всевозможных сторон процесса запоминания. Авторы статьи читают, что дидактическая игра способствует развитию памяти, создавая действенную игровую мотивацию, подчиняет запоминание близкой и понятной ребенку дошкольного возраста цели, позволяет ему осознавать способы выполнения деятельности. Дидактическая игра направлена не только на закрепление имеющихся у дошкольников знаний, но и способствует приобретению новых, так как в игровой деятельности происходят такие психические процессы как: наблюдение, сравнение, сопоставление, запоминание.

Ключевые слова: дидактическая игра, игровая деятельность, память, процесс развития памяти, психические процессы, старший дошкольный возраст.

Введение

Согласно федеральному государственному образовательному стандарту дошкольного образования, одними из главных целей дошкольного образования являются «развитие у детей познавательных интересов, их интеллектуальное развитие, подготовка к школе» [19]. Достижение этих целей основывается на развитии психических познавательных процессов дошкольников, среди которых память занимает важное место. Известно, что значительное количество детей старшего дошкольного возраста при поступлении в первый класс общеобразовательной школы испытывают большие трудности в учении. Очень часто основная причина этого – недостаточно хорошо развитая память. Значимость памяти для человека состоит в том, что без нее не могут полноценно функционировать другие познавательные процессы – восприятие, мышление, внимание, речь и т.д.

Старший дошкольный возраст играет особую роль в психическом развитии ребенка: в этот период жизни начинают формироваться новые психологические механизмы деятельности и поведения. Также очевидно, что для осуществления полноценного образования, воспитания и готовности детей старшего дошкольного возраста к школьному обучению необходимо, чтобы у них была хорошо развита память, которая помогает удерживать и воспроизводить разную информацию.

Вопросы, связанные с развитием памяти у дошкольников, рассмотрены в работах известных зарубежных и отечественных психологов и педагогов: Р.С. Аткинсон, Л.А. Венгер, Э.А. Голубева, Л.А. Григорович, У. Джеймс, А.В. Запорожец, З.М. Истомина, А.Н. Леонтьев, В.С. Мухина, С.Л. Рубинштейн и др. [1; 16; 4; 5; 14; 15; 9; 10; 13; 17].

Вопросы, связанные с методами, приемами и сред-

ствами развития памяти у дошкольников, рассмотрены в работах С.Е. Гавриной, О.С. Жуковой, О.А. Мельниченко, и др. [3; 8; 12].

Крупнейшие ученые в области психологии, такие как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, А.А. Смирнов и другие, посвятили свои работы анализу всевозможных сторон процесса запоминания [2; 11; 18]. Так, например, в своих работах Р.С. Немов, формулируя определение памяти как психофизиологического процесса, выделил три основных этапа: запоминание, сохранение и воспроизведение [5].

В психологическом словаре под реакцией П.С. Гуревича одно из определений памяти – это «одно из основных свойств нервной системы, которое выражается в способности долго хранить информацию о событиях внешнего мира, делать ее достоянием сознания и руководить повторением» [6].

По мнению И.В. Дубровиной и других психологов, память – это «запоминание, сохранение и последующее воспроизведение того, что мы раньше воспринимали, переживали или делали. Это удивительное свойство человеческого сознания, это возобновление в нашем сознании прошлого, образов того, что когда-то произвело на нас впечатление» [7].

С.Л. Рубинштейном, который рассматривает память человека в качестве «познавательного процесса сохранения и воспроизведения образов и представлений, который лежит в основе всех других познавательных процессов и любой деятельности» [17].

Анализ литературы показал, что память – это психический процесс, суть которого состоит в сохранении, закреплении, сохранении и последующем воспроизведении человеком своего опыта, всего, что он видел, слышал, ощущал, всего, что с ним происходило в прошлом.

Основные результаты

Процесс развития памяти у ребенка дошкольного возраста проявляется раньше, чем другие, так как дошкольник наиболее восприимчив к новому и необычному. Когда ребенок видит какое-либо изображение, отличающееся яркими цветами или в его поле зрения оказывается предмет, который ранее он не видел, то у него начинаются различные умственные процессы, рассуждения, воспоминания из своего не большого жизненного опыта. Известным фактом является то, что в данном возрасте ребенок способен с легкостью запомнить стихи, сказки, пересказать мультфильмы все это говорит о том, что у него стремительно развивается природная память. У ребенка дошкольного возраста происходит

легкое, произвольное запоминание всего, что блестит, яркое при этом не прилагая никаких усилий.

Тем не менее, при всех благоприятных факторах, которые способствуют улучшению памяти ребенка, необходимо одновременно осуществлять работу для достижения более высокого уровня развития с дошкольного возраста. Поэтому педагоги и психологи считают, необходимо не пропустить период, когда есть возможность с легкостью и без труда развивать способности ребенка, когда не наступил необратимый, затруднительный процесс. В дошкольном возрасте ребенок является очень восприимчивым к различным воздействиям, он быстро поглощает новые знания, эмоции, однако выдает их как результат постепенно.

Особенности развития памяти в дошкольном возрасте:

- преобладает произвольная образная память;
- память, всё больше объединяясь с речью и мышлением, приобретает интеллектуальный характер;
- словесно-смысловая память обеспечивает опосредованное познание и расширяет сферу познавательной деятельности ребёнка;
- складываются элементы произвольной памяти как способности к регуляции данного процесса сначала со стороны взрослого, а потом и самого ребёнка;
- формируются предпосылки для превращения процесса запоминания в особую умственную деятельность, для овладения логическими приёмами запоминания;
- по мере накопления и обобщения опыта поведения, опыта общения ребёнка с взрослыми и сверстниками развитие памяти включается в развитие личности.

В дошкольном возрасте овладение приёмами запоминания зависит от следующих условий:

- степени освоения соответствующих мыслительных операций;
- содержания и характера материала;
- характера обучения. Только при его организации запоминание становится логическим;
- наличия потребности в правильном и точном запоминании и припоминании, стремления проверить его результаты [3].

Память имеет огромное значение для процесса развития и становления ребенка дошкольного возраста. Благодаря памяти ребенок способен усваивать знания об окружающей его действительности и о самом себе, учится нормам поведения, принятым в обществе, приобретает различные умения и навыки, причем все эти процессы происходят произвольно. То есть у ребенка

нет конкретной цели – запоминать, то есть информация, которая проходит через ребенка запоминается им сама по себе. Психолог З.М. Истомина установила, что в процессе развития у ребенка происходит формирование и становление всех видов памяти, начиная с раннего возраста и в конкретной последовательности в соответствии с возрастными периодами: моторная память проявляется у ребенка раньше всех других, еще ее называют двигательная, она развивается с полутора лет; образная память проявляется у детей с двух лет, а уже позже складывается словесно-логическая память. А вот уже с пяти лет по мнению З.М. Истоминой, «в среднем началом периода более или менее удовлетворительного запоминания, поскольку именно с этого года впечатления детства носят достаточно систематизированный характер и сохраняются на всю жизнь. Более ранние детские воспоминания, как правило, отрывочны, разрозненны и немногочисленны».

Исследование З.М. Истоминой, посвященное развитию памяти у детей-дошкольников, показало, что особенностями запоминания и воспроизведения у детей младшего и среднего дошкольного возраста (3-5 лет) является то, что «эти мнемические процессы у детей являются произвольными, то есть самостоятельными и не управляемыми самим ребенком, так как они входят в состав той или иной деятельности» [9].

Другими словами, память дошкольника от 3 до 5 лет имеет особенность в том, что преобладает образное запоминание и она характеризуется как произвольная. Для кратковременной памяти запоминание и восстановление образов осуществляется в деятельности, где все зависит от характера этой деятельности. Причиной того, что дети данного возрастного периода легко могут запомнить стихотворения, загадки, сказки является стремительное развитие у них природной памяти. Помимо того, что дети запоминают все, привлекающее их внимание, яркие красивые предметы и явления, они так же обращают свое внимание на деятельность, которая была ему интересна и произвела впечатление.

Формирование памяти у детей дошкольного возраста выполняется в процессе активной деятельности, которая отражает действия детей по отношению к окружающему миру и людей, стимулирует познавательные интересы и способствует выстраивать отношения к действительности. Известным фактом является то, что у детей дошкольного возраста ведущая деятельность это – игра. Дидактические игры имеют огромное значение для процесса развития памяти у детей дошкольного возраста.

Отечественный педагог А.С. Макаренко писал: «Игра имеет важное значение в жизни ребенка, имеет то же

значение, как у взрослого имеет деятельность, работа, служба. Каков ребенок в игре, таков во многом он будет и в работе, когда вырастет. Поэтому воспитание будущего деятеля происходит прежде всего в игре. И вся история отдельного человека как деятеля или работника может быть представлена в развитии игры и в постепенном переходе ее в работу» [12].

Игровая деятельность влияет на непринужденные психические процессы, произвольное внимание и память. В процессе игровой деятельности ребенок лучше понимает и больше запоминает.

В дошкольной методической литературе можно увидеть огромное многообразие игр, но особое значение в них отводится дидактическим играм. Дидактическая игра является одним из видов игр с правилами, созданные педагогической наукой для совершенствования процессов обучения и воспитания детей дошкольного возраста. Дидактические игры имеют целенаправленный путь для решения определенных задач в обучении, так же в них заложено влияние на развитие и воспитание ребенка. По данной причине, дидактические игры широко применяются педагогами в дошкольных образовательных учреждениях.

Заключение

Подводя итог можно сказать, что, дидактическая игра является сложным и многогранным явлением. В процессе дидактической игры осуществляется постижение знаний, умений и навыков, так же происходит развитие психических процессов у дошкольников, это эмоции, воля, способности и умения. Благодаря дидактической игре учебный материал становится более увлекательным, интересным для детей.

Педагогу, работающему с детьми старшего дошкольного возраста следует принимать во внимание особенности данного возраста, это дети, у которых развита любознательность и наблюдательность, проявляется повышенный интерес к новому, незнакомому. Ребенок хочет сам разгадывать загадки, решать задачи, выражать свое личное мнение. Чем больше увеличиваются знания, тем больше будут изменения в деятельности умственной работы, в ее характере. Поэтому при выборе игр для детей, нужно особо выделить внимание на степень трудности в правилах и действиях этих игр. Надо чтобы дети, выполняя их, больше думали и проявляли волю к решению поставленных задач.

Дидактическая игра способствует развитию произвольной памяти. Она создает действенную игровую мотивацию, подчиняет запоминание близкой и понятной ребенку цели, позволяет ему осознавать способы

выполнения деятельности, а также дает взрослому возможность руководить мнемической деятельностью, не вступая, в открыто дидактическую позицию, и реализуется через игровую задачу, игровые действия, правила.

Следовательно, дидактическая игра направлена не только на закрепление имеющихся у дошкольников знаний, но и способствует приобретению новых, так как в игровой деятельности происходят такие психические процессы как: наблюдение, сравнение, сопоставление, запоминание.

Дидактические игры обладают познавательным эле-

ментом, это способствует запоминанию игрового материала. Дидактическая игра представляется как многоплановое, сложное педагогическое явление, которое содержит: игровой метод и форму обучения, самостоятельную игровую деятельность, средство всестороннего воспитания ребенка.

Таким образом, дидактическая игра является результативным средством для развития памяти у детей старшего дошкольного возраста, поэтому если составить и внедрить комплекс дидактических игр, направленный на развитие памяти у детей дошкольного возраста, то это позволит значительно улучшить данный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аткинсон, Р.С. Управление кратковременной памятью [Текст] / Р.С. Аткинсон // Психология памяти; под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. – М.: Астрель, 2008. – С. 379-386.
2. Выготский, Л.С. Психология развития человека [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2015. – 1136 с.
3. Гаврина, С.Е. Школа для дошколят «Развиваем память». Рабочая тетрадь для детей 6-7 лет [Текст] / С.Е. Гаврина. – М.: Росмэн, 2017. – 24 с.
4. Голубева, Э.А. Индивидуальные особенности памяти [Текст] / Э.А. Голубева. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 392 с.
5. Григорович, Л.А. Педагогика и психология [Текст] / Л.А. Григорович, Т.Д. Марцинковская. – М.: Гардарики, 2012. – 652 с.
6. Гуревич, П.С. Психологический словарь: А - Я / П.С. Гуревич. - Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. - 798 с.
7. Дубровина, И.В. Психология: Учеб. для студентов сред. пед. учеб. заведений / И.В. Дубровина, Е.Е. Данилова, А.М. Прихожан; Под ред. И.В. Дубровиной. - 2. изд., стер. - Москва: Academia, 2001. – 460 с.
8. Жукова, О.С. Игры и упражнения для развития памяти будущего отличника [Текст] / О.С. Жукова. – М.: Астрель, 2014. – 63 с.
9. Истомина, З.М. Развитие произвольного запоминания у дошкольников [Электронный ресурс] / З.М. Истомина - Режим доступа: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1683.html>
10. Леонтьев, А.Н. Лекции по общей психологии [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М.: Академический проект, 2013. – 526 с.
11. Лурия, А.Н. Нейропсихология памяти [Текст] / А.Н. Лурия. - М.: Просвещение, 2015. - 284 с.
12. Мельниченко, О.А. Развиваем внимание и память: для детей 5-6 лет [Текст] / О.А. Мельниченко. – М.: Эксмо-Пресс, 2015. – 33 с.
13. Мухина, В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество [Текст]: учеб. для студ. вузов / В.С. Мухина. – М.: Академия, 2013. – 218 с.
14. Память [Текст]; авт.-сост. У. Джеймс. – М.: Академический проект, 2014. – 284 с.
15. Психология детей дошкольного возраста: развитие познавательных процессов [Текст]; под ред. А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина. – М.: Детство-Пресс, 2011. – 226 с.
16. Развитие познавательных способностей в процессе дошкольного воспитания [Текст]; под ред. Л.А. Венгера. – М.: Детство-Пресс, 2013. – 224с.
17. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер 2014. – 450 с.
18. Смирнов, А.А. Произвольное и произвольное запоминание. Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова: Хрестоматия по психологии. [Текст] / - М.: «ЧеРо», 2015. - 312 с.
19. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования [Электронный ресурс]: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. № 1155 г. Москва «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» – Режим доступа: <http://nsportal.ru/detskiy-sad/upravlenie-dou/2013/10/03/fgosdoshkolnogo-obrazovaniya-poslednyaya-redaktsiya>.

© Бадмаева Ульяна Сергеевна (ulanabadmaeva@gmail.com), Хамдамова Нилуфар (nilufarhonhamdamova@gmail.com), Эрдниева Эльза Анатольевна (elzaerdnieva@yandex.ru), Шагаева Наталья Аркадьевна (natalya-shagaeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Беленкова Юлия Сергеевна

Преподаватель, Самарский государственный
технический университет
yubelenkova@mail.ru

PROFESSIONALLY ORIENTED TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO TECHNICAL STUDENTS

Yu. Belenkova

Summary: The article highlights the approaches to implement professionally oriented teaching Russian as a foreign language to students of technical universities, which is particularly relevant in connection with the growing interest of foreign students in obtaining education in Russia. The main means of improving the process of teaching Russian as a foreign language to technical students is orientation towards the student's future specialty, maintaining high motivation to master the material, the ability to use the knowledge obtained in language classes in their professional activities. In technical universities, teaching the language begins at different levels of proficiency in Russian, it takes place in small groups. To meet the expectations of students and ensure the high quality of the educational process, it is necessary to take into account the factors affecting language acquisition and focus on the linguistic and cultural differences of students from different countries to maximize focus on problem areas. In addition, the use of information and other modern technologies will speed up the learning process and not be tied to offline learning. The generalization of theoretical knowledge in the field under study, as well as the advantages of a number of teaching methods, were carried out. The paper examines the methods to increase the efficiency and quality of teaching the Russian language to foreign students in technical universities.

Keywords: Russian as a foreign language, foreign students, professionally oriented teaching, foreign language learning, learning efficiency.

Аннотация: Статья посвящена исследованию подходов к реализации профессионально ориентированного обучения русскому языку как иностранному студентов технических вузов, что приобретает особую актуальность в связи с возрастающим интересом иностранных студентов к получению образования в России. Основным средством совершенствования процесса обучения РКИ студентов технических вузов является ориентация на будущую специальность студента, поддержание высокой мотивации к овладению материалом, возможность использовать полученные на языковых занятиях знания в своей профессиональной деятельности. В технических вузах обучение русскому языку начинается на разных уровнях владения языком и происходит в малых группах. Для соответствия ожиданиям студентов и обеспечения высокого качества образовательного процесса, необходимо учитывать факторы, влияющие на освоение языка и акцентировать внимание на языковых и культурных различиях обучающихся разных стран для максимальной ориентации на проблемные зоны. Кроме того, использование информационных и иных современных технологий позволяет ускорить процесс обучения и не быть привязанными к офлайн-обучению. В ходе работы выполнено обобщение теоретических знаний в изучаемой области, а также анализ преимуществ ряда методов преподавания. В статье рассматриваются методы повышения эффективности и качества обучения иностранных студентов русскому языку в технических вузах.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, иностранные студенты, профессионально ориентированное обучение, изучение иностранного языка, эффективность обучения.

Мы живем в век глобализации, высоких скоростей, кризисов, эпидемий и пандемий. Время потребовало кардинальных перемен в политике, экономике, образовании; интегрирования экономических и политических систем разных стран. В связи с этим возникают вопросы мирного сосуществования разных народов и государств, решать которые необходимо ежедневно. Изменяются также роль и значение иностранных языков: те, что ранее представляли огромный интерес для всех окружающих, отходят на второй план, их позиции завоевывают другие. Актуальность темы данного исследования обусловлена увеличением количества иностранных студентов в России и усилением интереса к русскому языку и культуре.

В настоящее время в связи с процессами глобализации и интернационализации в РФ приезжают учиться студенты из многих стран мира и бывших советских республик. В последние годы в связи с требованиями времени активно происходит взаимопроникновение языков и культур, увеличивается количество иностранных граждан, приехавших с целью стать студентами российских вузов, получить хорошее образование. Многие из них не говорят, не пишут по-русски, не понимают русскую речь. Как утверждают иностранные студенты, особенно трудным для них является первый курс, когда они активно изучают русский язык. В процессе обучения русскому языку необходимо учитывать национальные, лингвистические, культурные особенности разных

языков. В настоящее время на разных факультетах Самарского государственного технического университета обучаются студенты из разных стран мира, больше всего – из бывших советских республик.

При обучении РКИ в университете рекомендуем чаще использовать групповые методы работы в аудитории. Необходимо учитывать разную скорость усвоения учебного материала. Обычно один из студентов получает поручение от преподавателя, ему делегируется право на родном языке еще раз повторить учебный материал, объяснить тем, кто не понял. Взаимовыручка – главная особенность взаимоотношений в студенческой группе иностранных студентов. Групповые методы делают образовательный процесс эффективнее. Имеет смысл на занятиях более внимательно подбирать задания, в которых наибольшее внимание уделяется научному стилю речи, научной терминологии (по физике, химии, математике, архитектуре и т. д.) [1].

Важной задачей при обучении РКИ в вузе является обеспечение необходимого уровня языковой и общетехнической (физика, химия, математика и т.д.) подготовки, отвечающего требованиям высшей школы. Одним из решающих факторов улучшения результатов учебного процесса является высококачественная языковая подготовка студента-иностранца.

Обучение студентов-иностранцев профессионально ориентированному русскому языку как иностранному (РКИ) с использованием профессионально ориентированного подхода оказывается особенно актуальным, происходит обобщение изученного материала по специальным предметам, приведение знаний к уровню владения, которым должен обладать студент российского вуза. В процессе обучения РКИ ставится целью развитие коммуникативных навыков, достаточных для профессионального общения, межкультурной коммуникации, способности понимать, интерпретировать информацию на русском языке и эффективно ее применять в процессе работы [2].

Задачей преподавателя РКИ является обеспечение благоприятных условий для эффективной работы студента при усвоении профессионально ориентированного материала, поддержание мотивации и интереса, организация самостоятельной работы. Студенты проявляют интерес к материалу и дополнительной информации в области профессиональных знаний в процессе изучения языка. Преподаватель РКИ в неязыковом вузе может повысить мотивацию студентов к изучению языка через качественный подбор материала для обсуждения и чтения, путем правильной постановки задачи для самостоятельной работы. Важно отдавать предпочтение аутентичным материалам, научно-популярной литературе, проверенной информации из Интернета. Задания

и упражнения должны включать разные виды чтения, прослушивание и просмотр аудио- и видеоматериалов, упражнения для отработки письменной и устной речи, работу со словарем специальных терминов. Изучение иностранного языка, связанное с профессионально ориентированной деятельностью студента, положительно влияет на результативность процесса и обогащает уровень профессиональной языковой компетенции.

Сегодня исследователи предлагают новые подходы в обучении РКИ и подчеркивают важность следующих элементов процесса обучения:

1. фонетический, лексический, грамматический, орфографический материал и правила его применения;
2. совокупность речевых умений, позволяющих использовать язык в коммуникативной деятельности;
3. материалы и речевые обороты, ситуации и темы, обогащающие профессиональные знания студентов;
4. комплекс знаний [3].

Будущие специалисты изучают русский язык с целью дальнейшего получения профессиональной информации и общения на русском языке. Достижение этих целей невозможно без работы с профессионально ориентированными текстами на русском языке уже на этапе обучения, без анализа материалов о достижениях науки и техники страны изучаемого языка. Работа с профессионально ориентированным материалом на уроках РКИ направлена на развитие способности к общению в профессиональной, научной, деловой сфере. Профессионально ориентированное изучение русского языка предполагает усвоение определенного языкового материала, способность использовать этот материал в устной и письменной речи, возможность получать информацию из печатных источников и в различных ситуациях общения [4].

Важной составляющей изучения иностранного языка в техническом вузе становится задача овладения специальной терминологией, что предоставляет возможность реализовать успешное общение в профессиональной деятельности в личном контакте или общении посредством сети Интернет, а также уметь самостоятельно ориентироваться в литературе по специальности с целью нахождения информации, необходимой для решения той или иной задачи. Известно, что основным видом учебной деятельности на занятиях является чтение профессионально ориентированной литературы, что, соответственно, обуславливает необходимость учитывать в процессе обучения особенности перевода терминологических единиц.

Специальная лексика или термины составляют осо-

бый пласт лексики, который поддается сознательному регулированию и упорядочению. Терминологическая лексика является частью научных знаний и, соответственно, определённой частью науки. Роль терминов неоспорима - они классифицируют и организуют новые научные знания и информацию. Следуя данной специфике, выделяют две группы терминов: во-первых, это термины, имеющие хождение во многих науках, или общенаучные, во-вторых, термины узкоспециализированные, относящиеся к какой-либо конкретной области знания. Вторая категория терминов является более информативной, поскольку именно с её помощью определяется данная сфера знания, в то время как общенаучные термины конкретизируются непосредственно в той системе, где они используются в данный момент. Бесспорно, для чтения и понимания текстов по специальности студент технического вуза должен ориентироваться как в общенаучной и в узкоспециализированной терминологии [5].

В процессе обучения РКИ важно учитывать начальный уровень владения русским языком, языковые особенности родного языка иностранного студента и его мотивацию в изучении русского языка. Для успешного обучения иностранным студентам необходимо быстро овладеть языком, адаптироваться к системе обучения и вписаться в другую культуру. Поэтому адаптация иностранных студентов важна для погружения их в новую среду, многие испытывают сложности в учёбе по причине плохого знания русского языка. Различные языковые группы имеют свои уникальные особенности менталитета, произношения и написания слов, поэтому разные аспекты и изучаемые темы вызывают сложности. Что просто даётся студентам одних стран, то может быть проблематично для других. Педагогам необходимо знать этнические и языковые особенности и учитывать их в подготовке к занятиям, а также в момент проведения семинаров. Несмотря на широкий арсенал средств для успешного погружения иностранцев в русскоязычную среду и проведения самого процесса обучения, имеются и некоторые проблемы, препятствующие прогрессу. Среди них основными являются сложности в формировании коммуникативной компетенции, отсутствие русскоязычной среды в процессе адаптации, трудности в развитии навыков письменной речи учащихся [6].

Развитие информационных технологий, и прежде всего, сети Интернет, открыло широкие перспективы и возможности в области глобализации образования. Образование перестало ограничиваться географическими и физическими рамками, доступ к источникам информации стал свободнее как для студентов и педагогов, так и для иных заинтересованных лиц - желающих получить дополнительное образование или повысить квалификацию. Достижение качественно новой формы образовательного процесса в разрезе глобализации и цифровизации произошло благодаря снятию географических

ограничений и открытию доступа к глобальным информационным ресурсам посредством современных информационных технологий. Последние годы активно развивается и совершенствуется формат дистанционного обучения, где педагоги и студенты могут объединяться в полинациональные группы посредством компьютерной сети. Таким образом проводятся лекции, семинары, дискуссии, защиты проектов и даже экзамены. Онлайн-уроки по РКИ посещают многие иностранцы, которые хотят выучить язык. Методология подчеркивает, что использование информационных и коммуникационных технологий в образовательном процессе и повседневной жизни предполагает, что пользователь является человеком, с высокой самоорганизацией и высоким уровнем концентрации внимания, относящийся к цифровым технологиям как к эффективному инструменту для достижения конкретных целей.

Обучение русскому языку как происходит в тесной связи с изучением специальных предметов: уже на этапе овладения базовым уровнем языка студенты начинают изучать математику, физику, информатику, химию, экономику. Преподаватели-предметники работают совместно с преподавателями русского языка, создаются методические рекомендации по курсам для студентов-иностранцев, так как часто студент-иностранец не понимает специальный предмет только потому, что преподаватель-предметник использует языковые конструкции, которыми студент еще не овладел. Здесь происходит расширение терминологического аппарата студента, изучение и овладение характерными синтаксическими конструкциями, обучение построению логически связного высказывания, пассивное овладение научным стилем речи. Изучение специальных предметов происходит на аутентичных текстах, потому что такова реальная учебная ситуация. На этом этапе отмечается скачок в формировании коммуникативных навыков в связи с ростом интереса студентов к изучаемым дисциплинам, с необходимостью активного использования русского языка во время занятий с преподавателем-предметником, с необходимостью поиска информации вне учебной аудитории во время подготовки к занятиям. При овладении РКИ у иностранных студентов должны формироваться компетенции, обозначенные во ФГОС для высшего образования. В сегодняшней реальности оказываются успешными выпускники, отлично овладевшие специальностью, способные к коммуникации на профессиональные темы, ответственно относящиеся к построению своей карьеры в условиях высокой конкуренции на мировом рынке [7].

Профессионально ориентированное обучение – это процесс преподавания иностранного языка в неязыковом вузе, нацеленный на понимание литературы по специальности, овладение профессиональной лексикой и терминологией, а также на коммуникацию в сфере про-

фессиональной деятельности. Особенностью обучения профессионально ориентированному языку является то, что оно направляет педагогический процесс на конечный результат обучения студента в вузе – будущую профессию, которая в итоге станет сферой приложения всех получаемых знаний, умений, навыков, проверкой

их действенности. Профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному является специально организованным процессом, ориентированным своим содержанием на будущую специальность студентов и формирование коммуникативных навыков для решения профессиональных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярица Л.И. Особенности обучения русскому языку иностранных студентов из Киргизии в технических вузах Томска // Научно-педагогическое обозрение, 2022. Выпуск 1 (41). С. 115-123.
2. Дмитриенко Т.А. Профессионально ориентированные технологии обучения иностранным языкам // Модернизация образования: монография. М.: Прометей. МПГУ, 2009. 502 с.
3. Фролова Т.П. Отбор лексических единиц с целью формирования и расширения лексического запаса для чтения текстов по специальности // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 3. С. 203-206.
4. Матюшкова А.И. Обучение иностранных студентов языку специальности // Лингвистика и образование. 2020. № 1 (1). С. 107-115.
5. Беленкова Ю.С. Специфика обучения иностранному языку студентов технических специальностей // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 8. С. 58-62.
6. Бичер О. Особенности изучения РКИ для обучающихся разных языковых групп // Современное педагогическое образование. 2022. № 9. С. 71-76.
7. Габдрахманова А.Н., Галимзянова И.И. Профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному студентов различных специальностей // Вестник Марийского государственного университета. Педагогические науки. 2021. Т. 15. № 3. С. 269-274.

© Беленкова Юлия Сергеевна (yubelenkova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

THE MODERN PARADIGM OF TEACHING PROFESSIONAL TRANSLATION IN A NON- LINGUISTIC UNIVERSITY

I. Boronikhina
N. Varfolomeeva
N. Eremina
T. Kupriyanova
Yu. Shekhovskaya

Summary: Modern society and its information component place high demands on the training of professional translation of future specialists in non-linguistic specialties. The task of a foreign language teacher in a non-linguistic university is to form the translation competence of a future graduate of the university for his readiness to solve the tasks set by society in the context of digitalization and interlanguage communication.

The purpose of this article is to analyze the existing methods of teaching professional translation and the formation of translation competence in a non-linguistic university and present its model in the context of the modern educational paradigm. To achieve this goal, the authors analyze publications in the ScienceDirect, Scopus, and e-library databases in the period from 2005 to 2023, published in the Russian Federation, Europe, Asia, and America.

The results show a high level of knowledge in the field of research problems, but at the same time the role of professional translation in teaching a foreign language in a non-linguistic university remains insufficiently studied, which allows the authors, summarizing the experience of Russian and foreign researchers, to propose their own model for the formation of translation competence among students of non-linguistic specialties that meets the requirements of innovative learning.

Keywords: professional translation, modern learning paradigm, non-linguistic specialties, translation competence, innovative learning.

Боронихина Ирина Олеговна

Старший преподаватель, Российский
Биотехнологический Университет (Москва)
boronikhinaio@mgupp.ru

Варфоломеева Наталья Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, Российский
новый университет (Москва)
natalie.varf@mail.ru

Еремина Наталья Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский
государственный университет
nataly-eremina@mail.ru

Куприянова Татьяна Сергеевна

Старший преподаватель, Рязанский государственный
радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина
kafnyazrgtu@mail.ru

Шеховская Юлия Андреевна

Кандидат филологических наук, доцент, Тюменское
высшее военно-инженерное ордена Кутузова командное
училище имени маршала инженерных войск
А.И. Прошлякова
y.a.shekhovskaya@gmail.com

Аннотация: Современное общество и его информационная составляющая предъявляет высокие требования к обучению профессиональному переводу будущих специалистов неязыковых вузов. Задача преподавателя иностранного языка в неязыковом вузе состоит в формировании переводческой компетенции у будущего выпускника вуза для его готовности решать поставленные обществом задачи в условиях цифровизации и межязыковой коммуникации.

Цель данной статьи - проанализировать существующие методы обучения профессиональному переводу и формированию переводческой компетенции в неязыковом вузе и представить свою модель в контексте современной образовательной парадигмы. Для достижения поставленной цели авторами анализируются публикации в базах данных Science Direct, Scopus, e-library в период с 2005 по 2023 годы, изданные в Российской Федерации, странах Европы, Азии и Америки.

Полученные результаты показывают высокий уровень изученности в области рассматриваемой проблематики, но в тоже время роль профессионального перевода в обучении иностранному языку в неязыковом вузе остается недостаточно изученной, что позволяет авторам, обобщив опыт российских и зарубежных исследователей, предложить собственную модель формирования переводческой компетенции у студентов неязыковых специальностей, отвечающую требованиям инновационного обучения.

Ключевые слова: профессиональный перевод, современная парадигма обучения, неязыковые специальности, переводческая компетенция, инновационное обучение.

Введение

Цифровизация и информационная составляющая современного общества требует от высшего образования подготовки компетентных специалистов, владеющих иностранным языком на профессиональном уровне. Сегодня растет число выпускников неязыковых вузов, которые в своей профессиональной деятельности должны уметь пользоваться полученным набором компетенций по иностранному языку (в устной и письменной форме), что ставит перед преподавателем неязыкового вуза задачу сформировать у студентов основу переводческой компетенции, включающую в себя ряд необходимых компонентов. Все большим спросом на рынке труда пользуются специалисты, владеющими как минимум двумя иностранными языками, с чем соглашаются исследователи в разных странах. В частности, российские исследователи О.М. Карпенко, О.И., Л.И. Денисович и М.Д. Бершадская считают, что «все большую важность приобретает владение более чем одним языком, поскольку мы связаны с возрастанием информатизации общества» [10].

В контексте современной парадигмы обучения профессиональному переводу предъявляются высокие требования к обучению практическим навыкам перевода в рамках будущей специальности выпускника неязыкового вуза, подготовка которого является актуальной задачей в условиях современной межъязыковой коммуникации, тесно связанной с развитием внешнеэкономических связей [22, с. 890].

Данную проблематику рассматривают в своих работах специалисты в Российской Федерации, Белоруссии, Казахстане, а также в странах Европы, Азии и Америки. В нашей стране в некоторых неязыковых вузах существуют такие предметы как «Иностранный язык в профессиональной сфере», рассчитанный на 1 или 2 семестра. В ряде ведущих неязыковых вузов Российской Федерации, например, в Российском Биотехнологическом университете (РОСБИОТЕХ) г. Москва, существует специальный предмет «Профессионально-ориентированный перевод и коммуникация», рассчитанный на 3 семестра для студентов 3 и 4 курсов бакалавриата. Данный предмет является обязательным для студентов именно старших курсов, уже владеющих навыками устной и письменной речи, полученных во время изучения предмета «Иностранный язык» на 1 и 2 курсах.

В то же время в некоторых вузах, ведущих обучение экономических специальностей, существует структурно-функциональная модель формирования иноязычной компетентности студентов, начиная с младших курсов [15, с. 144]. Также нужно отметить программы подготовки специалистов военного перевода [18, с. 577]. Отмечается

важность овладения межкультурной компетенцией во время обучения [20, с. 77], а также развитие программного обеспечения для тестирования уровня полученных знаний [14].

Но несмотря на большое количество исследований, посвященных обучению профессиональному переводу в вузах, чаще всего в них освещается обучение, рассчитанное на подготовку профессиональных переводчиков, а не специалистов неязыковых вузов [21, с. 163]. О подготовке именно профессиональных переводчиков пишут в своих исследованиях такие российские и зарубежные специалисты как В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, А.Л. Семенов, А. Carreres и другие. Предложенные ими методы делают акцент именно на подготовке профессиональных переводчиков, что не в полной мере способствует формированию переводческой компетенции у будущего выпускника именно неязыкового вуза. Помимо этого, ряд исследователей считает, что сама методика обучения профессиональному переводу еще недостаточно изучена. Например, Ж.М. Шадже отмечает, что «несмотря на наличие большого количества работ по методике обучения иностранному языку в неязыковом вузе, остается малоизученной проблема осознанного обучения иностранному языку в неязыковом вузе и места перевода в этом процессе» [17, с. 128]. Некоторые ученые связывают обучение иностранного языка с концепцией *life-long learning*, однако в данном исследовании нас интересует только этап обучения в высшей школе [5, с. 138]. М.В. Ширинян в своем исследовании «Трудности медицинского перевода и способы их преодоления при обучении студентов неязыковых вузов» указывает на «основные сложности и особенности перевода научно-технических текстов на грамматическом, синтаксическом и лексическом уровнях» [19].

Целью данного исследования является анализ существующих методов обучения профессиональному переводу и формированию переводческой компетенции студентов неязыковых вузов и представление своей модели данной компетенции в контексте современной образовательной парадигмы.

Авторы ставят перед собой задачу ответить на следующие вопросы:

- 1) Какие этапы в процессе обучения профессиональному переводу сегодня активно используются в неязыковом вузе?
- 2) Какие компоненты должны составлять основу переводческой компетенции студентов неязыковых специальностей в современном вузе?

После анализа публикаций, исследующих данную область и получения результатов, авторами разработана и предложена собственная модель формирования

переводческой компетенции у будущих специалистов неязыковых специальностей, отвечающая требованиям концептуально новой среды инновационного обучения.

Материалы и методы

Стратегии поиска. Критерии включения и исключения

Для выявления роли профессионального перевода в обучении иностранному языку в неязыковом вузе и методов формирования переводческой компетенции, авторами анализируются источники в базах данных Science Direct, Scopus, e-library в период с 2005 по 2023 годы, изданные в Российской Федерации, Белоруссии, Казахстане, странах Европы, Азии и Америки.

Поиск исследований осуществлялся по следующим ключевым словам: профессиональный перевод, современная парадигма обучения, неязыковые специальности, переводческая компетенция, языковая компетентность, инновационное обучение, предметная компетенция, коммуникативная компетенция, языковая компетенция, методы обучения переводу. Авторы включили в свое исследование анализ научных статей, а также материалов научно-практических конференций, опубликованных на русском и английском языках. На первом этапе отбора публикаций авторы проверяли такие критерии, как названия статей, ключевые слова, аннотации. Затем авторы анализировали полный текст отобранных на первом этапе публикаций, в результате чего был составлен финальный список работ, который был включен в данное исследование.

Понятие «перевод», виды перевода, этапы работы в процессе профессионального перевода

Прежде чем перейти к вопросу о переводческой компетенции и ее формировании, необходимо начать с определения самого понятия «перевод», его видах и этапах работы в процессе перевода. В современной лингвистике существует множество определений данного понятия. П.Г. Чеботарев рассматривает «перевод» как «процесс, обеспечивающий передачу информации, выраженной на одном языке, средствами другого языка» [16]. Л.С. Бархударов трактует «перевод» как «межъязыковую трансформацию, т.е. преобразование текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке» [4]. Он выделяет следующие виды перевода: «с родного языка на иностранный и с иностранного языка на родной» [4]. Также российские и зарубежные лингвисты разделяют перевод на устный и письменный. Между устным и письменным переводом существуют существенные различия. Письменный перевод дает возможность видеть объем текста, перечитать его необходимое коли-

чество раз, использовать словари для работы с неизвестными словами. Данные возможности отсутствуют при устном переводе, где студенты лишь слышат иностранную речь, должны быстро понять смысл и перевести ее на родной язык (или наоборот), используя набор компетенций (языковых, коммуникативных), полученных на занятиях по иностранному языку.

Процесс перевода делится на несколько этапов. Ж.М. Шадже считает, что «процесс перевода включает три этапа: восприятие речи (текста), расшифровка (анализ, грамматический, лексический разбор), передача речи, текста на родном языке» [17, с. 131].

Авторы данного исследования предлагают рассмотреть и проанализировать письменный профессиональный перевод в неязыковом вузе, как один из актуальных видов перевода по специальности, чаще всего представленный в виде научно-технических текстов.

На основе проанализированных источников в области этапов обучения профессиональному переводу, авторы предлагают свою схему работы над профессиональным переводом, включающую следующие этапы:

1 этап – Введение в специальность/профессиональную сферу

На данном этапе преподаватель может использовать различные ситуации, которые встречаются в профессиональной сфере студентов, вовлекая студентов в дискуссию, анализ полученной информации и решение проблемы, с которой может столкнуться будущий специалист в своей профессиональной деятельности.

2 этап – Предпереводческий анализ текста

Предпереводческий анализ – это предварительное ознакомление с предложенным для перевода текстом для анализа его вида, структуры, цели. М.Р. Гараева и А.Ю. Гиниятуллина определяют предпереводческий анализ как «многоаспектную аналитическую деятельность по извлечению смысла оригинала и определению инварианта перевода» [6]. Схема предпереводческого анализа представлена в работах многих исследователей.

Например, Кристиана Норд считает, что предпереводческий анализ текста можно разделить на «две категории:

- 1) экстралингвистические факторы (автор, реципиент текста, способ передачи сообщения, место создания текста, время создания текста, повод создания текста, коммуникативная цель текста);
- 2) лингвистические факторы (тема текста, содержание текста, структура текста, синтаксические особенности текста, лексический состав текста)» [24].

И.С. Алексеева включает свою схему предпереводческого анализа «следующие составляющие:

- 1) Сбор внешних сведений о тексте (автор текста, период создания и издания исходного текста, источник текста, реципиент текста);
- 2) Определение состава информации и ее плотности (когнитивная, оперативная, эмоциональная, эстетическая);
- 3) Речевой жанр и стиль;
- 4) Коммуникативная цель;
- 5) Дополнительные лексические характеристики текста (ведущая речевая форма, вид текста – устный или письменный, характер композиции – стандартизированный или свободный, тональность – нейтральная, сниженная, высокая)» [2].

Авторы выбрали для второго этапа схему предпереводческого анализа, предложенную И.С. Алексеевой, по мнению авторов данная схема является наиболее полной и структурированной, а также помогает перейти на следующий этап и выбрать стратегию перевода.

3 этап – Выбор стратегии перевода

Согласно И.С. Алексееву, стратегия перевода – «это осознанно выбранный переводчиком в ходе экспертной коммуникативной деятельности алгоритм его действий, направленных на создание продукта – текста перевода, с обязательным учетом профессиональной этики перевода» [3]. На данном этапе формулируется цель перевода, осуществляется прогнозирование и планирование дальнейшей работы по переводу научно-технического текста.

4 этап – Осуществление непосредственно самого перевода (использование переводческих трансформаций, перевод терминов, работа со словарями и электронными ресурсами)

В.Н. Комиссаров дает следующее определение понятию «переводческая трансформация» - «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода, называются переводческими трансформациями» [11, с. 192].

В современной лингвистике есть различные подходы к классификации переводческих трансформаций. Некоторые лингвисты разделяют переводческие трансформации на две группы - лексические и грамматические. Согласно классификации В.Н. Комиссарова, «существуют лексико-семантические трансформации: конкретизация, генерализация, модуляция; грамматические трансформации: синтаксическое уподобление, членение предложения, объединение предложений, грамматические замены (формы слова, части речи, члена предложения);

комплексные лексико-грамматические трансформации: антонимический перевод, экспликация (описательный перевод), компенсация» [11, с. 193].

Вне зависимости от выбора классификации переводческих трансформаций, важным является тот факт, и большинство лингвистов здесь сходятся во мнении, что профессиональный перевод текста невозможно осуществить без использования переводческих трансформаций из-за индивидуальных особенностей отдельно взятого языка, а «благодаря переводческим стратегиям удастся точно и в полном объеме передать мысль автора» [13].

Научно-технические тексты требуют точного представления информации при переводе. Язык профессионального общения включает в себя такое понятие, как «термины». Термины, существующие в профессиональном языке, не могут рассматриваться отдельно, они существуют в системе. «Под терминосистемой понимается упорядоченная совокупность терминов, адекватно выражающих систему понятий специальной сферы человеческой деятельности, между которыми существует обязательная и неотъемлемая связь, а совокупность связей внутри такой системы определяет его структуру» [9, с. 6]. Рассматривая перевод терминов, Д.Г. Карелова указывает на то, что «специфика перевода терминов, заключается в том, что важнейшим условием достижения эквивалентности является сохранение в переводе содержательной точности единиц исходного языка, обеспечение абсолютной идентичности понятий, выражаемых терминами исходного языка и языка перевода» [9, с. 17]. Д.Г. Карелова подчеркивает, что «выявление расхождений в системе понятий, выражаемых терминами исходного языка и языка перевода, – важный шаг на пути межъязыковой гармонизации терминосистем, обеспечивающей решение проблем перевода терминов» [9, с. 18].

Особое место в переводе научно-технического текста занимает работа со словарями, так как в процессе перевода студентам приходится иметь дело с большим количеством незнакомых слов. Сегодня студенты все чаще используют электронные словари, заменяя ими печатные носители. Словарь помогает студентам не только в поиске значений незнакомых слов при переводе научно-технических текстов, но и является важным инструментом для формирования переводческой компетентности будущих специалистов неязыковых вузов.

Сегодня при работе над переводом большой популярностью среди студентов пользуются электронные программы-переводчики, такие как «Google translate» и «Яндекс-переводчик. Стремление быстро получить результат приводит к тому, что студенты часто отказы-

ваются использовать в своей работе словари, а пользуются вышеуказанными программами-переводчиками. Использовать или нет в работе электронные программы-переводчики – это достаточно спорный вопрос в лингвистике. Одни исследователи выступают категорически против использования подобных программ-переводчиков, другие считают, что ими можно пользоваться, но при этом использовать дифференцированный подход в их использовании. Например, Н.Н. Журавлева, Л.А. Попутникова, Д.А. Орлов считают, что необходимо «продемонстрировать ошибки систем машинного перевода и систематически требовать от студентов более качественный результат. Речь не идет о запрете использования современной техники, наоборот, надо стремиться обратить ее в пользу учебного процесса. К примеру, можно дать задание исправить ошибки электронного переводчика. Данного рода упражнение может пойти на пользу не только в плане развития умений переводческой деятельности, но и будет активной тренировкой для формирования грамматических навыков, пополнения словарного запаса студентов» [8]. Авторы считают данный подход обоснованным, поскольку он не запрещает студентам использовать современные электронные ресурсы, которые прочно вошли в современную жизнь каждого человека, но в то же время заставляет их «пропускать» электронный перевод через призму своих знаний, умений и навыков по иностранному языку, достигая в итоге качественного результата.

5 этап – Редактирование перевода.

На данном (заключительном) этапе в переводе осуществляется поиск возможных ошибок, неточностей, расхождений и их последующее исправление.

По мнению авторов, вышеописанная схема является оптимальной для обучения переводу в неязыковом вузе и позволяет студентам неязыковых специальностей поэтапно и вдумчиво работать над переводом, пополнять свой словарный запас, расширять диапазон языковых компетенций и научиться их применять в профессиональной деятельности.

Формирование переводческой компетенции студентов неязыковых специальностей

Проанализированные авторами исследования показали, что целью обучения профессиональному переводу является формирование переводческой компетенции. Формирование переводческой компетенции отражено в работах многих российских и зарубежных исследователей: А.В. Конышевой, Е.В. Суворова, Л.К. Латышева, Л.К. Гейхман, Ю. Хольц-Мянттяри, А.А. Хуртадо. Анализ показывает, что исследователи не пришли к единому пониманию самого понятия «переводческая компетенция», каждый исследователь дает свое определение данной компетенции. Л.К. Латышев отмечает, что «переводческая компетенция» — это «совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих переводчику успешно решать свои профессиональные задачи» [12]. Согласно А.В. Гребенщиковой, «переводческая компетенция – это интегративная характеристика личности специалиста, включающая лингвистическую, социокультурную, психологическую и информационную компетенции и позволяющая переводчику эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность» [7]. А.А. Хуртадо выделяет следующие виды переводческой компетенции – «лингвистическую, экстралингвистическую, текстовую, стратегическую, профессиональную и «компетенцию передачи» – умение переходить с одного языка на другой, понимать текст оригинала и способность воссоздания его на другом языке без потери смысла» [23].

По мнению авторов, большинство исследователей дают определение переводческой компетенции применительно к обучению профессиональных переводчиков, в то время как данное исследование рассматривает формирование переводческой компетенции для студентов неязыковых вузов, в состав которой, по мнению авторов, должны входить такие компоненты, как:

- языковая компетенция (лексика, грамматика, семантика родного и иностранного языка),
- коммуникативная компетенция (коммуникация на двух языках),
- предметная компетенция (углубленное понимание предмета или специальности, терминология),
- техническая компетенция (умение пользоваться современными электронными ресурсами).

Из анализа данной модели видно, что в неязыковом вузе формирование целостной переводческой компетенции необходимо рассматривать в комплексе, состоящем из языковой, коммуникативной, предметной и технической компетенций, каждая из которых выполняет свою определенную задачу, но в комплексе все четыре вида составляют единую целостную структуру.

Заключение

Современное высшее образование должно идти в ногу с научно-техническим прогрессом и информационной трансформацией общества, которому нужны профессионалы, владеющие иностранным языком (или иностранными языками) в устной и письменной форме. В условиях неязыкового вуза формирование переводческой компетенции студентов «должно быть направлено на формирование необходимых навыков работы с научно-техническим дискурсом, на перевод и развитие контекстуальной догадки, на расширение активного словарного запаса широкоупотребительных общетех-

нических слов и терминов» [1]. В контексте современной парадигмы обучения профессиональному переводу необходимо предъявлять высокие требования к обучению практическим навыкам перевода в рамках будущей специальности выпускника неязыкового вуза. Современный выпускник неязыкового вуза должен осознавать, что профессиональный перевод даст ему возможность стать востребованным специалистом на современном рынке труда, поможет в решении профессиональных задач и получении доступа к международным информа-

ционным и цифровым ресурсам, отборе для себя лишь тех, которые будут необходимы в его профессиональной деятельности.

Данная статья может помочь будущим исследователям более детально рассмотреть и проанализировать проблематику формирования переводческой компетенции в неязыковом вузе, а также дополнить предложенную авторами модель формирования данной компетенции у студентов неязыковых специальностей в контексте концептуально новой среды высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллахитов Р.Ш., Попова Н.В. Реферативный перевод текстов как средство формирования универсальных компетенций / Неделя науки СПбПУ: материалы научного форума с международным участием. Гуманитарный институт. Часть 1 – СПб.: Изд-во Политехн. унта, 2016 С. 46–49.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. фи- лол. и лингв. фак. высш. учеб. Заведений/ И.С. Алексеева. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. - 352 с.
3. Алексеева И.С. Вопросы теории. — М.: Междунар. отношения, 2008. - 184 с.
4. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 2020. - 239 с.
5. Бочкина, Е.В. Основные компоненты образовательной концепции "life-long learning" / Е.В. Бочкина // Эпоха науки. – 2023. – № 34. – С. 138-142. – DOI 10.24412/2409-3203-2023-34-138-142. – EDN CQSQAM.
6. Гараева М.Р., Гиниятуллина А.Ю. Учебное пособие «Переводческий анализ текста. Translation analysis» / Под ред. доктора филол. наук, профессора Хисамовой В.Н. – Казань, 2016. – 15 с.
7. Гребенщикова А.В. Формирование профессиональной компетентности переводчиков средствами информационно-коммуникационных технологий (на примере английского языка): Монография. – Челябинск: Изд-во «Симарс», 2009. – 161 с.
8. Журавлева Н.Н., Попутникова Л.А., Орлов Д.А. Проблема использования словарей и электронного переводческого сервиса при переводе специальной литературы с германских языков // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 4.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26551> (дата обращения: 11.01.2024)
9. Карелова, Д.Г. Специфика перевода терминов в профессионально-ориентированных текстах строительной тематики: учебное пособие / Д.Г. Карелова. – М.: МАДИ, 2019. – С. 6-18.
10. Карпенко О.М., Лукьяненко О.И., Денисович Л.И., Бершадская М.Д. К вопросу о компетентном подходе в российском образовании. // Инновации в образовании. – 2004. – № 6, С.5-13.
11. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТОС, 2014. – С 190-198.
12. Латышев Л.К. Технология перевода. 4-е издание. М.: Академия, 2008. – 320 с.
13. Мокрополова А.Н., Шушарина Г.А. Основные стратегии перевода // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-2. – С. 136-137.
14. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023680885 Российская Федерация. Интегрированная обучающая система тестирования студентов высших учебных заведений: № 2023669765 : заявл. 27.09.2023; опубл. 06.10.2023 / А.Л. Золкин, А.В. Юмашев, Ю.Н. Коваль [и др.]; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики". – EDN YUXMYS.
15. Структурно-функциональная модель формирования иноязычной компетентности студентов-экономистов / Ю. Ван, Н.Л. Харченко, С.С. Усов [и др.] // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2023. – № 2(50). – С. 144-155. – DOI 10.54509/22203036_2023_2_144. – EDN GRKQVD.
16. Чеботарев, П.Г. Перевод как средство и предмет обучения: Научнометод. пособие. / П.Г. Чеботарев. – М.: Высшая школа, 2006. – 320 с.
17. Шадже З.М. Роль перевода в обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, №1, С. 126-133.
18. Шеховская, Ю. А. Обучение военному переводу курсантов / Ю.А. Шеховская // Военно-гуманитарный альманах: материалы XVII Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации, Москва, 30 июня 2023 года / Военный университет. – Москва: Военный университет, 2023. – С. 577-584. – EDN QFYXQX.
19. Ширинян М.В. Трудности медицинского перевода и способы их преодоления при обучении студентов неязыковых вузов / М.В. Ширинян, С.В. Шустова // Язык и культура. 2018. № 43. С. 295-316.
20. Ялаева, Н.В. Межкультурная компетенция в подготовке юристов / Н.В. Ялаева // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2014. – № 2(27). – С. 77-82. – EDN TXUMCN.
21. Ялаева, Н.В. "Смешанное обучение" в неязыковом вузе / Н.В. Ялаева // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам. – 2013. –

№ 7. – С. 163-167. – EDN TWNYOH.

22. Gushchin, A., Divakova, M., Trends of E-education in the context of cybernetics laws. *Procedia-Social and Behavioral Sciences* 214 (2015), 890-896.
23. Hurtado A. Albir «Las traducciones envejecen». 2004. [Электронный ресурс]: <http://www.educacion.es/redele/biblioteca/gamboa/capitulo2.pdf> Дата обращения 11.01.2024.
24. Nord C. *Text Analysis in Translation: theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis* / C. Nord. Amsterdam: Rodopy, 2005. – 274 p.

© Боронихина Ирина Олеговна (boronikhinaio@mgupp.ru), Варфоломеева Наталья Сергеевна (natalie.varf@mail.ru),
Еремина Наталья Владимировна (nataly-eremina@mail.ru), Куприянова Татьяна Сергеевна (kafinyazrgtu@mail.ru),
Шеховская Юлия Андреевна (y.a.shekhovskaya@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИНКЛЮЗИВНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

ON THE ISSUE OF CREATING AN INCLUSIVE ELECTRONIC INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT

**Yu. Brykin
E. Melikhova
E. Ruslyakova
I. Bagdasarova
R. Esipov**

Summary: The article explores the concept of inclusivity in the context of the electronic information and educational environment (EISE). The authors examine the concept of inclusivity and its role in education, highlighting how modern technologies implemented in EIOS can help create a learning environment that is adapted to all students, regardless of their needs. The article highlights the key aspects and significance of inclusion in EIES and emphasizes its importance for creating a more fair and equitable education. The article draws attention to the concept and features of inclusive EIOS, and also emphasizes the importance of creating an educational environment that will be accessible and suitable for all students, regardless of their needs and abilities.

Keywords: inclusive learning, electronic information and educational environment, educational community, equal opportunities.

Современный мир на пути к созданию цивилизованного общества руководствуется гуманистической целью – обеспечение полноценного активного участия лиц с особыми образовательными потребностями в жизни общества и решения вопросов, связанных с их приобщением к всеобщей общественной жизни [1, с. 38]. Реализация государственной политики России по интеграции лиц с особыми образовательными потребностями в информационное общество требует обеспечения удобных условий их жизни и быта, а также

Брыкин Юрий Вадимович
Кандидат педагогических наук, доцент, Московский университет имени С.Ю. Витте
ybrykin@muiv.ru

Мелихова Екатерина Викторовна
Кандидат филологических наук, доцент, Российский биотехнологический университет (Москва)
melihovaev@mgupp.ru

Руслякова Екатерина Евгеньевна
Кандидат психологических наук, доцент, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
ekaterina-ruslyakova@yandex.ru

Багдасарова Илона Юрьевна
Старший преподаватель, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)
ivasha2509@gmail.com

Есипов Роман Анатольевич
Старший преподаватель, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС» (Москва)
int4041026@yandex.ru

Аннотация: В данной статье исследуется концепция инклюзивности в контексте электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС). Авторы рассматривают понятие инклюзивности и ее роль в образовании, освещая, как современные технологии, внедренные в ЭИОС, могут содействовать созданию обучающей среды, адаптированной для всех студентов, независимо от их потребностей. Статья выделяет ключевые аспекты и значимость инклюзивности в ЭИОС и подчеркивает ее важность для формирования более справедливого и равноправного образования. В статье обращается внимание на понятие и особенности инклюзивной ЭИОС, а также подчеркнуть важность создания образовательной среды, которая будет доступна и подходить для всех студентов, независимо от их потребностей и способностей.

Ключевые слова: инклюзивное обучение, электронная информационно-образовательная среда, образовательное сообщество, равные возможности.

возможности пользоваться средствами связи и иметь доступ к информации [7, с. 183]. Живя в эпоху информационного общества, невозможно быть его полноценным членом без навыков поиска, сбора, хранения и передачи информации [4, с. 166]. Особенно это касается людей с функциональными ограничениями, для которых информационные технологии становятся основным средством коммуникации [3, с. 50]. Учитывая важность получения образования в процессе интеграции в информационное общество обучающихся с функциональными ограниче-

ниями, необходимо уделить внимание решению проблем, связанных с формированием путей социально-педагогической интеграции этой категории обучающихся, в частности, благодаря внедрению в процесс их обучения цифровым технологиям [12].

В современном мире образование переживает настоящую революцию, привнося в учебные процессы новейшие технологические инновации [14, с. 207]. Одним из ключевых инструментов становится электронная информационно-образовательная среда (ЭИОС), которая открывает перед нами огромное количество новых возможностей и вызовов. Инклюзивность в образовании – это концепция, которая признает равные возможности и доступность образования для всех студентов, включая тех, у кого есть специальные потребности. Инклюзивное образование стремится создать такую образовательную среду, где каждый студент может полноценно учиться и развиваться в соответствии со своими потребностями и способностями. В этом контексте важно использование адаптивных технологий, которые помогут студентам справиться с любыми трудностями, возникающими в процессе обучения [5, с. 59].

ЭИОС является одним из главных инструментов реализации инклюзивного образования. Он предоставляет возможность создания различных образовательных материалов и заданий, которые могут быть адаптированы для каждого студента в соответствии с его специальными потребностями. Например, студенты с ограниченными возможностями могут использовать специальное программное обеспечение или устройства для облегчения доступа к образовательным материалам и выполнения заданий [2, с. 55].

С целью исключения формального подхода к данному вопросу, чтобы инклюзивная ЭИОС действительно работала, необходимо создание подходящей образовательной среды. Это означает, что педагоги и администрация образовательных заведений должны быть готовы к изменениям и адаптации учебных программ и методик в соответствии с потребностями своих студентов [8, с. 22]. Кроме того, важно обеспечить толерантность и уважение в образовательном сообществе, чтобы каждый студент чувствовал себя принятым, а особые потребности его уважались всеми членами коллектива [13, с. 132].

Инклюзивная ЭИОС может быть использована во многих областях образования, от начальной школы до высшего образования. Например, в начальной школе она может помочь детям с ограниченными возможностями здоровья учиться вместе со своими сверстниками, осваивая такие навыки, как чтение, письмо и математика. В сфере высшего образования она может предоставить студентам с особыми потребностями доступ к специализированным курсам и материалам, которые помогут им

успешно завершить свою учебную программу [9, с. 229; 11, с. 1525].

Инклюзивная ЭИОС – это важный шаг в развитии образования, который позволяет предоставить равные возможности и доступность образования для всех студентов. Она требует создания подходящей образовательной среды, использования адаптивных технологий и поддержки толерантности в образовательном сообществе. И только при таком подходе мы сможем обеспечить успешное обучение и развитие каждого студента, независимо от его специальных потребностей и способностей. Это не просто сборник электронных материалов, а целая образовательная платформа, объединяющая в себе интерактивные курсы, виртуальные классы, адаптивные учебники и множество других ресурсов. Ее создание и развитие направлены на улучшение образовательного опыта и делают его более интересным и доступным для всех участников [10, с. 457].

Одним из главных принципов, на которых основывается работа ЭИОС, является инклюзивность в образовании [6]. Инклюзивность означает создание среды, в которой каждый студент, вне зависимости от своих особенностей и потребностей, может успешно учиться и развиваться как личность и профессионал. Она стремится учесть разнообразие учащихся, включая тех, у кого есть ограниченные возможности, и предоставить им равные возможности для обучения и участия в образовательном процессе.

В рамках ЭИОС разработаны специальные программы и инструменты, которые позволяют адаптировать образовательный материал для разных групп студентов. Интерактивные курсы и учебники предоставляют возможность индивидуализации обучения, учитывая особенности каждого ученика. Виртуальные классы и форумы способствуют обмену знаниями и опытом между студентами, создавая коммуникативную среду, в которой каждый может выразить свое мнение и задать вопросы [6].

Особое внимание уделяется студентам с ограниченными возможностями здоровья. Для них разработаны специальные адаптивные учебные материалы, которые позволяют представить материал в доступной форме. Также предусмотрены инструменты, которые помогают студентам с ограниченными физическими возможностями в использовании платформы и участии в образовательном процессе.

Целью ЭИОС является не только предоставление доступа к образованию, но и создание условий для его качественного освоения. Платформа стремится к тому, чтобы каждый студент мог реализовать свой потенциал, раскрыть свои способности и достичь успеха в учебе.

Все ресурсы и инструменты, предоставляемые ЭИОС, разработаны с учетом современных методик обучения и научных достижений, чтобы обеспечить максимальную эффективность образовательного процесса.

ЭИОС - это не только средство для получения знаний, но и платформа для развития навыков и компетенций, которые будут полезны студентам в будущей профессиональной деятельности. Она предоставляет возможности для самостоятельной работы, исследовательской деятельности и коллективного творчества, что способствует развитию творческого мышления, критического мышления и коммуникативных навыков.

ЭИОС – это современная образовательная среда, которая объединяет в себе передовые технологии и инклюзивные подходы к обучению. Она делает образование более доступным, интересным и эффективным для всех студентов, вне зависимости от их особенностей и потребностей. ЭИОС - это будущее образования, где каждый может найти свое место и реализовать свой потенциал.

Инклюзивность в контексте ЭИОС представляет собой создание ресурсов, которые способствуют успешному использованию каждым студентом, независимо от их специальных потребностей или физических ограничений. Это означает, что контент должен быть доступным, интерфейсы должны быть адаптивными, а образовательный процесс должен учитывать индивидуальные потребности каждого обучающегося.

В современном мире технологии играют ключевую роль в обеспечении инклюзивности в ЭИОС. Программы с функцией озвучивания текста, системы распознавания речи и адаптивные приложения – все это делает обучение более доступным и удобным для всех студентов. Благодаря таким технологиям студенты с ограниченными возможностями могут получать знания и участвовать в образовательном процессе наравне со своими сверстниками.

Одно из основных преимуществ инклюзивности в ЭИОС – это возможность удовлетворить потребности разных типов обучения. Некоторые студенты предпочитают аудиальное обучение, другие предпочитают визуальное или кинестетическое обучение. Инклюзивные образовательные технологии позволяют адаптировать образовательные материалы и методы обучения, чтобы соответствовать потребностям каждого студента, что позволяет каждому студенту эффективно усваивать информацию и достигать своих учебных целей [1; 2; 4; 5; 9; 11; 12].

Кроме того, инклюзивность в ЭИОС способствует созданию равных возможностей для всех студентов. Она

помогает преодолеть преграды, с которыми сталкиваются студенты с ОВЗ или специальными образовательными потребностями. Благодаря доступности и адаптивности технологий, студенты могут участвовать в образовательном процессе независимо от своих физических возможностей или специальных потребностей.

В целом, инклюзивность в ЭИОС является неотъемлемой частью современного образования и способствует улучшению доступности и качества образования для всех студентов. Современные технологии позволяют создавать инклюзивные ресурсы и обеспечивать равные возможности для всех студентов, что в свою очередь помогает сделать образование более справедливым, разнообразным и эффективным.

Во-первых, одним из главных преимуществ инклюзивной ЭИОС является обеспечение равных возможностей для каждого студента. Благодаря использованию этой системы, все учащиеся могут получить доступ к необходимым знаниям и активно участвовать в учебном процессе. ЭИОС позволяет учителям предоставлять учебный материал и задания в различных форматах, что помогает поддерживать равные возможности для всех студентов, вне зависимости от их особенностей или потребностей.

Во-вторых, инклюзивная ЭИОС стимулирует активность студентов. С помощью интерактивных и адаптивных элементов, эта система мотивирует учащихся к более активному участию в учебном процессе. Например, задания, предлагаемые в ЭИОС, могут быть интерактивными и требовать непосредственного участия студента, что способствует его активному вовлечению в обучение. Такой подход позволяет стимулировать интерес к предмету и мотивировать студентов к достижению лучших результатов.

В-третьих, разнообразие методов обучения является еще одним достоинством инклюзивной ЭИОС. Благодаря широкому выбору образовательных ресурсов, предоставляемых системой, преподаватели имеют возможность выбирать наиболее подходящие методы обучения для каждого студента. Например, в зависимости от потребностей и способностей студента, можно предоставить ему видеоуроки, интерактивные учебники или другие форматы, которые наиболее эффективны для его индивидуального обучения. Такой подход способствует более эффективному усвоению материала и повышению успеваемости студентов.

Также следует отметить, что инклюзивная ЭИОС – это не просто технологическое достижение, но и инструмент социального развития, который открывает двери образования для всех студентов, независимо от их физических, психологических или интеллектуальных особен-

ностей. Благодаря использованию инклюзивной ЭИОС образовательные учреждения могут создать более равные и справедливые условия для обучения всех студентов, способствуя их личностному и профессиональному развитию в различных сферах.

Инклюзивная ЭИОС представляет собой эффективный инструмент, который обеспечивает равные возможности, стимулирует активность студентов, предлагает разнообразие методов обучения и способствует социальному развитию. Внедрение этой системы в образовательные учреждения может значительно улучшить качество образования и сделать его более доступным для всех студентов.

Создание образовательной среды, способной адаптироваться к потребностям каждого студента, является ключевым шагом в развитии более справедливой и равной системы образования. Инклюзивная электронная информационно-образовательная среда (ЭИОС) - это будущее образования, где никто не будет исключен из процесса обучения, а каждый студент будет иметь возможность полностью раскрыть свой потенциал и осуществить свои учебные мечты.

Современная ЭИОС предлагает уникальные технологические решения для реализации принципа инклюзивности. В ее состав входят адаптивные интерфейсы, программное обеспечение с функцией озвучивания текста, а также виртуальная и дополненная реальность, которые позволяют студентам с различными потребностями получать доступ к образовательному контенту.

Адаптивные интерфейсы в ЭИОС позволяют настроить процесс обучения под индивидуальные особенности каждого студента. Это включает изменение размера и цвета шрифта, регулировку скорости прокрутки текста и настройку интерфейсов под разные виды инвалидности. Таким образом, студенты с ограниченными возможностями могут использовать ЭИОС без препятствий и получать необходимую информацию.

Программное обеспечение с функцией озвучивания текста является незаменимым инструментом для студентов с нарушениями зрения или дислексией. Оно позволяет преобразовывать текст в звуковой формат и проигрывать его, что значительно облегчает процесс чтения и понимания информации. Благодаря этой функции, студенты с различными особенностями могут учиться наравне со всеми и не чувствовать себя исключенными из образовательной среды.

В целом, инклюзивная ЭИОС является необходимым инструментом для создания более справедливой и равной системы образования. Она позволяет адаптироваться к различным потребностям студентов и обеспечивает

равные возможности для всех. Вместе с адаптивными интерфейсами, программным обеспечением с функцией озвучивания текста и технологиями виртуальной и дополненной реальности, она открывает новые горизонты в образовании и позволяет каждому студенту раскрыть свой потенциал и осуществить свои учебные мечты. Также ЭИОС обеспечивает не только равные возможности для всех студентов, но и способствует развитию толерантного и внимательного образовательного сообщества. В такой среде студенты учатся уважать и ценить различия, признавая уникальность каждого и стремясь к построению общества, основанного на включении и взаимной поддержке.

Однако задача образовательных учреждений и общества в целом не заканчивается лишь на внедрении инклюзивных технологий. Она также включает в себя продолжение обсуждения и развития темы инклюзивного образования. Создание и поддержка образовательной среды, которая не только инклюзивна, но и уважает и принимает разнообразие студентов, является общим путем к более справедливому и равноправному миру. Инклюзивная ЭИОС стремится к тому, чтобы учащиеся с различными способностями и потребностями получали равные возможности для образования и развития. Она признает, что каждый студент уникален и имеет право на доступ к качественному образованию, которое соответствует его индивидуальным потребностям.

Одной из основных целей инклюзивной ЭИОС является создание полноценной и поддерживающей обучающей среды, где каждый студент может чувствовать себя принятым и уважаемым. Это включает в себя не только адаптацию учебного материала и методик, но и формирование позитивного и нераздельного отношения к различиям и индивидуальным потребностям каждого студента. Инклюзивная ЭИОС также подразумевает активное участие студентов в образовательном процессе. Это означает, что они должны иметь возможность выражать свои мысли и идеи, задавать вопросы и участвовать в обсуждениях. Важно, чтобы каждый студент чувствовал свою значимость и важность своего вклада в учебную группу.

Она также подразумевает применение различных методов и стратегий обучения, чтобы удовлетворить потребности разнообразных студентов. Это может включать в себя использование визуальных и аудиальных материалов, групповую работу, адаптивные технологии и другие инструменты, которые помогают студентам лучше усваивать информацию и развивать свои умения.

Следуя основному принципу инклюзивного обучения - признанию и уважению прав каждого студента на образование и развитие, ЭИОС нацелена на создание общества, где различия принимаются и ценятся, а каж-

дый человек имеет возможность достичь своего полного потенциала и внести свой вклад в будущее общества. Инклюзивная ЭИОС – это не только метод обучения, но и философия, которая является основой для создания более справедливого и равноправного образования для всех. Благодаря внедрению цифровых технологий в процесс обучения и инклюзивного обучения, в частности, дети с особыми потребностями могут получить доступ к различным учебным материалам в доступном формате, эффективнее усваивать новые знания и демонстрировать свои учебные достижения. Таким образом,

ЭИОС позволит обучающимся с особыми потребностями полноценно включиться как в образовательный процесс, так и в современное информационное общество. ЭИОС – это современная образовательная среда, которая объединяет в себе передовые технологии и инклюзивные подходы к обучению. Она делает образование более доступным, интересным и эффективным для всех студентов, вне зависимости от их особенностей и потребностей. ЭИОС — это будущее образования, где каждый может найти свое место и реализовать свой потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ применения мезодизэнцефальной модуляции в коррекции стрессовых нарушений / А.В. Юмашев, В.А. Павлов, О.И. Адмакин [и др.] // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. – 2016. – № 12. – С. 38-48. – EDN YHPTGD.
2. Бочкина, Е.В. Позиционное обучение, как способ преодоления эгоцентризма в дошкольном возрасте / Е.В. Бочкина // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-1. – С. 55-57. – EDN SBZPUZ.
3. Гуцин, А. Н. Информационные технологии в управлении / А.Н. Гуцин. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 112 с. – ISBN 978-5-4475-1426-6. – EDN YUCADR.
4. Лингвистический аспект обеспечения функционирования систем обработки информации / А.Н. Корнетов, С.С. Усов, Н.С. Плетнева [и др.] // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков : сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции, Москва, 30 сентября 2022 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство АЛЕФ", 2022. – С. 166-172. – DOI 10.34755/IROK.2022.96.20.053. – EDN NFAMHN.
5. Основные принципы реализации компетентного подхода в инклюзивной образовательной среде / Н.Л. Харченко, Н.В. Кузнецова, И.Ю. Багдасарова [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 1-2. – С. 59-63. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.01-2.31. – EDN PDTSPG.
6. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2018615562 Российская Федерация. Контент электронного курса по учебной дисциплине высшего образования "Иностранный язык (английский) для направления подготовки "Социальная работа": № 2018612718: заявл. 21.03.2018: опубл. 10.05.2018 / С.Н. Курбакова, М.А. Ганюшина, А.Р. Еферова, Н.С. Варфоломеева; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет». – EDN DORLOE.
7. Харченко, Н.Л. Актуальная ситуация с обучением лиц с ОВЗ в России / Н.Л. Харченко, О.А. Козлов // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ "Нацразвитие": Международная научно-методическая конференция «Проблемы управления качеством образования»; Международная студенческая научная конференция «Поколение будущего», Санкт-Петербург, 29–31 марта 2019 года / Выпускающий редактор Ю.Ф. Эльзесер; Ответственный за выпуск С.В. Викторенкова. Том Часть 2. – Санкт-Петербург: ГНИИ "Нацразвитие", 2019. – С. 183-189. – EDN WAVLAW.
8. Шиян, О.А. Как развивать циклические представления у дошкольников? / О.А. Шиян, Е.В. Бочкина, Е.В. Крашенинникова // Современное дошкольное образование: теория и практика. – 2015. – № 2(54). – С. 22-33. – EDN VOICIB.
9. Ensuring The Quality of Healthcare Services in Medicine and Dentistry: The Role of Medical Education, Regulatory Requirements and Effective Practices / K.S. Seitkazina, M.M. Burzakhanov, A.V. Yumashev [et al.] // Journal of Complementary Medicine Research. – 2023. – Vol. 14, No. 3. – P. 229-232. – DOI 10.5455/jcmr.2023.14.03.37. – EDN WYKIJZ.
10. Gushchin A. "To teach learning..." or on the culture of thinking of today's students // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 214. – P. 457-464.
11. Professional Development of Rural Teachers Based on Digital Literacy / H. Soekamto, I. Nikolaeva, A.A.A. Abbood [et al.] // Emerging Science Journal. – 2022. – Vol. 6, No. 6. – P. 1525-1540. – DOI 10.28991/ESJ-2022-06-06-019. – EDN MNMFDG.
12. Psychological and Pedagogical Aspects of Increasing the Educational Process Efficiency in a University for Specialists in the Field of Physical Education and Sport / I.P. Gladilina, A.V. Yumashev, T.I. Avdeeva [et al.] // Espacios. – 2018. – Vol. 39, No. 21. – P. 11. – EDN XNAYGT.
13. Trufanov, G.A. Crisis and conflict in Russian contemporary social media / G.A. Trufanov // Конфликтология. – 2021. – Vol. 16, No. 1. – P. 132-158. – EDN DZCTXE.
14. Trufanov, G.A. Governmental control over information distribution as a basis of the social conflict / G.A. Trufanov // Конфликтология. – 2019. – Vol. 14, No. 3. – P. 207-221. – EDN SMRPDE.

© Брыкин Юрий Вадимович (ybrykin@muiv.ru), Мелихова Екатерина Викторовна (melihovaev@mgupp.ru),
 Русякова Екатерина Евгеньевна (ekaterina-ruslyakova@yandex.ru), Багдасарова Илона Юрьевна (ivasha2509@gmail.com),
 Есипов Роман Анатольевич (int4041026@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Будаева Эржена Владимировна

Старший преподаватель, Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова
erchena@yandex.ru

FORMATION OF CORPORATE CULTURE OF STUDENTS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY

E. Budaeva

Summary: This article examines corporate culture, which is of great importance for creating a healthy psychological and moral climate in the team and contributes to the adaptation of its new members to new professional and social conditions of professional activity for them. Higher education institutions are a complex organization in modern conditions, which is characterized by a specific educational space with a powerful potential for the development of corporate culture within its boundaries. The corporate culture of a higher educational institution is particularly specific, since the composition of its carriers is extremely dynamic, since its significant part consists of students, which causes its permanent renewal. Thus, the obligation of universities to develop corporate culture among their students is enshrined in modern curricula of higher education.

Keywords: development of education, corporate culture, educational environment of the university, educational space, activity of subjects.

Аннотация: В данной статье рассматривается корпоративная культура, которое имеет большое значение для создания здорового психологического, нравственного климата в коллективе и способствует адаптации его новых членов к новым для них профессиональным и социальным условиям профессиональной деятельности. Высшие учебные заведения представляют собой в современных условиях сложную организацию, которая характеризуется специфическим образовательным пространством с мощным потенциалом для развития в его границах корпоративной культуры. Корпоративная культура высшего учебного заведения отличается особой спецификой, поскольку состав ее носителей чрезвычайно динамичен, так как его значительная часть состоит из студентов, что обуславливает его постоянное обновление. Таким образом, обязанность ВУЗов развивать среди своих студентов корпоративную культуру закреплена в современных учебных программах высшего образования.

Ключевые слова: развитие образования, корпоративная культура, образовательная среда ВУЗа, образовательное пространство, активность субъектов.

Как свидетельствует анализ работы ВУЗов, многие молодые специалисты на первом месте работы после окончания учебного заведения сталкиваются со значительными трудностями при адаптации к новым условиям. Далеко не все из них легко усваивают принятые в организации нормы поведения, традиции, корпоративную систему ценностей. Для некоторых проблемой является командная работа, выстраивание продуктивной межличностной коммуникации. Зачастую молодые люди не готовы брать на себя ответственность за свою работу, а также коллектива. Все вышесказанное оказывает негативное влияние на производительность работы в организации, ее эффективность [10, с. 35].

Таким образом, студенты, которые еще в ВУЗе знакомятся с азами корпоративной культуры, значительно проще проходят адаптационный период в условиях нового коллектива, легче приспосабливаются к требованиям корпоративной культуры нового места работы. Именно этим фактором главным образом и объясняется актуальность темы, поднятой в данной статье.

Образовательное пространство вуза характеризуется следующими качественными показателями: [4, с. 336]

- открытостью, универсальностью, диалогичностью, которая обусловлена творческим характером взаимодействия между всеми субъектами учебного процесса;
- вариативным характером, который определяется разнообразием смыслов в содержательной составляющей образовательного пространства, возможностью для студентов выбирать оптимальные для них формы и содержание учебного процесса, виды аудиторных и внеклассных занятий, которые позволяют им максимально раскрыть свой творческий и интеллектуальный потенциал в процессе образовательной деятельности;
- целостностью, предполагающей взаимодействие всех составляющих в рамках единой интегративной среды.

Структура модели корпоративной культуры студентов ВУЗа в рамках образовательного пространства содержит в себе пространственно-семантическую составляющую, организационно-коммуникационную и содержательно-методическую.

Остановимся на них детальнее: [1, с. 542]

1. Пространственно-семантическая составляющая образовательного пространства высшего учебного заведения предполагает, что деятельность индивида протекает в границах определенного предметного и природного пространства. Студентов окружает некая эстетико-архитектурная среда ВУЗа (интерьер учебных помещений, архитектура здания и т.д.), а также его символический антураж, который может включать себя ВУЗовские традиции, гимн или герб, другие материальные или нематериальные символы учебного заведения.

Формирование предметного пространства высшего учебного заведения осуществляется в несколько этапов, и в его основе лежат ряд ключевых положений: [12, с. 371]

- студенты осознают окружающую их социальную и природную среду, видят взаимосвязь между ними;
- понимание взаимосвязи истории своей страны и мировой истории посредством знания их основных этапов и формирование у студентов патриотических чувств;
- осознание молодыми людьми целей своего развития, своей роли в рамках образовательного пространства на основе концептуальных установок учебного заведения, выраженных через его символы, отражающие идею образовательной миссии ВУЗа;
- позитивная установка студентов на познавательную деятельность энергетически подпитывается эстетикой окружающего их предметного пространства, дизайнерскими решениями оформления учебных аудиторий, лабораторий и других помещений для учебы и отдыха студентов;
- функция студентов не ограничивается восприятием окружающего образовательного предметного пространства, они принимают активное участие в его создании и преобразовании.

2. Организационно-коммуникационная составляющая образовательного пространства высшего учебного заведения формируется на базе творческого взаимодействия между студентами и преподавателями на принципах субъект-субъектных отношений, взаимном уважении, общности целей, и участии всех причастных в формировании образовательного пространства учебного учреждения. При этом принимается во внимание индивидуальная специфика участников пространства: [6, с. 69]

- ценностные установки студентов и преподавателей, их национальные, гендерные и возрастные особенности;
- особенности коммуникативного пространства, а также организационных условий и креативной активности.

3. Содержательно-методическая составляющая образовательного пространства высшего учебного заведения представляет собой ключевой смыслообразующий элемент, который направлен на формирование проектной, исследовательской, вариативной учебной среды.

Исследование проводилось в "Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова" города Улан-Удэ, в нем приняли участие 155 студентов. Методом выборки мы случайным образом отбирали испытуемых из заданной группы студентов, т.е. каждый студент имел равные шансы попасть в эту выборку.

Для доказательства достоверности результатов исследования мы использовали комплекс методов диагностики формирования корпоративной культуры студентов ВУЗа с учетом того, что корпоративная культура является интегративным явлением и одним из основных нравственных качеств будущих специалистов.

Каждая методика состояла из определенных вопросов для оценки текущего состояния формирования корпоративной культуры студентов вуза по следующим показателям: понимание сущности корпоративной культуры и механизмов ее проявления; ценностное отношение к культурным нормам, правилам и моделям поведения, принятым в образовательной среде того или иного вуза; осознание и принятие миссии, стандартов компании и правил поведения; понимание и принятие того, что такое корпоративная культура, и механизмов ее проявления; ценностное отношение к культурным нормам, правилам и моделям поведения, принятым в образовательной среде того или иного вуза; осознание и принятие миссии, стандартов компании и правил поведения.; хорошо развито сочувствие; соблюдение норм и правил корпоративной культуры в межличностных отношениях, сложившихся между субъектами образовательного процесса; следование традициям корпоративной культуры ВУЗа; способность осуществлять эмоционально-волевою регуляцию поведения и самоконтроль в соответствии с требованиями корпоративной культуры ВУЗа.

Следующей задачей данного исследования было определение достоверности полученных экспериментальных результатов. Такой проверке способствовала статистическая обработка экспериментальных данных. Разработаны нулевая и альтернативная гипотезы: H_0 подтверждает достаточный уровень знаний и умений у студентов ВУЗа по корпоративной культуре своего ВУЗа и личности, в частности. Гипотеза H_1 констатирует недостаточный уровень знаний и умений у студентов ВУЗа по корпоративной культуре своего ВУЗа и личности, в частности.

Для определения уровня знаний студентов о сущности и содержательных аспектах корпоративной куль-

туры личности и выявления их отношения к корпоративной культуре своего ВУЗа мы попросили их ответить на нашу анкету «Корпоративная культура». Приверженность традициям корпоративной культуры университета определялась с помощью специального теста, разработанного Чарльзом Хэнди.

По результатам исследования следует отметить, что у студентов не было четко сформированного представления об основных понятиях, являющихся составляющими корпоративной культуры. 66,6% респондентов заявили, что корпоративная культура – это система ценностей и убеждений, разделяемых каждым студентом или сотрудником; 11,3% считали корпоративную культуру средством развития организации; 8% определили его как форму организации культурной жизни людей в корпоративной сфере; 6,6 % трактовали ее как модель поведения, характерную для конкретной организации, 4,0 % понимали корпоративную культуру как систему выявления признаков, ценностей и убеждений, отражающую уровень совершенства и порядочности человека; 3,3% рассматривали корпоративную культуру как средство установления контроля над людьми.

Относительно знаний и навыков корпоративной культуры большинство респондентов (46,7%) ответили, что она включает в себя саморазвитие, коллективизм, толерантность, взаимоподдержку, взаимопомощь, взаимоуважение. 33,3 % связывали корпоративную культуру со знанием символики, традиций, истории, ценностей и гимна своего ВУЗа, а также умением заниматься рефлексией. 13,3% считают, что корпоративная культура включает в себя ценностное отношение к субъектам образовательного процесса и своему ВУЗу в целом. 6,7% связали это с лидерством и служением.

Основой навыков корпоративной культуры 54% респондентов назвали саморазвитие, коллективизм, толерантность, взаимоподдержку, взаимопомощь и взаимоуважение. 36% сказали, что знают символику, традиции, историю, ценности и гимн своего ВУЗа. 7,3% отметили ценностное отношение к субъектам образовательного процесса и своему ВУЗу в целом. 2,7% предпочли лидерство и служение. Среди перечисленных переживаний и навыков 61,3% подчеркнули саморазвитие, коллективизм и толерантность. 34% отметили знание символики, традиций, истории, ценностей и гимна своего ВУЗа. 3,3 % предпочли ценностный подход к своему ВУЗу, а остальные 1,3 % считали необходимым проявлять в своем поведении лидерские качества.

Что касается уровня выявления корпоративной культуры в отношениях со сверстниками, 56% респондентов заявили, что они часто обнаруживают корпоративную культуру в отношениях со сверстниками, потому что ее принятие помогает установить позитивные межличност-

ные отношения. 31,3% заявили, что используют корпоративную культуру по отношению к сверстникам только в некоторых ситуациях, потому что иногда люди этого не заслуживают и к ним нужно относиться так, как они относятся к другим. 10% сказали, что всегда применяли средства корпоративной культуры в отношениях со сверстниками, потому что учились вместе и должны уважать друг друга. 2,7% не проявляли признаков корпоративной культуры в отношениях со сверстниками, так как не видели в этом смысла. По поводу выявления корпоративной культуры по отношению к учителям, 46,7% указали, что использовали корпоративную культуру в некоторых ситуациях, потому что это в большей степени зависело от самих учителей. 23,3% отметили, что у них достаточно часто проявляются признаки корпоративной культуры, так как это способствует взаимопониманию. 30% всегда использовали корпоративную культуру в отношениях с учителями из уважения к их профессионализму.

46% респондентов считают, что знание корпоративной культуры необходимо для формирования позитивных отношений с окружающими и завоевания авторитета среди значимых людей. 28,6% ответили, что корпоративная культура помогает избежать некрасивых ситуаций. 17,3% считают, что знание корпоративной культуры формирует корпоративную культуру ВУЗа. По мнению 3,3%, корпоративная культура не создает неудобств окружающим и не портит им настроение. 2,7% использовали корпоративную культуру, чтобы выделиться из толпы. 2% рассматривали корпоративную культуру как средство удовлетворения потребности в общении и взаимодействии.

Характеризуя важность формирования корпоративной культуры студентов ВУЗа, 73,3 % респондентов отметили, что необходимо поддерживать сплоченность и командный дух. 14,6% подчеркнули, что корпоративная культура может улучшить организацию учебной и внеучебной деятельности студентов ВУЗа. 10 % отметили, что корпоративная культура обеспечивает успешную адаптацию студентов внутри их ВУЗа. 2% заявили, что корпоративная культура используется для формирования и поддержания некоторых ценностей субъектами образовательного процесса.

Относительно системы ценностей, разделяемой студентами / преподавателями определенного ВУЗа, 73,3% ответили, что корпоративная культура – это знание символики ВУЗа, гимна, традиций и ценностей, а также соблюдение стандартов корпоративной одежды. 18,6% связывают корпоративную культуру с взаимовыручкой и общительностью. 4,7% подчеркнули равенство и демократию. 3,3% отметили важность такой ценности, как честность.

Оценивая то, как преподаватели воспроизводят сложившуюся в их ВУЗе ценностную систему, 56,6 % респондентов ответили «скорее да», 30,0 % выбрали «да», а 13,3 % затруднились ответить.

Последний вопрос анкеты заключался в том, чтобы выяснить мнение студентов о перестройке ценностной системы своего ВУЗа. Следовательно, 50% респондентов затруднились ответить, 26,6 % ответили «скорее да», а 23,3 % ответили «да».

Таким образом, можно утверждать, что у студентов недостаточно знаний о корпоративной культуре, в частности, ее сущности, содержательных аспектах и механизмах проявления; поэтому возникает необходимость обновления его формирования.

По результатам Ч. Хэнди было установлено, что 87,5% респондентов выбрали культуру для решения проблем (афинская культура). Эта культура основана на конкретных знаниях и предназначена для решения конкретных задач. Эффективность того или иного ВУЗа, использующего эту культуру, во многом определяется высоким профессионализмом его профессорско-преподавательского состава. Большим авторитетом в таком учебном заведении пользуется тот, кто на данный момент является специалистом в области образования и науки и обладает максимальным объемом информации.

Работа в таком ВУЗе оценивается по результатам решения поставленных задач. Люди с самомотивацией и ориентацией на разные виды деятельности более эффективны. 12,5 % опрошенных считают, что их ВУЗ ориентирован на культуру личности, объединяющую людей, ориентированных на достижение собственных целей. Он основан на близости к ресурсам, профессионализме, силе личных качеств, способностей и талантов, а также умении договариваться.

Поэтому следует отметить, что на формирование корпоративной культуры студентов оказывает влияние ряд положительных и отрицательных факторов, ускоряющих или замедляющих развитие корпоративной культуры той или иной организации. Для достижения ожидаемых результатов по формированию корпоративной культуры этот процесс должен проводиться поэтапно. На формирование корпоративной культуры влияет и специфический стиль управления, определяющий корпоративный дух любой организации. Важной и специфической характеристикой корпоративной культуры является цель и миссия того или иного ВУЗа, которые определяют его общие нравственные ценности и влияют на формирование индивидуального стиля, имиджа и других атрибутов корпоративной культуры ВУЗа.

Определение сущности, содержания и структуры

корпоративной культуры студентов в образовательной среде своего ВУЗа, а также актуальное формирование ее компонентов позволило разработать технологию формирования корпоративной культуры студентов в образовательной среде своего ВУЗа.

Мы внедрили технологию формирования корпоративной культуры студентов в образовательной среде своего ВУЗа как комплекс операционных единиц: ориентировочно-мотивационной, операционально-познавательной и контрольно-оценочной. По каждому этапу определены цели, содержание, формы и средства технологии формирования корпоративной культуры студентов в образовательной среде своего ВУЗа. Первый этап (ориентировочно-мотивационный) рассматривается как «вхождение» студента в образовательные среды своего ВУЗа и его корпоративной культуры, в частности, и предполагает достижение следующих целей: осознание студентами важности знаний и умений в корпоративной культуре личности и развитие своей корпоративной культуры как личной ценности.

Этот этап реализуется через недели факультетов, празднование Дня университета, КВН командные соревнования, конкурсы «Мисс и Мистер Университет», флеш-мобы, социальные проекты, экскурсии, выставки, тематические мероприятия, кружки, движения, ярмарки.

Операционально-познавательный этап направлен на приобретение и усвоение знаний о корпоративной культуре личности, формальных и неформальных правилах и нормах деятельности, моделях поведения, традициях, обрядах, фирменном стиле, логотипе, флаге, корпоративном цвете, фирменной одежде, миссии и т.д. видения, принятые в том или ином университете. Этот этап должен формировать содержание аудиторной и внеаудиторной деятельности на основе межпредметных связей.

На этом этапе студенты посещают лекции, круглые столы, тренинги, а также участвуют в мини-беседах студенческого научного общества, научных проектах, дискуссиях, мозговых штурмах, вечерах вопросов и ответов, научных конкурсах, олимпиадах, конференциях.

Эффективное формирование корпоративной культуры студентов в университете обеспечивают специальные курсы, которые основываются на потребностях общества и тех требованиях, которые оно предъявляет к будущим педагогам. Они выражаются общими принципами формирования эффективного учебного плана в соответствии с современным развитием науки, а также связью дисциплин с жизнью в современном поликультурном обществе.

В результате мы разработали спецкурс «Психолого-педагогическое взаимодействие участников образова-

тельного процесса». Он предусматривает целенаправленное и поэтапное формирование корпоративной культуры, рефлексии, толерантности, ответственного поведения студентов ВУЗа, а также подбор эффективных методов и средств формирования корпоративной культуры студентов.

Предлагаемый нами спецкурс имеет междисциплинарные связи с такими учебными дисциплинами, как «Философия», «Психология», «Культурология», «Введение в педагогическую профессию». Курс также охватывает теоретические и практические аспекты, представленные лекциями, семинарами и самостоятельной работой студентов.

Спецкурс разработан в соответствии с требованиями кредитно-модульной системы обучения. Он определяет объем знаний, которым должен обладать обучающийся в соответствии с учебно-квалификационными характеристиками, алгоритм изучения учебного материала в соответствии со спецкурсом, необходимое методическое обеспечение, компоненты и технологию оценивания учебных достижений обучающихся.

В целом курс «Психолого-педагогическое взаимодействие участников образовательного процесса» состоит из 72 академических часов, из них 16 часов лекций, 12 часов семинаров, 4 часа очной работы, 36 часов самостоятельной работы, и четыре часа управления модулем. Форма итогового контроля – зачет/зачет.

Полученные значения опровергают гипотезу H_0 и дают основания для принятия гипотезы H_1 в соответствии с принятыми решениями. Последняя гипотеза подтверждает недостаточный уровень знаний и умений студентов, касающихся корпоративной культуры и личности, в частности. Следовательно, в современном формировании корпоративной культуры студентов ВУЗа очевидны недостатки, связанные с непониманием студентами сущностных особенностей и значения корпоративной культуры для их личности.

Доказано, что формирование корпоративной культуры студентов ВУЗов является современным атрибутом

прогрессивных изменений в региональном развитии и повышения конкурентоспособности будущих специалистов. Также стоит отметить, что такие средства формирования корпоративной культуры студентов ВУЗа, как общественно полезная и благотворительная деятельность, используются не в полной мере, т. е. раскрываются через благополучие и благополучие окружающих людей.

Таким образом, полученные результаты дают основание утверждать, что привлечение студентов к разным видам учебной и внеучебной деятельности ВУЗа должно обеспечивать максимальную реализацию их активности, самостоятельности, инициативы.

Подводя итоги сказанному в статье, считаем необходимым обратить внимание на две сущностные особенности корпоративной культуры ВУЗов с точки зрения ее природы и функций. Рассматривая педагогический аспект данного явления, мы подразумеваем формирование корпоративной культуры ВУЗа и максимальное вовлечение в область ее влияния студентов, как часть подготовки будущих специалистов к работе в компаниях и организациях, где корпоративная культура является важным элементом их внутренней жизни, фактором, влияющим на морально-психологическую атмосферу в коллективе. То есть максимально облегчаем процесс адаптации учащихся к реалиям «взрослой» трудовой деятельности.

Еще один подход к данному понятию предполагает взгляд на современный ВУЗ, как на субъект рыночных отношений, в нашем случае – рынка образовательных услуг. Как организацию, компанию, строящую свою работу, опираясь на корпоративные отношения, как и другие субъекты хозяйственной деятельности.

В заключении отметим, что несмотря на то, что носителями корпоративной культуры являются все субъекты образовательной деятельности ВУЗа – от профессорско-преподавательского состава и учащихся до административного и технического звена, главная ответственность за ее поддержание и развитие лежит на преподавателях и администраторах. Именно эта категория специалистов и является главной целевой аудиторией данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ануфриев А.Ф. Корпоративная культура как инструмент повышения эффективности учебной деятельности студентов ВУЗа / А.Ф. Ануфриев, А.С. Хромова // *Инновации. Наука. Образование*. – 2021. – № 25. – С. 540-544.
2. Будаева Э.В. Корпоративная культура в образовательной среде университета / Э.В. Будаева // *Ученые записки Забайкальского государственного университета*. – 2022. – Т. 17. – № 4. – С. 124-130.
3. Глаголева А.В. От корпоративной культуры ВУЗа до корпоративной культуры глобального университета на примере РУДН / А.В. Глаголева, Ю.Н. Земская, Е.А. Кузнецова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. – 2021. – Т. 29. – № 1. – С. 64-75.
4. Дитковская П.А. Корпоративная культура в образовательной среде / П.А. Дитковская // *Образование и наука в России и за рубежом*. – 2020. – № 11(75).

- С. 331-337.
5. Колычев В.Д. Вовлечённость студентов и НПР как показатель оценки корпоративной культуры и инструмент формирования кадрового резерва ВУЗа / В.Д. Колычев, Н.А. Буданов // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31. – № 2. – С. 42-57.
 6. Лихтанская О.И. К вопросу о взаимодействии кооперативных и образовательных организаций по формированию корпоративной предпринимательской среды / О.И. Лихтанская, В.В. Бакаева // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. – 2021. – № 3(37). – С. 68-80.
 7. Матвеева Е.Г. Формирование корпоративной культуры профессиональной образовательной организации / Е.Г. Матвеева // Инновационное развитие профессионального образования. – 2020. – № 1(25). – С. 72-79.
 8. Мерецкая Т.В. Рефрейминг как эффективный инструмент формирования корпоративной культуры образовательной организации / Т.В. Мерецкая // Осовские педагогические чтения "Образование в современном мире: новое время - новые решения". – 2020. – № 1. – С. 364-368.
 9. Попов А.Н. Формирование корпоративных компетенций будущего инженера ресурсами образовательного процесса технического ВУЗа / А.Н. Попов, А.А. Хандримайлов, О.Ю. Малахова // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74-2. – С. 188-191.
 10. Семиотика корпоративной культуры студентов в опорном ВУЗе Кузбасса / А.Л. Калашникова, Е.Ю. Поселенкова, С.В. Инешина [и др.] // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2022. – Т. 7. – № 1(23). – С. 29-39.
 11. Сергеева М.А. Межличностное взаимодействие как фактор формирования корпоративной культуры у студентов ВУЗа / М.А. Сергеева, Л.Ф. Фурси, А.С. Кубекова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2020. – Т. 9. – № 5-1. – С. 106-112.
 12. Харабаджах М.Н. Корпоративная информационная среда сетевого дистанционного образования - основа образовательной среды ВУЗа в условиях рынка / М.Н. Харабаджах // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 71-2. – С. 369-373.

© Будаева Эржена Владимировна (erchena@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДЫ ТЕСТИРОВАНИЯ НАРУШЕНИЯ ОБРАБОТКИ СЛУХОВОЙ ИНФОРМАЦИИ У ДЕТЕЙ. СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

METHODS OF TESTING DISORDERS OF AUDITORY INFORMATION PROCESSING IN CHILDREN. A MODERN LOOK

S. Zaitseva

Summary: Children with auditory processing disorder often have poor auditory processing skills in the presence of normal peripheral hearing. As a result, these children have speech disorders of varying severity, are unsuccessful in learning, and have difficulties communicating in the world around them. To identify this violation, tests have been created that are standardized and have their own assessment system. This article describes all the pros and cons of these tests. I would like to note that early diagnosis of auditory information processing disorder will help in the early stages to determine a correction route and create new pedagogical conditions for correcting speech perception.

Keywords: impairment of auditory information processing, tests, speech disorders, impairment of auditory perception.

Зайцева Светлана Александровна

Аспирант, Московский городской
педагогический университет
zaitseva.svitl4na@yandex.ru

Аннотация: Дети с нарушением обработки слуховой информации часто имеют плохие навыки слухового восприятия при наличии нормального периферического слуха. Как следствие, эти дети имеют речевые нарушения разной степени тяжести, неуспешны в обучении, имеют трудности с коммуникацией в окружающем их мире. Для выявления данного нарушения созданы тесты, которые стандартизированы и имеют свою систему оценивания. В данной статье описаны все плюсы и минусы данных тестов. Хочется отметить, что ранняя диагностика нарушения обработки слуховой информации поможет на ранних этапах определить коррекционный маршрут и создать новые педагогические условия для коррекции восприятия речи.

Ключевые слова: нарушение слуховой обработки информации, тесты, речевые нарушения, нарушение слухового восприятия.

Расстройство обработки слуховой информации, в настоящий момент классифицируемое в МКБ-10 (Международная статистическая классификация болезней), как H93.25. Данное расстройство, в контексте H93.25, рассматривается как нарушение обработки слуховых стимулов в центральной части слуховой системы. При этом структура периферических слуховых функций остаются в норме. Важно отметить, что дефицит включает в себя как вербальные, так и невербальные стимулы. Данное нарушение препятствует полноценной обработке слуховой информации, ее использованию, что влечет за собой трудности в коммуникации ребенка в окружающем мире. Для выявления нарушения обработки слуховой информации (стимулов), используется диагностическое тестирование слуховых функций. Данные тесты основаны на оценивании локализации и латерализации звука, слуховой дискриминации, временной слуховой обработке, распознавании звуковых образов, а также дихотическом слушании и способности понимать речь в фоновом шуме. Отрицательный результат как минимум в двух тестах, которые оценивают слуховые функции, расценивается как нарушение обработки слуховой информации. Отрицательным результатом считается значение ниже среднего, а также минус два стандартных отклонения. Нарушение может проявиться в любом возрасте. Как правило, данное нарушение напрямую связано с нарушением развития речи разной степени тяжести у детей. При этом периферический

слух остается в норме и не является источником нарушения. Возникают проблемы с пониманием или продуцированием разговорной речи без очевидной причины. Ребенок, как правило, поздно начинает говорить и может испытывать проблемы со звукопроизношением (нет четкости произношения звуков), а также трудности не только с пониманием, но и с составлением сложных предложений (предложения аграмматичны). Поэтому ранняя диагностика детей с такими клиническими проявлениями важна.

Многие исследователи (Sullivan, 1976, Jerger & Musiek 2000, Byrne & Kerr 1987 и др.), отчасти независимо друг от друга, пришли к мнению, что дефицит слухового восприятия может возникать, несмотря на наличие нормальных порогов слуха, т.е. с нормальным периферическим слухом. Это утверждение не означает, что причина дефицита обязательно находится в слуховой системе. Тем не менее, структура слуховой системы крайне сложна. Структура обработки слуховой информации становится еще более трудной, если добавить к этому связи между первичной слуховой корой и многочисленными другими центрами обработки информации в других частях коры. Восприятие слуховых стимулов – их анализ – невозможен без интеллекта, памяти, внимания, двигательных функций и знания языка (для того, чтобы понять задачу). Если ребёнок испытывает трудности с выполнением задачи с помощью слуховых стимулов, можно ли

обозначать это расстройство как нарушение слуховой информации, если основной причина – дефицит интеллекта, памяти, внимания, двигательных функций или речи? Мнения профессиональных сообществ разделились: одни считают, что бесполезно называть проблемы, вызванные такими дефицитами, нарушением слуховой обработки (Американская академия аудиологии 2010, и др). Британское общество аудиологии, напротив, придерживается мнения о том, что нарушение слуховой обработки предположительно имеет «свои истоки в... язык, чтение, речь, внимание, исполнительная функция, память, эмоции, видение и действие». Голландские аудиологи говоря о трудностях слуховой обработки информации считают, что «язык или другие когнитивные процессы, выходящие за рамки традиционной слуховой системы», являются основной причиной трудностей со слуховым восприятием (Де Вит Э., Луинге М., Нейенхейс К. 2017). Отсюда возникает вопрос: нужно ли ограничить нарушение слуховой обработки только слуховой модальностью? Casace & McFarland, 1998 предположили, что дефицит, наблюдаемый, когда кто-то реагирует на слуховые стимулы, не должен называться «слуховым», если только не будет доказано, что аналогичный дефицит не наблюдается в ответ на стимулы в другой сенсорной модальности, такой как зрение. Мотивом для этой точки зрения послужило желание не интерпретировать дефицит как нарушение обработки слуховой информации, если он вызван когнитивным дефицитом [1]. С одной стороны можно согласиться с данной концепцией, однако есть и противоречия, которые позволяют рассмотреть иное решение данной проблемы. Первое противоречие состоит в том, что существуют много различий между слуховыми и зрительными стимулами, а также между системами слуховой и зрительной обработки, перспективы разработки тех же задач в этих различных системах невелики. Второе противоречие заключается в том, что аналогичный дефицит может встречаться, как и в слуховой, так и в визуальной обработке, причем оба дефицита однозначно находятся в соответствующих нейронных системах обработки информации. В такой ситуации отказ от диагностики и коррекции нарушения обработки слуховой информации у ребёнка только потому, что также наблюдается дефицит системы обработки зрительной информации является нецелесообразным.

Дети, у которых диагностировано расстройство слуховой обработки, испытывают трудности со слуховым восприятием. Данные трудности проявляются при восприятии речи в шуме несмотря на то, что функционирование периферического слуха не нарушено. (например, American Academy of Audiology 2010; Geffner & Ross-Swain 2013). Несмотря на попытки профессиональных сообществ объяснить структуру нарушения обработки слуховой информации (ASLHA 2005; Американская академия аудиологии, 2010; Британское сообщество аудиологов 2011), продолжают дискуссии о диагностических

критериях нарушения обработки слуховой информации, о отличии данного нарушения от других нарушений развития, а также о том, существует ли нарушение слуховой обработки информации как уникальная диагностическая единица. Доус и Бишоп (2009) утверждают, что из-за вероятности наличия нескольких основных дефицитов с схожими симптомами (когнитивный, языковой, нарушение слуховой обработки, языковой, и др), специалисты разных направлений (психологи, логопеды, дефектологи т.д. — каждый со своим собственным концептуальным и диагностическим подходом — могут диагностировать одного и того же ребенка с разными диагнозами, такими как расстройство развития речи, нарушение обработки слуховой информации или синдром дефицита внимания. Поведение, которое можно было бы описать как проблемы с восприятием на слух, включает осложнения с пониманием речи в шуме или реверберации, проблемы с локализацией звуков, непоследовательные или неуместные ответы на вопросы, трудности с выполнением инструкций, частые просьбы о повторении, неспособность удерживать внимание и академические трудности, включая чтение, правописание и обучение. Этот вопрос подводит нас к главному вопросу этой статьи: какими диагностическими инструментами может воспользоваться специалист, как мы можем выявить конкретные недостатки в этой области, которые затрагивают конкретного ребенка?

Тесты, используемые в оценках нарушения обработки слуховой информации узконаправленные и не дают полной картины о данном нарушении. Например, одним из наиболее часто используемых диагностических тестов нарушения обработки слуховой информации является дихотический тест. Дихотическое слушание - это психологический тест, обычно используемый для исследования избирательного внимания и латерализации функций мозга в слуховой системе. Тест дихотических цифр [3] измеряет, насколько хорошо человек может слышать звук в одном и другом ухе, доставляя разные звуки в каждое ухо одновременно. Разница результатов исследования между двумя ушами дает право сделать вывод о функционировании полушарий коры и/или мозолистого тела, соединяющего правое и левое полушария. Тест проводится методом подачи в каждое ухо испытуемого слова-цифры. Большинство людей выполняет данное задание без особых трудностей, при условии, что слуховая информация подается путем называния только одной цифры. Полученный балл при данном исследовании обычно близок к 100% для обеих ушей. Данный результат затрудняет фиксирование небольших асимметрий. Чтобы результат теста был более точным, данный тест усложняют путем последовательного предъявления не одной, а нескольких (от двух) цифр каждому уху. Испытуемого просят повторить все цифры, которые он слышал обоими ушами или только те, к выбранному уху. Изменения в данном тесте зависят от кратковременной

памяти и внимания. Следовательно, результаты тестов умеренно коррелируют с кратковременной памятью и сильно коррелируют с показателями внимания (Ставринос Г., и др. 2018). Так же показатели свободного запоминания сильно коррелируют ($r = 0,82$) с показателями для контрольного состояния, при котором оба уха получают абсолютно одинаковую информацию, поэтому процессы, уникальные для дихотического восприятия, не задействованы. Таким образом, баллы ниже нормального диапазона в этом «дихотическом» тесте могут быть вызваны дефицитом дихотических процессов, памяти или внимания, что значительно ослабляет их значение для дифференциации дефицита слуховой обработки от когнитивного дефицита.

Монауральные низко избыточные речевые тесты оценивают способность слуховой системы восстанавливать или заполнять пропущенные компоненты (фонемы, слоги, слова). Проверяются оба уха по отдельности. Для выполнения данного теста необходима способность испытуемого анализировать поступающие звуки с высоким разрешением, как по времени, так и по частоте. Также необходимо умение отделять элементы от элементов, поступающих в неблагополучной слуховой среде и использовать знания семантики, синтаксиса и просодии для заполнения пробелов, где отдельные звуки речи вообще не могут быть восприняты, а также умение исправлять неправильное восприятие отдельных звуков. Вермильо (2014) предположил, что плохое восприятие речи в шуме – это и есть первичная форма дефицита, которая соответствует определению «клинической сущности». Дефицит речи в шуме особенно важен для функционирования в реальной жизни и поддается измерению, хотя степень дефицита, измеряемая в любом конкретном тесте речи в шуме, будет зависеть от того, к каким конкретным навыкам был разработан тест. Измеренный дефицит восприятия речи в шуме свидетельствует о том, что ребенок будет понимать меньше, чем его сверстники при тех же условиях измерения, но не указывает на то, какие именно основные дефициты вызвали наблюдаемый дефицит понимания. То же самое верно и для любой другой задачи, для выполнения которой требуется несколько базовых навыков. Проблема сохраняется даже тогда, когда в качестве стимула используются неречевые звуки. Например, тест Pitch Pattern Test [5] требует, чтобы слушатель обозначил (или напевал) паттерн слышимых частот, таких как низко-, средне-, и высокочастотные. Эта, казалось бы, простая задача требует, чтобы слушатель умел различать различия в частоте; сохранять представление (либо в виде слуховой памяти, либо в виде словесной метки), в то время как воспроизводится остальная часть последовательности; извлекать сохраненное представление в правильном порядке; присвоить метки (если они еще не сохранены в этой форме); и дать устный ответ. Опять же, неясно, что вызвало какой-либо обнаруженный дефицит производительности.

Тест временной обработки так же важен для определения способности различать похожие по звучанию слова. Данный вид тестов основан на:

- определении пауз и перерывов в подаче стимула; можно проверять как в тишине, так и при фоновом шуме;
- подаче последовательных стимулов с разной высотой сигнала (высокий- низкий) с последующей фиксацией этой последовательности
- различении длительности стимулов, например, такая же подача трёх стимулов разной длительности (длинные- короткие) с последующей фиксацией услышанной последовательности и др. Основным тестом в данной группе является тест обнаружения паузы Gap Detection Test (GDT). С помощью теста можно зафиксировать кортикальные нарушения, особенно левого полушария. Через наушники подаются звуковые стимулы (например, чистые тоны, широкополосный шум в тишине или на фоне шума). В них вставлены беззвучные паузы различной длительности.
- SCAN-C [12] для детей и SCAN-A [13] для подростков и взрослых. Данные тесты стандартизованы и являются на данный момент самыми распространёнными в США и применяются для скрининга, а также диагностики нарушения слуховой обработки. Сканирующие тесты включает в себя следующее:
 - скрининговые тесты. Системой оценивания данных тестов являются баллы, которые основаны на норме развития в соответствии с возрастом, с привязкой к критериям.
 - Диагностические тесты. Система оценивания предусматривает масштабированные баллы, процентильные ранги и баллы по преимуществу слуха для всех тестов, за исключением теста на обнаружение пробелов. Четыре теста включают четыре подмножества, по которым рассчитываются предметные оценки, включая: различение монофонически представленных отдельных слов на фоне шума (речь в шуме), акустически искаженных отдельных слов (отфильтрованные слова), дихотически представленных отдельных слов и предложений.
 - Тест на случайное обнаружение пробелов (RGDT) также является стандартизованным тестом. Он оценивает порог обнаружения человеком пробелов в тонах и белом шуме (Белый шум — стационарный шум, спектральные составляющие которого равномерно распределены по всему диапазону задействованных частот. Примерами белого шума являются шум близкого водопада, отдалённый шум водопада — розовый, поскольку высокочастотные составляющие звука затухают в воздухе сильнее низкочастотных, или дробовой шум на клеммах большого сопротивления,

или шум стабилизатора, через который протекает очень малый ток. Название получил от белого света, содержащего электромагнитные волны частот всего видимого диапазона электромагнитного излучения. Кроме белого, существуют шумы многих цветов). Диагностика включает стимулы на четырех разных частотах (500, 1000, 2000 и 4000 Гц) и щелчки белого шума длительностью 50 мс. Это полезный тест, поскольку он обеспечивает показатель временного разрешения слуха. У детей общий порог обнаружения разрыва, превышающий 20 мс, означает, что они потерпели неудачу и могут иметь расстройство слуховой обработки, основанное на ненормальном восприятии звука во временной области [14,15]

- Тест на пробелы в шуме (GIN) также измеряет временное разрешение путем тестирования порога обнаружения пробелов пациентом в белом шуме.
- Тест последовательности паттернов высоты тона (PPT) и тест последовательности паттернов длительности (DPT) измеряют идентификацию слухового паттерна. PPS имеет серию из трех тонов, представленных на любой из двух тонов (высокой или низкой). Между тем, DPS состоит из серии из трех тонов, которые различаются по длительности, а не по высоте тона (длинному или короткому). Затем пациентов просят описать представленную последовательность тонов. [14]
- Разница в уровне маскирования (MLD) на частоте 500 Гц измеряет перекрывающуюся временную обработку, бинауральную обработку и низкую избыточность путем измерения разницы в пороге слухового стимула, когда маскирующий шум представлен по фазе и не по фазе. [15]

Диагностическое тестирование нарушения обработки слуховой информации у детей в возрасте до 7 лет

Как известно, ранняя диагностика нарушения, а следовательно, и раннее терапевтическое вмешательство для устранения нарушения, благополучно влияет на всестороннее развитие ребёнка. Для этих целей были разработаны тесты, которые оценивают высшую слуховую функцию. Они создавались с использованием психоакустических поведенческих тестов для детей в возрасте до 7 лет [6,7,8]. Для понимания речи в шуме был разработан Польский педиатрический матричный тест предложений (PPMST). С помощью данного теста можно провести исследования детей в возрасте от 3 лет и старше [13]. Данный тест применим к детям с трудностями в вербальном общении, что, несомненно, является преимуществом данного теста. Следующий тест ATS Neuroflow состоит из трёх стандартизированных тестов: тест слуховой реакции (ART), тест зрительной реакции (VRT), тест адаптивной речи в шуме для слов (ASPN-S) (ребёнок должен повторить услышанные слова). Возраст де-

тей для проведения данного тестирования составляет 5 лет и старше. Более развёрнутое и точное тестирование высших слуховых функций возможно в возрасте 6 лет и выше, но при наличии стандартизированных результатов по следующим тестам:

- адаптивная речь в шумовом тесте для предложений (ASPN-Z)

Во время проведения теста звуковые сигналы подавались бинаурально с переменной интенсивностью сигнала и добавлением шума. Интенсивность шума составляла 60 дБ. Задача испытуемого – повторить услышанное слово. Правильный ответ — это точное повторение услышанного слова, неточное повторение (произнесение похожего слова) или его отсутствие расценивалось, как отрицательный результат. При прослушивании первых слов разница между интенсивностью сигнала и шума составляла 14 дБ, что позволяло дать правильный, определённый ответ. При дальнейшем прослушивании слово произносилось на 4 дБ ниже до момента, когда слушатель начинал давать неправильный ответ. Затем интенсивность звукового сигнала увеличивали на 4 дБ и так продолжали до получения правильного ответа. При получении правильного ответа интенсивность звукового раздражителя вновь снижали, но на 2 дБ. Изменения интенсивности в такой последовательности проводили 5 раз. На основе 4 наименьших значений, при которых испытуемый дал правильный ответ [9] проводилось определение среднего порога SNR (отношение сигнал/шум)

- дихотический цифровой тест (DDT) – это тест на дихотическое слушание с отвлеченным вниманием.

Во время проведения данного теста одновременно подаются левому и правому уху 20 последовательностей двух разных пар чисел (от 1 до 10). Задание считается выполненным, если испытуемый может повторить четыре услышанных числа в последовательности. Порядок повторения цифр не имеет значения. Результат теста измеряется в процентах для каждого уха. Данное исследование направлено на оценивание зрелости слуховой системы в её центральной части, а также с помощью вербальных стимулов выявить доминирующее полушарие.

- тест частотных паттернов (FPT) [10].

Задача теста определить последовательность слышимых звуков. Участнику исследования подаются двадцать последовательностей трехэлементных тонов, двух частот (высокий тон: 1020 Гц, низкий тон: 880 Гц). Его задача – распознать и назвать услышанные звуки в таком же порядке (в ответе ребёнок должен был сказать: высоко, низко, высоко). Результат измеряется в процентах правильно распознанных последовательностей. С помощью данного исследования оценивается не только способность различать звуки, но и уровень кратковремен-

ной памяти и функционирования правого полушария головного мозга.

Аудиологические ассоциации во всем мире указывают на диагностические пути, однако они не могут четко определить нижние возрастные границы для диагностики нарушения слуховой обработки информации. В то же время хочется подчеркнуть важность широкодоступного диагностического тестирования и эффективность создания педагогических условий для ранней коррекции восприятия речи у детей с нарушениями слуховой обработки информации, что ещё раз доказывает необходимость тестирования слуховой функции у детей в возрасте до 6 лет. Дети, у которых выявлен риск непоследовательного развития слуховых функций, должны быть обследованы на предмет слухового поведения и речевого развития в самом раннем возрасте. Большинство тестов, используемых во всем мире для оценки высших слуховых функций, позволяют диагностировать расстройство слуховой обработки в возрасте 7 лет и старше, в соответствии с возрастными нормами, являются стандартизированными. Однако, нарушение об-

работки слуховой информации может наблюдаться и у детей в раннем возрасте, до трёх лет, что приводит как к нарушению формированию слухового восприятия и как следствие этого к нарушению формирования языкового, эмоционального и социального развития. Также данное нарушение может привести к неуспешности ребёнка в школе. Не выявленные нарушения в раннем детстве могут сохраняться во взрослом возрасте и неблагоприятно влиять на качество жизни человека. Ведутся споры и высказываются сомнения относительно более ранней коррекции нарушения слуховой обработки информации, т.к. за основу данного нарушения берутся только клинические симптомы. Стоит отметить, что они становятся всё менее частыми в профессиональных сообществах, но спорным остаётся вопрос о правомерности диагноза нарушение слуховой обработки информации.

Однако решение данной проблемы на ранних этапах, создание новых педагогических условий для коррекции слухового восприятия у детей с нарушением слуховой обработки информации, являются очень актуальными в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Какаче А.Т. и др. Факторы, влияющие на тесты слуховой обработки: взгляд на текущие вопросы и актуальные проблемы. (2013). 24, 572–589.
2. Кэмерон С., Диллон Х. Являются ли «дихотические» дефициты однозначно дихотическими? (2020).
3. Мусек Ф.Е. Оценка дисфункции центрального слуха: к вопросу о дихотическом цифровом тесте. «Ухо слышит» (1983). 4, 79–83.
4. Мусек Ф.Э. Тесты на частоту (высоту тона) и длительность. *J am Acad Audiol*, (1994). 5, 265–268
5. Мусек Ф.Э., Пиньейро М.Л. Восприятие слуховых паттернов у пациентов с «расщепленным мозгом». *Arch Otolaryngol*, (1980). 106, 610–612.
6. Кейт Р.В. Разработка и стандартизация теста SCAN-C для выявления нарушений слуховой обработки у детей. *акад. Аудиол* 2000, 11, 438–445.
7. Мартинс Дж.Х. и др. Батарея тестов на расстройства слуховой обработки на европейском португальском языке — данные о развитии и нормативные данные для детского населения. *Аудиологические исследования*. 2021 год; 11: 474–490. doi: 10.3390/audiolres11030044
8. Педерсен Э.Р., Даль-Хансен Б., Кристенсен-Далсгаард Дж., Брандт К. Внедрение и оценка датской батареи тестов на расстройства слуховой обработки у детей. *Инт Дж Аудиол*. 2017. август; 56 (8): 538–549. *Epub*, 15 апреля 2017 г. doi: 10.1080/14992027.2017.1309467
9. Фондация Бонум Коммуна. Тесты на разборчивость речи
10. Сендерски А, и др. Нормативные значения для скрининговых тестов высших слуховых функций APD-Medical .
11. Сендерски А, Иваничка-Проница К, и др. нормативные адаптационные тесты дискриминационных проверок и разоблачений. *Отоларингология* 2017; 16 (3): 108–118^
12. Кит, Роберт У. (2000). "Тест SCAN-C на нарушения слуховой обработки у детей". Переработано Психологической корпорацией.
13. Кит, Роберт (2009). "SCAN-3: тесты на нарушения слуховой обработки у подростков и взрослых". Пирсон США.
14. Muluk, Nurgay Bayar; Yalçınkaya, Fulya; Keith, Robert W. (February 2011). "Тест на обнаружение случайных пробелов и расширенный тест на обнаружение случайных пробелов: результаты у детей с предыдущей задержкой речи в раннем детстве". *Ушная раковина гортани*. 38 (1): 6-13
15. Кит, Роберт У. (2011). "Тест на обнаружение случайных пробелов".
16. Мусiek, Фрэнк Э.; Шинн, Дженнифер Б.; Ирса, Роберт; Бамиу, Дорис-Ева; Баран, Джейн А.; Заида, Елена (декабрь 2005 г.). "Выполнение теста GIN (пробелы в шуме) у субъектов с подтвержденным поражением центральной слуховой нервной системы". *Ухо и слух*. 26 (6): 608-618
17. Musiek, Frank (1994). "Тесты на частоту (высоту звука) и длительность". *Журнал Американской академии аудиологии*. 5 (4): 265-268.
18. Браун, Мэллори; Мусiek, Фрэнк (январь 2013 г.). "Проводящие пути: Основы маскирования различий в уровнях для оценки слуховой функции". *Журнал слуха*. 66

© Зайцева Светлана Александровна (zaitseva.svitl4na@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В СФЕРЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

PEDAGOGICAL PREDICTORS OF INCREASED MOTOR ACTIVITY IN THE FIELD OF LIFESTYLE OF MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS

*M. Kabysheva
L. Porubayko*

Summary: The relevance of the problem is determined by insufficient physical activity in the lifestyle of modern students, which negatively affects health and performance. The purpose of the article is to identify pedagogical predictors and conditions for increasing physical activity in the lifestyle of modern medical university students. The state of physical activity of students in educational and leisure activities is considered. Pedagogical predictors of increased physical activity of medical university students, characterized by specific features, were theoretically substantiated and identified. Multi directional conditions for their implementation are presented.

Keywords: lifestyle, physical activity, physical culture, predictors, conditions.

Кабышева Марина Ивановна

*К. п. н., доцент, старший преподаватель, «Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения РФ (Краснодар)
maslova70@inbox.ru*

Порубайко Людмила Николаевна

*К. м. н., доцент, заведующий кафедрой, «Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения РФ (Краснодар)
porubaiko50@mail.ru*

Аннотация: Актуальность проблемы определяется недостаточной двигательной активностью в сфере образа жизни современных студентов, влияющей на здоровье и работоспособность. Цель статьи – выявить педагогические предикторы и условия повышения двигательной активности в сфере образа жизни современных студентов медицинского вуза. Рассматривается состояние двигательной активности студентов в учебной и досуговой деятельности. Теоретически обоснованы и выявлены педагогические предикторы повышения двигательной активности студентов медицинского вуза, характеризующиеся конкретными признаками. Представлены разнонаправленные условия их реализации.

Ключевые слова: образ жизни, двигательная активность, физическая культура, предикторы, условия.

В научной литературе под образом жизни понимают различные формы деятельности человека в различных сферах общественного бытия. В настоящее время все больше внимания отечественных исследователей привлекает образ жизни современных студентов, который характеризуется в основном содержанием учебной и досуговой деятельности [5, с. 61]. Однако еще недостаточно определено само понятие «образа жизни» студентов по причине того, что философский и социологический подходы имеют разные предметные области в едином для них объекте изучения.

В современных психолого–педагогических исследованиях в основном изучаются проблемы здорового образа жизни, который является качественной характеристикой образа жизни человека [1; 5]. Это дает возможность для исследования одной из основных составляющих здорового образа жизни — двигательной активности в учебной деятельности и сфере свободного времени студентов, которая является не только сферой качества и стиля жизни, но и средством его формирования.

Актуальность исследования определяется:

1. недостаточной двигательной активностью в образе жизни студентов, сложившейся в последние годы, низким уровнем мышечных затрат в сочетании с нервно–психическими перегрузками, слабой приверженностью молодых людей к занятиям физической культурой и спортом негативно сказывающимися на состоянии их здоровья; кроме того, это профилактика компьютерной зависимости и «сидячих заболеваний», которые отрицательно влияют на здоровье студентов;
2. условиями труда врачей, которые считаются наиболее сложными и характеризуются значительными умственными и физическими нагрузками, необходимостью улучшения психического здоровья, памяти и внимания, специальной выносливости, стрессоустойчивости, эмоциональной стабильности, преодолению тревожных состояний.
3. имеющими большое значение признаками наружности в профессии врача, связанной с работой, общением с людьми, и выражающимися в культуре движений и культуре тела, характеризующимися пропорциональным телосложением, правильной осанкой, легкой походкой, которые можно корректировать и формировать на основе

двигательной активности.

Объектом исследования выступает двигательная активность в образе жизни студентов.

Предметом исследования являются педагогические предикторы и условия повышения двигательной активности студентов медицинского университета в учебной и досуговой деятельности.

Цель исследования – выявить педагогические предикторы и условия повышения двигательной активности в сфере образа жизни студентов медицинского университета.

Задачи:

1. изучить состояние двигательной активности в сфере образа жизни студентов России и за рубежом;
2. выявить отношение студентов Кубанского государственного медицинского университета (КубГМУ) к физической культуре и другим занятиям различного рода досуговой деятельности;
3. теоретически обосновать возможности повышения двигательной активности студентов в сфере образа жизни.

Методика и организация исследования

В работе использовались: теоретический анализ и синтез накопленных знаний в области педагогики, психологии, теории и методики физической культуры; обобщение педагогического опыта, сбор эмпирических данных, наблюдение, анкетирование, аналогия.

Для изучения состояния двигательной активности в сфере образа жизни студентов КубГМУ нами была разработана анкета, в которой было представлено 20 вопросов, сгруппированных по следующим направлениям:

- отношение студентов к занятиям различного рода досуговой деятельности;
- причины, мешающие занятиям двигательной активностью в свободное от учебы время;
- понимание значения двигательной активности для личного совершенствования, здоровья и профессионального благополучия;
- причины, влияющие на формирование потребности в двигательной активности.

В анкетировании приняли участие 76 студентов третьего курса лечебного и стоматологического факультетов КубГМУ в возрасте от 20 до 25 лет, из них 64,3% – девушек и 35,7% – юношей. Исследование проводилось в сентябре – октябре 2023г. на кафедре физической культуры и спорта КубГМУ. Опрос проводился в Google-форме, студентам предлагалось выбрать один или несколько вариантов ответов.

Результаты исследования и их обсуждение

В образе жизни студентов Российских вузов двигательная активность является одним из аспектов оценки состояния здоровья, которое в значительной степени влияет на социальное благополучие общества. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) оптимальный объем недельной двигательной активности для лиц студенческого возраста составляет от 10 до 14 часов и для его повышения создается ряд условий: тренажерные залы и фитнес-клубы различных направлений физической подготовки функционируют в каждом районе; студенческая молодежь имеет возможность выбора, как городских площадок для занятий спортом, так и специализированных спортивных секций; существуют специальные предложения для студентов: многие фитнес-клубы, устанавливая льготную цену, которая обычно составляет 50–70% от обычной стоимости; существуют акции, согласно которым, при успешной сдаче сессии предоставляется дополнительная скидка или бонус в размере дополнительного времени занятий [5].

Хорошие возможности для повышения двигательной активности студентов созданы не только в нашей стране, но и во многих высших учебных заведениях за рубежом. Некоторые университеты предлагают спортивные стипендии студентам, которые имеют спортивный разряд в определенном виде спорта по принципу гендерного равенства мужчин и женщин. Участие в спортивных соревнованиях за университет – один из способов помощи студентам оплатить расходы на получение степени бакалавра. Ежегодно Национальная студенческая спортивная ассоциация (NCAA) присуждает спортивные стипендии на сумму около 1 миллиарда долларов. Спортивную стипендию получают более 126000 студентов-спортсменов. Сумма вознаграждения варьируется от нескольких тысяч долларов до 30000 долларов за учебный год [6, с. 54].

В некоторых зарубежных странах организация физического воспитания носит структурированный характер, а возможность получения материального дохода за двигательную деятельность имеет важное значение для студентов.

Подобная система в России встречается в высших учебных заведениях Вооруженных сил. За высокий балл по физической подготовленности курсанты получают надбавки к денежному довольствию.

Вести здоровый образ жизни студентам зарубежных стран помогает внедрение визуальных подсказок, мотивированных указателей или рекламных баннеров вокруг университетского кампуса. Подсказки служат для включения двигательной активности в повседневную жизнь студентов, создания климата, в котором поощряется выбор в пользу занятий физической культурой и спортом.

Размещение подсказок в таких местах, как блоки лифтов и остановки троллейбусов Нью-Йоркского университета, помогают студентам узнать о работе спортивных сооружений на территории кампуса. Например, спортивный центр Коулз и спортивный комплекс Palladium Athletic Facility ежегодно посещают 1 миллион студентов, преподавателей и сотрудников. Более 1200 студентов, играют в спортивных командах клубных видов спорта. Спортивное сообщество Нью-Йоркского университета насчитывает более 8000 членов в более чем 235 видах активного отдыха. Признавая важность фитнес-центров, Нью-Йоркский университет продолжает совершенствовать существующие на территории кампуса тренажерные залы, чтобы удовлетворить растущие потребности сообщества университета [4].

Разрабатываются и внедряются различные инновационные подходы к организации занятий досуговой деятельностью студентов в пользу двигательной активности: доступность, разнообразие спортивного инвентаря и оборудования, гибкое расписание занятий, использование привлекательных эстетических атрибутов, таких как кондиционеры, шкафчики, шагомеры, пульсометры и др.

Инструменты для поддержки двигательной активности могут быть личными предметами, которые отражают индивидуальные предпочтения студентов, позволяют осуществлять самоконтроль, персональную обратную связь, повышать осведомленность и доступ к возможностям двигательной активности вне спортзала.

Ведение активного образа жизни путем внедрения двигательной активности в повседневную жизнь студентов является эффективным способом улучшения их физического развития, подготовленности и здоровья. Выявлено, что от 40 до 45% студентов колледжей занимаются фитнесом более трех раз в неделю. Студенты со средним баллом 3,5 и выше в три раза чаще занимаются спортом, чем студенты с более низкими оценками.

Однако, несмотря на созданные благоприятные условия 8,3% студентов Нью-Йоркского университета имеют избыточный вес, из них 6,0% страдают ожирением. Заболеваемость ожирением за десять лет в целом среди населения студенческого возраста увеличилась на 10% [6].

Анализ возможностей повышения двигательной активности студентов России показал, что уровень физического воспитания в высшей школе не способствует эффективному снижению дефицита двигательной активности студентов, т.к. большинство вузов имеют недостаточную спортивную базу, которая обеспечивает лишь 40% необходимых нормативных показателей, а также другие неблагоприятные условия для занятий, что снижает возможности проведения спортивной секционной работы [2, с. 85].

Показательна ситуация в высших учебных заведениях Дагестана, где установлено, что лишь 30,9% студентов предпочитают заниматься физической культурой в свободное время; 69,1% занимаются другими видами пассивной досуговой деятельности. Выявлено, что утренней гигиенической гимнастикой занимаются 11,2% студентов из числа проживающих в общежитиях университета. У большинства студентов (82%) двигательная активность ниже рекомендованных норм, причем уровень гипокинезии за период обучения в вузе возрастает и составляет на 3 курсе – 65%, на 4 курсе – 75%, на 5 курсе – 85%. Студенты, занимающиеся двигательной активностью в свободное время, чаще пропагандируют здоровый образ жизни среди друзей и членов своей семьи [3, с. 4].

Проведенное нами исследование показало, что наиболее распространенными видами занятий в режиме свободного времени в сфере образа жизни студентов являются пассивный отдых и развлечения: просмотр телепередач, интернет-ресурсов, посещение массовых зрелищ (65,2%). Занятия двигательной активностью и другие виды активного отдыха (загородные прогулки, поездки, туризм и др.) занимают незначительное место в свободном времени современных студентов (34,8%). Среди причин, мешающих занятиям двигательной активностью, студенты в основном ссылаются на недостаток времени и силы воли (36,3%), отсутствие спортивных сооружений возле дома (31,7%), отсутствие интереса и потребности (26,1%), занятия другими более увлекательными делами (24,8%).

Выявление значения двигательной активности для личного совершенствования, здоровья и профессионального благополучия показало, что 75,6% студентов понимают, что занятия двигательной активностью способствуют укреплению здоровья, 42,3% – коррекции телосложения, 36,1% – быстрому восстановлению умственного утомления, 64,8% – профилактике заболеваний. Однако понимание значения само по себе не обеспечивает активности в занятиях.

Значительно ниже понимание студентами, что занятия двигательной активностью способствуют свободному общению (14,9%), формированию культуры движений (5,4%), этике и нравственности (3,8%). Причинами, влияющими на формирование потребности в двигательной активности, по мнению студентов являются: материально-технические условия и экономические факторы (69,5%), опыт занятий спортом (23,9%), опыт занятий в школе и вузе (17,7%), семейное физическое воспитание (10,4%).

В ходе исследования было выявлено понимание студентами важного условия проведения занятий – исключение экологически загрязненных мест и трасс, проходящих вдоль автомобильных дорог и промышленных предприятий. Приоритетом являются условия воздушной среды парков, морского воздуха, садов, ле-

сов, содержащей особые вещества (фитонциды), способствующие уничтожению микробов и обогащению крови кислородом. Студенты выражают уверенность в том, что такая организация занятий будет не только повышать двигательную активность, но и расширять социальные контакты в студенческой среде.

В ходе исследования выявлены две группы факторов, определяющих вероятную возможность повышения двигательной активности студентов, которые можно условно разделить на:

- объективные: социально-экономические условия; материально-техническая спортивная база и оборудование, климат в семье, вузе, учебной группе, национальные традиции;
- субъективные: состояние здоровья, личностные качества и способности студента.

Анализ результатов исследований и собственный многолетний педагогический опыт позволили определить педагогические предикторы повышения двигательной активности студентов медицинского вуза, которые включают четыре структурные составляющие и характеризуются рядом признаков:

1. интеллектуально–когнитивный компонент: знания в области физической культуры и других смежных наук; самостоятельное добывание новых знаний на основе имеющегося двигательного опыта; способность использования наличного интеллектуального потенциала в деятельности;
2. мотивационно–ценностный компонент: самомотивированность физической культуры на уровне осознания здоровья и благополучия; потребность в овладении ценностями здорового образа жизни; направленность на эмпатию и толерантность в жизнедеятельности;
3. коммуникативно–рефлексивный компонент: адаптивность к психогенным факторам среды; владение способами саморегуляции психических состояний, профилактики профессиональных деструкций и выгорания;
4. операционно–деятельностный компонент: нормальное физическое развитие, отвечающее требованиям культуры тела и культуры движений; вариативность жизненно важных двигательных навыков, их эффективное использование; самостоятельная физкультурная деятельность; спортивное совершенствование.

Пути реализации представленных педагогических предикторов повышения двигательной активности требуют создания следующих разнонаправленных педагогических условий:

- экологической предметно–двигательной среды на основе разработки и проведения выходных, праздничных дней, прогулок, лесных, пляжных, водных экологических спортивных мероприятий и конкурсов (с учетом удовлетворения интересов

и потребностей студентов), возможно ориентированных на национальные традиции;

- социальных сетей, интерактивных социальных групп, которые дадут возможность: расширить контакты студентов, устранить некоторые барьеры в общении и взаимодействии, быть на связи с другими студентами, что может значительно повысить вовлеченность в коллективную двигательную активность;
- безопасной здоровье–сберегающей среды необходимой для устранения препятствий в организации двигательной активности на открытом воздухе. Студенты с большей вероятностью будут вести активный образ жизни, если будут чувствовать себя в безопасности и комфортно в своем окружении. Обучение мерам личной безопасности, осведомленность о местах занятий будут расширять возможности двигательной активности студентов.

Выводы

В результате исследования установлено:

- двигательная активность современных студентов недостаточная, занимает незначительное место в режиме свободного времени уступая место другим видам досуговой деятельности;
- понимание студентами важного значения двигательной активности для здоровья и социально–профессионального благополучия не обеспечивает активности в занятиях физической культурой и спортом.

Впервые в педагогической теории и практике выявлены педагогические предикторы повышения двигательной активности студентов медицинского вуза, характеризующиеся рядом конкретных признаков, которые могут быть реализованы в учебной и досуговой деятельности студентов представленными разнонаправленными условиями.

Теоретическая значимость исследования позволяет дополнить научные представления о состоянии двигательной активности в сфере образа жизни современных студентов. Полученные в результате исследования данные могут быть использованы при составлении экологических и физкультурно–рекреативных программ или отдельных спец–курсов по дисциплинам физической культуры и спорта в вузах, что позволит преподавателям более избирательно подходить к использованию средств двигательной активности в учебном процессе.

Дальнейшими научными изысканиями по данной проблеме будет разработка концепции выявления педагогических предикторов повышения двигательной активности в системе непрерывного образования врачей с учетом медицинской специализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алибаш А.В., Ашхамахов К.И. Формирование здорового образа жизни современной молодежи // Наука в современных условиях: от идеи до внедрения. Ульяновск: Ульяновский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, 2022. – С. 2875-2880. – EDN TXYCLU.
2. Баранов В.В., Кабышева М.И. Мотивация физкультурно-спортивной деятельности студентов // Актуальные проблемы физической культуры и спорта в высших учебных заведениях. Воронеж: ВГАУ, 2012. С. 84–90. EDN: RDZQVH.
3. Бахмудов Б.М., Магомедов Г.М. Физическая культура и спорт в воспитании гуманной личности молодежи // Проблемы теории и практики развития физической культуры и спорта на современном этапе. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2022. – С. 3-5. – EDN UYHGWL.
4. Головинова И.Ю., Николаева В.С. Анализ системы физического воспитания в школах и высших учебных заведениях США // Физическая культура, спорт, туризм: проблемы и перспективы. 2020. № 4 (29). С. 54.
5. Киселева Е.В., Хапин А.В., Якимов А.М. Физическая культура в профессиональной подготовке студентов как компонент здорового образа жизни // Проблемы теории и практики развития физической культуры и спорта на современном этапе. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2019. – С. 61-63.
6. Кремнева В.Н., Соловьева Н.В. Различия в системах физического воспитания в высших учебных заведениях США и России // Педагогические науки. 2019. № 6-2. С. 71-74.

© Кабышева Марина Ивановна (maslova70@inbox.ru), Порубайко Людмила Николаевна (porubaiko50@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Кропта Ольга Александровна

Доцент, ФГБОУ ВО Волгоградский государственный
аграрный университет
olgakropta@yandex.ru

THE PROBLEM OF STUDYING NEOLOGISMS IN MODERN LINGUISTICS

O. Kropta

Summary: The article discusses the terms "neologism", "neology". The author examines the role of the modern press in the formation and dissemination of neologisms. It is noted that the problems associated with the consideration of neologisms have been studied sufficiently, but in recent decades a new approach has emerged that takes into account the term we are studying and consists in exploring the interaction between the process of creating new words and their use in a specific speech space.

The author came to the conclusion that lexicography at the present stage of development, formed in recent decades, it provides unimaginable opportunities that will allow us to study neologisms, as well as monitor the formation of our vocabulary.

Keywords: neologism, lexicography, neological dictionaries, mass media, "Dictionary of new words and meanings", lexicographic description, prefixes, affixes.

Аннотация: В статье рассматриваются термины «неологизм», «неология». Автором рассматривается роль современной прессы в формировании и распространении неологизмов. Отмечается, что проблемы, связанные с рассмотрением неологизмов, изучены в достаточной степени, однако в последние десятилетия возник новый подход, который берёт во внимание изучаемый нами термин и заключается в исследовании взаимодействия между процессом создания новых слов и их употреблением в конкретном речевом пространстве.

Автор пришёл к выводу, что лексикография на современном этапе развития, сформированная в последние десятилетия, она даёт невообразимые возможности, которые позволяют изучать неологизмы, а также следить за становлением нашей лексики.

Ключевые слова: неологизм, лексикография, неологические словари, СМИ, «Словарь новых слов и значений», лексикографическое описание, префиксы, аффиксы.

Развитие промышленности, культуры и науки приводит к изменениям в русском языке: появление новых слов, понятий, явлений и предметов. По прошествии времени неологизмы становятся единицами языка

Лексические дефиниции является подвижной частью нашего языка, крайне быстро реагирует на те изменения, которые происходят с нами. Принадлежность слов к данной категории – явление относительное и историческое. Обратимся к толкованию понятия «неологизм» Н.М. Шанским: «Новые лексические образования, которые возникают в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления, сохраняют ощущение новизны для носителей языка и которые еще не вошли или не входили в общелитературное употребление» [7, с. 158].

Система параметров, предложенная Н.З. Котелковой, уточняет понятие «неологизм»: «Неологизм» – конкретизация по параметру «время» [5, с. 14]. Таким образом, неологизмами могут быть названы новые слова относительно предшествующего временного отрезка, иначе говоря, слова, не существовавшие ранее.

«Термин «неология» может осмысляться и как наука

(logos) о новом (neo), в таком случае он будет годиться для обозначения разнообразных новых явлений в языке: новых свойств у старых слов, изменения стилистической окраски; новых форм словоизменения слова, сочетаемости; новых лексико-грамматических функций слов» [1, с. 17].

«Другой определитель связан с установлением структурных признаков новизны самого слова. Представление о новых словах как о новых, не мотивированных внутренней структурой созвучиях распространено в среде нелингвистов (газ, кодак, в новейших пособиях – слово с условной мотивировкой – лавсан)» [2, с. 54].

Можем отметить, что такой критерий, как время, является частотным. Следует отметить, что к понятию языкового пространства обращаются многие учёные и исследователи. По мнению Н.З. Котелковой, такое слово может считаться неологизмом, которое будет соответствовать нормам, указанным выше.

Семантических неологизмов количественно меньше, чем лексических. В чём же состоит своеобразие неологизмов семантических? Лексемы в них известны языковой личности, но обновлённое значение способно переместиться из одной тематической группы в другую,

лексическая сочетаемость, эмоциональная окраска, закреплённость за стилем при этом тоже меняются. Активный словарь пополняется также за счёт переосмысления семантики историзмов.

Проблемы, связанные с рассмотрением неологизмов, изучены в достаточной степени, однако в последние десятилетия возник новый подход, который берёт во внимание изучаемый нами термин. Он заключается в «рассмотрении взаимодействия между процессом создания новых слов и их употреблением в конкретном коммуникативном акте» [3, с. 32]. Так, изучение слов в системе стало рассматриваться сравнительно недавно. Начиная с 60-х годов XX столетия, неологизмы стали употребляться достаточно активно, о чём свидетельствует написание диссертационных исследований, научных статей, монографий. В данных трудах рассматриваемая категория слов изучалась на всех языковых уровнях: словообразовательном, лексикологическом, семантическом, стилистическом (Н.М. Шанский, В.В. Лопатин, Н.З. Котелова, Н.З. Земская и некоторые другие исследователи).

Активное пополнение русского словаря неологизмами вызывает необходимость их изучения, исследования с точки зрения лингвистики. С какой целью создаётся словарь неологизмов? В первую очередь, ввиду необходимости описать эти слова, речевые обороты. Безусловно, подобная потребность в данном словаре существовала, но на протяжении длительного времени подобного издания не существовало. Однако обозначим некоторые справочники, в которых были представлены иноязычные слова, например, ещё при Петре I составили «Лексикон вокабулам новым». Впоследствии В.И. Даль при создании своего толкового словаря включает иностранные слова. «Толковый словарь русского языка», редактором которого был Д.Н. Ушаков, также включает большое число новых слов. Д.И. Ожегов, а позже МАС, БАС обращаются к большому количеству иностранных слов. Однако стоит отметить, что толковые словари не обращаются к новизне того или иного слова, так как словарный запас значительно опережает «процесс их составления».

Появление в 1920-х годах «Словаря советских терминов и наиболее употребительных иностранных слов» отражает необходимость рассмотрения лексики советского периода. «Словарный сектор Института русского языка» в Ленинграде (ныне «Институт лингвистических исследований РАН», находящийся в Санкт-Петербурге) также занимался описанием и изучением новых слов.

Словарь-справочник «Новые слова и значения», изданный в 1971 году, под редакцией Н.З. Котеловой Ю.С. Сорокина, использует материалы СМИ и литературы, изданной в 1960-е годы 20 века. Можем с полной уве-

ренностью утверждать, что этот опыт является первым в создании словарей подобного вида. Рассматриваемый словарь включает такие разряды слов и значений:

1. слова, выражения, ранее не существовавшие в языке (например, «лазер», «морж»);
2. слова, выражения, ранее не отмеченные толковыми словарями русского языка, однако начавшие активно употребляться в данное время (например, «аллергия», «кинокамера»);
3. слова, выражения периода Великой Отечественной войны (например, «блокадница», «вещмешок»);
4. слова, выражения, которые вышли из употребления (например, «студебеккер», «сверхзвезда»).

Термины, научные понятия, включённые в словарь «Новых слов и значений», появились в результате технического прогресса (например, «квантовая механика», «компьютер» «интернет»).

Словарь НСЗ является важным и весомым источником данных для исследователей русского языка, раскрывающим изменения и динамику лексики на протяжении временных отрезков. Благодаря этому он выступает в качестве ценного инструмента для переводчиков, журналистов и литераторов, желающих задействовать в своих работах современные и активно используемые слова и обороты.

Помимо этого, словарь НСЗ служит значимым ориентиром для различных областей деятельности, связанных с образованием и культурой: – для преподавателей и студентов словарь выступает в качестве справочника, способствующего углублению знаний о русском языке и обогащению словарного запаса; – для специалистов в области составления словарей словарь НСЗ служит в качестве практического пособия по сбору и обработке лексических единиц современного русского языка; – для создателей электронных систем обработки естественного языка словарь НСЗ является ценным ресурсом для разработки словарей и грамматик, необходимых для эффективной и корректной работы таких систем.

Словарь НСЗ становится все более популярным в лексикографических исследованиях. Он использовался в таких исследованиях, как изучение изменения семантики слов, исследование новых слов и исследование жаргонов. Словарь НСЗ также используется в обучении русскому языку как иностранному.

Во второй половине 20 века наблюдался заметный сдвиг, связанный с изменениями в лексическом значении слова, в толковом словаре (исходном). Обозначаемые изменения – яркая иллюстрация того, насколько системный словообразовательный характер, отражающий внутренние языковые изменения, они имеют. Безус-

ловно, главный критерий для включения неологических образований в словари новых слов – это их отсутствие в более ранний исторический период и в тоже время в многократное повторение в современности.

Работа лексикографов была колоссальной, они смогли обобщить результаты и включили в данный словарь около 10 тысяч лексем и 230 фразеологических единиц. Этот словарь показывает постепенный «распад» советского (нового) языка и выработку отдельных элементов. В последнее время можем отметить появление словарей, в которых сочетаются черты толковых словарей, неологизмов, а также словарей иностранных слов. Современные издания позволяют проследить за динамикой, обнаружить фрагменты, которые свидетельствуют об общественных и языковых изменениях, обратить внимание на те слова, которые становятся невостребованными в современном языковом пространстве.

«Толковый словарь русского языка конца 20 века. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Складневской отражает перемены, которые произошли в языке за последние два десятилетия 20 столетия, а также служит материалом для ряда работ в области лексикографии. Обозначенное издание есть попытка создания такой модели лексикографического описания, которая бы отражала сферы общественной жизни, представленные в неологизмах:

- политико-социальное устройство и идеологические отношения («авторитаризм»),
- экономические отношения («бартер»),
- репрессивная деятельность («мафия», «рэкет»),
- православие и другие верования («таинство», «йога»),
- область паранормальных явлений («НЛО»), быт («гамбургер»), техника, автоматизация («факс», «интернет»).

Важность роли неологизмов в русском языке не вызывает сомнения. Именно подобные слова отражают и определяют вектор языкового развития, показывают, в степень освоения заимствованных слов. Аффикация – один из продуктивных способов образования новых слов, посредством добавления к производящей основе приставок и суффиксов. Сложение основ не менее распространённый способ объединения двух самостоятельных неологизмов в одно слово.

Развитие техники, науки, промышленности, культуры в современном мире происходит быстрыми темпами, что не может не отражаться на развитии современного русского языка. Вследствие обозначенных процессов возникают названия новых предметов и понятий. Если эти слова на данном этапе развития признаются неологизмами, то по прошествии определённого временного промежутка они уже попадают в толковые или неологические словари. Итак, именно лексикографические изда-

ния свидетельствуют об актуальном состоянии лексики и способствуют пониманию русского языка.

Если говорить о лексикографии на современном этапе развития, сформированной в последние десятилетия, то она даёт невообразимые возможности, которые позволяют изучать неологизмы, а также следить за становлением нашей лексики. Она помогает отследить появление и развитие новых слов и понятий в языке.

Современная пресса играет важную роль в формировании и распространении неологизмов. Представим основные причины их появления в российских СМИ:

1. Новые реалии, понятия, предметы и явления, возникающие в современном социуме, способствуют появлению неологизмов (например, «дайвинг», «маркетинг», «менеджмент», «менеджер» и другие).
2. Неологизмы, которые называют явления, уже существующие в обществе, однако не имеющие соответствующего наименования (например, «рэкет», «мафия», «отказник»). Они появились для обозначения ранее существующих явлений, которые не были достаточно формально описаны.
3. Новые слова могут быть созданы для замены длинных словосочетаний. Например, слова «рейтинг», «брифинг», «имидж» заменяют более длинные описания, что делает речь более краткой и удобной для восприятия.
4. Неологизмы могут возникать для подчеркивания изменений в социальной роли предметов или явлений в изменяющемся обществе. Например, слово «офис» заменило более старое слово «контора», а «сбербанк» стал современным обозначением прежней «сберкассы».

Также следует помнить о возрастных особенностях аудитории. Например, пожилым людям часто нравятся более консервативные формы выражения, и им сложнее принимать новые слова. Молодежь, наоборот, более открыта к новым идеям и легко воспринимает неологизмы и иноязычные выражения.

Все эти факторы объясняют, почему неологизмы часто появляются и используются в российской прессе. Они помогают создать более точные и удобные для восприятия выражения, а также отражают изменения в обществе и его языке.

Популярными средствами массовой информации у молодежи сегодня являются социальные сети, мессенджеры, блоги и форумы. Молодые люди в развитых странах уже давно перестали пользоваться телевидением и газетами для получения информации, предпочитая Интернет. Социальные сети привлекают молодую аудиторию тем, что позволяют публиковать свои фотографии,

видео и мысли, а также общаться с друзьями и единомышленниками. Мессенджеры, такие как WhatsApp, Telegram и Viber, используются для обмена сообщениями, фотографиями и видео, а также для совершения голосовых и видеозвонков. Блоги и форумы позволяют молодым людям обсуждать интересующие их темы, находить друзей и единомышленников, а также делиться своим опытом и знаниями. Средством массовой информации, имеющим мультикультурный характер, является интернет. Именно на его просторах мы обнаруживаем новые тренды, обращаемся к традициям, подпитываемся новыми идеями, узнаём о различных культурах и их ценностях. Безусловно, интернет-заимствования – благодотворная почва для появления неологизмов. В 2014 году Инстаграм становится самой модной социальной сетью, на пространствах которой рождаются такие сло-

ва, как: «лук», «лифтолук», «дакфейс». Неологизм «селфи» стал, по мнению Оксфордского словаря, словом 2013 года. Молодежный сленг также пополняется словами из Интернета, такими как «лайк», «репост», «коммент», «френд» и «фолловер». Эти слова активно используются молодежью в повседневной речи, как в устной, так и в письменной форме. Интернет оказал огромное влияние на язык, культуру и образ жизни молодежи. Социальные сети, мессенджеры, блоги и форумы стали для молодых людей основными средствами общения, получения информации и развлечения.

Современный русский язык находится в непрерывном процессе развития, и одним из ярких свидетельств этого являются неологизмы – новые слова и выражения, которые постоянно возникают и пополняют словарный запас языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко И.Е. Особенности современных неологизмов / И.Е. Герасименко, Цянь Чжан. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 13.2 (117.2). – С. 25-26. – URL: <https://moluch.ru/archive/117/32369/>
2. Герасименко И.Е. Экспрессивно-суггестивный потенциал разговорной лексики // Сб. материалов III региональной науч.-практ. конф. аспирантов, соискателей и молодых ученых «Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее» / Отв. ред. О.Г. Вронский. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2007. – С. 26-33.
3. Герасименко И.Е. Экспрессивно-суггестивный потенциал разговорной лексики // Сб. материалов III региональной науч.-практ. конф. аспирантов, соискателей и молодых ученых «Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее» / Отв. ред. О.Г. Вронский. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2007. – С. 26-33.
4. Костомаров В.Г. Бурвикова Н.Д. Старые вехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. – СПб.: Златоуст, 2001. – 72 с.
5. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании) / АН СССР. Ин-т рус. яз. Ин-т языкознания. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 164 с.
6. Оксфордский словарь выбрал словом года неологизм selfie // МИА «Россия сегодня» от 19.11.2013 г. – URL: <http://ria.ru/world/20131119/977918771.html> (дата обращения: 19.06.2016). 3. Костомаров В.Г. Бурвикова Н.Д. Старые вехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. – СПб.: Златоуст, 2001. – 72 с.
7. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – Москва: Прозерпина: Школа, 1994. – 400 с.

© Кропта Ольга Александровна (olgakropta@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОГО-ЦЕННОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА БЛОКА ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАНИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОНЯТИЯ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРЕМИЯ»

REALIZATION OF THE PROJECT-VALUE POTENTIAL OF THE BLOCK OF NATURAL SCIENCE DISCIPLINES IN UNIVERSITY EDUCATION USING THE CONCEPT OF "EDUCATIONAL AWARD"

I. Ledovskikh
N. Pishkova

Summary: The article analyzes the state of implementation of a block of natural science disciplines in the regional university space at the present stage of development. It is noted that the permanent reform of the higher education system and the ongoing changes in society have led to a situation where the majority of young people do not see receiving a fundamental education as a personal priority. The concept of "educational bonus" is revealed as deferred capital, which in the real learning process is not utilitarian and obvious to students, but in the future helps to expand the opportunities of young people not only to integrate into the existing labor market, but to become an active author of their own development trajectory in it. It is noted that the process of forming an "educational bonus" cannot be organized imperatively, through a verbal explanation of the significance of this element. An important aspect of the formation of high-quality educational capital in today's realities is the moral and ethical component, when, in the course of mastering complex educational material, conditions are created for the student, through the acceptance of which he tries to independently formulate the need for hard work in an up-to-date format. Overcoming the internal fear of the complexity of the material being studied is possible through the use of the methodological technique of defamiliarization, which allows the student to independently design the material being studied and awakens his interest in it.

Keywords: higher education, natural science cycle, educational award, defamiliarization, moral and value support.

Ледовских Ирина Анатольевна

Кандидат физико-математических наук, доцент, ФГБОУ
ВО "Тихоокеанский государственный университет"
ledovskih_irina@mail.ru

Пишкова Наталья Евгеньевна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО "Тихоокеанский
государственный университет"
009980@pnu.edu.ru

Аннотация: В статье анализируется состояние реализации блока дисциплин естественно-научного цикла в региональном вузовском пространстве на современном этапе развития. Отмечается, что перманентное реформирование системы высшего образования и происходящие изменения в обществе, привели к ситуации, когда большинство молодых людей не видят получение фундаментального образования как личностный приоритет. Раскрывается понятие «образовательная премия» как отложенный капитал, в реальном процессе обучения не обладающий утилитарностью и очевидностью для студентов, но в перспективе способствующий расширению возможностей молодых людей не просто встраиваться в существующий рынок труда, а становиться на нем активным автором собственной траектории развития. Отмечается, что процесс формирования «образовательной премии» не может быть организован императивно, через вербальное объяснение значимости этого элемента. Важным аспектом формирования качественного образовательного капитала в современных реалиях становится морально-этический компонент, когда в ходе освоения сложного учебного материала студенту создаются условия, через принятие которых он пытается самостоятельно сформулировать необходимость упорного труда в актуальном формате. Преодоление внутреннего страха перед сложностью изучаемого материала возможно через использование методического приема "остранение", позволяющего студенту самостоятельно оформлять изучаемый материал и пробуждающего интерес к нему.

Ключевые слова: высшее образование, естественно-научный цикл, образовательная премия, остранение, морально-ценностное сопровождение.

Классик социологической мысли прошлого века Э. Дюркгейм рассуждая о современной ему школе и об образовании как институте в целом, называл этот институт «микрокосмос». Чтобы понять, что происходит в образовании как ключевом конструкте человеческой культуры, необходимо, по мнению автора, внимательно и скрупулезно изучать не только сами образовательные учреждения, но и все то окружение, с которым эти уч-

реждения связаны непосредственно. За последние годы в России изменились не только программы и формы обучения внутри университетов, но городское пространство, внутри которого располагается тот или иной вуз. Из истории становления высшего образования известно, что первые университеты располагались на окраинах городов и обладали, в связи с этим определенной экстерриториальностью по отношению к городу. Урба-

низация, как неизбежное следствие модерна, довольно быстро привела к тому, что вчерашние окраины превратились в центры, в рамках которых университеты становились не просто частью городского ландшафта, но и мощным культурно-смысловым узлом координации потоков жизни. Однако, как отмечают многочисленные исследования специалистов, за последние 30 лет роль и, соответственно, социальный статус университетов существенным образом трансформировались. Чтобы понять происходящие изменения и выстраивать адекватную времени образовательную стратегию, необходимо оценить происходящие изменения как внутри вузов, так их связь с окружающим пространством.

Начало XXI века для высшего образования в России можно смело характеризовать как бум востребованности. Адаптировавшись к происходящим в общественном устройстве переменам, граждане обнаружили что их возможности в выстраивании своей жизненной траектории самым непосредственным образом связаны с тем культурно-образовательным багажом, который они могут предъявить на рынке труда. Для многих стало существенным разочарованием то, что, обладая серьезными фундаментальными знаниями, полученными в школе и вузе, они не обладают умениями эти знания конвертировать в социальный и экономический капитал [2]. В связи с этим фактом, оказавшимся естественным для многих, было напряжение поисковой потребности, снимавшей привычную значимость детерминантов прошлой эпохи. Результатом поиска стала идентификация существующих вузов как источника рационализации потенциальных возможностей развития и встраивания в социальные реалии времени. Вузы, в свою очередь, стали разрабатывать и выбрасывать на рынок огромное число курсов, программ, специальностей, часто не проработанных основательно и, по сути, сырых для практического использования. Как итог — завышенные ожидания людей, ринувшихся переучиваться на «модные» специальности, не оправдался в той мере, на которую они рассчитывали. Рынок труда оказался заполненным специалистами, претендовавшими на отдачу от вложенного труда, которую он предложить не мог [3]. То, что сегодня принято называть «образовательной премией» оказалось не премией, а не совсем удачной инвестицией. Соответственно ореол значимости высшего образования слегка потускнел и перестал восприниматься большинством как универсальная ценность. Произошло то, что философ [1] назвал профанацией сакрального. Сегодня специалисты отмечают [6] что вузы в целом воспринимаются большинством граждан не как стартовая площадка для жизненного роста, а как необходимая промежуточная структура между школой и рынком труда. Особенно ярко данный феномен проявился в среде молодых людей, заканчивающих школу и предпочитающих сегодня колледжи университету. Для них более важной задачей оказалась задача быстрого выхода на рынок труда с конкретными профессиональными ком-

петенциями, которые они рассчитывают оперативно реализовать в практической деятельности. Более того, молодые люди, все-таки выбравшие университет, уже с начала обучения стремятся не вкладываться в изучение наук, а уже на первых курсах встраиваться в трудовые отношения на рынке. Очевидно, что в описанной ситуации перед работниками системы высшего образования встали серьезные вызовы, без адекватного ответа на которые университеты рискуют утратить свое многолетнее эволюционное преимущество, как структуры, не просто способствующие профессиональному росту студентов, но и выполняющие миссию культурогенеза общества в целом [4].

Наиболее выпукло противоречие между необходимостью упорного труда по освоению фундаментальных основ наук и вознаграждением за него в обозримом будущем проявилось в специальностях высшего образования, требующих от обучающихся максимального сосредоточения без очевидной отдачи от него в ближайшей перспективе. Важно подчеркнуть еще одну особенность современного состояния дел, проявившуюся в резкой дифференциации вузовского сообщества на т.н. «ведущие вузы» и все остальные. В конкурентной борьбе за студентов некоторые вузы априори получили преимущество, связанное с различными факторами — география, традиции, более развитые рынки труда и так далее. Получив конкурентное преимущество на входе в систему в виде более сильных и мотивированных на учебу студентов, ведущие вузы стали развивать его, привлекая для этого дополнительные ресурсы. Для нас важно понимание этого обстоятельства в связи с тем, что в региональных вузах наиболее существенному секвестру оказались подвержены именно те направления подготовки, которые требуют от студентов основательности и скрупулезности в изучении своего предмета.

Как показала практика, многие реально существующие внутренние противоречия и ограничения развития организации вузовского образовательного пространства связаны с категориями «возможность» и «действительность». Как говорят классики, возможность — это потенциал, имеющий силу для своего воплощения. Под силой воплощения стоит понимать не актуализацию готовых внешних предметов желания, а способность самой вещи изменяться — субстанционально, сущностно, качественно и количественно. Говоря другими словами, личность способна реализовывать свои потенции в реальности только изменяясь сама.

В предыдущей образовательной модели, многое из которой живо по сей день, силой на воплощение потенциальной возможности было как раз то, что сегодня называется «образовательной премией». Выпускнику советского вуза не просто гарантировалось трудоустройство по специальности, но внятно прорисовывались как ближайшие, так и более отдаленные жизненные и

карьерные перспективы. Другими словами, тот труд, который студент должен был вложить в изучение фундаментальных научных основ, он мог с уверенностью в его востребованности предложить рынку труда и гарантированно получить за это ожидаемые социальные и карьерные бонусы. Современная ситуация в функционировании системы высшего образования существует в условиях жестких социальных противоречий, одним из которых является противоречие между возможной ролью системы высшего профессионального образования в жизни общества, в развитии науки, культуры и общества в целом и реально проявляемым отношением к ней со стороны государства. Выбирая наиболее адекватные, с его точки зрения, ответы на вызовы времени, государство стремится максимально преференцировать те направления подготовки специалистов и в тех формах, которые кажутся ему наиболее рациональными. Однако следует констатировать, что несмотря на непрекращающиеся поиски исследователями высшего образования, практиками и управленцами ответов на описанное противоречие, разработка и внедрение методов стимулирования познавательной деятельности и познавательной самостоятельности студентов, развития у них навыков к каждодневному упорному учебному труду и совершенствованию своих знаний, далека от разрешения. Именно в связи с этим понятие «образовательная премия» сегодня становится наиболее актуальной для специальностей физико-математического цикла. Под образовательной премией мы понимаем отложенный капитал, в реальном процессе обучения не обладающий утилитарностью и очевидностью для студентов, но в перспективе способствующий расширению возможностей молодых людей не просто встраиваться в существующий рынок труда, а становиться на нем активным автором собственной траектории развития.

Проблема формирования социальных явлений подобного рода лежит на поверхности. Находящийся в перманентном поиске выбора траектории развития молодой человек, раздражаемый искушениями и соблазнами, не способен адекватно реагировать на императивные, обычно представленные в вербальной форме, призывы старших коллег к сосредоточенности и кропотливому труду без очевидной пользы для себя «здесь и сейчас». Психологи достаточно подробно описали тип современного молодого человека с синдромом рассеянного внимания [5]. Для подобного типа людей ключевой проблемой становится сложнейшая психическая функция сознания - «означивание», наделяющая субъективным смыслом многообразных элементов содержания культуры, образования. Фактически функции личности в учебном процессе заключаются в непрерывном конструировании становящейся картины мира индивида. Процесс личностного самостроительства, становление индивида субъектом учебной деятельности представляет собой «собрание» и последовательное обобщение ситуативных впечатлений, конструирование из них к сверхситу-

ативной самоорганизации процесса. Важно помнить, что адекватная самоорганизация в студенческом периоде жизни полностью подчинена парадигме, при которой «настоящее опосредуется проектами будущего». Наделение смыслом окружающих явлений, включая и учебные предметы, происходит латентно через такие операции как означивание, осмысливание, рефлексия [8]. При этом происходящие в сознании операции часто носят мифотворческий характер, основываясь в первую очередь на существующих в данном социуме традиционных представлениях. Ценностно-ориентационная функция субъекта деятельности неотделима от предметно-познавательной, является ее смысловым коррелянтом, определяющим мотивационно-побудительную активность субъекта. Большое количество современных исследователей образования с горечью констатируют факт отказа представителей молодого поколения от встраивания взаимоотношений с предметами, позиционирующимися ими как избыточно сложные. Миф о том, что учебные предметы физико-математического цикла излишне сложны и требуют от учащихся слишком много усилий по освоению их содержания, устойчивая сегодня максима среди студентов, транслирующаяся в этой среде. Данный миф порождает состояние внутреннего страха и формирует стойкое предубеждение необходимости избегания взаимоотношений с данными объектами. Приобретаемый студентами начальный опыт субъективирования, придания личного смысла элементам содержания образования, оказывается расколотым надвое. Субъективация – это не только оценка личной значимости объективно существующего предмета, но и осознание себя самого как автора, субъекта, конструирующего предмет в ходе общения с ним. Не попасть в полную зависимость от предмета обучения, а самому стать его автором, сложная педагогическая задача. Для решения данной задачи опытные педагоги используют различные методики исходя из понимания конкретной ситуации, складывающейся в ходе обучения. Можно выделить некоторые ключевые формы построения учебного процесса при изучении сложных объектов знания:

- актуализация смыслов, понимание ситуации как конфликтно-проблемной;
- осознание проблемы как потенциальной возможности ее разрешения;
- активная дискредитация устоявшихся стереотипов восприятия объекта;
- делегирование формирования новых смысловых форм самим студентам;
- практическая реализация новых смысловых форм.

Понимание того, что личностным процессом является не столько усвоение готового знания, сколько извлечение из массива информации собственного, авторского знания, оценка которого перемещается из внешнего поля, во внутреннее пространство сознания, выработка собственного оценочного суждения, индивидуального

стиля выражения, восприятие ситуации как совокупности условий взаимодействия, стимулирующей проявление личностью ее функций в учебном процессе. Возникающая на данной основе модель личностно ориентированной ситуации оказывается особым, обобщенным дидактическим средством, в состав которого включены возможности отбора информации, стимулы саморазвития индивида, ценностное содержание деятельности по организации общения с предметами интереса. Моделирование личностно развивающей ситуации и деятельность, выполняющая лично-формирующую функцию, это деятельность по определению, не сводимая к формальному исполнению заданного, затрагивающая жизненные интересы студентов, трудная, требующая от занимающихся напряжения воли, свободная от внешней регламентации и доставляющая индивиду чувство удовлетворения. Одним из возможных вариантов моделирования ситуации подобного рода возможно мыслительное переформатирование предмета изучения на принципиально иную форму представленности. Один из основателей лингвистической теории формализма, российский ученый-лингвист В. Шкловский еще в начале прошлого века ввел в научный дискурс понятие «остранение», через которое взаимодействие с тем или иным текстом осуществлялось по особой форме [9]. Привычные детерминанты прочтения не давали исследователю полную возможность проникнуть внутрь замысла художника и понять глубину его творческого порыва. Остранение, то есть представление предмета изучения странным, не таким каким он привычно кажется, сложная мыслительная процедура, требующая от воспринимающего полной дискредитации проторенных путей восприятия. Возникающее в процессе этой процедуры чувство инаковости привычного предмета восприятия, инаковости прошлого по отношению к настоящему, инаковости собственного опыта в соотношении с вновь открывающимися возможностями, это, по сути, есть историческое чувство, преобразующее хаотическое сознание в стройную линию событий, взаимоувязанных в ходе жизни индивида. Убедить студентов посмотреть на предмет изучения «другими» глазами педагогическая процедура, не имеющая технологического решения. Неопределенность деятельности в таком формате заложена в самой структуре личностно ориентированного обучения, априори предполагающего бифуркационное поле возможностей разрешения. В ситуации конфликта привычного и нового развивается то, что со времен И.Канта принято называть «продуктивным воображением». В отличие от мифологических фантазий, продуктивное воображение имеет плотную связь субъекта деятельности и объекта восприятия, эта связь опосредует возникновение в сознании субъекта механизмов, через которые проявляется мотивированный интерес к изучаемому объекту [7]. Задачей педагога, в описанной ситуации, становится не трансляция готовых знаний и попытки технологизировать процесс обучения, а творческое соучастие в присвоении учащимся результатов

его поисков.

Для развития фантазии и памяти молодые люди нуждаются в образах, но именно это является наиболее острым дефицитом современного образования. Большинство действующих сегодня педагогов не могут претендовать на создание идеального образа из-за низкого социального статуса профессии в целом. Формирование «образовательной премии» процесс, пролонгированный во времени, его нельзя свести к конкретному событию и вычленив в таком виде из потока других событий, больше этот процесс похож на искусство находить значимые аргументы, развивать чувство убежденности, способность суждения, как способность подводить единичное под общее. Важнейшим компонентом процесса формирования «образовательной премии» в современном образовании становится позитивный этический мотив, ориентирующий поведение индивида в конкретной ситуации на цели, достижение которых правильно и необходимо с точки зрения действующего субъекта. Без определения некоей нравственной позиции, основанной на этике должного, невозможно осуществлять «собрание» себя в рассеивающем сознании внешнем мире. Так как нравственная позиция во многом формируется под влиянием образов и примеров, демонстрируемых наиболее очевидной референтной группой — педагогами, в виду невозможности демонстрации этой группой утилитарных экономических и социальных выгод, в их позиции нравственное начало и этическая норма преобладают. В основе большинства педагогических концепций во все времена лежал этический принцип, формируемый конкретной культурой и вобравший в себя в концентрированном виде представление данного социума о ценностных основаниях и способах их воплощения в жизнь. Моральные аспекты подготовки высококвалифицированных специалистов естественно-научного направления особенно актуализировались в настоящее время, когда средства информационной эпохи во всех возможных видах способны блокировать сознание людей и превращать их в послушных зомби. Профессиональная подготовка специалистов — это многоуровневый процесс освоения не только рационально-когнитивного компонента, обеспечивающего индивиду определенное место в устройении социума, но и обязательное ценностное сопровождение данного процесса.

Образовательная премия в цикле естественно-научных дисциплин в современном вузовском образовании, дополненная до целостности этическими коннотациями, может стать для студентов существенной мотивацией, способствующей воплощению в реальность потенциала значимости ответственного и осознанного получения образования, что придаст всей системе необходимую гармонию и устойчивость в наполненном неопределенностями мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен, Джорджо. Похвала профанации. Дж. Агамбен. - В кн. Профанации. М.: Изд-во Гилея. 2014. - С. 78-101.
2. Адлер Ю.П., Шпер В.Л. Образование в XXI веке: проблемы, перспективы, решения // Качество и жизнь. 2015. № 4. С. 37-45.
3. Добренъков В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование. / В.И. Добренъков., В.Я. Нечаев. - М.: ИНФРА-М, 2003. - 381 с.
4. Запесоцкий А.С. Образование: Философия, культурология, политика / А.С. Запесоцкий. - М.: Наука, 2003. - 456 с.
5. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М.: Логос, 2000. 383 с.
6. Перескокова Т.А., Соловьев В.П. От педагогики «научения» к педагогике «возможностей» // Alma mater (Вестник высшей школы). 2019. № 9. С. 18-26. DOI: 10.20339/AM.09-19.018
7. Жизненные стратегии молодежи в воспитательном аспекте образовательного пространства вуза на современном этапе. Ледовских И.А., Карпова И.В., Меретуков Ш.Т., Баженов Р.И. / Современное педагогическое образование, 2022. № 7. С. 20-23.
8. Развитие математического мышления студентов через организацию диалогового пространства. - Карпова И.В., Ледовских И.А. Антропологическая дидактика и воспитание, 2023. Т. 6. № 2. С. 244-253.
9. В.Б. Шкловский Искусство как приём // Сб. по теории поэтического языка. - Источник: Энциклопедия русского авангарда <https://rusavangard.ru/online/history/ostranenie/>

© Ледовских Ирина Анатольевна (ledovskih_irina@mail.ru), Пишкова Наталья Евгеньевна (009980@pnu.edu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЙ АСПЕКТ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НЕПРОФИЛЬНЫХ ВУЗАХ

HEALTH-SAVING ASPECT OF PHYSICAL EDUCATION IN NON-CORE UNIVERSITIES

V. Lutsyuk
L. Nyurksne
Yu. Pershin

Summary: Physical culture in modern reality is becoming increasingly important for the development of not only the endurance of the body, but also its psycho-emotional health, including the formation of the student as a person capable of coexisting in harmony with society, nature and the environment. It is for this reason that sports are now beginning to be considered as an interdisciplinary discipline that correlates with medicine, nutrition, ecology, psychology and other sciences. In addition, the inclusion of such an elective course as physical education in non-core universities is a strategic task of the state to improve the demographic situation in the country in terms of increasing healthy longevity among citizens, which a priori contributes to the stabilization of the economy and the growth of Russia's intellectual capital. It is also important that during the study period, health-saving principles and life values, ethical norms of behavior and lifestyle of students in general are formed. In this article, the formation of health-saving components in the context of sports is considered in an interdependent correlation with the pyramid of needs of Abraham Maslow, which allows us to identify the main motivational concepts that determine the relevance of physical activity of students in non-core universities.

Keywords: health care, health, physical education, sports, university, higher school, students, Maslow's pyramid.

Луцюк Владимир Евгеньевич

к.с.-х.н., доцент, ФГБОУ ВО МГАВМиБ-МВА
имени К.И. Скрябина
lustyk@mail.ru

Нюрксне Лариса Алексеевна

ст. преподаватель, ФГБОУ ВО МГАВМиБ-МВА
имени К.И. Скрябина
nurksne@mail.ru

Першин Юрий Лаврентьевич

ст. преподаватель, ФГБОУ ВО МГАВМиБ-МВА
имени К.И. Скрябина,
pershin1957@mail.ru

Аннотация: Физическая культура в современной действительности приобретает все большее значение для развития не только выносливости организма, но и его психоэмоционального здоровья, в том числе, формирования обучающегося как личности, способной сосуществовать в гармонии с обществом, природой и окружающей средой. Именно по этой причине в настоящее время спорт начинают рассматривать как междисциплинарную дисциплину, которая взаимокоррелирует с медициной, нутрициологией, экологией, психологией и другими науками. Помимо этого, включение в непрофильных вузах такого элективного курса, как физическая культура, является стратегической задачей государства по улучшению демографической ситуации в стране с точки зрения увеличения здорового долголетия среди граждан, что априори способствует стабилизации экономики и росту интеллектуального капитала России. Немаловажен также тот факт, что в период обучения формируются здоровьесберегающие принципы и жизненные ценности, этические нормы поведения и образа жизни студентов в целом. В данной статье формирование здоровьесберегающих компонентов в контексте спорта рассматривается во взаимобусловленной корреляции с пирамидой потребностей Абрахама Маслоу, что позволяет определить основные мотивационные концепции, детерминирующие актуальность физической активности обучающихся в непрофильных вузах.

Ключевые слова: здоровьесбережение, здоровье, физическая культура, спорт, вуз, высшая школа, студенты, пирамида Маслоу.

Введение

В современной педагогике общее физкультурное образование рассматривается как процесс и результат обучающей и воспитательной работы в области «Физической культуры», который направлен на передачу и системное освоение опыта предшествующих поколений в использовании спорта как здоровьесберегающего, воспитательного и психоэмоционального компонентов, которые как следствие центрируются на формировании личности обучающихся с активной жизненной позицией.

Материалы и методы исследования

В данной статье использовались такие методы, как междисциплинарное теоретическое исследование научной литературы по исследуемой проблеме, описание, обобщение, а также метод структуризации и систематизации материала.

Результаты и обсуждения

Прежде всего, важно подчеркнуть, что физическая культура в непрофильном вузе оказывает влияние на становление пяти основных компонентов здоровья, которые во взаимокорреляции способствуют гармонично-

му росту и развитию личности обучающегося (см. рисунок 1):



Рис. 1. Физическая культура в вузе как здоровьесберегающая технология¹

Между тем, физическая активность и здоровье взаимоскоррелятивны по нескольким аспектам, которые формируют человека в целом. А именно, опираясь на концепцию пирамиды потребностей А. Маслоу (предложенной ученым в 1943 г.), следует выделить следующие факторы, на которые оказывает влияние физическая культура в контексте здоровьесбережения студентов (несмотря на то, что американский психолог отказался от первоначального варианта своей пирамиды, ее роль как методического инструментария никогда не потеряет своей актуальности в научных исследованиях [3, с. 139]):

(1) «Физиологические (органические) потребности». Спорт способен удовлетворять физиологические потребности в двигательной активности, в противном случае человек подвержен негативному воздействию гиподинамии, что, в том числе, чревато патологиями многих человеческих органов (прежде всего, вегетативной нервной системы (далее – ВНС) и ее областей иннервации: сердца, легких, желудочно-кишечного тракта (далее – ЖКТ), поджелудочной железы и т.д., т.е. всех органов парасимпатического и симпатического отделов) и др. А именно, согласно исследованиям В.М. Смирнова (2002), как правило «оба отдела ВНС действуют синергично..., который ярко проявляется при физической нагрузке – деятельность сердца стимулируется, а ЖКТ, напротив, угнетается, что увеличивает возможность достижения, например, спортивного результата» [8, с. 58], – пишет ученый.

1 Рисунок автора.

2 Рисунок и классификация автора.

(2) «Потребность в безопасности» (чувство защищенности, способность избавиться от страха и неудач): физическая активность испокон веков отвечала за укрепление организма в целом, в т.ч., за развитие физических качеств. В современную действительность в развитых странах уровень безопасности достаточно высокий. Однако человек стал чаще путешествовать, в т.ч. по дикой природе, также основной процент граждан – это водители автомобилей в городах-миллионниках, где проживает много людей и высокая интенсивность движения на автомобильных дорогах, поэтому и пешеходам, и водителям необходимо обладать определенной ловкостью, силой, скоростью и выносливостью, а также такими психофизическими качествами, как «внимание (объем, переключение, распределение, устойчивость), реакция на движущийся объект, простая и сложная двигательная реакция» [9, с. 305], которые позволяют быть сконцентрированным, собранным и эмоционально устойчивым. Соответственно, физическая активность оказывает непосредственное влияние на развитие психофизических и антропологических качеств человека, отвечающих за его безопасность (см. рисунок 2):

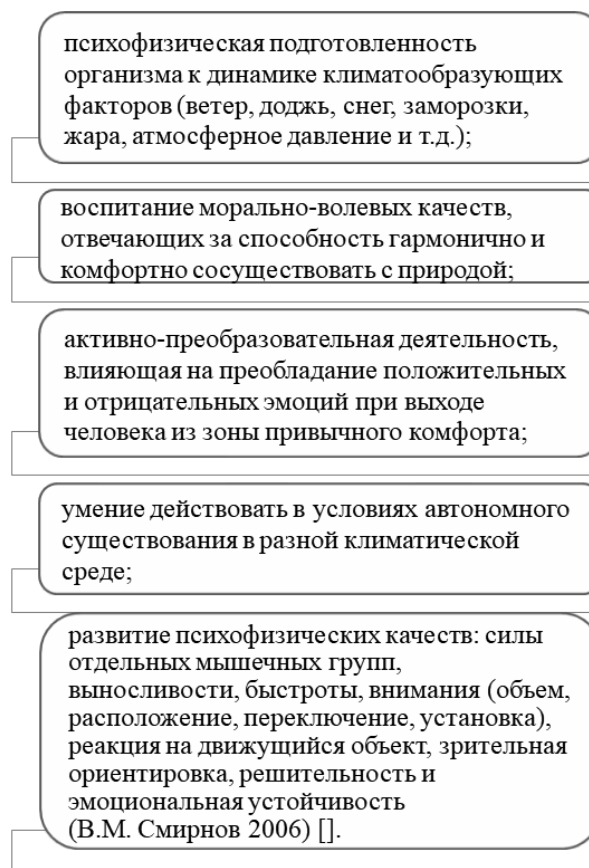


Рис. 2. Развитие психофизических и антропологических качеств человека посредством физкультуры в контексте технологии здоровьесбережения²

Помимо вышеперечисленных факторов, физическая активность в рамках безопасности взаимосвязана с мотивацией выбора определенных видов деятельности и профессий, а также с формированием навыков и способностей работать в тех или иных структурах [3, с. 142].

(3) «Потребность в принадлежности и любви» (принадлежность к общности, быть приняты, любить и быть любимым). Физическая культура активно способствует реализации третьей важной потребности человека – формированию социальной компетентности личности, прежде всего, конструктивной коммуникации, дружбе и поддержке. В процессе занятий физической культурой происходит «спортивная социализация», которая реализуется сквозь призму символического интеракционизма Дж. Мида (развития способности встать на позицию другого человека и оценить с его точки зрения свои собственные действия) и «социально-конструктивистского подхода П. Бергера и Т. Лукмана» [1, с. 220] (личность и ее поведение формируются под влиянием правил и конвенций культурных дискурсов, т.е. конструирование психики происходит под воздействием *языка*, соответственно, психические феномены являются продуктом *дискурсов*).

В т.ч. культ тела, который негласно установлен в современном социуме, не дает раскрепоститься многим людям в обществе или принять себя. Это обусловлено психологической защитой организма от рождения больного потомства, а именно, если человек имеет лишний вес (булимия) или склонен к анорексии, большая вероятность того, что он страдает какими-то патологиями, в результате чего у него снижена фертильность и он не способен вырастить здоровых детей, поэтому подсознательно вызывает негативное к себе отношение со стороны окружающих. А именно, булимия и анорексия влекут за собой «нарушение фертильности, задержку внутриутробного развития плода, выкидыш и преждевременные роды, нарушения лактации и др.» [6, с. 116]. Спорт помогает скорректировать данные недостатки, привести человека в надлежащую форму – это позволяет ему и принять себя и, как итог, привлечь к себе положительное внимание импонируемых ему лиц.

(4) «Потребность в уважении (почитании)» (компетентность, достижение успеха, одобрение). Спорт в современную действительность помогает реализовать несколько аспектов, позволяющих добиться признания в обществе: высокие достижения в соревнованиях и олимпиадах приносят славу и почёт; рекомпозиция тела – импонируемая сила, ловкость, выносливость, быстрота и гибкость (например, в спортивных играх со сверстниками в вузе или при досуговом времяпрепровождении) – уважение (включая удовлетворение «потребности в самоуважении, личных достижений, компетентности,

уважении со стороны окружающих, признании, одобрении, авторитете» [2, с. 159]).

(5) «Познавательные потребности» (знать, иметь, понимать, исследовать). Физическая активность способствует развитию интеллектуальных способностей, что обусловлено, прежде всего, физиологией организма, так как спорт способствует выработке «нейротрансмиттеров – дофамина (гормона удовольствия), серотонина (гормон радости) и норепинефрина (гормона концентрации внимания)» [7, с. 19]. Помимо этого, ввиду того, что физическая активность способствует улучшению работы сердечно-сосудистой и дыхательной систем, эффективизируется поступление кислорода в клетки, как следствие, у обучающихся вуза, согласно исследованиям А.А. Простякова, А.М. Спирина, Е.Ю. Козенко (2020), улучшаются память, внимание и реакция, снижается уровень тревожности, депрессии и стресса, формируется развитая нервная система [7, с. 19].

(6) Эстетические потребности (гармония, порядок, красота). Спорт способствует омоложению организма, улучшению его физического состояния, «согласно закономерностям золотой пропорции или золотого сечения, активизирующих творческое восприятие действительности» [10, с. 89]. А именно, привлекательная фигура спортсмена способствует развитию искусства и достижению его высоких целей: эталоны красоты человеческого тела демонстрируются в рекламе, при показе одежды, которая, прежде всего, рассчитана на пропорционально сложенного и развитого человека, в фотографиях, картинах, киноиндустрии, театральных выступлениях, скульптуре и т.д.

(7) «Потребность в самоактуализации» (реализация своих целей, развитие собственной личности). Спорт XXI в. центрирован, прежде всего, на спорте высших достижений, поэтому обучающиеся вузов, в т.ч. непрофильных, рассматриваются как потенциальный олимпийский резерв. С этой целью в стране действует программа внедрения всероссийского комплекса «Готов к труду и обороне», основной целью которого выступает «использование возможностей физической культуры и спорта в сохранении здоровья, формировании ЗОЖ, гармоничном и всестороннем развитии личности, призывании патриотизма и гражданственности, улучшении качества жизни населения РФ» [4, с. 154 – 155]. Соответственно, спорт и физическая культура для современного общества стали, прежде всего, инструментом саморазвития и самореализации.

Выводы

Здоровьесберегающие технологии наиболее эффективно реализовываются посредством спорта и физической культуры, которые в настоящее время имеют меж-

дисциплинарное развитие и становление. В процессе преподавания физической культуры в вузе, в т.ч. непрофильном, в обучающихся воспитывается положительное отношение к здоровому образу жизни, правильному питанию и физической активности, которые наиболее ра-

ционально реализовывать сквозь призму потребностей пирамиды А. Маслоу – такая интерпретация здоровьесберегающих технологий спорта в глазах студентов и преподавателей повышает их мотивационный потенциал к физической активности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабанов И.В. Спорт как фактор социализации: особенности и механизмы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. №4 (126). С. 219-225.
2. Бабушкин Е.Г. Формирование спортивной мотивации // ОНВ. 2014. №1 (125). С. 158-160.
3. Букейханов Н.Р., Закшевская Н.Н., Никищечкин А.П., Чмырь И.М. Пирамида А. Маслоу в маркетинге безопасности // Социология. 2013. №2. С. 139-143.
4. Дедловская М.В., Золотухина И.А. Значение ГТО в спортивно-физкультурной подготовленности студентов // Вестник БГУ. 2017. №1. С. 154-160.
5. Максимова Е.Н., Алексеенков А.Е. Физическая активность и психическое состояние человека // Наука-2020. 2019. №4 (29). С. 73-76.
6. Познухова Е.В., Мурашко А.А., Куринова А.Н. Расстройства пищевого поведения и беременность: обзор литературы // Архив акушерства и гинекологии им. В. Ф. Снегирева. 2019. Вып. 6 №3. С. 116-120. <https://doi.org/10.18821/2313-8726-2019-6-3-116-120>.
7. Простяков А.А., Спиринов А.М., Козенко Е.Ю. Влияние регулярных занятий спортом на работу мозга // Интерактивная наука. 2020. №1 (47). С. 19-21. <https://doi.org/10.21661/r-519482>.
8. Смирнов В.М. Физиология физического воспитания и спорта: Учеб. для сред. и высш. учеб. заведений по физ. культуре / В.М. Смирнов, В.И. Дубровский. Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002. 604 с. ISBN 5-305-00034-3.
9. Угрюмов С.В. Профессионально важные психофизические качества для управления автомобилем // ОНВ. 2006. №9 (47). С. 305-309.
10. Фудин Н.А., Иванов Д.В., Токарев А.Р. Физиологические аспекты эстетики спорта (обзор литературы по материалам Тульской научной школы) // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2020. №4. С. 89-97. <https://doi.org/10.24411/2075-4094-2020-16712>.
11. Суханова, Е.Ю. Особенности физического воспитания студентов аграрного вуза с применением здоровьесберегающих технологий / Е.Ю. Суханова, А.М. Сурков, Н.Н. Штукин // Инновационные научные исследования: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 сентября 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 117-119.
12. Антипов, О.В. Самодиагностика здоровья студентов аграрного вуза / О.В. Антипов, А.М. Сурков, Е.Ю. Суханова // Качество жизни населения и экология: Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 22–23 августа 2022 года / Под научной редакцией Г.В. Ильиной. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. – С. 3-5.
13. Антипов, О.В. Комплекс дыхательной гимнастики как способ восстановления студентов, переболевших новой коронавирусной инфекцией / О.В. Антипов, Е.Ю. Суханова, Р.В. Гежа // Национальная Ассоциация Ученых. – 2020. – № 59-1(59). – С. 4-6.
14. Антипов, О.В. Физическое воспитание, ориентированное на приоритет здоровья, в условиях дистанционного обучения в аграрном вузе / О.В. Антипов, Р.В. Гежа, М.С. Лукова // Право, история, педагогика и современность : Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 30–31 января 2023 года / Под редакцией А.В. Яшина, А.А. Грачева, Н.И. Свечникова. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 11-15.

© Луцюк Владимир Евгеньевич (lustyk@mail.ru), Нюрксне Лариса Алексеевна (nurksne@mail.ru),
Першин Юрий Лаврентьевич (pershin1957@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕДАГОГИКА К.Д. УШИНСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Медвецкая Алла Леонидовна

*Аспирант, Преподаватель, Московский университет
имени С.Ю. Витте
pismovotdel@gmail.com*

K.D. USHINSKY'S PEDAGOGY AS A SOURCE OF INCREASING PROFESSIONAL AND PERSONAL COMPETENCIES OF A HIGHER SCHOOL TEACHER

A. Medvetskaia

Summary: The article analyzes selected scientific works of K.D. Ushinsky in order to determine the descriptive characteristics and requirements for the teacher's personality, as well as his professional competencies. The main provisions of "Pedagogical Anthropology", "Pedagogy", "Lectures at the Yaroslavl Lyceum" have been studied, the scientist's main postulates on the content of the main directions of a teacher's work have been formulated: in an educational, methodological context. Current requirements for a teacher are identified and an interpretation of K.D.'s provisions is given. Ushinsky as applied to the development of competencies of a modern higher school teacher.

Keywords: pedagogy K.D. Ushinsky, professional competencies, teacher, personal competencies, requirements, education.

Аннотация: В статье проведен анализ избранных научных трудов К.Д. Ушинского с целью определения описательных характеристик и требований к личности педагога, а также его профессиональным компетенциям. Изучены основные положения «Педагогической антропологии», «Педагогики», «Лекций в Ярославском лицее», сформулированы основные постулаты ученого о содержании основных направлений работы учителя: в воспитательном, методологическом контексте. Выявлены актуальные требования к педагогу и приведена интерпретация положений К.Д. Ушинского в приложении к развитию компетенций современного преподавателя высшей школы.

Ключевые слова: педагогика К.Д. Ушинского, профессиональные компетенции, педагог, личностные компетенции, требования, воспитание.

В настоящее время структура компетенций педагога высшей школы постоянно усложняется в связи с трансформациями в социально-экономической системе, образовательными инновациями и глобальной цифровизацией общества. При этом неизменным остается зависимость качества образования от уровня профессиональной подготовки и сформированных личностных качеств педагога.

Мы разделяем мнение Г.З. Ефимовой и соавторов, согласно которому среди наиболее востребованных профессиональных и личностных компетенций преподавателя следует назвать: готовность к осуществлению учебно-методической, воспитательной и научно-исследовательской деятельности в соответствии с требованиями ФГОС ВО, а также «внутреннюю мотивацию к педагогической деятельности, развитый эмоциональный интеллект, рефлексивность и непрерывное повышение квалификации» [1, с.202].

Год от года растет значимость компетенций наставника и воспитателя, умений применять наиболее эффективные воспитательные практики в работе со сту-

дентами, способствующие развитию самостоятельности, гражданской позиции и духовно-нравственных качеств молодежи.

Поэтому мы считаем важным рассмотрение источников обогащения и развития профессиональных и личностных компетенций педагога, в том числе, посредством анализа и обобщения данных педагогических концепций выдающихся отечественных ученых, извлечения тех рекомендаций по совершенствованию умений и качеств преподавателя, способствующих росту качества образовательных услуг в целом.

На основе анализа ряда избранных педагогических трудов К.Д. Ушинского [2,3,4,5], мы смогли определить те представления о компетенциях педагога, которые ученый постулировал исходя из собственной концепции, а также на основе обобщения передовых научных взглядов своего времени.

Данные представления можно обозначить как некие требования к профессиональным и личностным качествам педагога. На наш взгляд, они сопоставимы с переч-

нем профессионально-важных качеств преподавателя высшей школы.

Рассмотрим данные требования более подробно.

1. Педагог должен любить свою профессию, быть и учителем, и воспитателем.

Быть хорошим учителем – это реализовывать такое обучение, в котором приоритетом является не «передача фактов, а свободное развитие сознания обучающихся в определенном направлении и свободная формация основных убеждений» [5, с.302].

Учитель, по мнению К.Д. Ушинского должен излагать знания определенно и точно, при этом сами знания должны «отличаться энциклопедичностью, оконченностью, ясностью» [2, с.39].

Мы проанализировали положения, описанные в «Педагогической антропологии», сформулировали основные факторы оптимизации процесса обучения и связанные с ними дидактические правила К.Д. Ушинского (Таблица 1).

Цель обучения, по К.Д. Ушинскому, состоит в развитии умственных способностей, а также фасилитации желания к самостоятельному приобретению знаний обучающимися [3, с.25]. Педагог, по словам ученого, дает «средство извлечения полезных знаний не только из книг, но и из источников в окружающем мире, жизненных событий и т.д.» [3, с.23].

К.Д. Ушинский отмечает, что преподаватель должен быть хорошим воспитателем, воздействуя на развитие всех умственных и нравственных сил воспитанников, но прежде всего, на становление его духовности.

Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет воспитательную силу, которой нет в самых лучших педагогических системах, построенных на абстрактных идеях. Поэтому один из важнейших постулатов К.Д. Ушинского – педагог должен использовать «особенную национальную систему вос-

питания» [5, с.226].

2. Педагог должен иметь глубокие специальные педагогические знания, проникнутые духом народности.

Для того, чтобы добиться высокой степени развития педагогического мастерства, важно четко понимать обоснованность применяемых на практике педагогических мер. К.Д. Ушинский настаивает на необходимости тщательного изучения «физической и душевной природы человека» [3, с.35], говоря о том, что педагог должен стремиться приобрести «всесторонние сведения о природе человека, за воспитание которой он берется» [3, с.21]. Великий ученый создает православное антропологическое учение о человеке, как единстве тела, души и духа. Это важно для формирования системного представления о сложности организма человека и необходимости осознанного отношения к применению психических законов для решения прикладных педагогических задач. Узнать человека «во всех отношениях» у К.Д. Ушинского означает изучить физических и психических особенностей, влияний общественной среды, «духа времени», его культуры и передовых общественных идеалов.

Основные идеи педагогической антропологии:

1. Целостность и неделимость духовной и биологической природы человека.
2. Взаимосвязь индивидуального и социального в человеке.
3. Совокупность умственного, нравственного и физического в развитии личности.

Особое значение в контексте специальных педагогических знаний, по мнению ученого, следует уделить таким разделам, как дидактика и воспитание. К.Д. Ушинский детально объясняет, что за каждым применяемым педагогическим правилом стоит понимание ряда психических законов. Поэтому в своем труде «Педагогическая антропология» он фокусируется на разъяснении характера взаимосвязей физиологических и психических (духовных) явлений и вытекающих из них психических законов, знание которых необходимо для организации, как дидактических основ обучения, так и эффективного

Таблица 1.

Факторы оптимизации обучения	Положения и дидактические правила К.Д. Ушинского
Условия прочности полученных знаний	Систематичность и последовательность в ее взаимосвязи с сознательностью и активностью, наглядностью
Закономерности познавательной деятельности	Использование знаний о специфике возрастного периода и применение методов активизации познавательной деятельности и наблюдательности: от впечатлений до научных концепций.
Качества преподавателя	Нравственность, твердость, постоянство, полезность
Основные стимулы обучения	Учение, основанное на интересе, самообладании
Дидактические условия преподавания	Последовательность, постепенность, органичность

воспитательного воздействия.

Что касается идей народности, то следует отметить, что педагог через общественную деятельность реализует воспитание подрастающего поколения. В этом месте важна его осведомленность и укорененность с «общей духовной жизнью разных поколений» [5, с.224]. Поэтому глубокие знания исторических корней, патриотизм и сознание народности в себе позволяет учителю воздействовать на ум и сознание воспитанников - через отбор содержания учебных материалов, трудов великих писателей и исторических деятелей как «подвижников народного самосознания» [5, с.225].

Выступая за народность в воспитании, К.Д. Ушинский считал, что учителю необходимо иметь высокий уровень общекультурных компетенций, которые в приоритете должны включать «тщательное изучение всего родного – языка, литературы, отечественных законов» [5, с.225].

К.Д. Ушинский предостерегает нас об опасности «полюбовования» педагога, возбуждающего его самонадеянность в преподавании, не дающей полезных знаний для обучающихся [2, с.43].

3. Педагог должен иметь твердые убеждения.

В педагоге, воспитателе, по словам К.Д. Ушинского, важнее всего «его собственное убеждение, так как надеть маску каких бы то ни было убеждений в деле воспитания невозможно» [5, с.289]. Эти убеждения должны быть «вполне русскими», а не заимствованными «иноземными».

В «Педагогической антропологии» указано, что в каждом наставнике «важно не только умение преподавать, но также характер, нравственность и убеждения», так как личность учителя оказывает большее влияние, чем наука» [3, с.21]. При этом, Ушинский акцентирует внимание на том факте, что «убеждения должны быть пронизаны идеей христианства» [2, с.43].

4. Преподаватель должен обладать педагогическим тактом, под которым К.Д. Ушинский понимает «особое приложение такта психологического» [3, с.30]. Развитие педагогического такта, согласно воззрениям ученого, связано с рефлексивной деятельностью учителя - «наблюдением души за собственной деятельностью» [3, с.30], а также постоянным саморазвитием посредством чтения психологических сочинений. Педагогический такт предполагает знание психологических законов, на которых основаны определенные педагогические правила. Педагог должен ясно понимать и обосновывать свои действия, и это становится возможным благодаря сочетанию педагогического такта и педагогического

опыта преподавателя. К.Д. Ушинский постулирует тот факт, что без развития педагогического такта, педагог «как бы не изучал теорию педагогики, никогда не будет хорошим практиком» [3, с.30].

4. Преподаватель должен быть примером для подражания. В научном труде К.Д. Ушинского «Лекции в Ярославском лицее», он указывает, что главный элемент воспитания – это личность педагога и его нравственное влияние на обучающихся, так как «воспитательная сила изливается только из живого источника» [5, с.163]. В качестве желательных черт личности учителя, ученый называет такие, как скромность, терпеливость и религиозность. По словам К.Д. Ушинского, жизнь педагога должна соответствовать «школьным наставлениям» [2, с.42] и служить примером, как для детей, так и для их родителей. Поэтому жизнь народного учителя - «простая, суровая, без всяких светских развлечений, но при этом «в высшей степени деятельная и честная» [2, с.43].

5. Педагог должен активно участвовать в народной жизни. Именно благодаря «теплому участию в деле общественного воспитания» [5, с.226], а также вовлеченности педагога в деятельность педагогических сообществ, путешествий с педагогическими целями становится возможным реализация идей народности в организации образования. Изучая свой народ, его быт, духовные традиции, родной язык педагог черпает силы для дальнейшей общественной деятельности в контексте воспитания и обучения.

6. В преподавательской деятельности важно сочетать разум и чувства. Так, ученый пишет: «Не хорошо то учение, которое вовсе не затрагивает чувства... Педагог должен пользоваться случаем, чтобы «посредством учения связывать хорошее (эстетическое) чувство со всяким предметом, с которым оно может быть связано» [4, с.419].

7. Педагог должен постоянно совершенствовать свое мастерство, свою культуру и их соотношение с современными компетентностными требованиями к педагогам. Многие в трудах К.Д. Ушинского было посвящено изучению возможностей организации педагогических факультетов, форм образовательной деятельности для возвращения достойных учителей. Ученый говорит о необходимости изучения передового опыта западных исследователей и педагогов, изучения педагогической литературы, форм осуществления практик и обогащения знаний. Одним из важных постулатов «отца педагогики» является приоритет системности профессионального мировоззрения: «Ни в чем, может быть, одностороннее направление знаний и мышления так не вредно, как в педагогической практике» [3, с.21]. В современной подготовке педагогов высшей школы, как никогда, актуальны фундаментальные знания, научность и системность

мировоззрения и постоянный профессиональный рост. Также важны взгляды К.Д. Ушинского о признании необходимости «деятельной и долговременной практики» [2, с.4] как основы педагогического мастерства, совершенствования методики преподавания и оптимизации педагогической работы в целом.

Таким образом, изучив подходы К.Д. Ушинского к описанию профессиональных компетенций и личностных качеств педагога, мы можем сделать выводы об актуальности идей грамотной воспитательной деятельности на основе нравственных убеждений и собственного примера педагога, о значимости мотивации к осуществле-

нию педагогической работы; о важности постоянного саморазвития, системного педагогического мышления, применения антропологических знаний в практике педагогики.

Наследие К.Д. Ушинского по праву считается мощным источником развития профессиональных и личностных компетенций преподавателя высшей школы и описывает основные пути реализации профессионального роста в традициях русского национального характера, приоритета ценностей патриотизма, духовности, сознательного нравственного воспитания молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефимова Г.З., Сорокин А.Н., Грибовский М.В. Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции // Образование и наука. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idealnyy-pedagog-vysshey-shkoly-lichnostnye-kachestva-i-sotsialno-professionalnye-kompetentsii> (дата обращения: 16.01.2024).
2. Ушинский, К.Д. Педагогика. Избранные работы / К.Д. Ушинский. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 258 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-07424-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/513492> (дата обращения: 14.01.2024).
3. Ушинский, К.Д. Педагогическая антропология в 2 т. Том 1: учебник для вузов / К.Д. Ушинский. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 449 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-08619-5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/514630> (дата обращения: 14.01.2024).
4. Ушинский, К.Д. Педагогическая антропология в 2 т. Том 2: учебник для вузов / К.Д. Ушинский. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 488 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-08621-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/514631> (дата обращения: 14.01.2024).
5. Ушинский, К.Д. Лекции в Ярославском лицее. Избранные педагогические сочинения / К.Д. Ушинский. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 358 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-11866-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/514632> (дата обращения: 15.01.2024).

© Медвецкая Алла Леонидовна (pismovotdel@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СТРУКТУРЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Менжевицкий Матвей Евгеньевич

*Аспирант, Московский финансово-юридический
университет
Mmi0208@mail.ru*

USE OF DIGITAL COMMUNICATIONS IN THE STRUCTURE OF SUPPLEMENTARY EDUCATION

M. Menzhevitskiy

Summary: This article presents the author's interpretation of the communicative environment of additional education as a set of subjects of the educational process, as well as the tools of digital technologies, which is a single process that aims to achieve the goals and objectives facing the participants of the educational process; the conditions and advantages of the organization of training in the conditions of additional education through digital communications are characterized; the positions of various authors concerning learning in this format are analyzed; the mechanism of learning by means of digital communications is shown; digital communications as components of the distance educational environment, which provide solution of tasks in the system "distance teacher" – "distance student", are specified; the list of educational directions, in which application of communicative technologies is the most effective, is allocated; the teaching and educational interaction between the teacher and the learner is detailed.

Keywords: educational process, digital communications, additional education, information and educational tools, management of educational system, remote learning mode.

Аннотация: В данной статье представлена авторская трактовка коммуникативной среды дополнительного образования как совокупность субъектов образовательного процесса, а также инструментов цифровых технологий, представляющая собой единый процесс, который направлен на достижение целей и задач, стоящих перед участниками учебного процесса; охарактеризованы условия и преимущества организации обучения в условиях дополнительного образования посредством цифровых коммуникаций; анализируются позиции различных авторов относительно обучения в таком формате; показан механизм обучения посредством цифровых коммуникаций; указаны цифровые коммуникации, как компоненты дистанционной образовательной среды, которые обеспечивают решение задач в системе «дистанционный преподаватель» – «дистанционный учащийся»; выделен перечень образовательных направлений, в которых применение коммуникативных технологий является наиболее результативным; детализируется учебно-образовательное взаимодействие между учителем и обучаемым трансформируется посредством коммуникационных технологий.

Ключевые слова: образовательный процесс, цифровые коммуникации, дополнительное образование, информационно-образовательные средства, управление образовательной системой, удаленный режим обучения.

Цифровые коммуникации в различных сферах используются уже не один десяток лет, их применение в педагогике не является особо новой научной мыслью. Увеличение степени внедрения информационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека, развитие процесса передачи информации при помощи различных средств массовой коммуникации и технических средств, формирование и организация дистанционных пространств для образования – все это стало следствием внедрения в учебный процесс информационных (дистанционных) технологий.

Организация обучения в условиях дополнительного образования посредством цифровых коммуникаций порождает определенные взаимосвязи не только межличностного, но и делового характера. Данные взаимосвязи возникают между такими категориями как: учащиеся, обучающиеся и преподаватели. Следует отметить, что отличительной чертой взаимосвязей, которые выстраиваются в процессе дистанционного образовательного процесса, является их отдаленность, как во времени, так и в пространстве, при этом среда обучения представля-

ет собой относительно реальную форму существования, основной составляющей которой является социальная реальность виртуальной среды. Кроме этого, особенностью удаленного образовательного процесса выступает отсутствие в нем определенной иерархии между субъектами при одновременном выстраивании особых сочетаний взаимосвязей между ними.

А.А. Реан считает, что если анализировать образовательный процесс с позиции взаимодействия социальных субъектов, то данный процесс отражает совместное участие и деятельность, объединяющие между собой таких субъектов как обучающиеся и обучаемые в целях решения определенной проблемы [13, с. 138].

Как представляется, обучение в дистанционном формате в условиях дополнительного образования дает возможность раскрыть и развить творческий потенциал, заложенный в обучающихся, а также позволяет обеспечить наибольшее вовлечение учащегося в образовательный процесс. В связи с этим, такая форма обучения должна создавать условия для наиболее эффективного

понимания учебного материала, плодотворного взаимодействия между субъектами, выступающими в качестве участников учебного процесса, а также для решения практико-ориентированных задач в рамках той или иной совокупности учебных предметов. В данном случае главной задачей учителя является оказание обучающимся необходимой помощи консультационной направленности относительно применения цифровых технологий на протяжении всего процесса обучения.

Ряд авторов, а именно: А.А. Андреева, В.И. Солдаткина [1] и Д.З. Ахметова [3] утверждают, что для организации максимально эффективного образовательного процесса очень важным аспектом является обратная связь, которая может предоставляться посредством цифровых коммуникаций. При этом проведение консультаций, организация тестов, обсуждение промежуточных итогов в процессе обучения посредством цифровых коммуникаций не имеет первостепенной важности.

Анализируя позиции различных авторов относительно обучения в таком формате, можно выделить определенные аспекты, в которых мнения этих авторов являются схожими. Среди таких аспектов: а) возможность разнообразного взаимодействия между участниками учебного процесса; б) получение обратной связи посредством цифровых технологий; в) индивидуальный подход к каждому обучающемуся за счет применения наиболее подходящей технологии обучения; г) уровень качества учебных материалов; д) организация и осуществление контроля как за образовательным процессом в целом, так и за каждым обучающимся в частности; е) организация и проведение аттестационных мероприятий.

Т.М. Гозман [7] утверждает, что все технологии, являющиеся элементами интеграционного процесса в сфере образования, дополняют друг друга посредством взаимного (коммуникативного) обмена тем или иными составляющими (методы, средства, принципы и пр.). В результате такого обмена одна технология может органически встраиваться в другую и использоваться непосредственно в образовательном процессе.

В условиях дополнительного образования можно отметить тот факт, что применение цифровых коммуникаций способствует повышению эффективности процесса подготовки специалистов, как в общеобразовательном, так и в профессиональном аспекте, формированию условий, позволяющих осуществить подготовку обучающихся к взаимодействию в различных сферах жизнедеятельности (прежде всего личной, профессиональной и общественной), а также приспособлению обучающихся к особенностям, присущим информационному обществу.

Как считает А.В. Овчинников [12], информатизация

образования при условии использования совокупности различных цифровых коммуникаций позволяет не только наиболее эффективным образом выстраивать организационные процессы в системе образования, но и оперативно осуществлять управление данной системой. В свою очередь оперативное управление образовательной системой способствует улучшению качественных характеристик педагогической деятельности. Также весь процесс информатизации образования дает возможность осуществлять мониторинг действенности технологий и разработок в сфере педагогики, а также определять значимость и рациональность их применения в учебном процессе.

А.А. Джаббаров [8] указывает, что характер применения дистанционно-образовательных технологий определяется особенностями применения ИКТ в среде дистанционного образования. То есть, по сути, цифровую образовательную среду приравнивает к использованию ИКТ.

В соответствии с указанными аспектами можно выдвинуть предположение, что информатизация дополнительного образования, может позволить улучшить качество управления образовательной системой, а также при помощи различного рода цифровых технологий сформировать единое пространство для обучения, в рамках которого субъекты, являющиеся участниками учебного процесса, будут иметь возможность не только оперативно получать обратную связь о результатах своей деятельности, но и эффективно взаимодействовать друг с другом.

В подтверждение данного предположения можно привести в пример суждения В.А. Талалаевой [15], утверждающей, что информатизация учебного процесса способствует созданию различных разработок и подходов, применение которых может позволить раскрыть имеющийся у обучающегося потенциал, прежде всего интеллектуальный. При этом важно понимать, что для получения максимального эффекта от применения той или иной педагогической технологии следует индивидуально подходить к каждому обучающемуся.

Использование цифровых коммуникаций в рамках информатизации дополнительного образования позволяет полноценным и слаженным образом достигать поставленных целей. В результате такого подхода складывается такой тип организации взаимодействия между субъектами дистанционного образовательного процесса, который способен поменять взгляды относительно места и роли компьютерной техники, как в учебной среде, так и в обществе в целом. Так, компьютеры выступают уже не в качестве инструмента, а в качестве средства, способствующего процессу интеграции обучающегося в социальную систему. При этом выстроенная при помо-

щи такого средства взаимосвязь между обучающимся и педагогом характеризуется равноправием в аспекте сотрудничества, что способствует как творческому раскрытию личности.

Учебно-образовательное взаимодействие между учителем и обучаемым трансформируется посредством коммуникационных технологий. Медиатизации образовательного пространства, распространение механизмов обучения посредством цифровых коммуникаций, виртуализация коммуникации позволяют изменить характер получения образования. Отмечаются следующие направления в этом процессе: инновационные методы трансляции знаний с использованием технологий информационно-коммуникационного вида; организация условий для работы с цифровыми образовательными ресурсами; создание траектории обучения; максимальная индивидуализация посредством адаптированности программ.

К механизму обучения посредством цифровых коммуникаций также следует отнести подбор различного рода учебных материалов в цифровом формате, формирование индивидуального плана обучения в соответствии со способностями учащегося; планирование учебных курсов в онлайн-форме и формирование индивидуальных образовательных программ; методы оценки полученных в ходе учебного процесса результатов обучающихся; настройку системы сбора данных, в которой отражено взаимодействие учащихся с образовательной программой; использование технологий дополненной и виртуальной реальности, а также формирующей аналитики; использование технологий, позволяющих осуществлять сбор, хранение, передачу и пр. информации в электронной форме; применение цепочки блоков, содержащих определенные данные и другие информационные технологии.

Наряду с вышесказанным следует отметить, что информатизация открывает возможности для улучшения навыков в аспекте получения новых знаний, а также для осуществления анализа, обработки и истолкования полученной информации. Следует отметить в том числе и диагностический потенциал, заложенный в процесс информатизации образования, который заключается в планировании, формировании и последующем использовании компьютерных систем диагностирования, проверки, оценки и контроля навыков, позволяющих применять в учебном процессе различные онлайн-ресурсы, а также технологии и сервисы, размещенные в Интернет-пространстве.

Несомненно, создание образовательных сред в цифровом формате является основой для информатизации, которая в свою очередь является важным элементом, позволяющим улучшить образование с точки

зрения качества и доступности. Инновационные технологии позволяют вместе с учебными материалами в печатном формате применять также учебно-методические комплексы в электронном виде, что соответствует современным тенденциям образовательного процесса.

С.Л. Атанасян [2], а также ряд других авторов [11 и др.] отмечают, что к учебно-методическим комплексам в электронном виде можно отнести: интернет, имеющий высокую скорость; онлайн-сервисы, на которых размещен образовательный контент; обучающие видео; базы данных в электронном формате и другие цифровые технологии.

Так, очевидно, что для организации образовательного пространства в цифровом формате необходимо использование большого количества разнообразных цифровых коммуникаций. При этом для получения высоких результатов при взаимодействии в цифровой образовательной среде необходимо постоянно совершенствовать применяемые в учебном процессе технологии посредством применения лучших практик обучающих онлайн-сервисов, онлайн-платформ и других проектов, размещенных в Интернет-пространстве.

Среди основных принципов функционирования цифровой образовательной среды авторы В.Т. Волков [6] и В.А. Кудинов [10] выделили: отбор материала, организация деятельности, адаптивность, формы предъявления информации; расположение и предъявление информации, использование текста, применение изображений; выразительность, целостность; конструктивная универсальность, сопроводительная документация, эффективность труда педагога, эффективность ученического труда.

Н.Б. Сэкулич [14] к цифровой образовательной среде относит интерактивные электронные информационно-образовательные средства. Автор рассматривает следующие педагогические условия, способствующие эффективной реализации модели образовательного процесса: а) расширение знаний учащихся средних образовательных учреждений о возможностях ИКТ; б) формирования условий, позволяющих комфортно взаимодействовать в рамках цифровой образовательной среды; в) организация учебно-методического комплекса, способствующая более эффективному осуществлению педагогической деятельности; г) обеспечение рефлексивного обучения; д) обеспечение условий для получения практических навыков, дающих возможность максимально эффективно действовать в цифровой образовательной среде; е) формирование критического отношения к различного рода средствам ИКТ.

В соответствии с проектом федерального уровня «Современная цифровая образовательная среда в Рос-

сийской Федерации» к данной среде отнесены информационные системы, цифровое оборудование, цифровые средства обучения, которые применяются посредством цифровых коммуникаций.

А.А. Картукова [9] сводит использование цифровой образовательной среды к участию в сетевых проектах, коим и являются цифровые коммуникации. Как указывает А.Г. Беспалова, применение удаленного формата обучения, а также необходимых для этого цифровых технологий способствует не только улучшению качества демонстрации того или иного учебного материала, но и повышению уровня его усваиваемости [4, с. 1].

По этой причине очень важным аспектом является наличие у преподавателя практического опыта ведения лекционных и практических занятий, а также умения работать с различного рода современными технологиями для беспрепятственного осуществления своей деятельности в цифровой образовательной среде.

Существует большое количество способов создания и реализации дистанционных обучающих программ посредством цифровых коммуникаций, однако чаще всего выделяют следующие:

- а) познавательные онлайн-занятия, позволяющие внедрять в учебный процесс элементы игры;
- б) различные фото- и видеоматериалы, а также презентации, просмотр которых имеется возможность осуществить в любое подходящее для этого время;
- в) обучающие мастер-классы, а также занятия в интерактивной форме, которые могут проводиться в онлайн-режиме;
- г) тесты, которые можно выполнить как в онлайн-режиме, так и в письменной форме посредством скачивания и распечатывания соответствующего материала;
- д) конкурсные мероприятия, которые можно провести дистанционно.

В связи с тем, что применение большого разнообразия способов и подходов в процессе обучения обеспечивает всестороннее развитие и учет личностных особенностей обучающихся, а также способствует удовлетворению возникающих у них интересов и потребностей, считаем рациональным выделить перечень направлений, в которых применение коммуникативных технологий является наиболее результативным. Данный перечень представлен ниже:

1. выход за рамки традиционного ведения занятий, который проявляется прежде всего в наиболее полном использовании потенциальных возможностей обучения, а также в более высоком уровне причастности учащихся к образовательному процессу;

2. интенсификация учебных занятий в познавательном и интеллектуальном аспекте посредством наиболее лучшей демонстрации лекционного и практического материала через интернет-коммуникации, который лучше воспринимается и, как следствие, лучше усваивается учащимися;
3. применение удаленного режима обучения позволяет улучшить взаимодействие между участниками образовательного процесса, а также наиболее эффективно осуществлять решение различного рода учебных задач, что в свою очередь способствует всестороннему развитию учащихся.

Важно отметить, что использование цифровых технологий в процессе обучения подразумевает собой применение таких образовательных инструментов, которые не являются традиционными, но при этом их роль в современных реалиях сложно переоценить, так как становится очевидным тот факт, что новые образовательные технологии с каждым днем набирают большую актуальность и наиболее лучшим образом воспринимаются учащимися.

Тем самым, учитывая вышесказанное относительно внедрения цифровых технологий в дистанционный учебный процесс, можно заключить, что обучение при помощи цифровых коммуникаций представляет собой образовательный процесс в цифровой (дистанционной) образовательной среде.

Учитывая современные тенденции в сфере образования, дистанционное обучение вкуче с используемыми в нем цифровыми технологиями, представляет собой только лишь один из элементов электронного образования.

Информатизация образовательного процесса выступает в роли плацдарма для планомерного перехода к цифровой образовательной среде, которая предполагает проведение учебных занятий в удаленном формате с использованием различного рода цифровых технологий, практикующихся в сфере образования.

При этом дистанционную образовательную среду в рамках данного исследования будем трактовать как совокупность субъектов образовательного процесса, а также инструментов цифровых технологий, представляющая собой единый процесс, который направлен на достижение целей и задач, стоящих перед участниками учебного процесса.

В данном исследовании можно также указать на цифровые коммуникации, как компоненты дистанционной образовательной среды, которые обеспечивают решение следующих задач в системе «дистанционный преподаватель» – «дистанционный учащийся»:

- методическая адаптация информационных технологий и цифровых образовательных ресурсов с применением систематического подхода по подготовке субъектов образовательного процесса;
- информационно-педагогического сопровождение при разработке технологий, повышающих компьютерную грамотность преподавателя и обучающегося с учетом конкретных требований, обусловленных наличием конкретного отклонения в их физическом или психическом развитии, с одной стороны, и профессиональными стандартами получения образовательных услуг – с другой стороны;
- обеспечение востребованности системы подготовки специалистов в образовательной сфере по освоению информационно-коммуникационных технологий, которые постоянно совершенствуют приобретенные компетенции, обмениваются опытом;
- развитие направлений по разработке цифрового образовательного контента для учащихся с целью выработки единых стандартов оформления, организации и диагностики;
- преодоление неравенства стоимости коммуникационных услуг, предоставляемыми учебными заведениями, слабая оснащенность средствами информатизации, применение последних разработок и ресурсов электронно-образовательного типа со значительным опозданием в учебном процессе, наличие ограниченного доступа к сети Интернет или его нестабильность подключения;
- создание такого пространства для образования, которое было бы доступно для всех, а также имело бы все необходимые для эффективного процесса обучения посредством цифровых коммуникаций инструменты в виде тех или иных цифровых технологий.

Проанализировав имеющиеся дефиниции и трактов-

ки терминов, соотносимых в литературе с дистанционным образованием, можно сделать вывод, что большинство используемых терминов чрезмерно упрощены и не в полной мере описывает особенности структуры и специфику современных условий и возможностей дистанционного образования.

В каждом используемом термине выше указанных авторов отсутствуют значимые факторы, при этом акцент делается на каком-либо одном факторе или стадии становления существующей системы обучения посредством цифровых коммуникаций. Из-за чрезмерной упрощенности, либо конкретизации дефиниций рассмотренных понятий зачастую характеристики дистанционного образовательного процесса, достаточно однобоко отражают действительную социально-экономическую ситуацию, обуславливающую характер самого существования системы образования, нивелируя важные показатели и достижения реальной научно-технической мысли, в том числе и в отношении цифровых коммуникаций.

На наш взгляд, учитывая современные тенденции в сфере образования, дистанционное обучение вкупе с используемыми в нем цифровыми технологиями, представляет собой только лишь один из элементов электронного образования.

Информатизация образовательного процесса выступает в роли плацдарма для планомерного перехода к цифровой образовательной среде, которая предполагает проведение учебных занятий в удаленном формате с использованием различного рода цифровых технологий, практикующихся в сфере образования.

При этом коммуникативную среду дополнительного образования будем трактовать как совокупность субъектов образовательного процесса, а также инструментов цифровых технологий, представляющая собой единый процесс, который направлен на достижение целей и задач, стоящих перед участниками учебного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.А., Солдаткин В.И. Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии // Cloud of science. 2013. № 1. С. 14-20.
2. Атанасян С.Л. Формирование информационной образовательной среды педагогического вуза: Автореф. дисс. ...докт. пед. наук. М. 2009. 49 с.
3. Ахметова Д.З. Инклюзивный подход к психолого-педагогическому сопровождению обучения с применением дистанционных образовательных технологий; Ин-т экономики, управления и права (г. Казань). Казань: Познание, 2014. 63 с.
4. Беспалова А.Г. Интеграция digital-коммуникаций в образовательный процесс вуза //А-Фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2017. № 4. С. 1
5. В школах проведут эксперимент по внедрению цифровой образовательной среды [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rg.ru/2020/06/27/v-shkolah-provedut-eksperiment-po-vnedreniiu-cifrovoy-obrazovatelnoy-srede.html>.
6. Волов В.Т. Дистанционное образование: истоки, проблемы, перспективы. Самара. 2000. 100 с.
7. Гозман Т.М. Интеграция образовательного процесса. Барнаул. 2006. 167 с.
8. Джаббаров А.А. Моделирование социально-экономических аспектов предоставления образовательных услуг на основе информационно-коммуникационных технологий: Дисс. ...канд. эконом. наук. Худжанд. 2019. 157 с.

9. Картукова А.А. Цифровая образовательная среда как фактор профессионального развития педагога / Цифровая образовательная среда: новые компетенции педагога // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. - СПб.: Из-во «Международные образовательные проекты». 2019. С. 8-10.
10. Кудинов В.А. Построение информационной образовательной среды вуза на основе технологий управления знаниями: Автореф. дисс. ... докт. пед. наук. М. 2010. 45 с.
11. Мироненко Е.С. Цифровая образовательная среда: понятие и структура // Социальное пространство. 2019. № 4. С. 1-13.
12. Овчинников А.В. Педагогические условия организации обучения посредством цифровых коммуникаций учащихся средних образовательных учреждений в сельской школе: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Воронеж. 2019. 24 с.
13. Реан А.А. Психология и психодиагностика личности. Теория, методы исследования, практикум: арсенал практического психолога. СПб: Прайм-Еврознак. 2006. 255 с.
14. Сэкулич Н.Б. Интерактивная электронная информационно-образовательная среда университета как средство формирования ИКТ-компетенций студентов: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ. 2018. 26 с.
15. Талалаева В.А., Губина М.И., Зонова И.В. Некоторые аспекты функционального состояния младших учащихся при инновационном обучении // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2002. Т. 31. № 2. С. 81-82.

© Менжевицкий Матвей Евгеньевич (Mmi0208@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АВТОРСКАЯ ТЕТРАДЬ «ОТ СКАЗКИ К МИЛОСЕРДИЮ» КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ВОСПИТАНИЯ ЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

AUTHOR'S NOTEBOOK "FROM A FAIRY TALE TO MERCY" AS ONE FROM WAYS OF EDUCATION OF ETHICAL CULTURE OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN

L. Stelmakhova

Summary: The article highlights the problem of the low level of formation of moral ideas and ethical culture of primary school students, one of the ways to solve which the author sees in the creation of the author's notebook "From a fairy tale to mercy". With the help of the works of this genre of oral folk art, children of this age group will develop ideas about the main social roles and moral standards of a person. Due to a number of age-related features of their thinking, younger students have fertile ground for the formation of moral feelings with the help of such means that can surprise and interest.

Keywords: author's notebook, junior schoolchild, thinking, general culture, behavior, method.

Стельмахова Лариса Александровна
Аспирант, Московский городской
педагогический университет
StelmakhovaLA@mgpu.ru

Аннотация: В статье освещается проблема низкого уровня сформированности нравственных представлений и этической культуры обучающихся младших классов, один из способов решения которой автор видит в создании авторской тетради «От сказки к милосердию». С помощью произведений этого жанра устного народного творчества у детей данной возрастной группы будут выработаны представления об основных социальных ролях и нравственных нормах человека. В силу ряда возрастных особенностей их мышления у младших школьников появляется благодатная почва для формирования нравственных чувств с помощью таких средств, которые способны удивить и заинтересовать.

Ключевые слова: авторская тетрадь, младший школьник, мышление, общая культура, поведение, метод.

В настоящее время, как ни прискорбно это констатировать, наша страна переживает кризис духовных ценностей. Одним из доказательств этого явления является возрастающая агрессивность среди подростков. В связи с этим не подлежит сомнению актуальность проблемы формирования у школьников важнейших нравственных качеств и воспитания этической культуры. Безусловно, сказка обладает огромным педагогическим потенциалом в этом отношении, ведь именно она формирует представления о нравственных нормах с младенчества. Учитель в современных условиях сталкивается со сложной задачей формирования нравственных представлений обучающихся, от которых во многом зависят их нравственное поведение и в целом нравственное воспитание.

Данная проблема не нова в методической литературе. В свое время поиск наиболее эффективных методов и средств формирования нравственных представлений у ребенка младшего школьного возраста и воспитания этической культуры осуществляли такие исследователи, как Б.Г. Ананьев [1], О.С. Богданова [2], Л.С. Выготский [3], Е.В. Карпова [4], Л.А. Никулина [5], В.А. Сухомлинский [6], К.Д. Ушинский [7], М.Г. Яновская [8] и др. Однако, несмотря на признание учеными значительного потенциала

сказки в формировании нравственных представлений, ее возможности в начальном образовании используются не в полной мере. В связи с этим в рамках данной статьи нашей целью было исследование новых методические приемы, в частности создания авторской тетради, которые могут содействовать решению проблемы недостаточного уровня сформированности нравственных представлений и этической культуры обучающихся младших классов. Помимо всего прочего, авторская тетрадь способна оказать большое влияние на принятие детьми нравственных ценностей, непосредственно на процесс формирования их общей культуры.

Нравственные представления у детей младшего школьного возраста – это сопереживание чувствам других людей, проявление нравственной отзывчивости и доброжелательности, обобщение того, что есть добро, зло, красота, понимание, любовь. Сюда же можно отнести способности ученика начальной школы осуществлять нравственный самоконтроль, требовать от себя выполнения моральных норм, формулировать собственные нравственные обязательства, с нравственной точки зрения оценивать свои поступки и поступки окружающих.

В авторской тетради «От сказки к милосердию» основными методами формирования нравственных представлений являются метод сравнения, наглядно-зрительный, метод идентификации, словесный метод, метод осознания личностного смысла и драматизация. Рассмотрим их подробнее.

Метод сравнения, или метод выявления сходств и различий. В работе с волшебной сказкой данный метод позволяет сопоставить героев, противоположных по следованию нравственным нормам, выявить отличия в описании внешнего вида персонажей сказок, их нравственных качеств; отыскать причины, по которым положительный герой побеждает отрицательных. В частности, учащимся может быть предложено выполнить следующее задание.

«Какими тебе представляются герои сказки? Составьте синквейн.

Наглядно-зрительный метод дает возможность учителю представить материал для изучения в интересной для младшего школьника форме, в результате чего он становится более понятным и доступным. Так, знакомясь на уроке с той или иной волшебной сказкой, учитель может предложить иллюстрации сказочных героев, «волшебных» предметов, предметов быта. Соотнеся их с содержанием сказки, дети наглядно представляют себе то, о чем в ней рассказано. Помимо этого, более глубокому осмыслению сказки будет способствовать *демонстрация*. Например, средством наглядности при изучении русской народной сказки «Колобок» может быть ребус.

С помощью *метода идентификации*, или отождествления с каким-либо сказочным героем, учащиеся примеряют на себя образ волшебного персонажа, чтобы испытать триумф победы добра над злом или, наоборот, горечь поражения, сформировать с опорой на свои чувства отношение к вызывающему симпатию герою, оценив его поступки. В качестве задания можно попросить детей написать письмо от имени какого-либо сказочного персонажа.

Словесный метод представляет собой устное (словесное) рисование, осуществляемое в виде беседы. Благодаря ему при изучении сказок младшие школьники формулируют главную мысль и подмечают характерные детали. Выразительное чтение, чтение по ролям не только доставляет детям массу удовольствия, но и помогает усвоить типичные черты сказки: повторы, разговорный язык. В этом случае целесообразно включение в урок задания «Корзинка вопросов»: задайте два вопроса своим одноклассникам по содержанию текста.

Метод осознания личностного смысла позволяет ученику примерить сказочный сюжет на случившуюся

когда-то в прошлом или возможную в будущем жизненную ситуацию. При этом внимание сосредоточивается на том, как поступил ребенок, с одной стороны, и главный герой волшебной сказки – с другой, когда оба они столкнулись перед необходимостью нравственного выбора. У младшего школьника в результате подобной работы должен сложиться нравственный эталон поведения. При этом с опорой на свой жизненный опыт можно предложить учащимся составить «Шкатулку добрых дел и понятий»: запишите, какие добрые слова, поступки вам встретились в сказке «Колобок». Доводилось ли вам самим совершать подобные добрые дела?

К числу наиболее эффективных способов работы со сказкой за счет насыщенности этого жанра устного народного творчества диалогами также относится ее *драматизация*. С помощью данного метода содержание волшебной сказки прорабатывается более подробно, а образ и поведение героев представляются более наглядно.

Одним из наиболее ценных умений младшего школьника в учебной деятельности является способность формулировать цели и осуществлять контроль за своим поведением с точки зрения формирования у него системы нравственных представлений. Для этого требуются знания в области норм и эталонов; выработка нравственных представлений, ориентиров, на базе которых развиваются навыки нравственного поведения. Процесс формирования самоконтроля учащихся начальной школы обусловлен уровнем сформированности у них нравственных представлений. Вместе с тем следует отметить, что дети этого возраста могут контролировать самих себя исключительно под чутким руководством взрослого, в случае если ребенок считает его поведение образцовым.

Исследователи акцентируют внимание на такой черте младшего школьника: «Ребенок... начинает думать об основаниях того, почему он думает так, а не иначе. Возникает механизм коррекции своего мышления и поведения в соответствии с нравственными нормами» [5, с. 102]. Исходя из этой мысли, следует заключить, что у ребенка появляется умение подчинять нравственной цели свои желания. Поскольку младший школьный возраст представляет собой завершающий этап развития самосознания, важно именно в этот период уделять внимание формированию нравственного сознания.

Мышление учащихся начальной школы развивается от эмоционально-образного к абстрактно-логическому. Как указывал Л.С. Выготский, дети приходят в первый класс с относительно слабо сформированной функцией интеллекта. Их внимание ограничено по объему, отличается произвольностью, недостаточной устойчивостью. Кроме того, формируются общественное мнение,

коллективные связи, навыки общественного поведения (коллективизм, ответственность за поступки, товарищество, взаимопомощь и др.), получают дальнейшее развитие элементы социальных чувств. Благодаря вышеперечисленному как итог у младших школьников складываются положительные черты личности и формируются важнейшие нравственные качества [3].

В этот возрастной период память ребенка отличается в основном наглядно-образным характером, в связи с чем он легко запоминает вызывающий интерес яркий материал, способный сформировать конкретный образ, произвести соответствующее впечатление. Во многом благодаря данной особенности памяти у младшего школьника появляется благодатная почва для формирования нравственных чувств с помощью таких средств, которые способны удивить и заинтересовать его.

К их числу можно по праву отнести созданную нами авторскую тетрадь «От сказки к милосердию». При ее составлении были учтены следующие особенности учащихся начальной школы, обусловленные возрастом и психологическими закономерностями развития.

1. Ведущая роль игровой деятельности. Оказавшись в условиях игровых отношений, ученик добровольно осваивает нормативное поведение. В играх от него в большей степени, чем где-либо, требуется соблюдение правил. В свою очередь, дети остро и бескомпромиссно подмечают случаи их нарушения, не скрывая своего осуждающего отношения к нарушителю. Тем самым у младших школьников формируется умение считаться с другими, они учатся быть справедливыми, честными, правдивыми. Закрепление вышеперечисленных навыков на практике происходит при выполнении следующего задания.

«Восстановите пословицы. Подчеркните одну, которой бы вы закончили сказку «Лиса и журавль». Проверьте себя.

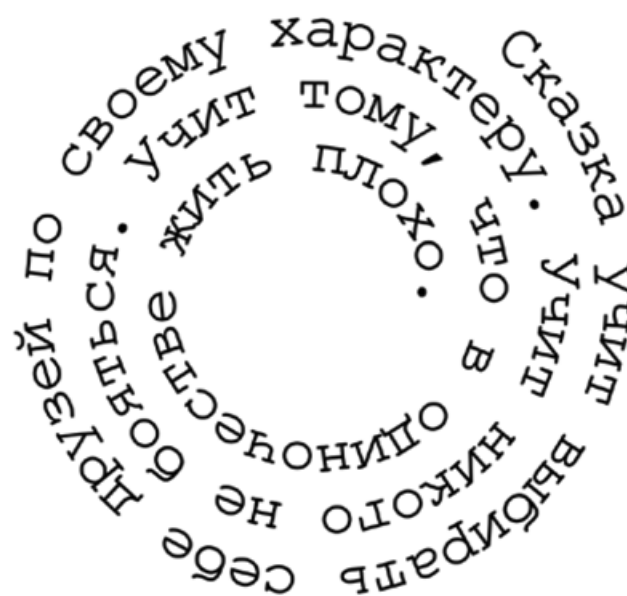
2. Неспособность длительное время выполнять монотонную работу. По свидетельству психологов, в возрасте 7 лет у детей наблюдается неспособность концентрироваться на том или ином объекте более 7–10 минут. По истечении этого времени они начинают отвлекаться на другие предметы, в связи с чем учителю рекомендуется на уроке часто менять виды деятельности.

3. Ввиду небольшого жизненного опыта недостаточная четкость нравственных представлений. Ребенок может столкнуться с противоречием между знанием, как нужно, и неспособностью применить это знание на практике, особенно когда нравственные нормы не совпадают с его личными желаниями.

При создании авторской тетради «От сказки к милосердию» мы принимали во внимание, что для младших школьников характерна повышенная восприимчивость к усвоению нравственных правил и норм, а в их воспитании для нравственного развития личности главную роль играют эмоциональная отзывчивость, опора на чувства, формирование гуманистического отношения и взаимоотношения детей.

С учетом вышесказанного учащимся предлагаются следующие задания.

«Чему учит нас сказка «Как собака друга искала»? Рассмотрите «Облако слов».



Учитывая свойства детской памяти, учитель должен сопровождать материал урока запоминающимися, интересными, яркими образами. Помимо этого, в обучении педагог неизбежно сталкивается с такой трудностью, как подвижность мысли ребенка и его неспособность долго удерживать внимание на чем-либо одном. Чтобы ее преодолеть, рекомендуется использовать учебную информацию, насыщенную удивительными фактами, занимательные задания. Например:

«Рассмотрите план сказки, составленный при помощи карт Проппа. Найдите ошибки и расставьте в окошках верную последовательность. Перескажи сказку, используя карты В.Я. Проппа. Работа в парах».

Роль авторской тетради в формировании нравственных представлений детей заключается в том, что сказка как жанр устного народного творчества:

- учит различать во взаимоотношениях людей, их поведении хорошее и плохое;
- взамен назидательным поучениям использует убедительные средства, оказывающие эмоцио-

нальное воздействие;

- вселяет в ребенка веру в торжество добра и справедливости;
- для обнаружения и понимания основной идеи, главной мысли заставляет вдуматься, вызывая тем самым внутреннюю активность читателя;
- показывает с помощью ярких примеров, к каким результатам приводят те или иные поступки.

Таким образом, волшебная сказка оказывает значительное влияние на формирование у младших школьни-

ков нравственных представлений, является эффективным средством воздействия на их сознание и психику. Процесс формирования нравственных представлений также обусловлен характером восприятия учениками произведений этого жанра устного народного творчества. В то же время в сказке закладываются основные нравственные нормы и социальные роли человека: у девочек складывается образ хозяйки, матери, верной жены, мальчики, в свою очередь, учатся быть сильными, смелыми, честными и целеустремленными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев, Б.Г. Избранные труды по психологии: в 2 т. Т. 2: Развитие и воспитание личности / Б.Г. Ананьев. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. — 548 с.
2. Богданова, О.С. О нравственном воспитании детей / О.С. Богданова, Л.И. Катаева. — М.: Просвещение, 2013. — 213 с.
3. Выготский, Л.С. Психология развития ребенка / Л.С. Выготский. — М.: Эксмо, 2003. — 512 с.
4. Карпова, Е.В. Психологические особенности развития нравственных представлений в школьном возрасте / Е.В. Карпова, А.В. Луговская // Ярославский педагогический вестник. — 2011. — Т. 2. — № 1. — С. 222–225.
5. Левин, В.А. Воспитание творчества / В.А. Левин. — М.: Знание, 2010. — 189 с.
6. Никулина, Л.А. Роль фольклора в нравственном и эстетическом воспитании личности / Л.А. Никулина, Т.А. Мирошникова // Молодой ученый. — 2014. — № 4. — С. 1051–1052.
7. Сухомлинский, В.А. Сердце отдаю детям / В.А. Сухомлинский. — Минск: Народная асвета, 1981. — 288 с.
8. Ушинский, К.Д. Человек как предмет воспитания: Опыт педагогической антропологии / К.Д. Ушинский. — М.: ОЛМАПРЕСС, 2004. — 576 с.
9. Яновская, М.Г. Нравственное воспитание и эмоциональная сфера личности / М.Г. Яновская // Классный руководитель. — 2013. — № 4 — С.24–29.

© Стельмахова Лариса Александровна (StelmakhovaLA@mgpu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КОНТРАКТНОЙ СЛУЖБЫ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИИ

Тепляков Сергей Викторович

Адъюнкт, Саратовский военный ордена Жукова
Краснознаменный институт войск национальной
гвардии Российской Федерации
teplyakovsv86@mail.ru

A MODEL FOR THE FORMATION OF PROFESSIONAL VALUE ORIENTATIONS AMONG MILITARY PERSONNEL OF THE CONTRACT SERVICE OF THE RUSSIAN NATIONAL GUARD TROOPS

S. Teplyakov

Summary: The article presents a model for the formation of professional value orientations among contract service personnel. The theoretical substantiation of the main elements that form the basis of logically interconnected structural blocks of this model is given. The study and detailed analysis of the proposed model will allow us to consider the basic conditions and mechanisms for the formation of this psychological and pedagogical construct and will contribute to the selection of the optimal option for organizing the training of military professionals in accordance with the requirements imposed on them.

Keywords: professional value orientations, model of formation of professional value orientations, values, professionally important values, contract service servicemen.

Аннотация: В статье представлена модель формирования профессиональных ценностных ориентаций у военнослужащих контрактной службы. Дано теоретическое обоснование основных элементов, составляющих основу логически взаимосвязанных структурных блоков настоящей модели. Изучение и детальный анализ предложенной модели позволят рассмотреть основные условия и механизмы формирования данного психолого-педагогического конструкта и будут способствовать выбору оптимального варианта организации подготовки военных профессионалов в соответствии с требованиями, предъявляемыми к ним.

Ключевые слова: профессиональные ценностные ориентации, модель формирования профессиональных ценностных ориентаций, ценности, профессионально важные ценности, военнослужащие контрактной службы.

В настоящее время проблема формирования, развития, укрепления и сохранения различных ценностных категорий личности, которые являются неотъемлемыми составляющими образа современного гражданина как защитника Отечества, приобретает тенденцию к трансформации из педагогической в государственную. Данная динамика обусловлена сложившейся сложной международной военно-политической обстановкой, деятельностью экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и действиями со стороны иностранных недружественных стран, направленных на дестабилизацию обстановки внутри нашей Родины. Исходя из этого, руководство страны одной из приоритетных задач в области защиты государства считает сохранение и укрепление традиционных ценностных ориентиров нашего общества, закрепление основ государственной политики в этом направлении документами стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Рассматриваемая нами категория военнослужащих представляет особый интерес в свете современных требований к призыву на военную службу по контракту [18]. Так, в соответствии с действующим законодательством, сегодня имеют право заключить первый контракт о прохождении военной службы граждане как не имеющие опыта прохождения военной службы по призыву, т.е. молодого возраста, получившие среднее профессиональное и основное общее образование, так и граждане старше сорока лет, которые в свою очередь также требуют особого подхода в рамках обучения и воспитания ввиду длительного временного периода между последним местом службы по призыву (контракту) и настоящим трудоустройством [16].

Многообразие подходов в литературных источниках к трактованию дефиниции «профессиональные ценностные ориентации» («профессионально-ценностные ориентации» [9], «ценностно-профессиональные ориентации» [4]) позволяют нам прийти к выводу, что большая их часть связана с ценностными основаниями осуществ-

вления личностью профессиональной деятельности. Они являются базовой характеристикой личности профессионала и отражают систему ее отношений к ценностям профессии [3], задают направленность сознания и поведения личности на реализацию профессиональных целей и задач в процессе профессиональной деятельности [7], а также выступают в качестве проявления мотивации к ее осуществлению [6].

Теоретический анализ проблемы формирования профессиональных ценностных ориентаций применительно к рассматриваемой категории военнослужащих, ставит перед нами цель – разработку модели исследуемого процесса. Принимая во внимание многообразие и неоднозначность трактовки понятия «модель», в широком смысле исследователи характеризуют данный феномен как мысленный или знаковый образ (схема, изображение, описание) моделируемого процесса или явления, отражающий функции и структуру конкретного объекта [15; 10]. Для любой модели характерно наличие объекта и субъекта моделирования, их четкая характеристика с выделением присущих им особых и специфических черт, при помощи которых сущность процесса рассматривается именно под таким узлом зрения [17]. Под моделированием мы понимаем процесс создания и реализации моделей, при помощи которого определенные свойства изучаемого объекта выделяются и отображаются с помощью научных понятий или предметно-имитирующих конструкций [5].

Неотъемлемым условием взаимодействия всех структурных и функциональных компонентов разрабатываемой педагогической модели мы считаем учет *системного подхода*, а также принципов преемственности и индивидуализации, субъектности и дифференциации. Данные принципы обеспечивают логику поэтапного формирования профессиональных ценностных ориентаций, позволяют учесть интересы, склонности и индивидуальные возможности развития каждого военнослужащего.

Для построения модели алгоритм наших действий опирается на общую логику педагогических исследований, который требовал от нас уяснить задачу исследования, выбрать теоретическую основу, принять во внимание ранее выполненные работы по рассматриваемой проблематике, выявить основные этапы, компоненты, функции моделируемой системы, произвести анализ модели и обсудить перспективы ее использования в практической деятельности.

Модель представлена совокупностью следующих взаимосвязанных блоков: *нормативно-целевого, методологического, содержательно-процессуального, инструментального и диагностико-результативного*. Процесс формирования профессиональных ценностных

ориентаций в предлагаемой нами модели представлен ценностно-смысловым, эмоционально-мотивационным и ценностно-деятельностным этапами, каждый из которых имеет свои специфические особенности, характеризуется выполнением присущих ему функций и включает определенные компоненты и психолого-педагогические механизмы.

Нормативно-целевой блок модели генерирует основные требования руководящих документов, предъявляемые к военнослужащим контрактной службы.

Цель – подготовка военного специалиста с оптимальным уровнем сформированности профессиональных ценностных ориентаций, способствующим качественно-му осуществлению профессиональной деятельности.

Методологическую основу моделирования процесса составляет *методологический блок*, который представлен методологическими подходами.

Аксиологический подход является основополагающим методом познания в исследовании проблемы формирования ценностных ориентаций, в связи с чем выступает в качестве руководящей основы нашей модели [8]. Применение данного подхода обеспечивает изучение содержания профессиональных ценностных ориентаций военнослужащего в соответствии с нормами морали и военной профессии. Важным в этом смысле является то, что предоставляется получение широкого спектра знаний, отражающих не только профессиональные, но и традиционные духовно-нравственные ценности. Аксиологический подход в военно-педагогическом процессе предполагает интериоризацию профессионально важных ценностей у военнослужащих через активизацию ценностных структур самосознания личности. Формирование профессиональных ценностных ориентаций будет отмечаться тогда, когда само понятие «ценности» станет осмысленным и осознанным. Осмыслив и осознав, в чем именно заключается значимость той или иной ценности для профессиональной деятельности, военный специалист сможет перейти к наиболее продуктивному осуществлению данной деятельности.

Личностно-деятельностный подход в центр военно-педагогического процесса военной организации ставит личность военнослужащего, которая развивается посредством вовлечения ее в различные виды деятельности [1]. Посредством личностно-деятельностного подхода организация процесса формирования профессиональных ценностных ориентаций у военнослужащих осуществляется в условиях единства разных видов жизнедеятельности (учебно-воспитательной, служебно-боевой, внеслужебной). Данный подход органично сочетает в себе личностный и деятельностный компоненты. Личностный – предусматривает необходимость самовоспи-

тания, саморазвития, самообучения военнослужащих с учетом их индивидуальных особенностей, интересов, склонностей, мотивов, а также уникальности и неповторимости каждого. Деятельностный – подразумевает, что одним из основных способов формирования и всестороннего развития личности военнослужащего является его профессиональная деятельность.

Дискурсионно-оценочный подход в нашей модели представляет собой механизм оценивания поведения военнослужащих с позиции нравственности и моральности. В рамках данного подхода возникают дискурсионно-оценочные регуляторы, напоминающие субъекту, как нужно вести себя в той или иной жизненной ситуации, а субъектам предоставляется возможность обосновать результаты своей деятельности и пояснить, почему они поступают именно так, а не иначе. Дискурсивно-оценочный подход позволяет каждому человеку стать субъектом своей жизнедеятельности, осуществлять свою профессиональную деятельность во благо других людей и себя, не причиняя при этом вред окружающим и себе [13].

В совокупности, представленные нормативно-целевой и методологический блоки определяют нормативные и методологические границы нашей модели, а также задают теоретический вектор построения и функционирования других элементов, составляющих основу модели [2].

Содержательно-процессуальный блок модели является одним из наиболее обширных и содержательных. Он отражает логику поэтапного (ценностно-смысловой, эмоционально-мотивационный и ценностно-деятельностный этапы) формирования профессиональных ценностных ориентаций, раскрывает их функции (смыслообразующую, мотивационную, оценочно-регулятивную), структурные компоненты (смысловой, мотивационный, деятельностный) и психолого-педагогические механизмы формирования (интериоризация, идентификация, экстерииоризация).

На первом – *ценностно-смысловом этапе* военнослужащему транслируются профессионально важные ценности, которые необходимы ему для осуществления успешной профессиональной деятельности. Происходит постепенное осмысление значимости данных ценностей по отношению к себе, профессии, другим и стране. Профессиональные ценностные ориентации на данном этапе приобретают свойство осмысленности и выполняют *смыслообразующую функцию*. Смыслообразование заключено в практической деятельности субъекта на пути к реализации тех или иных потребностей. Профессионально важные ценности обретают свое место в жизнедеятельности субъекта, включаясь в структуры смыслового опыта. Здесь, в структуре профессиональ-

ных ценностных ориентаций мы выделяем *смысловой компонент*. Он определяет смысловую составляющую профессиональной деятельности, отражает представление личности о ее значимости, а также предполагает вооружение военнослужащих знаниями о профессионально важных ценностях, их содержании, смысле и значении для самих себя и окружающих. Результатом формирования профессиональных ценностных ориентаций на данном этапе становится *интериоризация* профессионально важных ценностей, то есть переход «извне внутрь», в процессе которой начинается интенсивная работа по формулированию индивидуального идеала носителя профессионально важных ценностей субъектом воспитания [14].

На втором – *эмоционально-мотивационном этапе*, на фоне уже сложившихся некоторых представлений о профессионально важных ценностях, у личности формируется осознанное побуждение – мотив, вызывающий необходимость развития профессионально важных качеств. Профессиональные ценностные ориентации на этом этапе приобретают свойство осознанности, начинают выполнять *мотивационную функцию* при выборе приоритетов деятельности и являются основанием для ее организации. Без внутреннего принятия субъектом предъявленных профессионально важных ценностей невозможно наделять их мощной побудительной силой. *Мотивационный компонент* этого этапа характеризуется наличием потенциальной готовности субъекта к постижению профессионально важных ценностей. Данный компонент является одним из основных факторов, на который следует обратить внимание при разработке нашей модели, так как именно он определяет общую целостность представлений о профессиональной направленности и позволяет построить опору внутренней направленности личности на сознание профессионально важных ценностей, которые позволят добиться успехов в профессиональной деятельности [12].

На данном этапе в качестве психолого-педагогического механизма выступает *идентификация*, обеспечивающая осознание и принятие профессионально важных ценностей в качестве собственных ценностей и смыслов профессиональной деятельности военнослужащих.

Третий – *ценностно-деятельностный этап* протекает относительно явлений окружающей действительности. Для того, чтобы предъявленные, осмысленные, осознанные и принятые субъектом профессионально важные ценности перешли в статус профессионально важных качеств личности, человек должен постоянно реализовывать их в своей деятельности и поведении. Профессиональные ценностные ориентации на данном этапе выполняют *оценочно-регулятивную функцию*, являясь регулятором поведения военнослужащих они влияют на выбор индивидуальными альтернативных предпо-

чтений, позволяют выстроить в своем сознании идеальную модель деятельности и дать оценку эффективности ее осуществления [11]. Представленный период характеризуется развитием *деятельностного компонента*, который в свою очередь заключается в высокоэффективном и творческом осуществлении военными служащими своей профессиональной деятельности, всегда соблюдая при этом моральные и этические нормы поведения. Механизмом, способствующим эффективному формированию профессиональных ценностных ориентаций на данном этапе становится *экстериоризация*, выраженная в практической реализации профессионально важных ценностей в деятельности и поведении.

Инструментальный блок, выступая одним из основных средств формирования профессиональных ценностных ориентаций у военнослужащих включает целевую педагогическую программу формирования профессиональных ценностных ориентаций, содержит методы, методические приемы обучения и воспитания, а также формы и средства ее реализации в соответствии со сферами жизнедеятельности военнослужащих.

Диагностико-результативный блок модели предусматривает проведение диагностических (оценивающих) процедур эффективности формирования профессиональных ценностных ориентаций и позволяет диффе-

ренцировать их сформированность у военнослужащих. Основу диагностико-результативного блока составляют *смысловой* (определяет уровень представлений о содержании и смысле профессиональных знаний, понимании их места и роли в профессиональной деятельности, а также значимости отношений в профессиональной деятельности); *эмоциональный* (определяет понимание важности в достижении профессиональных целей и особенности профессиональной самореализации); *деятельностный* (определяет профессионально-личностные особенности военного специалиста и способы реализации военно-профессиональной деятельности) критерии.

Результатом реализации нашей модели будет являться переход военнослужащих на качественно новый, более высокий уровень сформированности профессиональных ценностных ориентаций.

Таким образом, представленная модель позволяет системно и целостно рассмотреть процесс формирования профессиональных ценностных ориентаций у военнослужащих контрактной службы, создает условия для более глубокого его изучения и способствует повышению уровня всесторонней подготовки военного специалиста в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адольф В.А., Корытков В.А., Сидоров Л.К. Методологические основания подготовки военных специалистов в современных условиях: теория и практика // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2019. № 3(49). С. 26-35. DOI: 10.25146/1995-0861-2019-49-3-139.
2. Александрова Е.А., Козлов О.А. Разработка модели совершенствования профессиональной подготовки курсантов Росгвардии // Проблемы современного образования. 2018. № 5. С. 193-201. EDN YOMGLJ.
3. Брагина Ю.В. Развитие ценностно-профессиональных ориентаций у студентов колледжа, обучающихся по рабочим специальностям // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 2. С. 9-13. DOI: 10.24411/2307-4264-2019-10201.
4. Васильева Т.В. Профессиональные ценностные ориентации специалиста аграрной сферы // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 3. С. 69-74. EDN: SHAYHX.
5. Делимова Ю.О. Моделирование в педагогике и дидактике // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2013. № 3(19). С. 33-38. EDN: RNHXEP.
6. Дрягалова Е.А. Проблема соотношения профессионально-ценностных ориентаций и профессиональной надежности сотрудников МВД РФ // Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: кризисные состояния личности. 2020. С. 70-73. EDN: QNHCVT.
7. Касаткина М.И., Федотенко И.Л. Формирование профессионально-ценностных ориентаций будущих социальных работников как условие развития их готовности к профессиональной деятельности // Человеческий капитал. 2023. № 1(169). С. 220-228. DOI: 10.25629/HC.2023.01.25.
8. Куровский В.Н., Воронин Б.С. Аксиологический подход как основополагающий метод познания в исследовании проблемы формирования ценностных ориентаций обучающихся // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2017. С. 22-24. EDN: XRGKPO.
9. Лунева Е.В., Бобкова Н.Д., Брызгалова О.Н., Хрипунова О.Г. Формирование профессионально-ценностных ориентаций студентов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 38-42. DOI: 10.20339/AM.08-20.038.
10. Лавина Т.А., Стрельцов Р.В. Реализация педагогических принципов в условиях применения информационных и коммуникационных технологий (на примере подготовки военнослужащих) // Состояние и перспективы развития ИТ-образования. 2018. С. 324-328. EDN: YUZQLO.
11. Михайлова Т.В. Профессиональные ценностные ориентации: к вопросу о содержании понятия // Казанская наука. 2012. № 8. С. 105-107. EDN: NOXWNM.
12. Накохова Р.Р., Аппаев Б.М., Урусова М.М. Результаты экспериментальной программы «Формирование ценностно-профессиональных ориентаций»: динамика изменений // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 1. EDN: NLOZNA.

13. Сафиоллин А.М. Дискурсивно-оценочный метод в системе государственного управления и контроля. Санкт-Петербург: Институт нравственной культуры. 2022. 254 с. URL: [https://iov.ast.social/attachments/article/1108/Монография Сафиоллина АМ.pdf](https://iov.ast.social/attachments/article/1108/Монография%20Сафиоллина%20АМ.pdf) (дата обращения 06.11.2023)
14. Сафонов И.А. Роль интериоризации ценностей проектно-технологической культуры при обучении курсантов в военном вузе // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. 2020. С. 121-125. EDN: DFESRC.
15. Сигиденко С.Ю. Модель технологии формирования готовности к педагогической деятельности курсантов военных вузов // ЦИТИСЭ. 2019. № 4(21). С. 26-31. DOI: 10.15350/24097616.2019.4.03.
16. Тепляков С.В. Воспитательные функции офицера по формированию профессиональных ценностных ориентаций у военнослужащих по контракту ВНГ РФ // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2023. № 1(63). С. 221-227. DOI: 10.46845/2071-5331-2023-1-63-221-227.
17. Щеголь А.И. Модель формирования ценностных ориентаций военнослужащих в процессе дополнительного образования // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. Т. 22. № 4. С. 270-274. EDN: YFMLJX.
18. Щукин М.А. Содержание готовности курсантов институтов Росгвардии к работе с военнослужащими по контракту // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2022. № 4 (62). С. 244-250. DOI: 10.46845/2071-5331-2022-4-62-244-250.

© Тепляков Сергей Викторович (teplyakovsv86@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНОЙ ТРЕНИРОВКИ В ЖЕНСКОМ БОКСЕ

ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL FEATURES OF SPORTS TRAINING IN WOMEN'S BOXING

S. Ternitskaya
S. Gudkov

Summary: This article observes the organizational and methodological features of sports training in women's boxing. The authors analyze the influence of the physiological characteristics of the female body on the construction of the training process. The uniform method to the organization of the training process in men's and women's boxing is not always justified and does not allow identically improving the level of training of female athletes. According to the opinions of authors, in order to solve the problem of a consistent increase in the fitness of an athlete, it is necessary, on the one hand, to ensure a consistent increase in training loads, and on the other hand, it is necessary to ensure their periodicity, namely, periods of intensive work should be optimally alternated with recovery periods.

Keywords: women's boxing, motivation, popularization, training process, morphofunctional differences, special physical training, theoretical training.

Терницкая Светлана Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент, Севастопольский
экономико-гуманитарный институт (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
svetlanatsev@mail.ru

Гудков Станислав Евгеньевич

Севастопольский экономико-гуманитарный институт
(филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
stasgood78@mail.ru

Аннотация: Данная статья рассматривает организационно-методические особенности спортивной тренировки в женском боксе. Авторами изучается влияние физиологических особенностей женского организма на построение тренировочного процесса. Унифицированный подход к организации тренировочного процесса в мужском и женском боксе не всегда оправдан и не позволяет однозначно улучшать степень тренированности женщин-спортсменок. По мнению авторов, для решения задачи последовательного возрастания тренированности спортсменки необходимо, с одной стороны, обеспечить последовательное нарастание тренировочных нагрузок, а с другой стороны необходимо обеспечить их цикличность, а именно, периоды интенсивной работы оптимально перемежать с восстановительными периодами.

Ключевые слова: женский бокс, мотивация, популяризация, тренировочный процесс, морфофункциональные отличия, специальная физическая подготовка, теоретическая подготовка.

Популяризация физической культуры и занятий спортом в среде подрастающих поколений, среди подростков и молодежи является одной из актуальных задач стратегии развития современного российского общества.

Существующая система физического воспитания детей, подростков и юношества, сложившаяся в нашей стране, по мнению многих современных авторов и специалистов далека от оптимальной, требует принципиального совершенствования и расширения научных изысканий в этой области. Так, А.А. Васильков, В.В. Костюков, В.В. Нирка, Е.В. Фомин, Л. Кун отмечают, что уровень общей физической подготовленности и физического развития современных детей заметно снижен по сравнению с их сверстниками 70-х – 80-х годов прошлого века. И.С. Барчуков, Ж.К. Холодов, Л.Д. Назаренко, Ю.Д. Железняк, Л.Н. Слупский, В.В. Платонов и многие другие ученые, исследователи и тренеры основным направлением в решении задачи улучшения общего здоровья, психофизического состояния и совершенствования двигательных способностей подростков и молодежи называют регулярные и систематические занятия физкультурой и спортом.

Феминистические тенденции в социальном пространстве современного цивилизованного общества, зародившиеся и укрепившиеся в парадигме его развития много десятилетий назад, не могли не затронуть физическую культуру и спорт - важнейший элемент общечеловеческой культуры.

Общественный запрос на повышение роли женщин в трансформации физкультурно-спортивных процессов заставляет правительства, деловые круги и спортивные организации развитых стран наращивать усилия по развитию и популяризации различных направлений физической культуры, традиционно пользующихся интересом у «слабого пола». Однако в последние десятилетия женский спорт начинает «вторгаться» и в те физкультурно-спортивные области, которые ранее традиционно считались исключительно мужскими. Одной из таких дисциплин является женский бокс.

Многие авторы отмечают, что бокс как вид экстремального фитнеса уже давно начал пользоваться постепенно возрастающей популярностью среди девушек и молодых женщин. Данная тенденция заметно усилилась в последние десятилетия, и боксом с удовольствием на-

чинают заниматься все больше девочек подросткового возраста.

Мотивация увлечением женским боксом заключается не только в его зрелищности и динамичности, но и в поддержании тела и психики в хорошей спортивной форме, комплексном и гармоничном развитии всех физических качеств и двигательных способностей, в освоении навыков самообороны и повышении уверенности в себе. Нельзя не учитывать, также, стремление женщин-спортсменок, пришедших в бокс, к достижению высоких спортивных результатов.

Популяризация и распространение женского бокса – объективное и позитивное явление. Вместе с тем, проблема популяризации женского бокса среди подростков и молодежи имеет ряд объективных (слабая развитость материально-технической базы, недостаток квалифицированных тренеров) и субъективных сложностей. К последним относится, например, предвзятое отношение населения к боксу, как к исключительно мужской спортивной дисциплине.

Женский бокс – относительно молодое явление в спорте. Если теоретические знания и практические навыки в мужском боксе накапливались столетиями, то современный подход к женскому боксу и экстремальным тренировочным нагрузкам в нем, в основе своей, является гипотетическим, а не научно-обоснованным.

С одной стороны, физиологические реакции на физические тренировки и механизмы изменения функциональных свойств организма под влиянием физических нагрузок у женщин и мужчин принципиально не отличаются. Т.е. организм женщины реагирует на занятия спортом примерно так же, как организм мужчины. У женщин, занимающихся регулярно физической культурой, двигательные способности развиваются по тем же биологическим принципам, что и у мужчин.

С другой стороны, женский организм имеет принципиальные отличия в морфофункциональном строении, качественно-количественном составе тканей, в работе эндокринной системы, в уровне работоспособности и степени развитости и проявления двигательных качеств. Поэтому унифицированный подход к организации тренировочного процесса в мужском и женском боксе не всегда оправдан и не позволяет однозначно улучшать степень тренированности женщин-спортсменок.

При организации тренировочного процесса девушек и женщин в различных спортивных дисциплинах, и особенно в спортивных единоборствах, изобилующих элементами силового и ударного воздействия, необходимо тщательно учитывать физиологические особенности женского организма.

Девочки физически взрослеют и физиологически развиваются быстрее, чем мальчики. У большинства девушек организм в основном сформирован уже к 15 – 16 годам. Природой заложен в организм молодой женщины достаточно большой объем функциональной прочности, поэтому юные спортсменки при правильной организации тренировочного процесса легко выдерживают серьезные физические нагрузки и хорошо после них восстанавливаются. Тем самым, эффективно и без вреда для организма решаются тренировочные тактические, технические и физические задачи, в том числе в видах спорта, которые ранее традиционно считались мужскими [1].

С одной стороны, подготовка спортсменок в женском боксе, в целом, аналогична подготовке мужчин-боксеров и в основном строится по тем же организационно-методическим схемам. С другой стороны, особенности полового диморфизма требуют специфического подхода к тренировке женщин в боксе.

Морфо-функционально организм женщины отличается от мужского организма. Средняя длина и масса тела у женщин меньше. Кроме того, ткани женского организма по составу и соотношению, например, жирового компонента принципиально рознятся с соответствующими тканями мужского организма. Женский ОДА характеризуется легким скелетом, эластичными и подвижными, но менее сильными связками. Относительная мышечная масса, и, соответственно, силовые способности у мужчин значительно выше. Даже поверхностное перечисление этих общих особенностей позволяет говорить о том, что работоспособность женщин и мужчин, а также их потенциальные физические способности различны.

Особая роль в женском боксе отводится эмоционально-психологической подготовке спортсменок ввиду более тонкой организации их психической сферы. Как отмечает В.В. Лисицын, «... в зависимости от типа нервной системы, характера и других персональных факторов, а также от интенсивности тренировочного процесса, масштаба предстоящих выступлений и других факторов, у женщин-боксеров может ярко проявляться либо повышенная боевая готовность..., либо, наоборот, предстартовая лихорадка и апатия, сомнение в собственной готовности и успехе» [3].

В этом вопросе особое значение приобретает объективная оценка спортсменкой своей физической и тактико-технической подготовленности, а также способность спортсменки логически и рационально мыслить и ее психологическая устойчивость.

Как мы отмечали выше, подготовка спортсменок в женском боксе представляет собой непрерывный многолетний последовательный процесс, целью которого является достижение максимального уровня спортив-

ного мастерства и соревновательного результата.

Программа спортивной подготовки женщин по виду спорта «бокс» осуществляется в соответствии с Федеральным стандартом спортивной подготовки, который утвержден приказом Минспорта России №62 от 09.02.2021г.

Различают следующие виды подготовки боксеров [4]:

- общая физическая подготовка (ОФП);
- специальная физическая подготовка (СФП);
- техническая и тактическая (техничко-тактическая) подготовка (ТТП);
- теоретическая подготовка;
- психологическая подготовка.

При организации физической тренировки необходимо строго балансировать тренировочные нагрузки, не превышая их предельные уровни при решении конкретных тренировочных задач. Преимущество предельно-допустимых нагрузок в процессе многолетней подготовки в боксе от юного до зрелого возраста является важной проблемой воспитания высококлассных спортсменов. Этот фактор необходимо учитывать как при моделировании микроциклов, так и длительных тренировочных периодов.

Величина физической нагрузки – основной фактор воздействия тренировки на организм спортсменки. Чем выше тренировочные физические нагрузки, тем больше адаптационные сдвиги в его организме, но тем и выше накапливаемое утомление. Продолжительная же интенсивная физическая работа в состоянии перманентного утомления приводит к истощению спортсменки – физическому и психическому.

Таким образом, для решения задачи последовательного возрастания тренированности спортсмена необходимо, с одной стороны, обеспечить последовательное нарастание тренировочных нагрузок, а с другой стороны необходимо обеспечить их цикличность, а именно, периоды интенсивной работы оптимально перемежать с восстановительными периодами.

Продолжительность одного тренировочного занятия может варьироваться, однако она не должна превышать определенные нормы на каждом этапе. Так, на учебно-тренировочном этапе подготовки одно занятие может иметь продолжительность 2 – 3 часа, а недельный режим тренировок включает, обычно, три занятия [2].

Занятия по ОФП занимают значительное место в тренировках боксеров, особенно на подготовительном и учебно-тренировочном этапе. Цель ОФП – повышение общей тренированности спортсменов и комплексное развитие всех основных физических качеств. В ОФП-

тренировке используются различные общеразвивающие упражнения, относящиеся к различным видам спорта. Одно занятие по ОФП может быть посвящено выполнению упражнений как одной, так и разной направленности. При этом следует учитывать тренировочную и соревновательную специфику бокса. Так, на ОФП-тренировках боксеров ЧСС может варьироваться в широких пределах, от 130 до 190 уд/мин. Это вызвано широким спектром режимов тактико-технических действий, присущих боксу.

Специальная физическая тренировка направлена на развитие специальных двигательных качеств, важных для бокса. Широко используются различные имитационные упражнения, работа на снарядах и на лапах, упражнения с отягощениями и без отягощений. Нагрузочный режим боксеров в СФП варьируется в зависимости от вида упражнения. Так, при выполнении упражнений на развитие скоростно-силовых способностей ЧСС не должна превышать 180 уд/мин, при выполнении упражнений на мешках – 160-170уд/мин, при интервальной тренировке на развитие специальной выносливости ЧСС не должно превышать 190уд/мин.

Тактико-техническая тренировка состоит, главным образом, из упражнений с партнером в перчатках и направлена на освоение специфических навыков и действий. Условные бои с партнером, способствующие закреплению тактико-технических навыков, проводятся в высоком темпе, близком к соревновательному. ЧСС при этом может достигать 175 – 190 уд/мин [4].

Теоретическая подготовка является важным разделом общей подготовки спортсменов в боксе. Теоретическая подготовка должна учитывать возраст спортсменов. Она включает такие разделы, как врачебный контроль и самоконтроль, профилактика здоровья и травм, особенности восстановительных процессов. Формы проведения занятий – лекции, семинары, беседы, сообщения.

Психологическая подготовка во многом определяет тренировочный и соревновательный результат. Главным направлением психологической подготовки является воспитание высоких моральных и нравственных качеств, трудолюбия, коллективизма, дисциплинированности и ответственности. Высока роль мотивационных компонентов, которые зависят от индивидуальных особенностей спортсменов.

Анализ материала, изложенного выше, позволяет нам сделать следующие выводы.

Женский бокс пришел в Россию с некоторым отставанием от ведущих спортивных держав, и начал интенсивно развиваться в нашей стране лишь с конца 90-х годов прошлого века по инициативе энтузиастов этого вида спортивной деятельности. Первый Чемпионат России прошел

в 1999-м году. На первом Чемпионате мира в США наши девушки завоевали первое место в командном зачете. С 2012-го года женский бокс стал олимпийской дисциплиной, что способствовало его взрывной популяризации наряду с нормированием и унификацией принципов подготовки спортсменок и правил проведения соревнований.

На сегодняшний день правила любительского бокса одинаковы как для мужчин, так и для женщин. Спортсменки обязательно должны использовать специальные пластиковые щитки, защищающие грудь.

С одной стороны, подготовка спортсменок в женском боксе, в целом, аналогична подготовке мужчин-боксеров и в основном строится по тем же организационно-методическим схемам. С другой стороны, особенности полового диморфизма требуют специфического подхода к тренировке женщин в боксе.

Программа спортивной подготовки женщин по виду спорта «бокс» осуществляется в соответствие с Федеральным стандартом спортивной подготовки, который утвержден приказом Минспорта России №62 от 09.02.2021г. Отметим, что процесс многолетней подготовки спортсменок по виду спорта женский бокс на тактическом уровне осуществляется согласно программам, утвержденным руководством клуба, ДЮСШ или ДЮСШОР

Многолетняя подготовка спортсменок в боксе разбивается на пять этапов:

- спортивно-оздоровительный этап;
- этап начальной подготовки;
- учебно-тренировочный этап;
- этап спортивного совершенствования;
- этап высшего мастерства.

При организации физической тренировки необходимо строго балансировать тренировочные нагрузки, не превышая их предельные уровни при решении конкретных тренировочных задач.

Различают следующие виды тренировки в женском боксе:

- Общая физическая подготовка;
- Специальная физическая подготовка;
- Техничко-тактическая подготовка;
- Теоретическая подготовка;
- Психологическая подготовка.

При организации тренировочного процесса девушек и женщин в различных спортивных дисциплинах, и особенно в спортивных единоборствах, изобилующих элементами силового и ударного воздействия, необходимо тщательно учитывать физиологические особенности женского организма и возрастной фактор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иорданская Ф.А. Мужчина и женщина в спорте высших достижений (проблемы полового диморфизма): монография. – Москва: Советский спорт, 2012. – 256 с.
2. Лисицын В.В. Особенности подготовки женщин-боксеров в спорте высших достижений. – Москва: Издательство «Перо», 2014. – с. 122.
3. Лисицын В.В. Некоторые аспекты психологической подготовки высококвалифицированных женщин-боксеров / Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – №107. – 2014. – С. 84-92.
4. Никифоров Ю.Б. Построение и планирование тренировки в боксе: физкультура и спорт. – 2014. – №6. – 78-86.

© Терницкая Светлана Викторовна (svetlanatsev@mail.ru), Гудков Станислав Евгеньевич (stasgood78@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ К СОРЕВНОВАНИЯМ ПО ВОЕННОМУ МНОГОБОРЬЮ

MODELING AS A METHOD OF ORGANIZATIONAL TRAINING FOR MILITARY ALL-AROUND COMPETITIONS

*S. Ternitskaya
V. Tokarchuk*

Summary: The article observes the features of process of modeling of preparation for competitive activity of military all-round. The study analyses the method of modeling as an approach of accelerate the personal growth of subjects, the development of formal logical thinking in athletes. According to the authors, the use of modeling as a method of organizational training leads to the rationalization of the motor activity of military staff, to the development of the skill of solving constantly emerging theoretical and practical problematic situation.

Keywords: modeling process, applied professional training, classification of teaching models of sports practice, educational and training activities, macrocycles, mesocycles, microcycles.

Терницкая Светлана Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент, Севастопольский
экономико-гуманитарный институт (филиал) ФГАОУ ВО
«КФУ им. В.И. Вернадского»
svetlanatsev@mail.ru

Токарчук Владислав Дмитриевич

Севастопольский экономико-гуманитарный институт
(филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
tokarchuk1997@mail.ru

Аннотация: Данная статья рассматривает особенности процесса моделирования подготовки к соревновательной деятельности по военному многоборью. В исследовании метод моделирования рассматривается как способ ускорения личностного роста субъектов, развития у спортсменов формально-логического мышления. По мнению авторов, применение моделирования как метода организационной подготовки приводит к рационализации двигательной деятельности личного состава, к развитию навыка решения постоянно возникающих теоретических и практических проблемных ситуаций.

Ключевые слова: процесс моделирования, профессионально-прикладная подготовка, классификация педагогических моделей спортивной практики, учебно-тренировочная деятельность, макроциклы, мезоциклы, микроциклы.

Профессионально-прикладная подготовка является главным элементом, определяющим уровень готовности кадрового состава силовых институтов государства к выполнению специальных задач по обеспечению национальной безопасности.

Система физической подготовки кадрового состава Вооруженных Сил имеет специфические особенности. Структура и содержание физической подготовки должна соответствовать задаче воспитания общих и специальных физических способностей военнослужащего, которые могут в полной мере обеспечивать приобретение, закрепление и дальнейшее развитие двигательных умений и навыков, необходимых для оптимального выполнения всего спектра профессионально-прикладных задач, связанных с безопасностью и обороноспособностью страны.

В целях совершенствования профессионально-прикладной физической подготовки в Вооруженных Силах Российской Федерации и повышения ее статуса были выделены отдельные военно-прикладные спортивные дисциплины, объединенные в специальные спортивные комплексы военного многоборья. Подготовка к соревнованиям по военно-прикладным видам спорта является одним из важных элементов повышения уровня военно-прикладной подготовленности кадрового состава

Вооруженных Сил, а сами соревнования – объективным элементом контроля профессионально-прикладной физической подготовленности военнослужащих.

Одним из способов рационализации и повышения эффективности профессионально-прикладной физической подготовки военнослужащих является моделирование, как метод организации педагогического процесса с использованием современных, инновационных, научно-обоснованных средств и методик. Использование метода моделирования для повышения профессионально-прикладной физической подготовленности военнослужащих должно оптимизировать процесс физической подготовки, обеспечить организацию обратной связи, повысить управляемость этим процессом, инициировать факторы личностного развития военнослужащих.

Согласно положениям спортивной педагогики, применение метода моделирования при организации учебно-тренировочного процесса позволяет повысить эффективность и рационализировать использование необходимых для обучения средств и методов [4].

В общем понимании моделирование физкультурно-спортивной деятельности представляет собой род эксперимента, который осуществляется в определенной

цепи умственных действий.

Как указывает В.К. Бальсевич, «метод моделирования основывается на физиологических механизмах жизнедеятельности человека ... и процессах, проходящих в ЦНС, внешний эффект которых проявляется в специфических реакциях (вегетативных, двигательных и других)» [1].

Моделирование физкультурно-спортивной деятельности позволяет более широко и системно познавать ее: экспериментальное воплощение модели спортивной подготовки создает дополнительные возможности анализировать не только уточненные характеристики самого объекта познания, но и варианты рационального ответа.

Суть специфики моделирования в том, что между субъектом и объектом действия включается промежуточное звено. Т.е. между спортсменом и проблемной ситуацией находится модель.

Е.Я. Бондаревский отмечает, что «метод моделирования, как компонент научного познания, является воспроизведением определенных свойств, явлений или формы с целью их изучения или воспроизведения» [2].

В педагогике физической культуры моделирование рассматривается как метод, являющийся эффективным инструментом в изучении и управлении многокомпонентными психофизиологическими системами. Кроме области физической культуры, метод моделирования успешно применяется в медицине, психологии, биологии, в общей педагогике.

Применение метода моделирования в спорте ускоряет личностный рост субъектов, развивает у спортсменов формально-логическое мышление, способность рационализировать свою двигательную деятельность, умение решать постоянно возникающие теоретические и практические проблемные ситуации, воспроизводить модель в реальных условиях.

Существенно, что использование моделей позволяет повысить и расширить обратные связи, улучшает возможность управлять учебно-тренировочным процессом и получать данные о качестве теоретического и практического освоения необходимого материала.

Таким образом, мы можем сказать, что модель в материалистическом понимании является средством отображения и воспроизведения некоторой части действительности с целью ее более широкого познания.

Е.Я. Бондаревский предлагает классификацию педагогических моделей спортивной практики, которая подразделяет их на три типа:

- физические вещественные модели;
- вещественно-математические модели;

— логическо-математические модели [3].

Моделирование предполагает выделение в процессе занятий некоторых факторов, которые определяют соответствие модели. Т.е. такие модели должны соответствовать процессу усвоения знаний, умений и навыков, т.е. они должны быть информативными, доступными и легко восприниматься обучающимися.

Структура модели должна быть универсальной, применимой при разных методах обучения – групповых и индивидуальных.

Кроме того, следует учитывать особенности, которые соответствуют специфике спортивной практики, особенностям спортивной деятельности субъектов. Модель в этом ракурсе должна включать:

- организацию процесса развития интеллектуальной сферы занимающегося;
- обеспечение оптимального уровня знаний и навыков занимающегося;
- соответствие модели общим принципам моделирования в физкультурно-спортивной деятельности.

Принципы, которые необходимо учитывать при моделировании в физкультурно-спортивной области:

- модель должна соответствовать объективно существующим ситуациям и объектам в данной области деятельности;
- модель должна быть рациональна в своей структуре: доступна, понятна, интересна для занимающихся;
- модель должна соответствовать квалификации занимающихся;
- модель должна быть системным звеном в общем процессе физкультурно-спортивной подготовки;
- содержание модели должно включать механизмы рационального решения возникающих проблем, основанные на многовариантности заложенных в нее решений [3].

Современная интегративная модель физической подготовки военнослужащих в военно-прикладных видах спорта, в соответствии с общей методологией спортивной подготовки, должна включать последовательные циклы и периоды учебно-тренировочной деятельности разного уровня - макроциклы, мезоциклы, микроциклы.

Говоря о подготовке военнослужащих в военно-прикладных видах спортивной деятельности, необходимо рассматривать макроциклы годовой или полугодовой длительности.

Макроцикл, традиционно, делится на три основных периода – подготовительный (предсоревновательный), соревновательный и восстановительный, которые, в свою очередь, могут делиться на отдельные мезоциклы. Циклы и периоды физкультурно-спортивной подготовки

имеют различные тренировочные задачи, подчиненные главной цели: достижение оптимальной спортивной формы и максимальных спортивных результатов.

Подготовительный (предсоревновательный) период разумно делить на два мезоцикла – обще-подготовительный и специально-подготовительный. В первом формируются предпосылки роста спортивной подготовленности, во втором мезоцикле происходит становление максимальной спортивной формы, которая поддерживается оптимальными методами и средствами весь соревновательный период.

Говоря о физкультурно-спортивной подготовке военнослужащих к соревнованиям по военно-прикладным видам спорта, акцентируют внимание, прежде всего, на предсоревновательном периоде – периоде становления и достижения максимальной спортивной формы.

Согласно теории организации физической подготовки войск, главной задачей подготовительного периода в военно-прикладных видах спорта является достижение состояния максимальной работоспособности путем постепенного увеличения тренировочных нагрузок. Направленность тренировочного режима зависит от вида профессионально-прикладной физической деятельности и индивидуального уровня физической и технической подготовленности [5].

Средствами профессионально-прикладной физической подготовки в предсоревновательный период по любым видам многоборья могут являться, например, беговые и легкоатлетические тренировки, плавательные тренировки, упражнения на гимнастических снарядах и тренажерах, упражнения силовой направленности, спортивные игры и пр. [5].

Модель подготовки многоборцев должна учитывать энергоемкость и энергозатратность отдельных тренировочных средств. Такие виды, как, например, плавание и бег требуют высокого развития функциональных систем организма. Беговые упражнения и плавание, или беговые и интенсивные силовые упражнения, должны чередоваться оптимальным образом с постепенным возрастанием нагрузки, т.е. способствовать эффективному разворачиванию функциональных систем.

Существуют исследовательские данные, показывающие, что можно включать отдельные энергоемкие виды многоборья в недельный микроцикл как последовательно и поэтапно, так и параллельно [6].

По аналогии с общей моделью тренировок в спорте, нагрузки в первой части подготовительного периода должны характеризоваться постепенно растущим объемом, достигающим максимума к началу специально-подготовительного мезоцикла подготовительного периода.

Главный упор следует делать на обще-подготовительные и специально-подготовительные упражнения. Доля соревновательных упражнений должна быть минимальна: увлечение отработкой соревновательных дисциплин в ущерб ОФП приводит к существенному снижению результатов в последующем [4, 5].

Модель подготовки многоборцев должна учитывать физиологические закономерности процесса развития общих и специальных физических качеств.

Выносливость – приоритетное физическое качество в военно-прикладной физической подготовке военнослужащих. Физиологической основой выносливости, являющейся базой для развития других общих и специальных физических качеств, является аэробная производительность. После окончания восстановительного периода предыдущего годового макроцикла и с началом подготовительного периода нового макроцикла, именно на ее развитие должен быть направлен главный акцент тренировок. При этом работа над развитием других физических качеств должна проводиться параллельно.

Как правило, длительность микроцикла в военно-прикладной физкультурно-спортивной тренировке составляет неделю. Недельные микроциклы на специально-подготовительном этапе должны моделировать различные виды соревновательной деятельности. Однако нельзя забывать о необходимости постоянного поддержания оптимальной общей физической формы (общей физической подготовленности), достигнутой на предыдущем этапе: тренировка обязательно должна включать и обще-подготовительные упражнения, хотя их структура должна приближаться к специально-подготовительным упражнениям.

Критериями успешности модели подготовки многоборцев на подготовительном (предсоревновательном) этапе является, во-первых, соревновательный результат: повышение соревновательного результата от макроцикла к макроциклу свидетельствует об эффективности построения многолетней учебно-тренировочной подготовки. Во-вторых, об успешности подготовки к соревновательному периоду могут говорить результаты функциональных тестов, а также тестовые результаты по отдельным соревновательным дисциплинам.

Тестирование по всем видам многоборья является обязательным в конце подготовительного периода [5].

В заключение нашего исследования можно выделить следующие краткие тезисы:

- Физическая подготовка является базовым элементом боеготовности Вооруженных Сил Российской Федерации, способности личного состава к эффективному выполнению военно-профессиональных задач. Основным документом, регла-

ментирующим физическую подготовку военнослужащих, является «Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации», вводимым в действие приказом Министра обороны. Целью физической подготовки в Вооруженных Силах является высокий уровень психофизической подготовленности военнослужащих. Физическая подготовка в Вооруженных Силах имеет ряд особенностей, педагогических и организационно-методических принципов и условий, изложенных нами в первом разделе.

- Профессионально-прикладная физическая подготовка военнослужащих относится к специальной физической подготовке и является составной частью спортивно-массовой работы в Вооруженных Силах. На настоящий момент, профессионально-прикладная физическая подготовка (ППФП) регламентируется НФП – 2009 (с. Изменениями от 31 июля 2013г) и Приказом Минспорта России от 13.11.2017 N 991 (ред. от 25.07.2018) «Об утверждении Единой всероссийской спортивной классификации (военно-прикладные и служебно-прикладные виды спорта)». ППФП представляет собой избирательное и специально организованное применение средств физической культуры и спорта для психофизической подготовки призывников, курсантов военных училищ и упражнениях, соревновательных дисциплинах и комплексах, методике и организации проведения. Универсальными формами комплексной профессионально-прикладной физической подготовки являются спортивные военные и военно-прикладные многоборья.
- Применение метода моделирования при организации учебно-тренировочного процесса позволяет повысить эффективность и рационализировать использование необходимых для приобретения необходимых навыков средств и методов. В общем понимании моделирование физкультурно-спортивной деятельности представляет собой род

эксперимента, который осуществляется в определенной цепи умственных действий. Метод моделирования основывается на физиологических механизмах жизнедеятельности человека и процессах, проходящих в ЦНС, внешний эффект которых проявляется в специфических реакциях (вегетативных, двигательных и других). Использование моделей в спорте позволяет повысить и расширить обратные связи, улучшает возможность управлять учебно-тренировочным процессом и получать данные о качестве теоретического и практического освоения необходимого материала.

- Модель подготовки многоборца по военно-прикладным видам спорта должна иметь ряд специфических особенностей, диктуемых главным принципом – цельностью тренировочного процесса: методически неправильно подходить к моделированию подготовки многоборца как к несвязанной сумме тренировок по отдельным соревновательным видам. Учет физиологических и функциональных особенностей поддержания и совершенствования спортивной формы, занимающихся в макроцикле, определяет характер и содержание модели подготовки, включающей структуру отдельных подготовительных периодов, этапов и циклов.
- В предсоревновательном (подготовительном) периоде, состоящем из обще-подготовительного и специально-подготовительного этапа, главной задачей подготовки многоборца является достижение состояния максимальной работоспособности, психофизической подготовленности и технической оснащенности путем постепенного углубления и расширения тренировочных нагрузок. Направленность тренировочного режима зависит от вида профессионально-прикладной физической деятельности и индивидуального уровня физической и технической подготовленности военнослужащего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальсевич В.К. Перспективы развития общей теории и технологии спортивной подготовки и физического воспитания (методологический. аспект) // Теория и практика физической культуры. 2003. № 4. С. 21.
2. Бондаревский Е.Я. Педагогические основы контроля за физической подготовленности учащейся молодежи: Автореф. дис. д-ра пед.наук. –М., 2003.
3. Бондаревский Е.Я., Стародубцев М.В., Кочерян Ю.Е. Методология построения должных норм физической подготовленности: методические рекомендации. – Москва, 2011. –333 с.
4. Матвеев Л.П. Теория и методика физической культуры (общие основы теории и методики физического воспитания; теоретико-методические аспекты спорта и профессионально-прикладных форм физической культуры): учеб. для институтов физ. культуры. – Москва: Физкультура и спорт, 1991. – 543 с.
5. Теория и организация физической подготовки войск: учебник для ВИФК / под. редак. Л.А. Вейднер-Дубровина, В.В Миронова, В.А. Шевченко. – Санкт-Петербург ВИФК, 2009. – 340 с.
6. Шевцов В.В., Шевцов А.В. Военно-прикладная физическая подготовка. Полиатлон: учебно-методическое пособие. – Тюмень: СУЦ «Аванпост», 2011. – 158с.

© Терницкая Светлана Викторовна (svetlanatsev@mail.ru), Токарчук Владислав Дмитриевич (tokarchuk1997@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ РКИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВУЗАХ ИРАНА (НА ПРИМЕРЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА)

Хасан-заде Резван Тофик

*К. филол. наук, старший преподаватель, Университет
им. Шахид Бехешти, г. Тегеран (Иран).
re_hassanzadeh@sbu.ac.ir*

PSYCHOLINGUISTIC FOUNDATIONS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN LINGUISTIC UNIVERSITIES IN IRAN (USING THE EXAMPLE OF A COMPETENCY-BASED APPROACH)

Hassanzadeh Rezvan

Summary: The article describes the role and significance of psycholinguistics in the methodology of teaching Russian as a foreign language (RFL), and examines the psycholinguistic foundations laid within the framework of the competency-based approach to teaching Russian to Iranian students. The modern system of teaching RFL in Iranian language universities is briefly analyzed. Considering the fact that in the modern education system a student should not be a passive listener, but be a central figure with developed cognitive and communication skills, and be a competent specialist in his field of activity, therefore, the tendency to move to a competency-based model of the student becomes especially important. Considering the fact that the competency-based approach can be combined with other approaches in teaching RFL, it is important to clarify in the context of which approaches being introduced in the methodology of teaching RFL there is a psycholinguistic trace that has a positive effect on the quality of knowledge and speech of Iranian students in Russian.

Keywords: psycholinguistics, psycholinguistic foundations, competency-based approach, Russian as a foreign language (RFL).

Аннотация: В статье описывается роль и значимость психолингвистики в методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ), рассматриваются психолингвистические основы, заложенные в рамках компетентностного подхода при обучении иранских студентов русскому языку. Вкратце анализируется современная система обучения РКИ в иранских языковых университетах. Учитывая тот факт, что в современной системе образования студент не должен быть пассивным слушателем, а являться центральной фигурой с развитыми когнитивными и коммуникативными навыками, быть компетентным специалистом в сфере своей деятельности, следовательно, особо важной становится тенденция перехода на компетентностную модель обучающегося. Учитывая тот факт, что компетентностный подход способен сочетаться с другими подходами при обучении РКИ, то является важным уточнить в контексте каких подходов, внедряющихся в методику преподавания РКИ присутствует психолингвистический след, положительно влияющий на качество знаний и речи иранских студентов на русском языке.

Ключевые слова: психолингвистика, психолингвистические основы, компетентностный подход, русский язык как иностранный (РКИ).

Методика преподавания иностранных языков относится к числу дисциплин, имеющей неразрывную связь с психологией, ее основными направлениями: психологией обучения, психологией общения, психолингвистикой, суммарно обеспечивающих методику сведениями о психологических процессах формирования знаний, навыков и умений, данными о механизмах и закономерностях восприятия и продуцирования речи.

Ведущие российские ученые-методисты описывают психолингвистику следующим образом: Согласно А.А. Залевской психолингвистика – это наука, исследующая особенности становления и функционирования речевого, языкового механизма с учетом взаимодействия всех психических процессов и их продуктов при включенности языковых средств в формировании образа мира для оперирования им в речемыслительной деятельности и общении [2]. По убеждению Р.М. Фрумкиной

психолингвистика — это наука о том, какие психические процессы имеют место, когда человек порождает речь, т. е. говорит, слушает и читает, а также о том, как он овладевает речью на родном и на иностранном языках [12]. А.А. Леонтьев рассматривает психолингвистику как науку, имеющую дело с процессами кодирования и декодирования, поскольку они соотносят состояния сообщений с состояниями участников коммуникации, и изучающую те процессы, в которых намерение и стремление говорящих преобразуются в сигналы принятого в данной культуре кода, которые преобразуются в интерпретации слушающих [4].

Количество трудов иранских авторов, посвященных психолингвистике в аспекте преподавания персидского и иностранных языков в отличие от российских в указанной области невелико. К их числу относятся «Введение в психолингвистику (на примере методики преподавания

персидского языка) Сияваша Моршеди, «Психолингвистика» (с опорой на обучение персидскому языку) Сейед Мостафы Табатабаи, «Язык и мышление» сборник статей, посвященных языкознанию и лингвopsихологии Мохаммад Резы Батени, «Введение в психолингвистику» Захры Мозаффари. Большинство иранских исследователей в своих трудах по психолингвистике часто цитируют Л.С. Выготского, опираясь на его концепцию речевой деятельности.

Как и любой научный термин психолингвистика имеет узкое и широкое значение. Согласно Седову К.С. в широком понимании данная наука располагает своим объектом - человеком, изучает его способности к порождению и пониманию речи. Предметом психолингвистики является коммуникативная компетенция языковой личности, рассматриваемая в индивидуально-психологическом аспекте. В узком понимании цель психолингвистики сводится к изучению языкового сознания, изучения проявлений коммуникативной компетенции [9].

А.А. Леонтьев в своих психологических очерках рассматривает в широком контексте обучения русскому языку иностранцев психологические особенности процесса усвоения иностранного языка. Ученый подчеркивает важность определения специфики технологий обучения и особенностей внешнего окружения. По его мнению, именно в этом заключается первая психологическая особенность процесса обучения русскому языку [5].

Изучая русский язык в отрыве от языковой среды, иранские студенты сталкиваются с рядом трудностей:

- в первую очередь психологическими: запоминание большого количества правил, слов, требующих мозговой пластичности, благодаря которым у студента вырабатывается умение выражать свои и понимать чужие мысли;
- материально – территориальными: под материальными трудностями подразумевается то, что освоение языка проходит в стенах вуза, что в свою очередь является недостаточным для овладения языком на коммуникативном уровне. Территориальные трудности лишают студента возможности регулярной практики общения на русском языке, общения в рецептивных и продуктивных видах речевой деятельности;
- социокультурными, охватывающими новые, непонятные на первых порах элементы культуры изучаемого языка, которые отсутствуют в родной культуре.

Для того, чтобы свести к минимуму указанные трудности пятилетняя программа бакалавриата РКИ делится на следующие этапы:

- На подфаке бакалавриата на кафедрах русского языка в вузах Ирана широко применяется созна-

тельно-практический метод, подразумевающий практическое усвоение учащимися лексических, грамматических и фонетических особенностей русской речи на основе их сознательного понимания. Внедрение данного метода на этом этапе является важным потому, как обучение языку происходит в искусственных учебных ситуациях с ограниченной сеткой часов.

- с первого по третий семестры с целью формирования устойчивой мотивации студентов при изучении русского языка в методике преподавания РКИ учебная программа формируется в соответствии со следующими принципами усвоения русского языка, выдвинутыми А.А. Леонтьевым:
 - коммуникативности: основополагающий принцип, предполагающий оптимизацию овладения языком через организацию общения, так как общение является основной целью, и конечным результатом обучения иностранным языкам;
 - когнитивности: обучение набору лингвистических знаний и знаний о стране изучаемого языка на уровне его носителя;
 - личности: личность учащегося, его мотивация, понимание им иноязычного общения как реализации самоутверждения и личности в речи на иностранном языке как это происходит в речи на родном языке [6].

Учет указанных принципов помогает формировать у студентов устойчивую мотивацию при изучении русского языка. И именно мотивация обучающихся служит одним из психологических факторов успешности овладения иностранным языком. При высокой мотивации обучение эффективно даже при частых методических недостатках [7].

- на предпоследних семестрах основной акцент направлен на достижение студентами компетенций (лингвистической, речевой, социокультурной, компенсаторной), в особенности коммуникативной, которая с педагогической точки зрения составляет ключевые психологические качества человека, играющие ключевую роль в развитии его практического опыта, знаний, умений, мышления, потребностей, чувств, эмоций, воли и пр.

В лингвистических вузах Ирана, на кафедре русского языка подготавливают в основном лингвистов, изучающих РКИ. Мы не воспитываем переводчиков, хотя подавляющее большинство выпускников (90%) кафедр русского языка Ирана выбирают переводческую деятельность. В связи с этим задача педагогов усложняется. Исходя из этого в рамках каждой дисциплины они должны обучать студентов абстрактному мышлению, формулировке и работе с информацией, быть расположенными к миру и коммуникации, благодаря чему достигаются две цели: 1- воспитание поколения абстрактно-мысля-

щих лингвистов, которые в наше время очень востребованы, 2-благоряд правильно внедряющимся подходам современные филологи-лингвисты легче представителей других профессий могут переучиваться на востребованную сегодня во всем мире профессию программиста, так как владеют знаниями того, как устроены языки. Всё перечисленное достигается благодаря внедрению соответствующих подходов, в которых четко прослеживается «психолингвистический след».

Итак, рассмотрим психолингвистические основы обучения РКИ в рамках компетентного подхода в языковых вузах Ирана

Как известно обучение любому иностранному языку базируется на психолингвистических основах, на позиции известной теории речевой деятельности, характеризующейся предметным мотивом, целенаправленностью, эвристическим характером.

Методика преподавания РКИ оперирует широким арсеналом подходов, каждый из которых формирует, совершенствует и развивает ту или иную компетенцию у студента. Нас интересует та группа подходов, в которых основные положения теории речевой деятельности в практике обучения РКИ обретают новое звучание, т.е. подходы, сочетающие лингвистические и личностные аспекты обучающихся.

Известно, что формирование компетенций связано с психологическим аспектом развития личностных качеств у студентов. Согласно Сластенину В.А. обучение и развитие – это единое целое, их нельзя считать двумя параллельно протекающими процессами, они реализуются в неразрывном единстве [10]. Выготский Л.С. в своих многочисленных трудах, посвященных процессу обучения с точки зрения психического развития, акцентировал на том, что обучение – это движущая сила психического развития. Под развитием ученый понимал процесс возникновения на каждой ступени новых, специфических для человека качеств, подготовленных всем предшествующим ходом развития, но отсутствовавших на более ранних ступенях [1].

Психолингвистические основы преподавания иностранного языка в целом, и русского языка, в частности проявляются во взаимосвязи отдельных блоков компетенции: мотивационного, деятельностного, когнитивного, соотносящимися с ключевыми позициями теории речевой деятельности. Мотивационный блок при обучении иностранным языкам в рамках компетенции состоит из целеполагающего и аксиологического компонентов, он отражает личностное и смысловое отношение обучающегося к речевой деятельности. Деятельностный блок рассматривается в рамках комплекса видов речевой деятельности (говорения, письма, аудирования и чтения),

подлежащих контролю. Когнитивный блок представляет совокупность знаний о конкретном предмете деятельности, охватывает не только знание речевых единиц и речевых клише обучающимися, но и знания, позволяющие/ не позволяющие использовать их в целом, и в конкретной ситуации, в частности.

Основная функция **компетентного подхода** базируется на результате образования, а именно на воспитании всесторонне развитой личности студента, его теоретического мышления, языковой интуиции, в нашем случае на воспитание специалиста, филолога-русиста, лингвиста-переводчика, в совершенстве владеющего культурой речевого общения и поведения, позволяющих быть ему равным партнером межкультурного общения на русском языке в бытовой, культурной и учебно-профессиональных сферах. Компетентный подход, широко внедряющийся в языковых вузах, формирует у студентов три основные компетенции: лингвистическую, коммуникативную, межкультурную.

Коммуникативно-компетентный подход трактуется как «... совокупность общих положений, определяющих логику лингвообразовательного процесса, ориентированного на развитие системного комплекса осведомленности» [13]. Важность данного подхода заключается в том, что в нем процесс обучения имеет схожесть с реальным процессом общения: процесс обучения имитирует процесс коммуникации в полном соблюдении и соответствии всех параметров [8]. В методике преподавания РКИ его функция сводится в обеспечении использования широкого арсенала равноуровневых средств языка, которыми владеет студент в данный момент с тем, чтобы достичь прагматических целей. Он является одним из ключевых подходов в обучении иранских филологов-русистов. Одним из безусловных преимуществ данного подхода является то, что в нем отсутствуют строгие рамки при ведении занятий, а также его связи с интерактивными методами обучения (круглый стол, мозговой штурм, метод кейсов, онлайн-семинар, вебинар и пр.), предусматривающими развитие речевой деятельности обучающихся.

Интегративный подход остается актуальным на всех этапах образовательного процесса. «Интеграция обеспечивает движение педагогической системы к ее большей целостности и, как результат, приводит к повышению уровня образовательного процесса, что выражается в формировании необходимых компетенций/ компетенций обучающихся» [11]. Интегративный подход является важным компонентом методологической основы теоретических исследований феномена компетентности. Среди принципов интегративного подхода (субъективности, культуросообразности, профессиональной ориентации), внедряющихся при образовательном процессе РКИ основной акцент делается на принципах

креативности (создание условий проявления и развития собственного творческого потенциала студентов) и самообразования (стремления самостоятельно находить, анализировать и систематизировать информацию).

Технологические компоненты интегративного подхода способствуют формированию универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций наших учащихся:

- В рамках организационно-методического компонента в процесс обучения внедряются такие интегрированные методы обучения, как метод проектов, деловые игры, круглые столы, конференции и пр.;
- Ситуационные задачи и проблемные обучения в рамках деятельностно-практического компонента в групповых и индивидуальных формах обучения способствуют развитию критического мышления и креативности, формированию личностно-значимых и профессиональных качеств личности обучающихся;
- В задачи ресурсно-содержательного компонента входит объединение ресурсов, необходимых для самостоятельной и групповой учебно-познавательной и научно-исследовательской деятельности. Он отвечает за формирование универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций студентов.

В рамках указанных подходов нельзя недооценивать значимость **комплексного подхода**, обеспечивающего наибольшую эффективность усвоения всех четырех видов речевой деятельности обучающихся. Подчеркивая важность принципа комплексной и ситуативно-тематической организации языкового материала Чеснокова М.П. отмечает: «Естественная речь осуществляется в конкретной обстановке – ситуации общения. На уроках необходимы типовые коммуникативные ситуации, которые имитируют реальное общение. При их отборе учитываются коммуникативные потребности учащихся, сфера общения, цели обучения и т.д. Здесь преподавателю необходимо выделить особенности произношения, лексические единицы и грамматические конструкции, употребление которых естественно в данной ситуации» [14]. Изучая русский язык в отрыве от языковой среды комплексный подход на ранних семестрах является первой важной ступенью в изучении русского языка для наших студентов.

Деятельностный подход следует рассматривать с педагогической точки зрения. Деятельность в педагоги-

ке трактуется как форма психической активности личности, направленная на познание и преобразование мира и самого человека, а также сочетающая в себе цель, мотив, способы, условия, результат [3]. Компетентностный подход в сочетании с деятельностным усиливает практико-деятельностную составляющую обучения, что в свою очередь обеспечивает возможность непрерывного обучения и самообразования. Благодаря принципу данного подхода, в котором информация не преподносится в готовом виде, и студент должен самостоятельно исследовать ту или иную тему, знания наших студентов приобретают личную значимость (расширение словарного запаса и терминологии профессионального уровня, формирование выразительной, насыщенной речи, углубленное освоение экстралингвистической информации и лингвокультурных феноменов).

Выводы

Современное образовательное пространство требует учета результативно-целевой основы образования, которое предусматривает не только формирование у студентов знаний и умений, но и дополнительно к ним компетенций. В контексте нашего исследования мы полагаем, что обучение иранских филологов-руссистов в рамках пятилетней учебной программы должно опираться на правильно выбранные и внедряющиеся подходы. Согласно проведенному исследованию, психолингвистический аспект прослеживается в феномене компетенции в независимости от ее специфики и конкретного вида. Учет психолингвистических основ обучения иностранным языкам в целом, и русскому, в частности является важным для обеспечения студентов требуемым высоким качеством соответствующих компетенций.

Наша практика преподавания РКИ показала, что психолингвистический след проявляется во многих подходах, взаимодействующих с компетентностным подходом в обучении РКИ. Компетентностный подход наделяет студентов самостоятельностью – одной из ведущих и стержневых качеств личности. Учитывая тот факт, что большинство выпускников РКИ выбирают переводческую деятельность и переводческая профессия является актуальным ремеслом в современном мире, то в будущем востребованным специалистом становится тот, кто способен проявлять инициативу, порождать новые идеи, выходить из кризисных ситуаций, обладать качественными знаниями, направленными на решение практических и теоретических задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. – М.: АСТ, 2008. 362 с.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: РГГУ, 2000. 381 с.

3. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь: для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. — М.: И; М.: Издательский центр «Академия», 2000. 176 с.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 1997. 287 с.
5. Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психолингвистические очерки). — М.: Издательство Московского университета, 1970. 88 с.
6. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Избранные психологические труды. — М.; Воронеж: МПСИ, НПО «МОДЭК», 2001. 448 с.
7. Маркосян А.С. Очерк теории овладения вторым языком. — М.: УМК «Психология», 2004. 382 с.
8. Пассов Е.В. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. — М., 1991. 223 с.
9. Седов К.Ф. Онтопсихолингвистика: становление коммуникативной компетенции человека: учебное пособие. Москва: Лабиринт, 2008. 318 с.
10. Слостенин В.А. Педагогика профессионального образования. — М.: Академия, 2006. 176 с.
11. Тенищева В.Ф. Интегративно-контекстная модель формирования профессиональной компетенции. Диссертация. . . . доктора педагогических наук. — М., 2008. 404 с.
12. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учебник для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2001. 336 с.
13. Чернова Н.И. Формирование лингвогуманитарной компетентности специалистов в системе высшего технического образования. Автореферат диссертации . . . доктора педагогических наук. — М., 2007. 375 с.
14. Чеснокова, М.П. Методика преподавания русского языка как иностранного. — М.: МАДИ, 2015. 132 с.

© Хасан-заде Резван Тофик (re_hassanzadeh@sbu.ac.ir).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ STEAM-ПОДХОДА КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

USING THE STEAM APPROACH AS A MEANS OF FORMING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE

**I. Shkilevich
M. Glavatskikh**

Summary: The paper examines the linkage between foreign communicative competence and bilingualism in teaching a foreign language. The STEAM approach is taken as the basis for conducted work, the consideration of which is given special attention in the article. Based on theoretical analysis and conducted work using multiplication technology, the advantages of the STEAM approach in the formation of foreign communicative competence are shown.

Keywords: foreign communicative competence, bilingualism, multiplication, STEAM approach in education.

Шкилевич Иван Алексеевич

Балтийский федеральный университет имени
Иммануила Канта, (г. Калининград)
ivan@shkilevich.ru

Главатских Марианна Михайловна

Доцент, Балтийский федеральный университет имени
Иммануила Канта, Высшей школы образования и
психологии, (г. Калининград)
MGlavatskikh@kantina.ru

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь иноязычной коммуникативной компетенции и билингвизма при обучении иностранному языку. За основу опытно-экспериментальной работы взят STEAM-подход, рассмотрению которого в статье уделено особое внимание. На основе теоретического анализа и опытно-экспериментальной работы с использованием технологии мультипликации показаны преимущества STEAM-подхода при формировании иноязычной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетенция, билингвизм, мультипликация, STEAM-подход в образовании.

В современном мире знание иностранных языков становится все более востребованным ввиду политических и экономических причин. Однако знание языка не является достаточным фактором для достижения цели общения, поскольку необходимо обладать хорошо развитой коммуникативной компетенцией для решения коммуникативной задачи языка. В этом смысле, говоря об изучении языка в учебных заведениях и/или по индивидуальной программе, есть необходимость определить понятия иноязычной коммуникативной компетенции и билингвизма, причем билингвизм может быть рассмотрен в качестве высокого уровня иноязычной коммуникативной компетенции, как инструмент общения человека на таком уровне, который позволяет пользоваться языком в повседневной жизни и на работе. Обучение иностранному языку может исследоваться с различных сторон, но важно, что оно может быть неотрывным от других отраслей жизни. И именно такое обучение может предоставить STEAM-подход.

Для более детального изучения вопроса необходимо остановиться на раскрытии понятий «иноязычная коммуникативная компетенция», «билингвизм» и «STEAM-подход».

В науке существует несколько определений понятия «иноязычная коммуникативная компетенция». И.Л. Бим

рассматривает иноязычную коммуникативную компетенцию как способность и реальную готовность осуществлять иноязычное общение с носителями языка, а также как приобщение школьников к культуре страны изучаемого языка, лучшее осознание культуры своей страны и умение ее представлять в процессе общения на иностранном языке [1; 159–160]. Е.Н. Соловова характеризует иноязычную коммуникативную компетенцию как необходимый и достаточный для определенного возраста уровень владения языковыми навыками, речевыми умениями и социокультурными знаниями, позволяющими обучающимся быть способными и готовыми коммуникативно целесообразно и успешно осуществлять свое речевое поведение [10; 7]. В качестве основного определения иноязычной коммуникативной компетенции в нашем исследовании будет взято определение В. В. Сафоновой, которая пишет: «Иноязычная коммуникативная компетенция – это уровень владения языковыми, речевыми и социокультурными знаниями, навыками и умениями, позволяющими обучаемому коммуникативно приемлемо и целесообразно варьировать свое речевое и неречевое поведение в зависимости от функциональных факторов одноязычного или двуязычного общения» [8; 122]. Также стоит отметить мысль С. Савиньон (S.J. Savignon), в которой отмечено, что необходимо оценивать не только знания о языке, но и способность использовать язык эффективно в языковом

обмене с носителем языка. В связи с этим она выделяет компоненты иноязычной коммуникативной компетенции – грамматический, дискурсивный, стратегический и социокультурный [16, 18, стр. 6]. Из вышеизложенного следует, что трактовка понятия иноязычной коммуникативной компетенции сводится к ее рассмотрению как способности и готовности осуществлять иноязычное общение и к уровню владения языковыми, речевыми и социокультурными знаниями, умениями и навыками.

Изучив ряд работ российских и зарубежных авторов (Л.Ф. Бахман и О.С. Палмер [12], Т.А. Ван Дейк [3; 153–211], В.В. Сафонова [8; 44], И.Л. Бим [1; 160–161]), можно отметить, что исследователи выделяют в среднем 3–5 компонентов иноязычной коммуникативной компетенции, из чего за основу в нашем исследовании можно взять следующую структуру: языковой компонент, социокультурный компонент и коммуникативно-деятельностный компонент.

Билингвизм, как и иноязычная коммуникативная компетенция, имеет множество определений. У. Вайнрайх, крупнейший теоретик языковых контактов, описывает его как «практику попеременного пользования двумя языками, а лица, осуществляющие данную практику, называются двуязычными, или билингвами» [2; 263]. При этом А.А. Метлюк [5] отмечает, что термин «билингвизм» может применяться к случаям коллективного или массового владения языками, при этом владение вторым языком может иметь разную степень. Исходя из такой трактовки, можно сделать вывод, что любой человек, владеющий базовым уровнем языка (в случае с английским языком – уровнем А1), может считаться билингвом в той или иной форме. Данную мысль подтверждает Ф.П. Филин [11], указывая, что при определении понятия двуязычия (т.е. билингвизма) не следует придерживаться жестких формулировок.

Понятие билингвизма можно рассмотреть с учетом многих аспектов: психологического, социологического, лингвистического, литературно-художественного, однако в контексте нашего исследования следует остановиться на педагогическом подходе, который основывается сразу на трех аспектах: лингвистическом, психологическом и социолингвистическом. Задача педагогического подхода состоит в разработке и применении «методов обучения двум языкам, методов изучения процесса овладения двумя языками в условиях двуязычия» [4]. Педагогический подход учитывает разработку таких методов на основе естественных процессов овладения вторым языком [6]. Кроме того, Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (далее – ФГОС ООО) предусматривает педагогический аспект билингвизма, поскольку тот включает в себя вопросы как пассивного знания языка (чтение и слушание), так и активного (говорение и письмо) [7].

На основе вышеописанного следует отметить, что билингвизм имеет ряд преимуществ. По утверждениям Дж. Камминза (J. Cummins), Р. Титонэ, Т. Тэшнера и М.А. Пинто (R. Titone, T. Teaschner, M.A. Pinto), билингвизм развивает метакогнитивные способности ребенка. Э. Биалисток (E. Bialystok) установила факт владения повышенным контролем лингвистических процессов у билингвов, который выражается в способности анализировать когнитивные и коммуникативные компоненты. Билингвы на интуитивном уровне чувствуют структуру и функционирование языков, используя две различные лингвистические системы. Исследования показали, что звуки при прослушивании слова приходят один за другим, последовательно. Это значит, что языковая система мозга начинает догадываться о слове намного раньше, чем оно кончится, активируя множество слов, соответствующих сигналу. Например, при прослушивании слова «can» мозг может активировать такие слова, как «candy» и «candle», на ранних стадиях распознавания слова, при этом работают и переводы на другой язык (например, в русско-английской паре получают, соответственно, слова «мочь», «конфета» и «свеча») [15]. Данный феномен помогает билингвам в дальнейшем изучении не только этого языка, но и других.

Также стоит отметить, что некоторые способности билингвов связаны с лучшим, по сравнению со сверстниками, исполнительным контролем. Данный контроль отвечает за внимание, концентрацию и подавление несущественной информации. Это выражается в более простом переходе от одной задачи к другой по сравнению с монолингвами. Указанный феномен связан с тем, что у билингвов оба языка постоянно активны, не выключаются из процесса обработки информации, из чего следует активное развитие практики сдерживания одного языка при употреблении другого, и это отражается в любой деятельности, требующей исполнительного контроля [9].

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что билингвизм и иноязычная коммуникативная компетенция неотделимы друг от друга, так что в этом смысле будет вполне допустимо рассмотреть компоненты иноязычной коммуникативной компетенции и взять их в качестве тех единиц, которые в контексте рассматриваемой проблемы будут связаны с билингвизмом.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что связь между иноязычной коммуникативной компетенцией и билингвизмом очень тесная. Билингвы, которые обладают высокой коммуникативной компетенцией в нескольких языках, имеют больше возможностей для успеха в жизни и карьере, так как они могут легко общаться с людьми из разных стран и культур. Кроме того, изучение нескольких языков может улучшить когнитивные способности и помочь в более глубоком понимании дру-

гих культур. Поэтому развитие иноязычной коммуникативной компетенции и билингвизма является важным аспектом личностного и профессионального роста.

STEAM-подход в образовании является обновлением существующего STEM-подхода. Он назван по первым буквам четырех дисциплин – Science («наука»), Technology («технология»), Engineering («инженерное дело») и Mathematics («математика»). Буква A в STEAM-подходе означает Art – «творчество». По данным составляющим можно определить, что STEAM является междисциплинарным подходом, в котором обучающиеся анализируют проблемы мира с использованием проектного обучения. В данном подходе сделан упор либо на самостоятельную работу обучающихся, либо на групповую, а преподаватель выступает в качестве наставника, который направляет деятельность группы.

В настоящем исследовании обучение иноязычной коммуникативной компетенции английского языка через STEAM-подход будет рассмотрено с точки зрения элемента Art («творчество»). Стоит отметить, что модель STEAM-обучения опирается на проектное обучение в творческих пространствах, а сами проекты предназначены для общества и бизнеса, соответственно, использование таких творческих пространств служит фактором формирования навыков и компетенций Индустрии 4.0 [17; 138]. Поскольку английский язык является одним из способов коммуникации, его можно рассматривать в качестве предмета изучения STEAM-образования, так как в обществе есть необходимость в специалистах, которые могут достичь высоких академических стандартов для участия в обучении в науке, технике, инженерном деле и математике [14].

Как было отмечено выше, STEAM-подход – это междисциплинарное явление, поэтому важно, чтобы предмет изучался не изолированно, а совместно с другими дисциплинами.

Подчеркнув выше связь иноязычной коммуникативной компетенции и билингвизма, отметим, что в данном исследовании была проведена опытно-экспериментальная работа с использованием STEAM-подхода в формировании иноязычной коммуникативной компетенции. За основу была взята технология мультипликации и разработана собственная программа формирования ино-

язычной коммуникативной компетенции на основе технологии мультипликации.

В основу работы были положены активное (говорение и письмо) и пассивное (чтение и аудирование) знание языка. В экспериментальном исследовании участвовали две группы по 20 человек: первая группа работала по предложенному STEAM-подходу (а именно технологии мультипликации), а вторая занималась традиционно – по учебнику. То есть первая группа по завершении опытно-экспериментальной части должна была предоставить мультипликационный ролик по выбранной ими теме.

В качестве оценивания была разработана собственная система, в основе которой лежит система кэбриджского экзамена для уровня B1 Preliminary [13]. Таким образом, за каждый вид активного и пассивного знания языка на уровне B1 были 4 отметки: A («отлично»), B («хорошо»), C («удовлетворительно») и Level A2 (рекомендация к возвращению на уровень A2).

Итоговая отметка выводится из сложения отметок за каждый вид активного и пассивного знаний языка. Таким образом:

- суммарная отметка «А» – 35–40 очков,
- суммарная отметка «В» – 30–34 очков,
- суммарная отметка «С» – 20–29 очков,
- суммарная отметка «Level A2» – 0–19 очков.

В начале опытно-экспериментальной работы были проведены тесты с целью определения текущего уровня развития обучающихся по активному и пассивному знаниям языка. (Таб. 1., Таб. 2.)

При детальном изучении результатов каждого обучающегося получились данные, представленные в таблице 3.

Из данной таблицы видны несущественные отличия результатов в трех отметках, то есть в целом обе группы на старте работы имели примерно одинаковые показатели.

После проведения тестирования группы продолжили работу в том направлении, которое им было предложено в начале работы. Группы изучали одни и те же темы, однако группа мультипликации занималась по разработанной программе с определенным тематическим планированием, а группа традиционного обучения – по учебнику.

Таблица 1.

Результаты начального тестирования группы STEAM.

Отметка	Чтение (кол-во человек)	Говорение (кол-во человек)	Аудирование (кол-во человек)	Письмо (кол-во человек)
A	2	1	3	1
B	9	5	8	10
C	8	10	6	5
Level A2	1	4	3	4

Таблица 2.

Результаты начального тестирования группы традиционного обучения.

Отметка	Чтение (кол-во человек)	Говорение (кол-во человек)	Аудирование (кол-во человек)	Письмо (кол-во человек)
A	2	1	3	2
B	7	6	9	10
C	9	8	5	4
Level A2	2	5	3	4

Таблица 3.

Суммарные отметки обучающихся двух групп по результатам начального тестирования.

Группа	Отметка A (кол-во человек)	Отметка B (кол-во человек)	Отметка C (кол-во человек)	Отметка Level A2 (кол-во человек)
STEAM	2	3	11	4
Традиционное обучение	2	2	13	3

Таблица 4.

Результаты финального тестирования обучающихся группы STEAM.

Отметка	Чтение (кол-во человек)	Говорение (кол-во человек)	Аудирование (кол-во человек)	Письмо (кол-во человек)
A	4	3	5	5
B	10	7	10	10
C	5	8	3	3
Level A2	1	2	2	2

Таблица 5.

Суммарные отметки обучающихся группы STEAM по результатам финального тестирования.

Отметка	Количество человек
A	3
B	5
C	10
Level A2	2

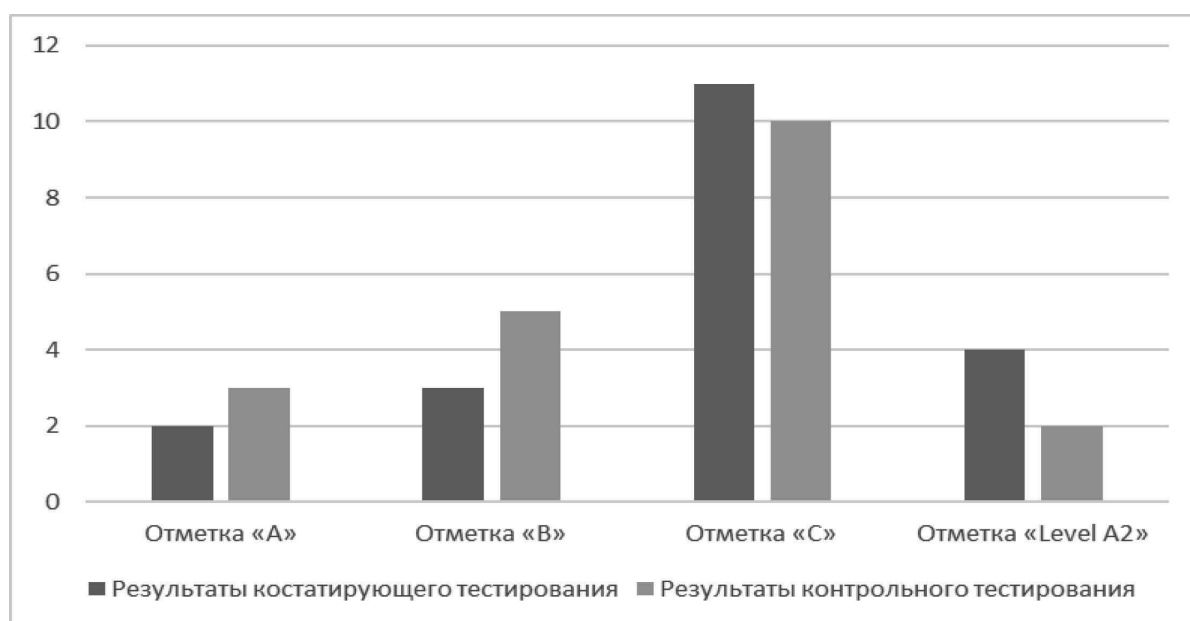


Рис. 1. Сравнение показателей группы STEAM по результатам начального и финального тестирований

Обучающиеся группы STEAM проявили неподдельный интерес к занятиям, с нетерпением ожидая начала работы над мультфильмом.

По завершении работы в обеих группах было проведено финальное тестирование. (Таб. 4.)

Ниже даны суммарные отметки обучающихся группы STEAM. (Таб. 5.)

Сравнение показателей группы STEAM по результатам тестирований представлено на Рис. 1.

Из данного рисунка можно заметить увеличение положительных (А и В) отметок и, соответственно, сокра-

щение удовлетворительной (С) и неудовлетворительной (Level A2) отметок.

Далее рассмотрим и сравним результаты для группы традиционного обучения. (Таб. 6.)

Ниже даны суммарные отметки группы традиционного обучения. (Таб. 7.)

Сравнение показателей группы традиционного обучения по результатам тестирований представлено на Рис. 2.

Из рисунка видны несущественные изменения в положительной отметке В и утвердительной отметке С, вследствие чего отметка Level A2 также изменилась.

Таблица 6.

Результаты финального тестирования обучающихся традиционной группы обучения.

Отметка	Чтение (кол-во человек)	Говорение (кол-во человек)	Аудирование (кол-во человек)	Письмо (кол-во человек)
A	2	2	3	2
B	8	8	9	10
C	9	7	6	6
Level A2	1	3	2	2

Таблица 7.

Суммарные отметки обучающихся группы традиционного обучения по результатам финального тестирования.

Отметка	Количество человек
A	2
B	4
C	12
Level A2	2

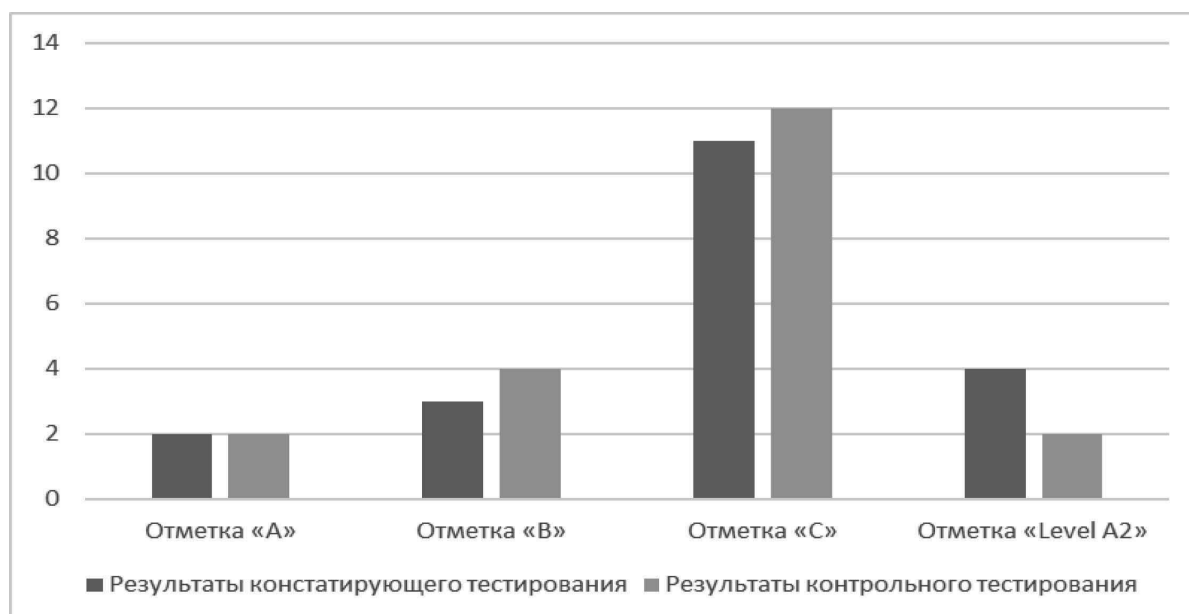


Рис. 2. Сравнение показателей группы традиционного обучения по результатам констатирующего и контрольного тестирований

Таблица 8.

Суммарные отметки обучающихся двух групп по результатам финального тестирования.

Группа	Отметка А (кол-во человек)	Отметка В (кол-во человек)	Отметка С (кол-во человек)	Отметка Level A2 (кол-во человек)
STEAM	3	5	10	2
Традиционное обучение	2	4	12	2

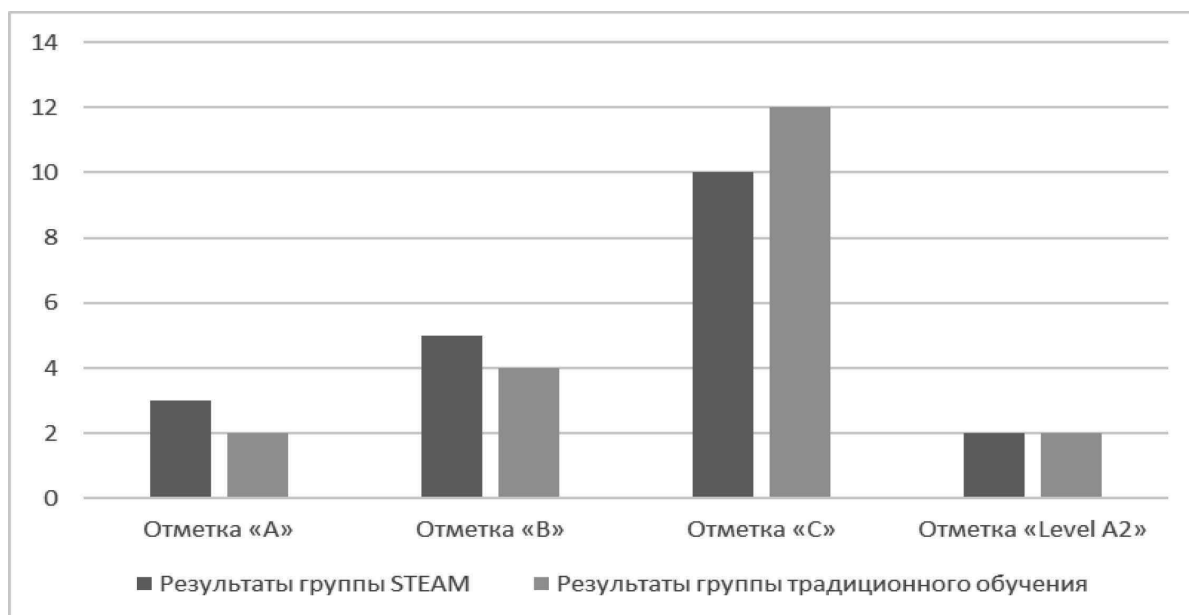


Рис. 3. Сравнение показателей групп STEAM и традиционного обучения по результатам финального тестирования

Далее будут приведены сравнительная таблица и сравнительная диаграмма результатов финального тестирования групп STEAM-подхода и традиционного обучения. (Таб. 8.)

Из данных таблицы и рисунка видно полное преимущество в положительных отметках (А и В) группы STEAM над группой традиционного подхода, что свидетельствует об эффективности STEAM-подхода в рамках разработанной программы по формированию иноязычной ком-

муникативной компетенции.

Таким образом, результаты данного исследования подтвердили, что STEAM-подход является эффективным средством формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Отсюда можно сделать заключение о перспективности использования данного подхода при работе не только с развитием иноязычной коммуникативной компетенции, но и с билингвизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бим, И.Л. Компетентностный подход к образованию и обучению иностранным языкам // Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / под ред. А.В. Хуторского. – М.: Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2007. – С. 156–163.
2. Вайнрайх, У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища школа, 1979.
3. Ван Дейк, Т.А. Стратегии понимания связного текста / Т.А. Ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка: сб. ст. / [сост., ред. и вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова]. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 153–211.
4. Дешериев, Ю.Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 26–42.
5. Метлюк, А.А. Взаимодействие просодических систем в речи билингва: Учебное пособие. – Минск, 1986. – 112 с.
6. Муратова, З.Г. Понятие билингвизма и некоторые вопросы обучения иностранному языку // Лингводидактические исследования. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 166–175.
7. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.12.2010 № 1987 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fgos.ru/fgos/fgos-000/>
8. Сафонова, В.В. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / Под ред. А.А. Миролюбова. – Обнинск: Титул, 2010. – 464 с.

9. Соколова, И.В. Влияние билингвизма на социокогнитивное развитие личности // Образование и наука. – 2012. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-bilingvizma-na-sotsio-kognitivnoe-razvitie-lichnosti> (дата обращения: 11.12.2023)
10. Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. – М.: Просвещение, 2002. – 239 с.
11. Филин, Ф.П. Современное общественное развитие и проблемы двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972. – С. 13–25.
12. Bachman, L.F. Fundamental considerations in language testing / L.F. Bachman. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 408 p.
13. Cambridge Assessment English. Cambridge English Qualifications. B1 Preliminary. Handbook for teachers for exams from 2020. – URL: <https://cambridge-exams.ch/sites/default/files/b1-preliminary-handbook-2020.pdf> (дата доступа 25.12.2023)
14. Francis, D., & Stephens, A., (Eds.). (2018). English learners in STEM subjects: Transforming classrooms, schools, and lives. The National Academies Press. Retrieved from <https://eric.ed.gov/?id=ED590422> (дата доступа 15.12.2023)
15. Marian, V, Shook A. The cognitive benefits of being bilingual. *Cerebrum*. 2012 Sep;2012:13. Epub 2012 Oct 31. PMID: 23447799; PMCID: PMC3583091
16. Savignon, S.J. *Communicative Competence: Theory and Classroom Practice*. (2nd ed.). USA: McGraw-Hill, 1997. – 352 p.
17. Shatunova, O., Anisimova T., Sabirova F., & Kalimullina, O. (2019). STEAM as an innovative educational technology. *Journal of Social Studies Education Research*, 10(2), 131–144.

© Шкилевич Иван Алексеевич (ivan@shkilevich.ru), Главатских Марианна Михайловна (MGlavatskikh@kantina.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ АРАБИЗМОВ В РЕЛИГИОЗНОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСАХ БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Адзиева Эльвира Серажединовна

*Кандидат филологических, доцент, профессор,
Российская Академия Естественных наук (г. Москва)
elfee777@mail.ru*

PROBLEMS OF BORROWING ARABISMS IN THE RELIGIOUS AND SCIENTIFIC DISCOURSES OF BRITISH AND AMERICAN ENGLISH

E. Adzieva

Summary: This article discusses the problems of borrowing Arabisms in religious and scientific discourses of British and American English. She highlights the misunderstanding and misuse of Arabisms in religious texts, which can lead to misunderstandings and misinterpretations of religious texts. In scientific discourse, problems also arise with the borrowing of Arabic words, including errors in understanding. The article also discusses the use of Arabisms and suggests solutions to improve the correct use of these terms in English. The purpose of the study is to identify problems with the borrowing of Arabisms in religious and scientific discourses in British and American English, and to propose solutions to improve the correct use of these terms in English.

Keywords: borrowing, Arabisms, religious discourse, scientific discourse, British English, American English.

Аннотация: Данная статья обсуждает проблемы заимствования арабизмов в религиозных и научных дискурсах британского и американского английского. Она подчеркивает непонимание и неправильное использование арабизмов в религиозных текстах, что может привести к недопониманию и неправильному толкованию религиозных текстов. В научных дискурсах также возникают проблемы с заимствованием арабизмов, включая ошибки в понимании. Статья также обсуждает использование арабизмов и предлагает решения для улучшения правильного использования этих терминов в английском языке. Цель исследования заключается в выявлении проблем заимствования арабизмов в религиозных и научных дискурсах британского и американского английского, а также в предложении решений для улучшения правильного использования этих терминов в английском языке.

Ключевые слова: заимствование, арабизмы, религиозный дискурс, научный дискурс, британский английский, американский английский.

Введение

Заимствование арабизмов в английском языке имеет долгую историю, которая отражает культурные, религиозные и научные взаимодействия между арабским и английским языками. В данной статье мы будем рассматривать проблемы заимствования арабизмов в религиозном и научном дискурсах британского и американского вариантов английского, их влияние на языковую практику и восприятие соответствующих концепций. Арабский язык оказал значительное влияние на английский язык благодаря торговым связям, культурному обмену и переводам арабских текстов. Арабизмы проникли в различные области английского языка, включая лексику, грамматику и фразеологию. Исследование этого влияния позволяет лучше понять процессы культурного обогащения языка и его динамику в современном мире.

Английский язык является одним из самых распространенных и влиятельных языков и используется в различных областях, включая религиозные и научные дискурсы. В связи с этим, важно обратить внимание на проблемы заимствования арабизмов в этих областях,

особенно в британском и американском вариантах английского языка.

Арабский язык имеет богатое наследие истории, культуры и науки, и его влияние распространяется на различные языки, включая английский. Заимствование арабизмов в английский язык происходит через различные пути, такие как торговля, научные открытия и религиозные связи. Это приводит к появлению арабизмов в религиозных и научных текстах на английском языке.

Одной из основных проблем заимствования арабизмов в религиозных дискурсах британского и американского вариантов английского языка является непонимание и неправильное использование этих терминов. В научных дискурсах британского и американского вариантов английского языка также возникают проблемы с заимствованием арабизмов.

Для решения этих проблем необходимо проводить более глубокое изучение арабизмов и их контекста в религиозных и научных текстах. Также важно обеспечить правильное использование этих терминов при переводах и интерпретации текстов. Кроме того, необходимо

учитывать политические и культурные контексты при использовании арабизмов в английском языке.

Для начала рассмотрим примеры использования арабизмов в религиозных текстах в британском и американском вариантах английского языка. В религиозных текстах, таких как Библия и Коран, часто встречаются арабизмы Аллах, «хадж», «умма» [4] и могут иметь особое значение и контекст, который может быть утерян при переводе или использовании в другом языке. Это может привести к недопониманию и неправильному толкованию религиозных текстов:

He is Allah, the Creator, the Maker, the Fashioner. His are the most beautiful names. All that is in the heavens and the earth glorifies Him, and He is the Mighty, the Wise. (59:25) [1].

Hajj, in Islam, the pilgrimage to the holy city of Mecca in Saudi Arabia, which every adult Muslim must make at least once in his or her lifetime [3].

That is the responsibility of our ummah [11], [10].

Однако, при переводе этих текстов на английский язык возникают сложности с точным передачей значения этих терминов, так как они имеют глубокие религиозные и культурные коннотации.

В XVII-XVIII веках активно происходило пополнение лексики, обслуживающей религиозную сферу коммуникации. Так, арабское слово *Allah* функционирует и в современном английском языке с сохранением семантической нагрузки. Оно проникло в систему английского языка еще в конце шестнадцатого века и в арабском языке представляется как сочетание имени существительного и артикля; в английском оно функционирует как полноценное имя существительное и имеет понятие «Бог». Примечательно, что употребление лексической единицы в научном стиле в Великобритании является стилистически маркированным и преимущественно относится к описанию исламской религии.

Другим примером религиозного пласта лексики, заимствованном в более поздний период, является заимствование *Al-Hajj* [12], которое употребляется в качестве имени существительного. Его особенность состоит в том, что лексическая единица заимствована из арабского языка напрямую. В английском языке оно имеет следующую семантическую нагрузку: хадж, паломничество к священным местам, в Мекку. Данный город определяется как центр паломничества для мусульман и располагается на западе Саудовской Аравии, примерно восемьдесят километров от Красного моря. В научном дискурсе данная лексическая единица используется без арабского артикля:

Mecca's mega architecture casts shadow over hajj (Mecca's) [9].

Чуть позже произошло заимствование лексической единицы из арабского языка с аналогичным корнем, ко-

торая сегодня употребляется для обозначения мусульманина, совершившего паломничество в Мекку. Преимущественно лексема используется в Западной Африке.

Терминологическая единица *Islam*, которая была заимствована из арабского языка в 1816 году имеет относительно нейтральную окраску [2]. Так, статьи, описывающие различные моменты культуры мусульман, иллюстрируют примеры использования данного слова:

Islam is deeply woven into the fabric of the United States (See how) [7].

О полной ассимиляции данного заимствования свидетельствует и появление имени прилагательного *Islamic*, которое было образовано с помощью суффиксального способа [6], [7].

В научных текстах арабизмы также широко используются, особенно в области математики, астрономии, медицины и философии. Например, слова *algebra* «алгебра», *algorithm* «алгоритм» и *chemistry* «химия» имеют арабские корни [4]:

Chemistry is a branch of natural science that deals principally with the properties of substances, the changes they undergo, and the natural laws that describe these changes [13].

Однако, при использовании этих терминов в английском языке возникают трудности с их правильным произношением и написанием, что может привести к неправильному пониманию и использованию этих терминов.

Большинство слов, используемых для выражения реалий, носят нейтральную стилистическую окраску и широко употребляются в научном дискурсе. Ярким примером является лексическая единица *giraffe*, которая употребляется для обозначения животного:

It sounds like the start of a bad joke: How do you move eight giraffes –including a newborn calf–off an island in Africa's Western Rift Valley? [5].

В случае корреляции данной лексемы с каким-либо именем существительным или именем прилагательным, расположенным в качестве члена атрибутивной конструкции, может возникнуть устойчивое словосочетание для наименования какого-либо вида:

Masai giraffes can run to speeds of 35 miles per hour [8].

Заключение

В результате проведенного исследования были выявлены различные точки зрения на использование арабизмов в религиозных и научных текстах на английском языке. Сравнительный анализ использования арабизмов в религиозных и научных текстах на английском языке с их использованием в оригинальных текстах позволил выявить различия в трактовке и

переводе данных терминов.

Экспериментальное исследование среди носителей английского языка показало, что принятие новых терминов для замены арабизмов может вызвать разнообразные реакции, от положительных до отрицательных. Анализ изменений в текстах после предложенных решений показал, что правильное использование арабизмов в английском языке может быть эффективно достигнуто через адаптацию и стандартизацию новых терминов.

Вывод

Таким образом, исследование показало, что использование арабизмов в религиозных и научных текстах на английском языке вызывает разнообразные мнения среди носителей языка и дальнейшие обсуждения и разработка стратегий по использованию арабизмов в религиозных и научных текстах на английском языке являются необходимыми, с учетом мнений носителей языка и экспертов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аль-Ислам // Официальный сайт ахмадийской мусульманской общины [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.alislam.org/allah/> (дата обращения: 26.11.2023).
2. Вавичкина, 2003 – Вавичкина Т.А. Морфологическая структура глагольного слова в арабском и русском языках: типологический анализ – М.: РУДН, 2003. – 16 с.
3. Britannica // Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.britannica.com/topic/hajj> (дата обращения: 26.11.2023).
4. Collins English Dictionary. – Harper Collins Publishers, 2006. – URL: <http://www.slideshare.net/RalphPilkington/large-english-dictionary-free-to-download-pdf> (дата обращения: 26.11.2023).
5. <https://context.reverso.net/перевод/английский-русский/ummah>. (дата обращения: 26.11.2023).
6. Episode 5: Giraffes on a Boat // National Geographic [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nationalgeographic.com/podcasts/article/episode-5-giraffes-on-a-boat> (дата обращения: 26.11.2023).
7. Google [Электронный ресурс]. – URL: <https://translate.google.com/details?hl=ru&sl=ru&tl=en&text=дискусы&op=translate> (дата обращения: 26.11.2023).
8. How Early Islamic Science Advanced Medicine // National Geographic [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nationalgeographic.com/history/history-magazine/article/muslim-medicine-scientific-discovery-islam> (дата обращения: 26.11.2023).
9. Masaimara [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.masaimara.travel/masai-giraffe-kenya.php> (дата обращения: 26.11.2023).
10. Mecca's mega architecture casts shadow over hajj // Support the Guardian [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2012/oct/23/mecca-architecture-hajj1> (дата обращения: 26.11.2023).
11. Nationalgeographic [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nationalgeographic.com/podcasts/article/episode-5-giraffes-on-a-boat> (дата обращения: 26.11.2023).
12. Nationalgeographic [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nationalgeographic.com/photography/article/muslims-america-eid-ramadan> (дата обращения: 26.11.2023).
13. Reddit [Электронный ресурс]. – URL: https://www.reddit.com/r/islam/comments/121bjb/meccas_mega_architecture_casts_shadow_over_hajj/ (дата обращения: 26.11.2023).
14. Uidaho [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.uidaho.edu/sci/chem/undergraduate/what-is-chemistry> (дата обращения: 26.11.2023).

© Адзиева Эльвира Серажединовна (elfee777@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРАТКИЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ АВАНГАРДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В XX ВЕКЕ

A BRIEF OVERVIEW OF THE DEVELOPMENT OF CHINESE PIONEERING LITERATURE IN THE 20TH CENTURY

**M. Borodina
Wang Xiaolin**

Summary: This article provides a brief overview of the development of Chinese avant-garde literature in the 20th century. The authors aim to show the process of the emergence of this trend in the literature and to analyze its four stages of development. The research material was based on iconic Chinese authors and their representative works of this period. Moreover, the ideas of scientists and researchers about avant-garde literature in China in general were described. Based on the method of systematizing the research results, the important role of avant-garde literature in the history of Chinese literature is explained.

Keywords: avant-garde, Chinese literature, avant-garde works, story, story.

Бородина Мария Анатольевна

канд. филол. наук, доцент, Российский государственный
социальный университет
BorodinaMA@rgsu.net

Ван Сяолин

Аспирант, Российский университет дружбы народов
1042215284@rudn.ru

Аннотация: В данной статье дается краткий обзор развития китайской авангардной литературы в XX в. Авторы преследуют цель показать процесс зарождения указанного направления в литературе, провести анализ четырех его этапов развития. Материалом исследования послужили знаковые китайские авторы и их репрезентативные произведения указанного периода. Более того, были описаны представления ученых и исследователей об авангардной литературе Китая в целом. На основе метода систематизации результатов исследования объясняется важная роль авангардной литературы в истории китайской литературы.

Ключевые слова: авангардизм, китайская литература, авангардные произведения, повесть, рассказ.

Введение

На протяжении всей истории китайской литературы отношения между литературой и историей всегда были неоднозначными, их взаимное проникновение и влияние сказывались как на социальной истории, так и на самом литературном процессе. За короткий век XX столетия в Китае произошли такие важные события, как свержение феодальной системы, новое культурное движение, формирование Китайской Республики, образование Нового Китая, Культурная революция, проведение политики реформ и открытости, в этом процессе возникли различные литературные школы, включая литературу поиска корней, литературу травмы, литературу реформ и авангардную литературу. С одной стороны, писатели испытывали влияние и ограничения со стороны меняющейся социальной среды, а с другой, вписывали социальные изменения в свои произведения, более того, наиболее ярким литературным жанром XX в. стала авангардная литература.

Современная авангардная литература - это своеобразное явление, возникающее в литературном мире в новых и неожиданных формах, а затем внезапно угасающее всего через несколько лет. Фактически, как в период своего расцвета, так и после упадка, авангардная литература стала неотъемлемой темой литературы нового времени. До появления авангардной литературы китайская литература создавалась скорее для обслуживания поли-

тики. Писатели авангардной литературы стали бросать вызов традиционным догмам, нарушать традиционные литературные нормы своими собственными повествованиями и продолжать тему потенциальной природы человеческого существования. Наряду с Литературой Четвертого мая и Литературой травмы, некоторые ученые называют ее третьей Литературной вершиной за XX столетия существования китайской литературы [1].

Можно сказать, что авангардная литература создала период расцвета китайской литературы в XX веке, и более чем через двадцать лет после ее упадка о ней по-прежнему много спорят. Некоторые ученые критикуют это направление, так как оно «создает немало мусора» [9]. Формальная революция писателей-авангардистов привела их творчество не только к процветанию, но и к исчезновению. Кроме того, далеко идущее влияние авангардной литературы на современную историю литературы заставило многих специалистов и ученых продолжить изучение авангардной литературы. Однако единого определения авангардной литературы до сих пор не существует, данная тема остается открытой для исследователей, следовательно, актуальной. Цель данной статьи заключается в изучении самого понятия и направления «авангардная литература», возникшего в новых формах, с точки зрения традиционной китайской литературы, и быстро исчезнувшей. Для решения поставленной цели были выдвинуты такие задачи, как изучение выдающихся художников и их произведений,

определения причин возникновения и упадка китайской авангардной литературы, а также обобщения результатов исследований и мнения разных ученых и определения ценности выделенной авангардной литературы.

Литературный обзор

Особенность китайской авангардной литературы заключается в том, что непосредственное внимание в России она получается только с 1970-х годов, когда отечественные литературоведы и лингвисты начинают активно ее активно читать и переводить. В частности, кандидатская диссертация Е.А. Завидовской «Постмодернизм в современной прозе Китая» является доказательством неоспоримого интереса к китайскому литературоведению и началом изучения его в принципе. Именно после данной работы отечественные исследователи приступили к активному изучению авангардизма китайской литературы. Можно констатировать, что одни авторы делали обобщенные анализы, в частности, О.Д. Цыренова (о китайской поэзии конца XX – начала XXI вв.) и Н.К. Хузиятова (о китайском модернизме), либо концентрировались на изучении творчества одного определенного автора как, в частности, Ю.А. Дрейзис в своей диссертации «Художественные концепты прозы Юй Хуа».

Материалы и методы

Материалом исследования стала китайская авангардная литература с 1920-х годов по настоящее время. Путем последовательного анализа рассматривается каждый этап становления того или иного автора, выделяется то или иное произведение.

Поворотным пунктом в китайской литературе становится творчество группы молодых авторов, которых со временем называли «авангардистами». Их произведения сильно отличались от прозы предыдущего периода, которые были тесно связаны с идеологией. Литература «шрамов», литература рефлексий, литература реформ содержала сильный идеологический подтекст. Художественная ценность их базировалась на другой основе. В июне 1989 г. в газете «Вэньлунь бао» выходит хвалебная статья критика Ли То о новом направлении в китайской литературе, которое провозглашает начало «индивидуального письма» в Китае. Здесь же содержалось одно из первых упоминаний понятия «постмодернизм». Таким образом, авангардная литература была заявлена как постмодернистская.

Результаты

В процессе становления авангардной литературы можно выделить четыре основных этапа. Первый этап представляет собой зарождение данного направления. Развитие авангардной литературы в Китае XX в. можно

проследить с 1920-х гг. под влиянием Движения за новую литературу рассматриваемое направление проявило бурную жизнеспособность и энергичность и быстро развивалось, оно было более независимым и критическим. Пионеры Движения за новую литературу выступали за то, чтобы сломать рамки традиционной культуры и принять современную западную мысль и культуру, ратовали за прагматизм и демократию, критиковали феодализм и старые ритуалы. Ведущей фигурой этого периода был Лу Синь, который считается «первым лицом» китайской новаторской литературы.

Лу Синь – это мастер языка в истории современной китайской литературы. Литературный язык Лу Синя сыграл связующую и образцовую роль в трансформации китайского языка от традиционного к современному. Он выступал за отказ от всех традиционных культур. В своем эссе «Внезапно подумав о шести» Лу Синь восклицал: «Если есть хоть одно препятствие для возвращения будущего, будь то древность или современность, человек или призрак... все они растоптаны» [10:47]. Новаторский характер произведений Лу Синя можно рассмотреть с точки зрения формы и содержания.

Как считают исследователи, в частности Мао Дунь [27], именно благодаря Лу Синю в литературе появились новые формы. В конце 1910-х годов китайские писатели и ученые инициировали Движение за новую культуру, известное также как Движение за сближение и объединение письменного и устного стилей китайского языка, целью которого было изменение древнего китайского языка на современный.

Первый рассказ Лу Синя на современном языке «Дневник сумасшедшего» также является первым рассказом на современном китайском языке за всю историю. Этот рассказ, написанный в форме дневника, был опубликован 15 мая 1918 г., что внесло освежающее изменение в форму. В рассказе «История волос» рассказывается о проблеме «волос», которые символизируют новое общество. Как известно, до реформы китайские мужчины носили длинные волосы, после реформы от всех требуется их подстригать, обязательны короткие волосы, поэтому автор критикует правителей и революционеров, которые в своих реформах делают упор на форму, а не на содержание. Рассказ написан в форме диалога, что является олицетворением современной драмы общества. Следующее произведение писателя представляет собой документальный рассказ «Маленькое дело», который больше похож на прозаическую зарисовку. Общий тон текста прост, в нем нет необычных сюжетов и привычных поворотов, но в этой небольшой по объему работе уже рассказана вся история низкой личности, которая рискует быть шантажированным, чтобы помочь старику. В рассказе «Лекарство» используется необычная двухстрочная структура повествования,

автор сочетает обратное и прямое повествование, что усиливает остроту и художественную выразительность произведения. Кроме того, рассказ содержит четыре основные сцены: покупку таблеток, прием лекарства, разговор о лекарстве и уход в могилу, которые плотно и плавно выстроены, как четырёхтактная пьеса [3:24].

Произведения, вошедшие в сборник рассказов «Блуждания», также имеют весьма новаторский формат. В рассказе «Скорбь по ушедшей» использована форма рукописных заметок от первого лица, что позволяет связать время и сюжет с мыслями главного героя «Я». Многочисленные внутренние монологи и психологические описания углубляют выражение внутреннего мира главного героя. С точки зрения повествовательной техники, автор использует форму обратного порядка, чтобы проследить год, в котором разбивается фантом любви главного героя, а в языке для усиления лирического качества широко используются такие риторические приемы, как параллелизм и метафора. Другой рассказ «Уличная сцена Пекина» представляет собой короткую историю, переданную в форме ансамблевого повествования. В отличие от традиционных рассказов, этот не имеет конкретного сюжета, а все повествование вращается вокруг одной сцены - публичного показа преступника, целью чего является именно описание и демонстрация всех персонажей.

Однако суть новаторства заключается не только в нарушении старых правил, и в изменении формы, но также и в его содержании. Целью Движения за новую культуру было освобождение духа, противостояние феодализму, развитие демократии и науки, утверждение новой морали и противостояние старой, все это нашло отражение в литературных произведениях Лу Синя.

В частности, в рассказе «Кон Ицзи» под влиянием феодальной системы образования и политики у главного героя, которого звали Кон Ицзи, сформировался педантичный характер и соответствующее поведение. Он образованный человек, но не может и не хочет удовлетворить свою потребность в выживании. Столкнувшись с необходимостью выживания, он не может снять тунику (признак богатого сословия), и даже совершает кражу. Рассказ небольшой по объему, но глубокий по содержанию. Данная работа имеет сильный антифеодальный смысл, раскрывая яд имперской системы испытаний на психику интеллигенции в лице главного героя, несостоявшегося ученого, не выдержавшего бессмысленные государственные экзамены. В рассказе «Подлинная история А Цю» описывается о странствующем наемном крестьянине А Цю, который был чрезвычайно трудолюбив, но ничего не имеет, и даже имя его было забыто. Описывая встречи, А Цю, бедного крестьянина, глубоко эксплуатируемого, но не просветленного, Лу Синь раскрыл жестокое угнетение крестьян классом феодалов-помещиков и реакционный характер свирепости и ко-

варства феодальных сил, критиковал половинчатость Синьхайской революции. В рассказе «Сожаление о прошлом» героиня борется за свободу любить, выйти замуж и создать семью, но в итоге ее усилия терпят крах. На примере истории героини автор показывает, что, с одной стороны, людям трудно жить свободно из-за влияния феодализма в обществе, а с другой стороны, образ мышления героини не до конца освобожден, и она и ее муж находятся в трагическом состоянии из-за того, что она сделала любовь и семейную жизнь смыслом всей своей жизни. В конечном итоге причины неудачи можно объяснить влиянием на людей пережитков феодального мышления. Лу Синь появился на китайской литературной сцене в особый период движения «Четвертого мая» как писатель-просветитель, выдвинувший концепцию литературы и искусства «для жизни» и стремившийся реализовать «воспитание человека» через литературу и искусство [4:25].

В отличие от более поздних писателей-авангардистов, которые относились к жизни нигилистически и пессимистически, Лу Синь всегда проявлял бунтарский дух и пытался раскрыть социальные проблемы. Все произведения Лу Синя раскрывают важные и заставляющие задуматься темы, как он сам говорил, его целью было «улучшить жизнь человека».

Следующей вехой в развитии китайской авангардной литературы в XX веке считается этап застоя авангардной литературы. В период с 1930-х гг. до Культурной революции Китай пережил ряд крупных социальных потрясений и политических движений, таких как Война против Японии, Освободительная война, Великий скачок и Культурная революция. Эти события оказали огромное влияние на китайское литературное творчество, которые были поставлены на службу политике, а авангардные литературные произведения подвергались жесткому ограничению и критике. Во время освободительной войны против японской агрессии уровень реалистических работ был невысок на территориях, контролируемых Гоминьданом и Японией, в то время как на освобожденных территориях романы писались в русле революционного реализма, а общая тенденция развития литературного творчества стремительно шла в сторону революции и популяризации. Модернизм и другие авангардные произведения не получили значительного развития, но такие амбициозные художники, как Чжан Тяньи, Цянь Чжунжу и Сяо Хун, продолжали свою творческую деятельность.

С момента образования Нового Китая в 1949 г. и до Культурной революции современная китайская литература развивалась по институциональной траектории под волевым контролем политической партии, а литературное творчество было встроено в государственную плановую экономику. В результате литературные нормы были

призваны отличаться от литературы до 1949 года как в плане содержания, так и в плане стиля повествования и тематической подачи. Другими словами, вся литература в период с 1949 г. по 1976 г. может рассматриваться как шаблонное выражение прогрессивных норм [6:33].

Литература этого периода может быть названа современной, а тематика произведений часто соответствует характеристикам периода, например, революционно-исторической, сельской и индустриальной. К произведениям революционного реализма, отражающим военную и революционную историю, относятся «Красное солнце» У Цяна, «Линьхай сюэюань» Цю Бо, «Краснознаменный спектрограф» Лян Бина; к произведениям, показывающим социалистические преобразования и строительство, относятся «Великое преобразование деревни» Чжоу Жуйбо, «История созидания» Лю Цина, а к произведениям в духе критического реализма, раскрывающим противоречия и проблемы реальной жизни, относятся «Шестьдесят лет преобразований» Ли Лиюя и другие.

В десятилетие «Культурной революции» художественная литература в значительной степени пришла в упадок, а такие произведения, как «Золотой путь» Лян Цзингуана и «Красный свет звезды» Ли Синьтяня, отличавшиеся высокой политической сознательностью и характерные для того времени, были репрезентативными и широко распространялись в виде рукописных копий. В целом авангардная литература в этот период не развивалась, литература существовала, прежде всего, как инструмент обслуживания политики, а литературный мир переживал длительный период несвободного творчества.

Третьим этапом процветания авангардной литературы стали 1980-е годы, или золотой век авангардной литературы. После периода литературного запустения она обрела небывалую жизненную силу в творчестве, чтении и восприятии. По словам Чэн Гуанвэя, «современная авангардная литература» была признана новым образцом литературной автономии от внелитературных факторов, а ее официальный дебют принял форму «формальной революции», которая стала признанным общим представлением в истории литературы» [19:388].

Развитие золотого века авангардной литературы в 1980-е годы представляет собой результат двойного влияния самосознания освобождения и западных литературных жанров. Во-первых, с началом китайских реформ и открытости в 1978 году, когда тема «поиска новизны и различий, реформирования традиций и глобализации» стала одной из главных тем того времени, китайский народ находился в состоянии растерянности, сопровождаемой отрицанием культа личности и высмеиванием авторитетов, и начал сомневаться в потенциальной природе собственного существования.

В частности, писатель Дун Си утверждал, что авангардная литература не может быть отделена от исторического контекста того времени, что такие категории, как «Литература шрамов», существовали до появления авангардной литературы и что все в Китае того времени хотели перемен. Авангардная литература была не только связана с более ранней литературой, но и влияла на более поздних писателей, явилась изменением традиционной китайской литературы [24]. Во-вторых, литературные произведения того времени находились под сильным влиянием творческих приемов зарубежных писателей-авангардистов таких, как Франц Кафка и Хорхе Борхес. После травмы «Культурной революции» китайские писатели пытались перенять творческий дух и приемы зарубежных произведений. Например, писательница Цянь Сюй унаследовала технику метаморфоз Кафки, и герои ее произведений часто претерпевают трансформации в сложных обстоятельствах, а Мо Янь стремился к воображаемому пространству Маркеса и Фолкнера. Как заметил Чэнь Сяомин, никто не сомневается, что половина китайских культурных тенденций 1980-х годов была обусловлена импульсом «Идеологического освободительного движения», а другая половина – стремлением к современным тенденциям на Западе, особенно в литературе [22:13].

Авангардная литература – это яркий и редкий художественный плод духа «чистой литературы». Через фрагментарность структуры, неоднозначность сюжета и раздробленность реальности авангардная литература разрушает целостность мира и реальность бытия и передает смысл, глубину и темы традиционной литературы с помощью уникального стиля повествования, метафорического мышления и экспрессии. К представителям авангардной литературы этого периода можно отнести Ма Юаня, Цянь Сюя, Мо Яня и Су Туна.

1985 год стал знаковым в развитии авангардной литературы в Китае, когда модернистские идеи хлынули в Китай с Запада, а творческое сознание литературного мира достигло своего пика. Ли Цзинцзе, вице-президент Ассоциации писателей Китая, сказал на Международном форуме, посвященном 30-летию авангардной литературы: «В 1985 году мне был 21 год. Я до сих пор помню, с каким волнением я читал произведения Ю Хуа, Су Туна, Гэ Фэя и других В то время и с тех пор многие писатели в большей или меньшей степени воспользовались результатами исследований и работы этого поколения писателей» [25].

Ли Цзе в своем исследовании «Анализ онтологического значения литературных форм» также отмечает, что «авангардные романы, появившиеся в 1985 году, являются своего рода историческим указателем». Литературная суть этого указателя заключается не в поиске культурных корней или современного сознания, а в

онтологической эволюции литературных форм. Иными словами, «как писать - это уже не смутное нащупывание в коллективе молодых авангардистов, а вполне четкое сознательное начинание» [8]. В этом году были опубликованы такие выдающиеся произведения, как «Искушение Гондаса» Ма Юаня, «Редис» Мо Яня, «Великолепные дни» Цянь Сюя.

Ма Юань является одним из ведущих писателей этого периода. Ван Гань, заместитель редактора «Избранные повести и рассказы», выражает мнение, что авангардная литература лучше всего понимается прежде всего через язык, что и послужило ее названием в качестве формалистической эстетики [14]. Китайские ученые и писатели считают, что парадигма повествовательного дискурса в авангардных произведениях 1980-х годов была продиктована Ма Юанем, чье фундаментальное произведение «Искушение Гондаса», опубликованное в 1985 году, изменило представление о сложившейся художественной литературе и традиционной, шаблонной, доминирующей, монолитной форме, определяемой содержанием того времени. Можно сказать, что данная работа открыла совершенно новую ситуацию для формалистического литературного творчества [13].

Вместо того, чтобы основываться на линейном графике или логической последовательности конкретных событий, Ма Юань создал новый способ повествования, отличающийся от традиционной художественной литературы тем, что он нарушает границы времени и пространства, намеренно прерывает временной контекст повествования и демонтирует логический порядок внутренних связей повествования. По словам Ма Юаня, метод, выбираемый писателем, должен быть наиболее эффективным для целей его чтения. «Это должен быть такой метод повествовательной формы, который является живым и легко читаемым» [11].

Кроме того, еще одной важной особенностью художественного творчества Ма Юаня является мета-нарратив. Британский писатель Дэвид Лодж отмечает, что метафантастика – это «фантастика о фантастике», другими словами, сосредоточенная на творческом процессе, характеризующаяся намеренным обнажением творческого процесса, прерыванием сюжетной последовательности и комментированием непосредственно самого сюжета. Например, важной особенностью романа Ма Юаня «Искушение Гондаса» является то, что рассказчик по ходу повествования иногда вставляет рассуждения о проблеме творчества, пытаясь воплотить историю в реальность, напоминая читателю, что то, что он читает, это именно созданный роман, причем читатель постоянно перемещается между реальностью и нереальностью [12].

Мо Янь также является представителем писателей-авангардистов. Однако в то же время его произведения

часто относят к другим литературным школам, таким как магический реализм и деревенская литература. Произведения Мо Яня уникальны по форме, характеризуются своеобразным сенсорным стилем повествования, им присущ сложный антропоморфизм и перспектива, сложные и пересекающиеся временные структуры, а также уникальный язык. Поэтому его ранние произведения также можно отнести к авангардной литературе [16:87].

Среди новаторских произведений Мо Яня, получивших широкое признание, можно выделить «Редис» и «Шаровая молния». В работе «Редис» рассказывается о большеголовом чернокожем ребенке, над которым с ранних лет издевается мачеха, и который, несмотря на свою замкнутость, часто удивляет окружающих своими высокими природными способностями, такими как отличное осязание и слух. В этом произведении, в отличие от традиционных рассказов с четкой темой, Мо Янь сочетает реалистические и нереалистические элементы и использует такие приемы, как белое описание, для изображения сцен, которые функционируют как аналогия сознания, придавая роману некую туманную красоту за счет наделяния образов множеством символических значений. В результате читатель понимает, что перед ним не реалистическое произведение в традиционном понимании, так как текст содержит элементы фантастики и наполнен мечтательными красками. Исчезновение времени, стирание границ между жизнью и смертью, вымыслы о непознаваемости богов и призраков - важнейшие прорывы писателя-авангардиста [5:109].

А новизна произведения «Шаровая молния» заключается в разнообразии ракурсов повествования. В этой работе история представлена с семи точек зрения, рассказчик появляется произвольно, входя в свою роль и становясь непосредственным персонажем. Слияние истории и реальности, сказочность описания сцен и богатство фантазии свидетельствуют о высоком уровне творческих способностей Мо Яня.

В результате в 1985 г. началась массовая печать сборников авангардных повестей и рассказов. Например, в 1986 г. издательство Шанхайской академии общественных наук выпустило «Сборник новаторских повестей и рассказов», в который вошли произведения 32 писателей, в том числе «Папа-папа» Хань Шаогуна, «Редис» Мо Яня, «Души, завязанные в узлы на кожаном шнуре» Засидавы, «Три способа складывать бумажных журавликов» Ма Юаня, «Хижина на холме» Цянь Сюя и другие [20]. В 1986 г. издательство «Китайская федерация литературы и искусства» опубликовало сборник «Повести и рассказы 1985 года в Китае», в который вошли такие романы, как «Души, завязанные в узлы на кожаном шнуре» Засидавы, «Судьба как струна» Ши Тишэна, «Возвращение» Хань Шаогуна, «Хижина на холме» Цянь Сюя, «У тебя нет выбора» Лю Сора, «Хэ Ши» Цзя Пинва, «Взрыв» Мо Яня

и другие авангардные произведения. Эти произведения, ставшие кульминацией новых творческих форм повествования, таких как романы и рассказы о поиске своих корней, были самыми популярными литературными произведениями того времени [2].

Последний этап авангардной литературы представляет собой ее упадок, который начался в 1990-е годы, когда авангардная литература претерпела трансформацию. С одной стороны, изменилось творческое направление многих писателей, вернулись сюжетно-повествовательные стили и традиционные ценности, литературные произведения постепенно сближались с нормами реалистических произведений. Например, Ма Юань и Гэ Фэй обратились к теоретическим исследованиям, а произведения Юй Хуа постепенно возвращались к реальности, в результате увлечение авангардной литературой постепенно начинало утрачиваться.

С другой стороны, в 1990-е годы развитие авангардной литературы вступило в стадию «классификации», и в изданных в этот период представительных сборниках авангардных произведений был достигнут определенный консенсус относительно разделения писателей-авангардистов. Например, в 1993 году в сборник «Избранные авангардные повести и рассказы», изданный Народным издательством провинции Ганьсу под редакцией критика Чэнь Сяомина, вошли такие работы, как «Жёны и наложницы» Су Туна, «Стая коричневых птиц» Гэ Фэя, «Неотвратимая судьба» Юй Хуа, «Пригласить женщину на загадку» Сунь Ганьлуо, «Шумный разговор» Бэйцуня, «Рассказы о деревьях цзюйбу» Е Чжаояна, «Настроения юга» Пань Цзюня, «Дикие кошки идут сквозь долгие годы» Засидавы и «Подсолнечник» Ли Синя и «Песня кузнечика» Хуан Ши, - только десять писателей и их репрезентативные произведения.

Чэнь Сяомина следующим образом формулирует собственные критерии классификации писателей-авангардистов: «В минимальном смысле под этим названием подразумеваются молодые писатели, которые первыми сформулировали свои собственные стили повествования и которые появились с явным новаторством после Ма Юаня» [23:1]. В том же году в Чжэцзянском литературном издательстве вышла книга «Избранные новые экспериментальные повести и рассказы» под редакцией критика Шэн Цзычао. Он отметил, что экспериментальная фантастика должна быть признана новаторской и антитрадиционной по характеру языковой формы, стилю повествования, структурным особенностям и способу мышления [26]. Поэтому экспериментальную фантастику можно также назвать авангардной. Оба указанных термина, экспериментальная фантастика и новаторская фантастика, обозначают произведения, тесно связанные с философскими тенденциями, эстетическими устремлениями и творчеством модернистской литературы совре-

менного Запада и находящиеся под их непосредственным влиянием. Эти произведения явно опережают свое время: от философских тенденций до художественных форм. В этот сборник вошли такие произведения, как «Сторона столба» Хун Фэна, «Стая коричневых птиц» Гэ Фэя, «Мир как дым» Юй Хуа, «Несколько простых отгадок к загадке» Ши Тишэна, «Пригласить женщину на загадку» Сунь Ганьлуо, «Души, привязанные к пряжке веревки» Засидавы, «Хижины на горе» Цань Сюя, «Смерть» Чэнь Цуна, «Бродячий дух» Ма Юаня, «Воодушевление» Ван Мэна, «Туманный путь к свету» Пи Пи и «Долгий день у Чэнь Шоусуня» Бэй Цуня, - в общей сложности двенадцать авторов и их произведения.

В 1995 году под редакцией критика Ли Туо Гонконгское издательство Саньянь выпустило книгу «Сборник китайской экспериментальной фантастики», в который вошли «Ошибки» Ма Юаня, «Кольцеобразное затмение» Е Шумина, «Магазинчик» Ли Сяо, «Испуг» Линь Чинлана, «Нежный чих» Ван Мэна, «Печали в солнечный день Амей» Цань Сюя, «Ньюсмейкеры на первой полосе» Ча Цзяньина, «Черный ободок» Сю Хуна, «Вдаль на роликах» Су Туна. «История финикового дерева» Е Чжаояна, «Посещение сна» Сунь Ганьлуо, «Потерянная лодка» Гэ Фэя, «Своеобразная реальность» Юй Хуа (13 авторов и их представительных произведений) [7]. В список «авангардных писателей» в трех изборниках вошли Ма Юань, Ю Хуа, Гэ Фэй и Сунь Ганьлуо, а в двух - Хун Фэн, Су Тун, Ип Чаоян, Бэйгун, Засидава и Цань Сюй.

Помимо сборников произведений, был издан ряд важных научных исследований, посвященных углубленному изучению авангардных произведений и авангардных тенденций времени. Одной из наиболее влиятельных работ можно выделить «О тенденциях современной авангардной литературы в Китае», написанной критиком Чжан Цинхуа. В данном труде автор проводит более детальное разделение авангардных рассказов (новаторских рассказов), говорит об условном разделении на три вида направлений новаторских рассказов: первое, изображающее религиозные обычаи Тибета, представленное Ма Юанем и Засидавой; второе, выражающее традиционную народную культуру и сельскохозяйственную природу, представленное Мо Янем; последнее, называемое абсурдистским, представленное Сюй Сином, Лю Сола, Чэнь Енем и т.д. Рассказы новаторские уже весьма близки к понятию «авангардные рассказы», а такие представители, как Ма Юань, Мо Янь и Цань Сюй, являются первой группой писателей, которых принято относить к авангарду [15].

В 2008 г. выходит книга «Лекции по истории современной китайской литературы» под редакцией Чэнь Сихэ, которая подводит итоги авангардному течению в китайской литературе. Издатели подчеркивают, что появление произведений Ма Юаня, Мо Яня и Цань Сюя в середине 1980-х годов представляет собой важное событие в исто-

рии авангардной фантастики и в некотором смысле даже может рассматриваться как настоящее начало авангардной фантастики. Данное начало было реализовано одновременно на трех уровнях: революции повествования, экспериментов с языком и состояния бытия. Чуть позже появились такие писатели-авангардисты, как Гэ Фэй, Сунь Ганьлу, Су Тун, Юй Хуа, Хун Фэн и Бэйгун» [21].

Обсуждение

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что ученые называют две основные причины упадка авангардной литературы: слепое следование Западу и оторванность от социальной реальности. Ли Чжаочун, научный сотрудник Института литературы Китайской академии общественных наук, отмечает: «С точки зрения сегодняшнего дня китайская авангардная литература - это, по сути, подражание западному модернизму, с некоторой долей оригинальности и отражением китайского общества. Сама авангардная литература является лишь импульсом народных настроений и зависит от внешних, а не внутренних сил, что затрудняет ее долговременное существование» [17]. Он добавляет, что авангардная литература - это своего рода псевдомодернизм, не имеющий почвы для выживания. Литературное творчество требует накопления, подобно дереву, растущему из саженца, укоренения в ментальном теле писателя, которое, в свою очередь, имеет глубокую связь с реальностью. У авангардных писателей таких корней не было, и они не могли продолжать писать в течение длительного времени.

Можно сказать, что авангардная литература служила своеобразной моделью, оставляя после себя опыт труда знаковых писателей и предоставляя уроки последующим творцам; к концу 1980-х годов активность авангардной литературы начинает снижаться, возникает новый реализм - документальная и репортажная литература, которая набирает более широкую читательскую аудиторию, поскольку более тесно связана с жизнью. Кроме того, негативное влияние на развитие авангардной литературы оказали изменения требований литературно-

го рынка. Ли Чжаоцзюнь добавил: «С 1990-х годов авангардная литература пошла на спад. Во-первых, после маркетизации издатели больше не хотят публиковать авангардную литературу. Во-вторых, попытки перенять опыт западных модернистов также стали замедляться. В-третьих, глобализация привела к появлению множества новых, появилось много более новаторских произведений». Следовательно, развитие литературы нельзя отделить от двух ее пластов - политических и экономических корней, и литература всегда была тесно связана с реалистичными социальными факторами [18].

Заключение

Таким образом, подъем китайской авангардной литературы в XX веке стал одним из самых благополучных периодов в истории современной китайской литературы. В начале XX века в связи с серьезными изменениями в общественно-политической обстановке в литературе начала прорастать концепция отказа от старого и прихода нового. В десятилетия между созданием нового Китая и Культурной революцией китайская литература превратилась в инструмент на службе политики, и ее развитие застопорилось. С наступлением эпохи реформ и открытости в 1980-е годы, авангардная литература достигла пика своего развития. В 1990-е годы, когда писатели стали задумываться о собственных стилях, авангардная литература пошла на спад. Можно заключить, что развитие авангардной литературы также связано с политическим, экономическим и идеологическим развитием Китая.

Изучение авангардной литературы является актуальной темой и сегодня, а многие бывшие писатели-авангардисты, такие, как Мо Янь и Юй Хуа, еще являются представителями китайской литературы в современном национальном обществе. В связи с этим изучение истории развития китайской авангардной литературы остается важной частью понимания процесса и закономерностей развития китайской литературы, что выступает одним из наиболее перспективных направлений исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Би Фэйюй, Хэ Чжунмин. Диалог о литературных явлениях и творчестве в новую эпоху // Сиху. 2006. № 7.
2. Ван Аньи. Повести и рассказы 1985 года в Китае. М.: Издательство ВАРЛИ, 1986. 444 с.
3. Вэй Лай. Традиция авангардизма и традиционный авангардизм: авангардный характер произведений Лу Сюня // Журнал Ляонинского педагогического колледжа. 2013. № 6. С. 24.
4. Вэй Лай. Традиция авангардизма и традиционный авангардизм: авангардный характер произведений Лу Сюня // Журнал Ляонинского педагогического колледжа. 2013. № 6. С. 25.
5. Ван Юйцин. Диалог между современностью и традицией: блуждания и поиски между традицией и контртрадицией: дис. ... докт. филол. наук. Цилинь. 2022. С. 109.
6. Дин Фань, Ван Шичэн. Семнадцать лет литературы: потеря человека и себя: монография. М.: Издательство Хэнаньского университета, 1999. С. 33.
7. Ли Туо. Сборник китайских экспериментальной фантастики. М.: Гонконгское издательство Саньянь, 1995. 296 с.
8. Ли Цзе. Об онтологическом значении литературных форм // Шанхайская литература. 1987. № 3.

9. Линь Еван. Возвращение авангардизма: ложное предложение // Газета Новый Пекин. 2007.
10. Лу Сюнь, Хуа Гуйцзе. Внезапное размышление о шести // Полное собрание сочинений Лу Сюня. Пекин: Издательство народной литературы, 2005. С. 47.
11. Ма Юань. Поэтический привкус смерти: избранные Ма Юанем. М.: Издательство Хуачэн, 2013. 454 с.
12. Ма Юань. Повесть // Беседа о литературной свободе. 1989. № 1.
13. Цзян Юйцин. «Повествовательная ловушка» Ма Юаня и художественный стиль современных авангардных повестей Китая // Сравнительное литературоведение Китая, 2017. № 4. С. от 59 до 65.
14. Чжан Цзюньбяо. Достижения китайской литературы XX века и их влияние. [Электронный ресурс] URL: <http://www.chinawriter.com.cn/2012/2012-11-30/147912.html> (дата обращения: 04.07.2016)
15. Чжан Цинхуа. О тенденциях современной авангардной литературы в Китае. М.: Издательство Китайского народного университета, 2014. 343с.
16. Чжоу Лэй. 1987: Мо Янь в авангардном литературном поле // Исследования о Мо Яне. 1988. № 5. С.87.
17. Чжоу Хуайчжон. Почему пионерская литература пришла в упадок? Это связано как с обществом, так и с самим собой. [Электронный ресурс] URL: <https://www.zgnfys.com/a/nfwx-51782.shtml> (дата обращения: 17.12.2015)
18. Чжоу Хуэйцзун. Почему Авангардная литература пришла в упадок? Это связано как с обществом, так и с самим собой. [Электронный ресурс] URL: <https://www.chinanews.com.cn/m/cul/2015/12-15/7671208.shtml> (дата обращения: 02.12.2015)
19. Чэн Гуанвэй, Ли Цзяньчжоу. Материалы для исследования пионерской фантастики: монография. М.: Литературное издательство Байхуа, 2018. 388 с.
20. Чэн Дэпэй, У Лян. Сборник новаторских повестей и рассказов. М.: Издательство Шанхайской академии общественных наук, 1986. 655 с.
21. Чэнь Сихэ. Курс обучения истории современной китайской литературы. М.: Издательство Фуданьского университета, 2008. 445 с.
22. Чэнь Сяомин. Безграничные вызовы: постмодернизм китайской авангардной литературы. М.: Литературное издательство Таймс, 1993. С.13.
23. Чэнь Сяомин. Коллекция избранных авангардных повестей и рассказов. М.: Народное издательство Ганьсу, 1993. С. 1.
24. Шан Гуаньюн. Информационное агентство Китая. 30-летие «Авангардной литературы»: возникновение основано на внутренних требованиях литературных изменений. [Электронный ресурс] URL: <https://www.chinanews.com.cn/m/cul/2015/12-02/7651369.shtml> (дата обращения: 02.12.2023)
25. Шан Гуаньюн. Информационное агентство Китая. 30-летие «Авангардной литературы»: возникновение основано на внутренних требованиях литературных изменений. [Электронный ресурс] URL: <https://www.chinanews.com.cn/m/cul/2015/12-02/7651369.shtml> (дата обращения: 02.12.2023)
26. Шэн Цзычао. Избранные новые экспериментальные повести и рассказы. М.: Чжэцзянское литературное издательство, 1993. 306 с.
27. Шэнь Яньбин. Читая К оружие // Газета Новые актуальные события: Сюй Дэн. 1923.

© Бородина Мария Анатольевна (BorodinaMA@rgsu.net), Ван Сяолин (1042215284@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАГЕДИЙНОЕ НАЧАЛО ПРОЗЫ А.П. ЧЕХОВА: ОТ СИТУАЦИИ ОТЧАЯНИЯ К ФАТАЛИЗМУ БЫТИЯ

Ван Лэвэнь

Хэйлуңцзянский университет

wlwxhwjk@163.com

THE TRAGIC BEGINNING OF PROSE BY A.P. CHEKHOV'S: FROM A SITUATION OF DESPAIR TO FATALISM OF EXISTENCE

Wang Lewen

Summary: The subject of this work is the short prose of A.P. Chekhov. The article presents an analysis of the stories "Trouble", "Palata No. 6" and "Rothschild's Violin" from the standpoint of concretizing the tragic principle in them, which was undoubtedly felt in society and was imprinted in the literary formations of the late 19th century. Texts by A.P. Chekhov's works are often compared in criticism with experimental prose. However, it was important for the writer not only to overcome the classical principles of realism, but also to identify a new poetics, a new methodological approach to recreating the realities of existence. The research methodology is correlated with a number of current forms of literary text analysis, and an empirical approach is not excluded. The purpose of the work is a textual analysis of small prose forms by A.P. Chekhov with details of the tragic worldview. The work has a practical vector of refraction; the material can be productively used in further analysis of Chekhov's stories.

Keywords: Anton Chekhov, Russian literature, short prose, realism, story, narration, poetics of the text, style.

Русская литература второй половины XIX века активно манифестировала неизбежный крах спокойствия в мировом социальном пространстве, и это было вполне закономерно, циклически оправдано. Трагедия жизни изображалась И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым, Н.С. Лесковым, Ф.М. Достоевским, В.М. Гаршиным, И.А. Бунинным, А.П. Чеховым. Именно Антон Чехов в данном ряду наиболее взвешенно и концептуально, на наш взгляд отобразил сложную ломку мира, тяготение последнего к ярко выраженной деформации. Думается, что менялось в пространстве [1] реальной действительности не столько внешняя атрибутика бытия, вещный мир, сколько человек, личность, который находился на грани отчаяния, безумия, фаталистического дисбаланса.

В рамках сопоставительного плана, на наш взгляд, целесообразно посмотреть, как меняется мировоззренческий комплекс героев А.П. Чехов с ранней прозы до достаточно зрелых текстов. Основными рассказами целесообразно выбрать такие рассказы как «Беда» («Авдеев») (1887) [2], «Палата № 6» (1892) [3] и «Скрипка Ротшильда» (1894) [4]. Именно они, на наш взгляд, явно демонстрируют нарастание трагедийной ситу-

Аннотация: Предметом исследования данной работы является малая проза А.П. Чехова. В статье представлен разбор рассказов «Беда», «Палата № 6» и «Скрипка Ротшильда» с позиций конкретизации в них трагедийного начала, которое, несомненно, ощущалось в обществе, и было запечатлено в литературных формациях конца XIX века. Тексты А.П. Чехова часто в критике соотносятся с экспериментальной прозой. Однако для писателя было важным не только преодолеть классические принципы реализма, но и обозначить новую поэтику, новый методологический подход при воссоздании реалий бытия. Методология исследования соотносится с рядом актуальных форм анализа художественного текста, не исключается при этом и эмпирический подход. Цель работы – текстологический разбор малых прозаических форм А.П. Чехова с детализацией трагического мироощущения. Работа имеет практический вектор преломления, материал продуктивно использовать при дальнейшем анализе рассказов А.П. Чехова.

Ключевые слова: Антон Чехов, русская литература, малая проза, реализм, рассказ, нарратив, поэтика текста, стиль.

ации, которая конструктивно была манифестирована и в драматургии А.П. Чехова, в частности пьесах «Чайка», «Вишневый сад».

Прозаическая нарративная у А.П. Чехова достаточно подробно исследована [5; 6; 7; 11; 12] в массе критических изысканий. Причем интерес к этой теме не угасает и по сей день. Рассказы А.П. Чехова сопоставляют с новейшей русской литературой, с текстами европейских авторов, прозаиками Востока. Достаточно часто в поле зрения исследователей [8; 9; 10] попадает рассказ «Палата № 6» как текст маркирующий нарастание трагедийного начала жизни, проступающие безумие. Ведь не случайно местом действия становится больница, ибо вариант исцеления / улучшения положений автором не исключается. В меньшем объеме рассматриваются рассказы «Беда» («Авдеев») и «Скрипка Ротшильда». Хотя и о них оговаривается в рамках общей критической оценки поэтики А.П. Чехова.

Рассказы А.П. Чехова – явление мирового масштаба. Универсален в данном случае язык, психологический настрой, характеры, отчасти и обстоятельства. Темы

и идейная нагрузка текстов все же сопоставимы с реалиями российского пространства, автор сбивает событийный ряд текстов с ломкой этических и социальных крайностей конца XIX – начала XX века. Герои буквально вступают в конфликт со временем, с эпохой, с действительностью. И все же, на наш взгляд, именно рассказы Чехова сохраняют правильный мировоззренческий комплекс человека, который ни в коем случае нельзя потерять при любых изменениях жизни. Такие концепты как «ЛЮБОВЬ», «МИР», «СВОБОДА», «ПАМЯТЬ», «ЧЕСТЬ», «СОВЕСТЬ», «РАЗУМ», «ЧЕЛОВЕК», «ЖИЗНЬ», «ПРАВДА» открыто манифестированы в прозе А.П. Чехова. Заметим, что авторы последующих поколений эти номинации с подачи классика активно включают в свой текстовый ряд. Диалог с Чеховым продолжается, как и сама жизнь.

Сюжеты рассказов «Беда» (1887), «Палата № 6» (1892) и «Скрипка Ротшильда» (1894) Антона Павловича Чехова не так сложны. Основная генерация смысла происходит за счёт компоновки базовых уровней художественного целого. Нелинейный характер рассказов также является маркировкой языка, индивидуального стиля А.П. Чехова. Для писателя было важным достичь некоего эффекта внезапности, причем это проявляется как на уровне разрешения конфликта, так и финала произведения. За кажущейся простотой событий, скрывается неуловимость и правдивость чеховской формулы оценки миропорядка. Трагическая составляющая, так характерная для указанных текстов, со стороны читателя обостряется еще и неким жизненным опытом. Думается, что реалии конца XIX века близки и времени сегодняшнему, со своим особым драматизмом.

Рассказ «Беда» был впервые опубликован в «Петербургской газете». Автор обозначил его подписью Антоша Чехонте, для А.П. Чехова было характерно использовать не собственное имя, а псевдоним. На наш взгляд, особая игровая составляющая проявляется в этом. Текст начинается с экспозиционного блока, где уже заложена магистраль фиксации непростой жизненной ситуации: «Директора городского банка Петра Семеныча, бухгалтера, его помощника и двух членов отправили ночью в тюрьму. На другой день после переполюха купец Авдеев, член ревизионной комиссии банка, сидел с приятелями у себя в лавке и говорил: – Так, значит, богу угодно. От судьбы не уйдешь. Сейчас вот мы икрой закусуваем, а завтра, гляди, – тюрьма, сума, а то и смерть. Всякое бывает. Теперь взять к примеру хоть Петра Семеныча...» [2, с. 400].

Определенный социальный резонанс заложен в основе этого рассказа. Для главного героя – Ивана Авдеева – случай, который с ним произошёл, является феноменальным. Купец Авдеев член ревизионной комиссии банка, считающий себя честным человеком, да и в оценке других людей выглядящий таким же совершает неправомерные действия – он является гарантом. Будучи

членом наблюдательного комитета, Авдеев дает добро на деятельность банка, но банк, управлением которого занимается Петр Семеныч, совершает мошеннические действия, а далее и банкротится.

Иван Авдеев плохо понимает ситуацию, он в крайней степени замешательства. Как часто бывает в рассказах А.П. Чехова, катастрофическое мгновение доводит весь ход событий до крайности. Подпись Авдеева становится крайней точкой в ходе судебного разбирательства. Его резолюцией суда признают виновным.

Основная суть этого рассказа заключается в том, что герой не может предугадать определённый выход из сложившейся ситуации. Герой наделен определенными положительными качествами, которые, так или иначе, оставляют его человеком, но окружающие, мир вокруг, пространство, которое рядом, для него враждебно. Думается, что его вводят в заблуждение сознательно, явно и открыто подставляют, в ходе чего вся последующая жизнь Ивана Авдеева рушится. Финальные строчки текста гласят: «Через пять дней всех обвиняемых опять повели в суд для выслушивания приговора. Авдеев узнал, что его приговорили к ссылке на житье в Тобольскую губернию. И это не испугало его и не удивило. Ему почему-то казалось, что суд еще не кончился, что проволочка всё еще тянется и что настоящего «решения» еще не было... Жил он в тюрьме и каждый день ждал этого решения» [2, с. 405].

Ситуация отчаяния, которую изображает А.П. Чехов в рассказе «Беда» характерная и свойственна концу XIX века. Герои Н. Лескова, В. Гаршина, В. Короленко, позднего Льва Толстого, так или иначе, попадают примерно в схожие обстоятельства. Наличная жизнь меняется не в лучшую сторону, определенные приоритеты, которые были десятилетиями, даже веками выработаны в обществе, претерпевают некий крах, крушение. Смысл жизни для героев рассказа «Беда» в прямом смысле потерян. А.П. Чехов манифестирует, что насколько тонко организована жизнь, настолько грубо обстоятельства могут ее поломать. Трагедийный характер данного текста очевиден, главное для читателя сделать правильный из этого вывод.

Следующий рассказ, который также привлекает внимание в разрядке текстов, фиксирующих изменение миропорядка – это «Палата №6». «Палата № 6» – это рубежный рассказ в творчестве А.П. Чехова. Смысл этого произведения заключается в том, что в некой унифицированной модели писателем показана жизнь общества, движение человека по сложной и явно не прямой линии жизни.

Основными героями этого текста являются – Андрей Рагин, Евгений Хоботов, Сергей Сергеич, Никита, Иван Громов, Моисейка. Сюжет этого текста также как и других рассказов А.П. Чехова буквально соотносится с реальной действительностью. Каких-либо серьезных

разночтений и противоречий нет. И жизнь, и герои, и обстоятельства – все настоящее, не выдуманное. Время и пространство рассказа «Палата №6», на наш взгляд, пограничны. Причем это касается и ситуации вековечного плана, и событий как бы настоящего и для автора, и для читателей. Стоит заметить, что внешне пространство, которое описано в этом рассказе соотносится с больницей, больничным флигелем.

Территория больницы, показанная А.П. Чеховым, находится в ужасном состоянии. Это бедность, разруха, нищета, некий метафизический крах. При этом главный врач больницы относится к этому равнодушно, хотя определенные силы и потенциал у Рагина есть. Он умный, честный человек, но у него нет воли изменить жизнь к лучшему. Да, он в начале работает усердно, старается, пытается вникнуть в обстоятельства, понять условия, но Рагин приходит к выводу, что все это бессмысленно. Его труд практически никому не нужен, он выпадает из формата заинтересованного к жизни человека.

Смысл рассказа «Палата № 6» А.П. Чехова сводится к прямому противопоставлению героев – это Иван Громов и Андрей Разин. Громов считается за сумасшедшего человека, он и оказался здесь для лечения. На самом деле безумие отсутствуют в этом персонаже, он не сумасшедший, это т.н. маска. Его жизненная позиция соотносится с классическими и базовыми этическими установками. Он считает, что презирать страдания нельзя, и это, на наш взгляд, главный тезис этого рассказа. Герой резко отличается от других, на фоне психиатрической лечебницы и его безумие становится объективным. Читателя пугает мысль, что избежать этого уже не получится, он так и останется в рамках этого ужасного не-бытия.

Иван Громов жаждет свободы, но какая она для него – не совсем понятно. Палата № 6 для Громова ассоциативно сопоставима с тюрьмой, в которой, безусловно, трудно мыслить, трудно жить, тяжело находиться. В подобных условиях не просто находить и приобретать свободу. Ситуация данного рассказа вновь, как и в рассказе «Беда» непростая. А.П. Чехов обращает внимание читателей на человека, который полностью и фактически зациклен, закрыт, спрятан от людей. Поэтому и учимся в рамках этого текста чувствовать, страдать, преодолевать трудности жизни, фаталистические исходы бытия. На наш взгляд, наиболее важные качества человека прорисованы в «Палате № 6» А.П. Чеховым конструктивно и концептуально. Рассказ позволяет не только представить себе картинку не-бытия, но и взрастить сложный кодекс норм, важных для осуществления маршрута жизни.

Доктор Рагин является представителями иной философии. Однако, как и пациенты палаты № 6, он также соучастник этого некоего масштабного безумия, которое творится вокруг. Характер этого героя мягкий, нежный,

порой слишком, поэтому он живет неправильной жизнью, неправильно оценивает ситуацию, положение. И это не сказать А.П. Чехов не может, для него это наиболее важно и ценно. Заблуждения заглавного героя могут быть растиражированы и на общество в целом, и на мир, который также находится на границе полярных изменений. Страшно, что Рагин нивелирует чужие страдания, для него все это сверх безразлично, он безразличен и к пошлости жизни, и, может быть, к самому себе.

Герой осознает неправильность всего хода событий, но изменить в корне, исключить подобный сегмент у него не получается. Для героя это, несомненно, крах, крах это и для других персонажей. Если врач не способен помочь своим пациентам, не может оказать должную поддержку, то больше никто другой этого не сделает. Позиция А.П. Чехова в данном случае вполне объективна и строга, он не выступает моралистом крушения неизбежности, он лишь напоминает читателю – каким должен оставаться человек, каким он должен быть, какие ценности он должен передавать последующим поколениям. Немаловажен для рассказа «Палата № 6» мотив раскаяния, раскаяния о содеянном, забытом. В драматургии А.П. Чехова подобные вариации пунктирны: это наблюдаем и в «Иванове», и в «Трех сестрах», и, конечно же, в «Вишневом саде». Для писателя было важно запечатлеть изменения жизни, которые были сложны и противоречивы. А.П. Чехов полностью представил картинку бытийной организации, собственно, этим он и запоминается читателю наших дней.

Финал рассказа «Плата № 6» максимально усугубляет драму жизнь основной герой – заглавная фигура – вынужден оказаться в заключении. Он находится в палате, больничном центре, но он понимает, что его жизнь уже больше никогда не будет интересной, красивой, трогательной. Ретроспекцию забвения воссоздает и сам автор: «Да и к чему мешать людям умирать, если смерть есть нормальный и законный конец каждого? Что из того, если какой-нибудь торгаш или чиновник проживет лишних пять, десять лет? Если же видеть цель медицины в том, что лекарства облегчают страдания, то невольно напрашивается вопрос: зачем их облегчать? Во-первых, говорят, что страдания ведут человека к совершенству, и, во-вторых, если человечество в самом деле научится облегчать свои страдания пилюлями и каплями, то оно совершенно забросит религию и философию, в которых до сих пор находило не только защиту от всяких бед, но даже счастье...» [3, с. 126]. Отметим, мир для героев закрыт, именно это ввергает Рагина в некое состояние безумия и безразличия. Он явно не может освободиться от всего, что явственно его угнетало и выводило из некоей зоны комфорта. В конце рассказа буквально умирает все: надежда, вера, некая радость, как таковая жизнь. Итогом всему становится новый поворот, новое изменение, или новая цель. Для героев «Палата № 6» уже больше не бу-

дет краткой или близкой цели, не будет и нового витка истории, все зациклено и зафиксировано. А.П. Чехов смог фактом представить это, показать в режиме художественной активности. Новая жизнь для героев просто бессмысленна, ибо они не смогли прожить ту, которая была им дана. А.П. Чехов не может запечатлеть предел новой жизни, воссоздать и дать оценку происходящему где-то рядом, он лишь намекает на это. Вариация оценки [13; 14] вновь падает на читателя, именно он должен сделать это полновесно.

Итогом можно обозначить, что рассказ «Палата № 6» является текстом, не только регламентирующим смену временных пластов, но и произведением, фиксирующим данность бытия. Не случайны, на наш взгляд, понятия, вводимые в текст, такие как «совесть», «жизненная правда», «горечь утраты», «свобода». Сам А.П. Чехов не раз ориентировал на то, чтобы именно эти рубежи были достигнуты.

Фаталистический характер оценки бытия, как вариант жизни, следует также усматривать в рассказе «Скрипка Ротшильда». Этот текст многогранно рассматривался в критике, подвергался сложной, параметрической оценке, но до сих пор остается камнем преткновения в литературоведческой рецепции. Позиция А.П. Чехова в данном рассказе неоднозначна. Автор балансирует на грани претворения буквального и ирреального. Этот текст относится к периоду взрослой оценки жизни. Для автора бытописание является уже не столь значимым явлением, все больше он уходит в символическое, сложное начало, которое граничит с фатализмом, крайностью, порогом предугадываемой тайны.

Сюжетная канва рассказа «Скрипка Ротшильда» разворачивается в небольшом городе. Главный герой текста – Яков Иванов, местные называют его «Бронза». Музыкальный фон для рассказа не случаен, Яков играет на скрипке, собственно этот доход приносит прибыль, отчасти и удовольствие. Оценка героя дана А.П. Чеховым в тонах алчности, жесткосердечности; но герой совмещает в формате звуков и вполне человеческую сторону. В рассказе нет так называемого гуманистического пафоса, нет и формальной трагедии. Однако, это ощущается эмпирически, читатель вольной формой осознает, что трагедия неминуема. По ходу сюжета жена Якова – Марфа – скончалась, однако связь с ней не исчезает, она продолжается в исходе наррации. Их сводит в единый контаминационный предел дочь, которая тоже умерла. Звено событий зациклено, обращено к точке явного невозвращения. Жизнь для Якова уже не имеет смысла, практически и до этого она была только мучение, это и действия, и невнимательность, и попустительство. Не было в жизни героя пользы, не было цели, не было и грамотного ориентира, который мог бы жизнь собрать в единый сложный правильный поток. Бытие героя сво-

дилось к глупой банальности, к формальному пребыванию условно «здесь» и «сейчас». Потеря всех близких сводит Якова в угнетаемый мир неустройства, он явно неспокоен, при этом найти благодать так и не получается. Позиция автора в этом режиме альтернативна, не стоит забывать, что А.П. Чехов реалист, моделирующий жизнь в пределах разных, многомерных. Для писателя постичь тайну бытия задача непомерно важная, сложная, но интровертная. Не случайно в финале рассказа читателем: «И теперь в городе все спрашивают: откуда у Ротшильда такая хорошая скрипка? Купил он ее или украл, или, быть может, она попала к нему в заклад? Он давно уже оставил флейту и играет теперь только на скрипке. Из-под смычка у него льются такие же жалобные звуки, как в прежнее время из флейты, но когда он старается повторить то, что играл Яков, сидя на пороге, то у него выходит нечто такое унылое и скорбное, что слушатели плачут, и сам он под конец закатывает глаза и говорит: «Ваххх!..» И эта новая песня так понравилась в городе, что Ротшильда приглашают к себе наперерыв купцы и чиновники и заставляют играть ее по десяти раз» [4, с. 305]. Трагическое начало рассказа вновь так или иначе манифестировано. Собственно финал являет собой этот сложный передел оценки.

Философия поступков героев рассказа «Скрипка Ротшильда» [15; 16] находится в рамках безукоризненного происшествия. При этом изменяется вся основная палитра жизненных красок. Замещение в этом тексте становится очевидной приметой времени, автор констатирует, что буквальный слом жизненных устоев уже даже нравится многим. «Скрипка Ротшильда» это своего рода верификация новой модели жизни, причем главный герой – Яков Иванов – также становится заложником обстоятельств, именно он проживает и принимает фаталистичность бытия как некую данность [17] реального мира.

Таким образом, можно сделать вывод, что малый формат текстов А.П. Чехова был продуктивно разработан автором. Для писателя было важным не только изобразить изменения мира, что вполне очевидно, но и показать катастрофу падения человека. Грань изменений у А.П. Чехова ювелирно прописана, здесь работает и язык, и стиль автора, и композиция, и сюжет. Обстоятельства жизни – внешний и внутренний круг – меняют весь спектр бытия. Трагедия балансирует на грани отчаяния и фатального исхода. Видим это и в рассказе «Беда», и в «Палате № 6», и, конечно же, в «Скрипке Ротшильда». Стоит отметить, что указанный тематический вектор получает свое действенное разрешение в драматургии А.П. Чехова. Имя классика все чаще встречается в дискуссиях [18; 19], связанных с особой, достаточно сложной оценкой исторических реалий, и это не случайно. Художественный опыт А.П. Чехова, безусловно, актуален

и самодостаточен. Индивидуальный взгляд на мир [20; 21] тиражируется в литературе нового времени, диалог имеет силу, что так важно. Сохраняя преемственность с наследием А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова, Н.М. Карамзина, А.Н. Островского А.П. Чехов преумножил акцент на главном вопросе литературы. Для худо-

жественной словесности предельно кратный срез, несомненно, ориентирован на человека, который находится в состоянии движения. Живая жизнь, воссозданная в литературном [22] тексте, это не только фиксация памяти, но и параметрический анализ действий, поступков, явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Чехов А.П. Беда // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Т. 6. [Рассказы], 1887. – М.: Наука, 1976. – С. 400-405.
3. Чехов А.П. Палата № 6 // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Т. 8. [Рассказы. Повести], 1892-1894. – М.: Наука, 1977. – С. 72-126.
4. Чехов А.П. Скрипка Ротшильда // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Т. 8. [Рассказы. Повести], 1892-1894. – М.: Наука, 1977. – С. 297-305.
5. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова / И.Н. Сухих. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 187 с.
6. Редькин В.А. Ирреализм в рассказах А.П. Чехова середины 1880-х гг / В.А. Редькин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2021. – № 1(68). – С. 62-73. – DOI 10.26456/vtfilol/2021.1.062.
7. Сунь С. Рассказы А.П. Чехова 1885-1890 годов: особенности финалов / С. Сунь, О.Г. Лазареску // Новый филологический вестник. – 2021. – № 4(59). – С. 135-143. – DOI 10.54770/20729316_2021_4_135.
8. Турбина О.А. Когнитивно-семиотический анализ портретов персонажей повести А.П. Чехова «Палата № 6» / О.А. Турбина, В.В. Ремпович // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 21-28. – DOI 10.14529/ling220403.
9. Дин И. Образы врачей в пьесе А.П. Чехова «Иванов» и рассказе «Палата № 6» / И. Дин // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 6(91). – С. 478-481. – DOI 10.24412/1991-5497-2021-691-478-481.
10. Чжан И. Сопоставительный анализ «Палаты № 6» А.П. Чехова и «Дневника сумасшедшего» Лу Синя / И. Чжан // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 1-2. – С. 163-165. – DOI 10.37882/2223-2982.2023.1-2.30.
11. Чудаков А.П. Поэтика Чехова / А.П. Чудаков. – М.: Издательство «Наука», 1971. – 293 с.
12. Цяо Я. Об искусстве иронии в рассказах А.П. Чехова / Я. Цяо // Lingua-Universum. – 2023. – № 1. – С. 42-46.
13. Молнар А. «Сумасшедшее» рассказывание (Ф.М. Достоевский, В.М. Гаршин, А.П. Чехов) / А. Молнар // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 100-112. – DOI 10.18522/1995-0640-2023-2-100-112.
14. Данилина Е.В. Мотивы тоски и смерти в чеховской прозе конца 1880-х - начала 1890-х гг. / Е. В. Данилина // Филологические этюды. – 2023. – № 26. – С. 31-37.
15. Семенова Н.В. Повествовательные техники в рассказе А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» / Н.В. Семенова // Новый филологический вестник. – 2022. – № 3(62). – С. 87-95. – DOI 10.54770/20729316-2022-3-87.
16. Курилкина Д.А. Анализ художественного времени и пространства как один из способов интерпретации рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» / Д.А. Курилкина // Incipio. – 2022. – № 17. – С. 9-13.
17. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках / А.П. Скафтымов. – М.: Художественная литература, 1972. – 543 с.
18. Щукина Ж.В. Проблема повествователя в нарративе безумия и безумном нарративе / Ж.В. Щукина // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. – 2023. – № 3-2. – С. 150-159. – DOI 10.28995/2686-7249-2023-3-150-159.
19. Живолупова Н.В. Достоевский и Чехов: аспекты архитектоники и поэтики / Н.В. Живолупова. – Н. Новгород: Издательство «Дятловы горы», 2017. – 268 с.
20. Мысливченко А.Г. К вопросу о мировоззрении А.П. Чехова / А.Г. Мысливченко // Вопросы философии. – 2012. – № 6. – С. 95-105.
21. Вокруг Чехова / Сост., вступ. ст. и примеч. Е.М. Сахаровой. – М.: Правда, 1990. – 656 с.
22. Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии: Сб. ст. / Б.М. Эйхенбаум [Вступ. ст. Г. Бялого]. – Л.: Художественная литература, 1986. – 453 с.

© Ван Лэвэнь (wlvxhwjk@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЦЕННОСТИ «МИР»: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

PSYCHOLINGUISTIC APPROACH TO STUDYING "PEACE" VALUE: GENERATION ASPECT

**D. Vygovskaia
O. Chirkova**

Summary: The article examines the specifics of the "peace" value perception both at the level of public and everyday consciousness of Russians. Using free associative experiment results authors reveal the semantic content of the "peace" value and analyze the similarities and differences in the younger and older generations' perception of this value. The data obtained make it possible to determine the place of this value in the axiological sphere of the society.

Keywords: values, value system, generation, basic "peace" value, free associative experiment.

Выговская Дарья Геннадьевна

Кандидат филологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), (г. Челябинск)
vygovskaiadg@susu.ru

Чиркова Ольга Ивановна

Старший преподаватель, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), (г. Челябинск)
chirkovaoi@susu.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается специфика восприятия ценности «мир» как на уровне общественного, так и бытового сознания россиян. На примере результатов свободного ассоциативного эксперимента раскрывается семантическое наполнение ценности «мир», анализируются сходства и различия в восприятии данной ценности представителями молодого и старшего поколений. Полученные данные позволяют определить место данной ценности в аксиологической сфере общества.

Ключевые слова: ценности, система ценностей, поколение, базовая ценность «мир», свободный ассоциативный эксперимент.

Мир – это широкое понятие, которое может означать физическое пространство, в котором мы живем, может означать социальный мир, то есть всех людей и их взаимоотношения друг с другом. Кроме того, данное понятие связано с духовным миром, то есть с нашими мыслями, чувствами и эмоциями. Для нас представляет интерес трактование мира как ценности, а именно идея о том, что все люди должны жить в согласии и гармонии друг с другом, уважать других, а также их права и свободы. В этом контексте речь также про уважение к окружающей среде и заботу о будущих поколениях; про стремление к тому, чтобы не было войн, конфликтов и насилия между людьми; про решение любых проблем мирным путем.

В современном мире вопросы конфронтации и умения прийти к консенсусу, отстаивая свои интересы или интересы государства, играют исключительно важную роль: мир переживает ценностную трансформацию, протекающую в условиях унификации, цифровизации, глобализации. На формирование и переосмысление традиционных ценностей также влияет бурное развитие интернет-технологий, запустившие процесс формирования новой реальности (ярким примером здесь может служить виртуальная экономика).

Меняющаяся реальность требует, с одной стороны, новых условий, с другой – одновременно формирует их. Изменения коснулись и традиционных ценностей – основы культуры и национальной самобытности. Техно-

кратия стала тем золотым ключиком, который открыл весь мир всему миру: сегодня можно получить профессию не выходя из дома или управлять бизнесом и зарабатывать деньги, отдыхая на берегу моря. Однако, стирание границ способствует потере национальной самоидентификации, обезличиванию нации, потере культурных истоков, традиций, самосознания. Мир становится совершенно другим, неузнаваемым и чужим.

Кроме того, в таких условиях наиболее остро встает вопрос разрыва поколений или конфликта поколений. Конфликт поколений – это социальный феномен, возникающий из-за различий в ценностях, убеждениях и поведении между людьми разных возрастных групп. Обычно этот термин используется для описания разногласий между молодежью и старшим поколением, но может также включать и другие возрастные группы. При конфликте поколений молодые люди могут переставать отождествлять себя со своими отцами и дедами, полностью отвергая их опыт и авторитет. В такой ситуации дети и родители могут воспринимать друг друга как представителей абсолютно другой культуры и мировоззрения. В прошлом, когда общество развивалось значительно медленнее, проблема конфликта поколений не была настолько ощутимой. Дети учились всему у родителей, перенимая их мировоззрение, слова старших не подвергались сомнению, а воспринимались как истина. Сейчас, когда мир меняется каждый день, и идет непрерывное внедрение инноваций, ближайшее прошлое представляется уже слишком устаревшим. Изменение

социальных условий; несовпадение жизненных приоритетов; изменение условий труда в результате научно-технического прогресса и снижение значимости опыта, т.к. появилось большое количество возможностей получения информации, – все это способствует возникновению социокультурной дистанции между представителями старшего и младшего поколения и причиной конфликта поколений. Конфликт поколений может проявляться в различных формах, таких как разные взгляды на образование, карьеру, семью, культуру, политику и социальные нормы. Он может привести к напряжению и конфликтам внутри семьи, общества и даже конфликтам на международном уровне.

В текущих реалиях особую актуальность представляют исследования системы ценностей современного общества, которые могут включать как анализ иерархии ценностных ориентаций, так и изучение различных трансформаций, включая изменения в содержании ценностей. В целом говоря о ценностях, важно подчеркнуть, что ценности – сложное, многокомпонентное понятие, в котором нашли своё отражение такие составляющие, как социальная, философская, культурная, психологическая. Наиболее глубоко изучением явления ценностей занимается психология, рассматривая их как «личностные смыслы» (А.Н. Леонтьев), «отношения личности» (В.И. Мясисев), «ценностные ориентации», «ценностные представления», «ценностные стереотипы» (Д.А. Леонтьев). Сегодня наиболее широко используется термин «ценности».

Традиционные ценности – это, в свою очередь, тот якорь, который позволяет национальному культурному кораблю оставаться на плаву. Система ценностей складывается под влиянием многих факторов (политическая формация, идеология, экономическая политика, проводимая государством) и всегда остается центром этнической культуры, наделяя культуру особенными чертами. При этом центральная зона культуры, по мнению С.В. Лурье, остается неизменной [Лурье 2004: 285-290].

В психолингвистике понятие «ценности» трактуется по-разному. Вслед за Тарасовым Е.Ф., под ценностями мы понимаем «вырабатываемые обществом ограничения, накладываемые на активность членов социума. Любые совместные действия людей, осуществляемые в рамках социальных отношений, соотносятся с категорией должного (курсив Е.Ф. Тарасова) и, следовательно, получают оценку» [Тарасов 2012: 10]. Как любая система, ценности под влиянием внешних факторов претерпевают изменения, оставаясь «мировоззренческими универсалиями» [Тарасов 2012: 10]. Все события, процессы, потрясения, происходящие в мировом сообществе и российской действительности, напрямую отражаются в сознании людей. Именно с помощью языка, как, пожалуй, единственной объективной знаковой системой, человек

осознаёт действительность, описывает смыслы явлений, предметов, идей.

В настоящее время особенно актуальным стало изучение семантической наполняемости ценностей, что объясняется совокупностью причин: во-первых, воздействие внешних факторов, особенно факторов, несущих угрозу и заставляющих обратить внимание на то, что составляет основы жизни нации; во-вторых, сохранение национальной безопасности и, в-третьих, проблема национально-культурного наследия. Осознание культурной идентичности возможно через самопознание, «это долг, хорошо сформулированный двумя афоризмами "познай самого себя" и "будь самим собой"» [Уфимцева 1996: 143].

Рассматривая мир как ценность, интересно уточнить само понятие «мир», и проанализировать трактовки, зафиксированные в различных словарях. В философии «мир» рассматривается с экзистенциалистских позиций как то, что «образует «мировость» существования, т.е. бытие человека в мире» [Краткая философская энциклопедия, с. 269]. В этом смысле «под миром понимают: 1) все сущее, которое может находиться в мире; 2) бытие этого сущего, могущего выступать в определенных группировках...; 3) то, в чем совершенствуется человеческое существование...; 4) «мировость», существующая одновременно в себе (априори) и как модус различных миров»...» [Краткая философская энциклопедия, с. 270].

В политическом словаре «мир» имеет два значения: 1) международный: отношения между народами и государствами, основывающиеся на проведении внешней политики ненасильственными средствами; отсутствие организованной вооруженной борьбы между государствами; 2) название крестьянской общины в России 13-нач. 20 вв. [Политическая наука: словарь-справочник, с. 423].

Интересной представляется статья в Библейском Словаре к русской канонической Библии – это справочный словарь, представляющий собой дополненное и расширенное издание библейского словаря, составленного В.П. Вихлянцевым. Словарь является одним из самых полных на сегодняшний день словарей, посвященных русской канонической Библии: «мир – а) покой, гармония, благополучие; и б) общество людей, характер этого общества...». В словарной статье также отмечается, что «раньше в русском языке было два слова мир. Одно писалось через «и с точкой» и означало: вселенная, общество, все человеческое. Другое писалось как современное и означало только покой, гармонию. Мало известен тот факт, что в заголовке главного романа Л.Н. Толстого «Война и мир» вначале стояло по замыслу автора слово «мир», написанное через «и с точкой», и заголовок означал «Война и общество» (что мы и видим описан-

ным в романе), но затем оно почему-то было заменено на «мир» в другом смысле (покой)» [Новый библейский словарь, с. 205].

Толковый словарь Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. определяет понятие «мир» как многозначное слово. Для нашего исследования важным является как определение, схожее с философской трактовкой, а именно «мир – это совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, Вселенная; земной шар, Земля, а также люди, население земного шара», так и второе значение «мир – согласие, отсутствие вражды, ссоры, войны; спокойствие, тишина». [Ожегов 1996: 350].

Анализируя отражение традиционных ценностей в языковом сознании носителей русской культуры, важным представляется обратиться к понятию «русский мир». Концепция «русский мир» (мы будем придерживаться её современного толкования) рассматривается философами (Щедровицкий И.П., Даренский В.Ю., Гусейнов А.), политологами (Батанова О.Н., Никонов В.А.), историками (Громыко А.А., Пивовар Е.И., Тишков В.А.). Базовыми составляющими исследователи называют территорию, язык и культуру (некоторые ученые выделяют также РПЦ, например, политолог Никонов В.А.). Нам наиболее близка точка зрения историка Громыко А.А.: в концепции «русский мир» учёный делает акцент на слове «мир», определяя его как людскую общность, основами которой являются четыре принципа: «территориально-временной (хронотопический), культурный (в значении «великой культуры»), онтологический (смысловой) и аксиологический (ценностный)» [Громыко А.А.]. С точки зрения Громыко А.А., ценности – это сугубо практическая вещь, поэтому в рамках концепции «русский мир» можно выделить такие группы ценностей, как функциональные, поведенческие, политические, духовные и мировоззренческие. Но для самого автора мир неразрывно связан с справедливостью, духовностью и солидарностью. Данная точка зрения и толкование мира является яркой иллюстрацией мира как «общества людей, характера этого общества» [Вихлянцев В.П.].

В рамках данной работы предпринимается попытка раскрыть семантическое наполнение слова-стимула «мир», а также выявить возможные различия в восприятии данной ценности представителями молодого и старшего поколения. Границей для исследуемых поколений стал распад Советского Союза и становление новой политико-экономической формации, поворотное историческое событие, без сомнений, оставшееся центральным в памяти старшего поколения [Семенова].

Наиболее оптимальным подходом в изучении семантической наполняемости ценностей, с нашей точки зрения, является психолингвистический подход, позволяющий использовать различные методы (в том числе из

других наук) и разнообразные способы описания результатов. Основные методы, с помощью которых можно выявить семантическую составляющую слов-ценностей, – это метод семантического дифференциала, метод свободных дефиниций, свободный ассоциативный эксперимент.

В качестве основного метода нами был выбран свободный ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент – это метод исследования, в котором испытуемому предлагается ответить на предложенное слово-стимулов первой, пришедшей в голову реакцией (словом, словосочетанием, символом). Затем результаты обрабатываются и анализируются, чтобы получить информацию о связях между словами в сознании испытуемого. Среди полученных реакций выделяют ядро – наиболее частотные реакции и периферию – менее частотные слова. Данный метод может использоваться для изучения различных аспектов языка, мышления и памяти, а также для оценки состояния сознания и мышления в целом.

В результате проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента, в котором принимали участие респонденты в возрасте от 18 до 75 лет (граждане РФ), нам удалось выделить ядерные и периферийные реакции на исследуемый стимул. Ядром ассоциативного поля на стимул «мир» у представителей старшего поколения является, прежде всего, *война* (5,8%), *труд*, *май* (5,3%), *вселенная* (5,3%), *планета* (5,3%), а также *земля* (3,8%). У младшего поколения мир, в первую очередь, ассоциируется с *войной* (6%), *планетой* (6%) и *землей* (5%). Как видно из результатов эксперимента, ассоциативное ядро у обоих поколений представлено одними и теми же реакциями: *война*, *планета* и *земля*. Единственное отличие состоит в том, что у старшего поколения ядерные реакции представлены шире, а именно – реакциями *труд*, *май* и *вселенная*. В данном случае, вероятно, сработали стереотипы мышления, заложенные в советское время пропагандой советских ценностей.

Определение мира как согласия, приведенное в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, также является частью ядра ассоциативного поля, но ближе к границе с периферией: *согласие* у старшего поколения представлено 2,9% реакций, у младшего поколения – 1%. Кроме того, 2,4% реакций представителей старшего поколения и 2,5% реакций – младшего поколения воспроизводят ещё одно словарное толкование мира как *спокойствие*.

Сопоставив количество единичных реакций (старшее поколение – 77 реакций, 37%; младшее поколение – 65 реакций, 32,5%), можно сделать вывод, что периферия данного слова-стимула достаточно широкая. Стоит отметить, что четкая граница между ядром ассоциативного поля и его периферией как у старшего, так и у младшего поколения отсутствует: есть ряд реакций,

нашедших отклик у четырёх, трёх, двух респондентов. Данные реакции у обоих поколений можно разделить на такие группы, как характеристика мира (реакции представлены прилагательными: *тесен, прекрасен, огромен, вечный, необъятный, светлый, подводный, интересный*), реакции, совпадающие со словарным определением (*покой, добро, красота, земной шар, нет войны*), путешествия (*глобус, путешествие, вокруг*). В целом отсутствие границы между ядром и периферией можно объяснить сложностью и многокомпонентностью понятия «мир».

Детальный анализ полученных данных позволяет говорить о том, что смысловое наполнение ценности «мир», выявленное в ходе эксперимента, в целом сопоставимо со значениями, представленными в словарных статьях, однако в полученном ассоциативном поле выделяются смыслы, не зафиксированные в словарях, примерами являются реакции, обозначающие различные признаки/характеристики, а также реакции, связанные со сферой путешествий. Результаты, полученные в разных возрастных группах, доказывают, что разница в восприятии ценности «мир» представителями младшего и

старшего поколения незначительна, что означает, что «мир» является одной из тех ценностей, которая объединяет разные поколения. Стоит отметить, что ценности, объединяющие разные поколения, важны по нескольким причинам. Во-первых, они помогают создать гармоничное общество, в котором люди разных возрастов могут жить в мире и согласии. Во-вторых, они способствуют развитию взаимопонимания и уважения между поколениями, что может помочь снизить уровень конфликтов и напряжений в обществе. В-третьих, общие ценности могут способствовать развитию сотрудничества и взаимодействия между поколениями, что может привести к более эффективному решению проблем и достижению общих целей.

В заключении стоит отметить, что применение психолингвистического подхода к изучению таких сложных и многогранных явлений как ценности позволяет наиболее полно описать интересующие образы, отследить все возможные изменения в их наполнении, а также обозначить тенденции будущих трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вихлянцев В.П. Новый библейский словарь: к русской канонической Библии синодального перевода 1876 года, версия 08.04.2016 / В. П. Вихлянцев. - Москва: Эдитус, 2016. - 561 с.
2. Громыко А.А. Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура. // Информационный портал фонда «Русский мир». [Электронный ресурс] URL: <https://ruskiymir.ru/publications/190922/?ysclid=lpw9s19qx84112> (дата обращения 25.11.2023)
3. Котова С.А. К вопросу о трансформации ценностей на современном этапе // Социальная и политическая философия. 2022. Вып. 8(122). [Электронный ресурс] DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.122.2> (дата обращения 20.11.2023)
4. Краткая философская энциклопедия. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. – 576 с.
5. Лурье С.В. Историческая этнология /С.В. Лурье. – М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: «АЗЪ», 1996.
7. Самойлова С.П. Языковой образ базовых ценностей россиян: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2011, 21 с.
8. Семенова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии / В.В. Семенова // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России: сб. науч.ст. – М.: Новое лит. обозрение, 2005. –С.80-107.
9. Политическая наука: Словарь-справочник /Авт. и сост.: Санжаревский И.И. -М., 2010. - 988 с.
10. Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. 2012. Вып. 1(15). С.8-17.
11. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания/ Н.В.Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания: сборник статей. – М.: МГУ, 1996. – С. 139-162.
12. Хлопова А.И. Базовая ценность МИР в немецкой и русской лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. *Phylogology. Theory & Practice*. 2023. Том 16. Выпуск 10. С.3144-3149.

© Выговская Дарья Геннадьевна (vygovskaiadg@susu.ru), Чиркова Ольга Ивановна (chirkovaoi@susu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РУБРИКАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В ОНЛАЙН-ИЗДАНИЯХ ЖУРНАЛОВ ДЛЯ ДИЗАЙНЕРОВ И АРХИТЕКТОРОВ

PECULIARITIES OF INFORMATION SPACE CATEGORIZATION IN ONLINE EDITIONS OF MAGAZINES FOR DESIGNERS AND ARCHITECTS

*E. Demidova
S. Argashokova*

Summary: The use of a large number of rubrics is extremely typical for professionally oriented sites, since the goal of the site's author is to convey a large amount of professionally oriented, well-classified information. In professionally oriented sites for teaching design and architecture, the text part is divided into logical clusters. The heading deepens the understanding of the structure of the site, the relative meaning of headings and their subsections, the place of each in the overall structure. In the information space under study, the dominant concept is "modern designer", "modern architect", which is represented in the texts by the large amount of subfields.

Keywords: professionally oriented, concept, subfield, design, architecture, heading, information space.

Демидова Евгения Владимировна

*к.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
eva.demidova.85@list.ru*

Аргашокова Светлана Хазраильевна

*к.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
argashokova78@mail.ru*

Аннотация: Использование большого количества рубрик чрезвычайно характерно для профессионально-ориентированных сайтов, так как целью автора сайта является передача большого объема профессионально-ориентированной, грамотно классифицированной информации. В текстах профессионально-ориентированных сайтов для обучения дизайну и архитектуре вербальная часть разделена на логические кластеры. Заголовок углубляет понимание структуры сайта, соотношение значения заголовков и их подразделов, место каждого заголовка в общей структуре. В изучаемом информационном пространстве доминантным являются концепты «современный дизайнер», «современный архитектор» которые представлены в текстах определенным количеством субполей.

Ключевые слова: профессионально-ориентированный, концепт, субполе, дизайн, архитектура, рубрикация, информационное пространство.

В рамках данного исследования мы ставим целью провести структурный анализ информационного пространства следующих профессионально-ориентированных сайтов для обучения дизайну и архитектуре: www.alistapart.com, www.awwwards.com, www.colourlovers.com, www.creativelive.com, www.csswinner.com, www.deadsign.ru, www.designshack.net, www.developer.apple.com, www.digest.mbltdev.ru, www.dribbble.com, www.getpocket.com, www.graphiclovedesign.tumblr.com, www.greatappstimeline.xyz, www.growth.supply, www.blog.marvelapp.com, www.mediaskunk.ru, www.sketch.ru [<https://tilda.education/articles-best-resources-for-web-designers>, с.2].

Важным шагом при анализе текстовой части учебного веб-сайта для дизайнеров и архитекторов является выделение логических кластеров в его структуре. При неграмотной организации структуры сайта, её запутанности, отсутствии перелинковки страниц, индексация страниц сайта роботами поисковых систем становится затрудненной [<https://www.web-patrol.net/audit-site-struktur.html>, с.2]. Текстовый анализ становится важной частью в процессах бизнес-аналитики, в рамках программ управления опытом, поскольку они ищут способы улучшить взаимодействие с клиентами, продуктами,

брендами [<https://skine.ru/articles/640133>, с. 3]. Этот анализ имеет практическое и теоретическое значение и в нашем исследовании.

Пользователи в наши дни страдают от перенасыщения сознания данными из разных информационных источников. Обработка большого объема данных для получения реального восприятия в более короткие сроки неэффективна без технологических достижений. Методы интеллектуального анализа текста и текстовой аналитики способствуют сортировке лишних данных за более короткий срок и приобретению ценной информации для получения эффективных результатов в режиме повседневной жизни. Чаще всего профессионально-ориентированный сайт имеет иерархическую структуру, когда главная страница ссылается на разделы, подразделы. Мы наблюдаем, что наибольший вес имеет главная страница, затем разделы и подразделы.

Часто наиболее важны страницы с коммерческими предложениями, которые, как правило, не выводятся в поиске. В этом случае разработчик сайта для обучения дизайну и архитектуре использует такой прием как перелинковка страниц. Грамотная перелинковка равномер-

но распределяет вес сайта по всем страницам, а также повышает удобство использования этого веб-ресурса [https://www.web-patrol.net/audit-site-struktur.html, с.3].

Очевидным является факт, что структура исследуемых нами сайтов рубрицирована. Использование большого количества рубрик чрезвычайно характерно для профессионально-ориентированных сайтов, так как целью автора сайта является передача большого объема профессионально-ориентированной информации, которая должна быть грамотно классифицирована.

Для того чтобы оценить роль рубрик в грамотной подаче и осмыслении профессионально-ориентированной информации на сайте, рассмотрим подробнее понятие рубрики.

Рубриками называют заголовки частей издания (заглавия произведений, внутренние заголовки их подразделов, заголовки элементов аппарата), а также сами выделенные заголовками части (главы, параграфы). Рубрикация, соответственно, – это система заголовков издания и возглавляемых ими подразделов (рубрик), выражающая логическую или иную связь и соподчиненность обозначаемых ими частей текста (произведений, разделов, глав, параграфов) [https://orfogrammka.ru/OGL03/70091331.html, с.1].

Одна из рубрик сайта www.awwwards.com посвящена теме развития компаний. Данная рубрика содержит информацию о сроках проведения курсов повышения квалификации, объеме изучаемой информации, графике работы и сертификатах повышения квалификации. Но заголовки и подзаголовки содержат лишь ключевую информацию, не содержащую детали, факты, цифры, статистику. Например:

Professional Directory

Be in our professional Directory, the first place companies come to find employees in the digital design industry.

Благодаря различным графическим приемам структуризации информации (разному расположению заголовков относительно текста), рисунку, начертанию и размеру шрифта), заголовки вступают между собой в своеобразные отношения: «старший, младший, подчиненный». Некоторые заголовки и подразделы равны по значимости. Для начала рассмотрим заголовок на первой веб-странице профессионального сайта для дизайнеров Awwwards:

NOMINEES COOL SITES!

Vote for the latest websites on awwwards

В данном отрывке текста мы наблюдаем присутствие двух заголовков, которые находятся в отношениях «старший, младший». Старший заголовок предопределяет основную тему: «голосование за лучший сайт»; на гра-

фическом уровне он выделен более крупным, жирным шрифтом другого регистра. Младший заголовок продолжает эту тему; чтобы подчеркнуть его второстепенное значение, автор использует шрифт другого регистра, меньший по размеру. Это помогает посетителю сайта с уверенностью ориентироваться в структуре и композиции сайта и его разделов. Читатель воспринимает соотносительное значение каждого заголовка и его подраздела и выделяет необходимую для себя информацию.

Это позволяет сделать нам вывод, что рубрикация – это такая система заголовков, в которой заголовки разной значимости занимают разные ступени, а заголовки одной значимости стоят на одной ступени.

Структура сайта содержит следующие основные разделы рубрикации: главная страница и логотип. На главной странице всегда присутствует **фоновое изображение**: фотография, видео, иллюстрация, цвет или градиент, иллюстрирующие то, что клиент получит в результате. **Кликабельный логотип** – это важный компонент для перехода в начало главной страницы. В шапке сайта автор размещает меню, контакты, поле для поиска, выбора языка или города. Фильтры и сортировка также является важным элементом структуры сайта. Возможность фильтровать и сортировать услуги и информацию на сайте (по аналогии с интернет-товарами в интернет-магазине) облегчает посетителю поиск необходимой информации.

Еще одним значимым разделом является меню, поскольку оно содержит все основные разделы сайта, которые могут пригодиться посетителю. Оно располагается вверху страницы, в левой части экрана или в футере и доступно на главной странице. В этом блоке мы наблюдаем, как происходит производство и доставка продукта, создание компании.

Анализируя содержание информации на веб-сайте, мы можем характеризовать ее как «преимущества» (все, что делает продукт или услугу неповторимыми). В этом разделе чаще всего используются короткие тексты, сопровождающиеся иконками, иллюстрациями и фотографиями. Текст содержит факты, доказательства и примеры того, чем автор текста отличается от конкурентов, почему продукт нужно купить именно у этого производителя.

Автор приводит в тексте определенные сценарии использования и пользы (методы использования товара или услугой, сопровождающиеся картинками, видео, схемами, постами клиентов из соцсетей). Акцент в данном тексте автор расставляет на выгоде и пользе для клиента.

Факты с цифрами в данных текстах легко воспринимаются адресатом сообщения и привлекают внимание.

Как правило, используется 3–5 фактов в цифрах и краткое пояснение к ним. Кейсы и портфолио отражают истории компаний или клиентов, которые добились успеха с помощью вашего продукта, подробные рассказы о помощи разным клиентам, задачах, фотографии «до и после». Форма для сбора данных представляет собой определенный способ рубрикации информации и необходима, чтобы собирать лиды (заинтересованного человека или компанию).

Блок обычно состоит из заголовка, подзаголовка и формы, или только из заголовка и кнопки. Например: «Thanks for subscribe».

На сайте часто присутствуют блоги ведущих мировых дизайнеров и архитекторов, публикации которых содержат интересные и полезные статьи по профессиональной тематике, это дает возможность показать компанию как эксперта в профессиональной области и привлечь внимание целевой аудитории. Размещая новости компании, автор показывает аудитории жизнь компании: ее активность, процессы, интересные события.

В качестве полезных материалов автор предлагает посетителю обучающее видео, статью или файл с инструкцией. Согласно психологии восприятия, больше доверяют тем, кто не боится делиться своим опытом и знаниями. Поэтому разработчик сайта к материалам добавляет кнопки соцсетей для распространения дальнейшей информации и профессионально-ориентированная информация становится более общедоступной.

Также автор выделяет рубрику для обратной связи: адрес, email, телефон или карта с инструкцией, как добраться. Блок отделяет текст от нижнего края экрана. В нем собраны все значимые разделы сайта, важные для поисковой оптимизации. Тут можно разместить контакты, ссылки на соцсети или кнопки «поделиться», юридическую информацию и публичную оферту. В футере присутствует функция подписки на рассылку [<https://www.nic.ru/info/blog/site-design/>, с.4].

Заголовки на сайте организуют, направляют и облегчают чтение. Они прерывают текстовую информацию. Посетитель сайта невольно остановится, чтобы осмыслить прочитанное, представляющее собой законченное целое. Заголовок предупреждает о теме последующего текста. Он членит текст, так как помогает прерывать чтение на графически фиксированном месте и осмыслить прочитанное, а также создать благоприятные условия для поиска выборочного материала. Заголовок углубляет понимание структуры сайта, соотносительное значение заголовков и их подразделов, место каждого в общей структуре.

Заголовки делят на виды:

- по степени содержательности, составу и форме

заголовка;

- месту заголовка на полосе и относительно текста;
- взаимодействию заголовка с текстом;
- характеру части текста, которую заголовок возглавляет.

Например:

Hire the world's top creative talent.
Connect with a community of millions of top-rated designers & agencies around the world.
 Start hiring today

Все три заголовка взаимодействуют с последующим текстом посредством частичного краткого содержания информации из текста в заголовке. Место заголовков на полосе и относительно текста – посередине страницы. Размер заголовков идет на уменьшение.

В данном отрывке текста мы наблюдаем присутствие трех заголовков. Все три заголовка оформлены разными шрифтами и разного размера. Самый важный заголовок оформлен жирным шрифтом другого регистра и самого крупного размера.

Разделы и категории сайта (то есть организацию логической структуры) автор формирует после определения целей для сайта. Смысловое содержание рубрик изучаемого типа веб-сайта делится на несколько видов:

- образовательные товары и услуги (поисковые системы различают интернет-магазины и коммерческие сайты, поэтому товары можно отнести к отдельному виду контента). В свою очередь товары различаются по брендам, маркам, типу, цене;
- текстовая информация, доступная только для чтения. Сюда входят статьи, обзоры, описания, рецензии, инструкции, комментарии экспертов в сфере дизайна и архитектуры;
- фактическая информация (таблицы, формы, цифры). В основном это описания технических характеристик объектов, пространств, базы данных клиентов;
- мультимедиа (видео, фото, аудио, графика, флэш, анимация);
- смешанный контент. Например, одна страница может содержать видеоролик (мультимедиа), его фактическую информацию (длительность, размер), описание и рецензии (положительные и отрицательные отзывы) пользователей.

Основная задача автора в работе над текстом – разделить будущий (или уже существующий) контент по типам и видам. Разработку структуры сайта автор всегда начинает с главной страницы, затем переходит к основным разделам и добавляет категории.

Например, в категорию «Iceland University of the

Arts» можно писать материалы, которые будут относиться только к данному университету. А вот в категорию «University of Arts» можно публиковать множество других статей относящихся к университетам искусств, включая и в том числе «Iceland University of the Arts».

Мы заметили, что для каждого типа контента автор использует отдельный модуль, что приносит ему определенные преимущества:

1. URL модуля служит ссылкой на раздел;
2. Каждый раздел (модуль) представляет собой уникальный вид материалов;
3. Автор составляет уникальное семантическое ядро под каждый модуль;
4. Модули выполняют совершенно разные функции, но в то же время автор учитывает интересы всего сайта в целом.

Создавая разделы и категории в тексте, автор приступает к рубрикации в панели управления сайта, но в процессе внутренней оптимизации он меняет названия категорий и включает в них ключевые слова.

Для того чтобы добиться максимально законченной внешней и внутренней структуры сайта, автор располагает видимые блоки на страницах сайта и создает связку страниц и разделов по средствам навигационного меню и внутренней перелинковки страниц [<https://mortwood.by/mirovye-novosti/rubrikatsiya>, с.1].

Информация в основных блоках на сайте является профессионально-ориентированной. В изучаемом информационном пространстве доминантным является концепт «современный дизайнер».

Концепт «современный дизайнер» представлен в текстах следующими субполями:

- личностные качества дизайнера (представлены лексемами to be socially-aware, positive, adaptable, combination of good listening, ability to take criticism, artistic talent, problem-solving skills, and patience), как в данном тексте:

A designer must be able to adapt to any situation in order to keep the project moving forward in a positive direction. This trait is a combination of good listening, ability to take criticism, artistic talent, problem-solving skills, and patience. These 6 traits are what makes a designer stand out amongst the crowd [<https://www.ocreations.com/6-qualities-of-a-great-graphic-designer/#>, с. 4].

В вышеприведенном тексте присутствует субполе «образование» (субполе концепта «Дизайнер»), представленное лексемами new radical, responsive, and revolutionary types of education.

6 Qualities of a Great Graphic Designer

В тексте автор выделяет ключевые субполя концепта «Дизайнер», выделяя их в отдельные пункты графически, нумеруя их и приводя подробное толкование каждого субполя:

When looking for help from a designer, it is important to know the person you are working with will go above and beyond your needs and expectations. Here are 6 qualities you should look for in a graphic designer.

1. Good Listener

A graphic designer should listen to your needs. When they listen, they should really understand your goals and vision. The more questions a designer has, the more notes they take, and the more of an effort they make to understand how to create a great solution, the better listener they are.

2. Able to Take Criticism

The design process is not usually a quick and easy path. A design can go through multiple rounds of revisions before coming to a finalized project. Because a project may have an entire team of clients, a designer may need to take feedback from multiple people, multiple times. It is important that a designer not only can take criticism, but can also take it in a positive way.

3. Naturally Artistic

A designer usually has natural, artistic talent. They can take ideas in their mind and visually present them in an appealing way. Designers have excellent spatial awareness as well as an eye for color schemes. Not only do designers know what looks good, they also know what does not look good.

4. Problem-Solving Skills

When looking for a designer, you are also looking for a problem solver – someone who can find a solution to your design needs. When you come to a designer, you are looking for a solution. A designer should be able to come up with at least one solution, if not, multiple solutions for you to decide what the best path is to take.

5. Patience

A designer must have patience in order to maintain a positive relationship with a client. When you work with a designer, your needs are most important, and when a project gets complex, it is very important that you find someone who can calmly make changes and put the success of the end result as a top priority, no matter how difficult the road to the finish line may be.

6. Adaptable to Any Situation

From technical difficulties to miscommunications, and from strict deadlines to keeping a client satisfied, there are

endless possible problems and situations that can arise when a project is in the works. A designer must be able to adapt to any situation in order to keep the project moving forward in a positive direction. This trait is a combination of good listening, ability to take criticism, artistic talent, problem-solving skills, and patience.

These 6 traits are what makes a designer stand out amongst the crowd. When a designer possesses these traits, you know your finalized product will meet and exceed your expectations. At ocreations, we emulate these qualities in every project we work on in order to maintain our reputation and continue to uphold great relationships with our clients [Christian Zagarskas, c.25].

Согласно источнику «Oxford Languages», понятие designer определяют как: «a person who plans the look or workings of something prior to it being made, by preparing drawings or plans».

Исходя из синонимичного ряда понятия designer: creator, deviser, producer, inventor и т.д. в текстах мы встречаем синонимичные для понятия «designer» лексемы originator, planner, author, artificer, fabricator, maker, fashioner, architect, engineer, builder, couturier, fashion designer, tailor, costumier, dressmaker.

Прилагательное designer, частотное в обучающих текстах, производно от лексемы design, made or designed by a famous and prestigious fashion designer artificially created or modified (especially by genetic engineering) to have a particular appearance, function, or composition (например: «designer clothes» является частотной лексемой в профессионального дискурса дизайнеров) [https://en.wikipedia.org/wiki/Designer, c.1].

Википедия дает следующее определение понятия designer: «A designer is a person who plans the form or structure of something before it is made, by preparing drawings or plans. In practice, anyone who creates tangible or intangible objects, products, processes, laws, games, graphics, services, or experiences can be referred to as a designer».

В сравнении с понятием «дизайнер», понятие профессии «архитектор» имеет свои отличия вербальных характеристик. Вербальные характеристики профессии архитектора collective and collaborative nature of «architectures» – rather than singular architecture; critical processes of enquiry, vehicles for raising social awareness, tools for imagining and advancing agendas of social justice, and as collaborative projects aimed at living together harmoniously.

Подводя итоги нашего исследования, обобщим их тезисно:

- использование большого количества рубрик чрезвычайно характерно для профессионально-ориентированных сайтов, так как целью автора сайта является передача большого объема профессионально-ориентированной, грамотно классифицированной информации;
- в профессионально-ориентированных сайтах для обучения дизайну и архитектуре текстовая часть разделена на логические кластеры; - заголовок углубляет понимание структуры сайта, соотношение значения заголовков и их подразделов, место каждого в общей структуре;
- в изучаемом информационном пространстве доминантным являются концепты «современный дизайнер», «современный архитектор» которые представлены в текстах определенным количеством субполей.

ЛИТЕРАТУРА

1. By Christian Zagarskas | October 6th, 2017
2. <https://en.wikipedia.org/wiki/Designer>
3. <https://www.o creations.com/6-qualities-of-a-great-graphic-designer/#>
4. <https://orfogrammka.ru/OGL03/70091331.html>
5. <https://skine.ru/articles/640133/>
6. <https://tilda.education/articles-best-resources-for-web-designers>
7. <https://www.web-patrol.net/audit-site-struktur.html>
8. <https://www.web-patrol.net/audit-site-struktur.html>

© Демидова Евгения Владимировна (eva.demidova.85@list.ru), Аргашокова Светлана Хазраильевна (argashokova78@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОДНОВРЕМЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И ШОРСКОМ ЯЗЫКАХ

Дубровская Ольга Вячеславовна

Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный аграрный
университет
dubrovskayaol@yandex.ru

TEMPORAL POLYPREDICATIVE CONSTRUCTIONS WITH SIMULTANEOUS MEANING IN ENGLISH AND SHOR LANGUAGES

O. Dubrovskaya

Summary: In languages compared there is a relation of simultaneity between the main and dependent parts of the temporal polypredicative construction. In English, this taxic category depends mainly on the temporal form and composition of the predicate, in the Shor language this is possible due to the temporal form of the verb and the lexical meaning of postpositions and affixes.

Keywords: English, Shor language, comparative research, taxis, simultaneity, semantics.

Аннотация: В сопоставляемых языках существуют отношения одновременности между главной и зависимой частями темпоральной полипредикативной конструкции. В английском языке данная таксисная категория зависит, в основном, от временной формы и состава сказуемого, в шорском языке это возможно благодаря временной форме глагола и лексического значения послелогов и аффиксов.

Ключевые слова: английский язык, шорский язык, сравнительно-сопоставительное исследование, таксис, одновременность, семантика.

В данной работе мы сделали попытку сопоставить темпоральные полипредикативные конструкции (ТППК) со значением одновременности в языках разных структур – шорском и английском.

Отношение одновременности наряду с разновременностью (предшествованием / следованием) является ядром категории таксиса. С философской точки зрения одновременность устанавливается между любыми двумя событиями, которые являются неопределенными по отношению к их порядку во времени и между которыми в принципе не может быть причинно-следственной связи, поскольку наличие таких отношений устанавливает порядок событий во времени. В физическом смысле между одновременными событиями не может быть установлено отношение «раньше / позже», их нельзя локализовать как прошлое или будущее. Физическая одновременность означает только относительно одновременные события объективного мира [4].

Традиция описания таксиса как отдельной грамматической категории восходит к Р.О. Якобсону и его известной статье о шифтерах, грамматических категориях и русском глаголе [11].

По определению Ю.С. Маслова, таксис – это «категория, характеризующая «действие», обозначенное предикатом, с точки зрения его соотношения с другим упоминаемым в данном высказывании или подразумеваемым

«действием», причем имеется в виду хронологическое соотношение ... [3].

При исследовании категории таксиса А.В. Бондарко опирался на фундаментальные положения Р.О. Якобсона и Ю.С. Маслова. Он рассматривает таксис в качестве функционально-семантической категории, основывающейся на взаимодействии семантических элементов разных языковых уровней: морфологического (видовые оппозиции), лексико-грамматического (определенные союзы, предлоги, наречия), а также синтаксического уровня (определенные типы полипредикативных предложений) [1].

Развивая концепцию А.В. Бондарко, В.С. Храковский считает категорию таксиса грамматической, представленной в системе языка тремя основными граммемами (одновременность, предшествование, следование) и их разновидностями [7]. Обсуждая грамматические показатели грамем, исследователь отмечает, что «таксисные отношения предшествования, одновременности и следования могут обозначаться как одной зависимой глагольной формой, так и зависимой глагольной формой вместе с таксисным союзом, предлогом, послелогом» [8].

Таким образом, функционально-семантическое поле таксиса представляет собой систему морфологических, лексических и синтаксических средств языка, объединенных общностью выполняемой ими семантической

функции, состоящей в выражении временного отношения одновременности / разновременности (предшествования, следования) между действиями. Высказывания, содержащие отношения таксиса, передают всегда как минимум две однородные ситуации. Таксис – это не любое временное соотношение действий. Речь идет лишь о таком временном отношении, которое отличается признаком целостности (цельности) временного периода, охватывающего данный комплекс действий. Целостность временного периода предполагает однородное отношение всех компонентов данного комплекса действий к моменту речи как исходной точке отсчета. Все действия должны быть отнесены либо к прошлому, либо к настоящему, либо к будущему, либо к плану узальности.

Темпоральные полипредикативные конструкции (ТППК) – это наиболее специализированные формы выражения таксисных значений одновременности, предшествования и следования двух действий во времени. Учитывая, что одно значение может выражаться несколькими конструкциями, а одна и та же конструкция может выражать различные темпоральные значения в зависимости от лексического или грамматического контекста или общей ситуации, ППК, которые выражают только одно темпоральное значение, мы далее рассматриваем как специализированные, те ППК, которые выражают различные темпоральные значения – как неспециализированные темпоральные ППК.

Одновременность главного и зависимого событий может быть неограничительной и ограничительной. В южносибирских тюркских языках, к которым относится шорский язык, данная система представлена богатым набором моделей причастно-послеложного типа, а также выражается большим количеством моделей со служебными именами. Чаще всего используется конструкции с зависимой предикативной единицей (ЗПЕ) на *-ган-да*, *-са*, *-а*, *-п*, *-ганче*. Ограничительная одновременность в шорском языке выражается ППК с зависимым предикатом в форме на *-ганче*, *-баанче*, *-баан*.

Неограничительная одновременность включает все виды одновременности двух событий, в которых отсутствует значение временного ограничения. Неограничительная одновременность включает в себя конкретные значения полной и неполной одновременности. Одним их условий неполной одновременности является разная степень длительности (протяженности во времени) действий в предикативных конструкциях. Отношения неполной одновременности может наблюдаться в следующих условиях синтаксического контекста: когда первый предикат передает краткое (точечное) действие, второй предикат – длящееся, или наоборот; когда второй предикат обозначает действие, которое началось раньше, или наоборот. Тем самым, значения полной или неполной

одновременности является семантическими вариантами конструкций неограничительной одновременности.

В шорском языке при выражении неограничительной одновременности двух длительных действий в роли сказуемого зависимой части выступает причастие настоящего несовершенного времени на *-чатқан*, которое характеризуется смысловым оттенком, подчёркивающим процессуальность действия. В роли главных сказуемых в темпоральных полипредикативных конструкциях этого типа выступают гораздо более разнообразные формы: прошедшего времени (а.), будущего времени, или настоящего времени (б.). Данную конструкцию мы рассматриваем как наиболее специализированную.

- а. *Алында, қатыбыла чатчында, найле урушчаң.* 'Раньше, когда жил с женой, очень сильно дрался' [2]. б. *Мен ўргенчында, мында чадарым.* 'Пока я учусь, я здесь буду жить' [2]. – Главное и зависимое действия процессуальные, полная одновременность.
- в. *Сен усчында, Света келген.* 'Когда ты спал, пришла Света' [2]. – Предикат ЗПЕ обозначает длящееся действие, которое началось раньше и на его фоне происходило точечное действие, выраженное предикатом ГПЕ. г. *Силер чииш чиипчинде, мен конторага пар келдим.* 'Когда вы ели, я сходил в контору' [2]. – Предикат ЗПЕ обозначает действие, на фоне которого происходит краткое действие второго предиката. – Неполная одновременность.

Конструкцию с зависимым предикатом в форме на *-п чадып* мы также рассматриваем как специализированную.

- а. *Аңнап парчадып, көргем.* 'Когда охотился, я видел' [2]. – Неполная одновременность. б. *По апышый аңнапчадып, колхозқа тың улуг доход перча.* 'Этот старик, охотясь, колхозу даёт очень большой доход' [2]. – Полная одновременность, действия глагола ГПЕ и в форме на *-п чадып* являются процессуальными.

ППК с зависимым предикатом в форме на *-ган-да* обозначает самое общее соотношение событий во времени, которое в зависимости от лексического или общего контекста может реализовываться как предшествование, следование или одновременность.

- а. *Ол парганда қыс сарнапчатқам.* Когда он пришел, девушка пела [2]. б. *Пис келгебисте (кел-ген-ибисте), ол усчын (усчатқан).* 'Когда мы пришли, он спал' [2]. В примерах а. и б. полная одновременность, которая предполагает, что фактическое действие ЗПЕ происходит на фоне процессуального ГПЕ (включённое время). в. *Кўскүде ағаш аразыба парғаңда, ағаш пўри қағжырапча.* 'Когда идёшь осенью лесом, шуршат листья деревьев' [2]. г. *Сен уйтағанда, Света келген.* 'Когда ты спал, Света приходила' [ШНМ]. д. *Қатыг қуйақ қақчалыш*

турганда, қара айнаға абыры-тыжы чоқ кўн полчер. 'Когда многослойные куяки гроыхали, для черного айна беспокойные дни настали' [2]. В примерах в., г. и д. неполная одновременность. В примере в. оба события (и главное и зависимое) длительные. Примеры г. и д. демонстрируют, что фактическое главное действие происходит на фоне длящегося зависимого (объемлющее время). Данную конструкцию мы относим к неспециализированным.

В английском языке полная одновременность действий в ППК обнаруживается в случаях, когда предикаты ГПЕ и ЗПЕ обозначают длительные ситуации, причем их рамки абсолютно совпадают, а также если оба предиката выражают краткие, или точечные, действия. В роли сказуемых выступают предикаты в видовременных формах Present Simple, Present Continuous, Past Simple, Past Continuous, также в описании данных случаев участвуют союзы *when, as, while, as long as*.

They will protect you from a fatal accident when using electric gardening equipment [10]. *When he went back to Paris Richard went with him* [10].

Что касается частичной одновременности, она обнаруживается, если один из предикатов обозначает краткое действие, а другой – длительное, либо оба обозначают краткие действия, но одно из них началось раньше.

Ann saw her when she was sitting in the garden [10]. *His wife was waiting for him when he got home* [12].

Н.М. Собчакова в своей работе «Когнитивно-прагматическое варьирование сложноподчиненного предложения с придаточным времени в авторской и моделируемой прямой речи (на материале английского языка)» [5] в свою очередь разграничивает тринадцать видов (ситуаций) частичной одновременности относительно соотносительности временных рамок двух событий.

Таким образом, самой специализированной формой выражения одновременности между действиями, событиями, процессами в английском языке является ППК с придаточным времени. Наиболее разнообразные оттенки временного значения выражаются в этих предложениях различными временными союзами. Предикаты в анализируемых ППК выражены, в основном, глаголами, указывающими на продолжительность развертывания действия или события во времени (*to increase, to develop, to accumulate, to change, to grow, to broaden, to evolve*).

Для передачи семантических признаков поля таксиса в шорском языке используются финитные (личные) и нефинитные (неличные) формы глаголов в составе предложений с осложненной и сложной структурой [9; 6]. Основная предикация в предложении выражается финитными формами глаголов, основным средством выражения вторичной предикации являются нефинитные формы глаголов. К языковым средствам, с которыми грамматическое ядро функционально-семантической категории таксиса тесно связано, относятся союзы, частицы и послелого, последние, в частности, выступают в составе вторичного предиката и конкретизируют его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 234–242.
2. Дубровская О.В. Типология темпоральных конструкций в шорском языке. – М.: Научные технологии. – 160 с.
3. Маслов Ю.С. Результатив, перфект и глагольный вид // типология результативных конструкций Л., 1983 С. 41–54: 42
4. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М., 1985. С. 144–145.
5. Собчакова Н.М. Когнитивно-прагматическое варьирование сложноподчиненного предложения с придаточным времени в авторской и моделируемой прямой речи (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. фил. наук / Н.М. Собчакова. – Самара: Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 2006. – 184 с.
6. Тыбыкова А.Т. Глагольное сказуемое в алтайском языке. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во. Горно-Алт. отд-ние, 1989. 111 с.
7. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания №2. М., 2003. С. 32–54.
8. Храковский В.С. Таксис следования в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб., 2005. С. 29–86.
9. Черемисина М.И. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984. 192 с.
10. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
11. Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Selected Writings II, Word and Language. Hague – Paris: Mouton, 1971. P. 130–147.
12. Murphy R. Grammar in Use / R. Murphy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 350 с.

© Дубровская Ольга Вячеславовна (dubrovskayaol@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОДИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В МИМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ СО СТЕРЖНЕВЫМ КОМПОНЕНТОМ ТГ «ЛИЦО»

Дун Хаомин

*Аспирант, Московский педагогический государственный
Университет;
Сотрудник, Чанчуньский университет (Китай)
donghaoming@mail.ru*

CODING OF LINGUISTIC AND CULTURAL INFORMATION IN MIMIC PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE CORE COMPONENT OF THE TG "FACE"

Dong Haoming

Summary: Almost every language and culture has its own nonverbal means of communication. Facial expressions are one of the most important aspects of nonverbal communication. The person is responsible for transmitting not only thoughts or ideas, but also emotions. Nonverbal languages are also interesting for the reason that they, as a rule, have stable verbal descriptions that make up an extensive and extensive layer of language,» which confirms the theory we have given above. In this article, the most generalizing mimic component was selected—the face in the phraseological units of the Russian language for semantic analysis.

Keywords: facial expressions, phraseological units, language, culture, non-verbal means of communication.

Аннотация: Практически каждый язык и культура имеет свои собственные невербальные средства общения. Мимика – один из наиболее важных аспектов невербального общения. Лицо отвечает за передачу не только мыслей или идей, но и эмоций. Невербальные языки интересны еще и по той причине, что они, как правило, имеют устойчивые вербальные описания, составляющие разветвленный и обширный пласт языка», что подтверждает приведенную нами выше теорию. В данной статье был выбран наиболее обобщающий мимический компонент "лицо" во фразеологизмах русского языка для проведения семантического анализа.

Ключевые слова: мимика, фразеологизмы, язык, культура, невербальные средства коммуникации.

Концепция «взаимосвязь языка и культуры» консолидирует цели гуманитарных наук, выступая в качестве узловой идеи, которая эффективно размывает грани между различными областями исследования человека, поскольку тщательное изучение человека предполагает невозможность отделения его от его лингвистической природы. Лингвокультурология, в свою очередь, сосредотачивается на анализе взаимосвязи языка и культуры внутри определенного народа, что сближает элементы формирования национального культурного мировосприятия, охватывая, в частности, отражение лингвистических концепций в сферах фольклора, мифологии и литературы [1].

Изначальные толкования культуры утверждались на основе идеи о ее универсальном проявлении, ингрессивном для всех обществ. Расхождения в структурах обществ рассматривались не как фундаментальные различия, а скорее как вариации в уровне эволюции одного и того же явления – культуры. Эдвард Тайлор в своем широко цитируемом определении культуры рассматривает ее как сложное явление, агрегирующее в себе знания, верования, искусство, мораль, право, обычаи и прочие черты, приобретаемые человеком в качестве социального субъекта [2].

Таким образом, язык, мышление и культура тесно вза-

имосвязаны, конституируя единое целое из трех компонентов, каждый из которых не может функционировать (и, следовательно, существовать) независимо от двух других. Вместе они отражают окружающий мир и, соответственно, активно его формируют, порождая тем самым характерные «картины мира».

Взаимодействие между языком и культурой может быть рассмотрено как совокупное взаимодействие части и целого. Язык может быть воспринят как составная часть культуры и инструмент культуры [3]. Тем не менее язык одновременно обладает автономией относительно культуры и может быть воспринят как самостоятельная, автономная семиотическая система, являющаяся отделенной от культуры, что становится наглядным в традиционной лингвистике. Ввиду того, что каждый носитель языка автоматически выступает в роли представителя определенной культуры, лингвистические знаки приобретают возможность исполнять функцию культурных знаков и, следовательно, служить средством репрезентации основных культурных установок [4]. Именно по этой причине язык способен отразить культурные и национальные менталитеты его носителей.

Структура категориальной лингвистики представляет собой обширный корпус понятий, многие из которых

поддаются разнонаправленной интерпретации. Лингвистика, как комплексная область знаний, часто подразумевает недопонимание между специалистами, занимающимися различными аспектами языка, что более ярко проявляется в современных сложных областях, таких как социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвистика текста и дискурса, а также лингвокультурология.

Таким образом, лингвокультурология - это дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке [5]. Лингвокультурологический подход к объяснению слова в тексте «является описательным по своей сути, конкретное явление аксиоматически квалифицируется как культурно значимое, а объяснение переносится из сферы языка в сферу истории, мифологии и фольклора. Исходя из уникальной и специфической формы фиксации мира языковыми знаками, идиоматический характер языкового знака выступает в качестве лингвокультурной языковой координаты [6].

На наш взгляд, в центре интересов лингвокультурологии находится «изучение и описание взаимодействия языка и культуры в контексте современной культурной и национальной идентичности и ее знаковой презентации». Эта синхронная ориентация существенно отличает ее от этнолингвистики, которая, прежде всего, учитывает специфические, национальные, фольклорные и племенные особенности этноса. В то же время, когда цели и задачи этнолингвистики и лингвокультурологии различаются, первая выступает основой для второй. Это связано с исторической природой как культуры, так и языка: культурное мировоззрение, отображаемое в языковых знаках, обычно запечатлевается в их внутренней форме, и это особенно очевидно в образно-мотивированной основе фразеологических единиц. Она передается ими из поколения в поколение и привносит в современность коллективные идеи, которые сформировались в процессах культурного освоения мира этнической группой, народом, нацией.

В нашем исследовании мы придерживаемся мнения ученых о том, что предметом лингвокультурологии являются единицы языка и дискурса, которые приобрели символическое, референтное, образное и метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты самого человеческого сознания - архетипические и прототипические, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, фольклоре, религиозные дискурсы и т.д.

Фразеологизмы с национально-культурными особенностями (специфика, семантика, компоненты) обычно понимаются как такие фразеологизмы, которые содержат информацию о культурной идентичности носителя языка. Такие фразеологизмы являются источником культурной информации о языке данной нации, об особен-

ностях людей, являющихся носителями какого-либо языка. К подобным особенностям можно отнести, например отражение жестикюляции и мимики как в невербальном, так и вербальном проявлении.

Практически каждый язык и культура имеет свои собственные невербальные средства общения. Мимика – один из наиболее важных аспектов невербального общения. Лицо отвечает за передачу не только мыслей или идей, но и эмоций.

Согласно толковому словарю русского языка, мимика – это движения мышц лица, как выражение внутренних психических состояний.

Что делает передачу эмоций интересным явлением с точки зрения лингвистики, так это то, что создается впечатление, что некоторые из этих выражений эмоций (например, гнев, отвращение, страх, радость, грусть, удивление и, в меньшей степени, презрение, смущение, интерес, боль и стыд) могут быть биологически запрограммированы и выражаются одинаково почти у всех народов и всех культур. Это контрастирует с другими взглядами на то, что все выражения лица являются продуктом социального обучения и культуры. Мимика помогла человеку выжить, потому что для социальных животных, таких как люди или шимпанзе, казалось важным выражать это неизбежное поведение, подразумеваемое эмоциями (убегать в страхе, нападать в гневе), чтобы они могли избежать конфликта, опасности, позволить к себе приблизиться и так далее.

Однако эти выражения эмоций не застрахованы от модификации в результате социального обучения и развития: разные культуры изучают разные правила мимики и жестикюляции, чтобы управлять своими проявлениями эмоций. Из-за подобных культурных и социальных установок между представителями разных народов в процессе коммуникации может возникнуть недопонимание, ввиду незнания особенностей культурного бэкграунда собеседника.

По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, «если в процессе преподавания иностранных языков должна быть обеспечена способность незатруднённо участвовать в коммуникации, из преподавания не могут быть исключены и невербальные способы передачи информации. Невербальные языки интересны еще и по той причине, что они, как правило, имеют устойчивые вербальные описания, составляющие разветвленный и обширный пласт языка», что подтверждает приведенную нами выше теорию [7].

Для нашего исследования мы выбрали наиболее обобщающий мимический компонент-лицо во фразеологизмах русского языка. Стоит отметить, что мы выби-

раем только те фразеологизмы с данным компонентом, которые отражают мимику и некоторые физические проявления. Примеры взяты из национального корпуса русского языка:

1. *Лица нет (Находиться в шоковом состоянии (негативный оттенок))*

— Что с тобой, на тебе **лица нет?** — спросила вернувшаяся с работы мама. [Владимир Ланг. Калейдоскоп детства // «Ковчег», 2013]

2. *Измениться в лице (Очень сильно испугаться/удивиться)*

Изменился в лице, с ужасом осознав, что брякнул что-то не то, но Светлана, судя по всему, не знала анекдота. [Андрей Волос. Из жизни одноглавого // «Октябрь», 2013]

3. *Кровь от лица отхлынула (Человек находится в крайней степени волнения из-за внезапной новости)*

У Екатерины вся **кровь отхлынула от лица**, и она стояла бледная, неподвижная, как статуя, сжав руки. [Ф. Е. Зарин-Несвицкий. Борьба у престола (1913)]

4. *Отразилось на лице (Когда человек не может контролировать свои эмоции и их видно по его мимике)*

Мария в слезах повторяла слова сестры: «Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой». Глубокое волнение **отразилось на лице** Учителя. Все увидели, что Он плачет. [Александр Мень. Сын Человеческий (1969)]

5. *На лице написано (Когда человек не может контролировать свои эмоции и их видно по его мимике)*

Обе, по-моему, когда у женщины **на лице написано** все, что она в данный момент чувствует, это не обаяние, а дешевый шарм. [Е.В. Колина. Дневник измены (2011)]

6. *Кислое лицо (Быть расстроенным чем-либо)*

— Хотите, я сварю вам каши? Эдуард сделал **кислое лицо**. — Знаете, — буркнул Эдуард, — знаете, кашка, конечно, вещь хорошая, но у меня такая болезнь: я не ем жидкой пищи. [В. П. Катаев. Бездельник Эдуард (1920)]

7. *Лицо посветлело (Обрадоваться)*

К нему вдруг вернулось спокойствие, **лицо посветлело**, на губах появилась улыбка и взор стал радостным, отрешенным от земли. [В.Я. Шишков. Ватага (1923)]

8. *Лицо вытянулось (Сильно удивиться или испугаться)*

Баев всмотрелся, и у него тоже от страха **лицо вытянулось**. [Василий Шукшин. Беседы при ясной луне (1972-1974)]

9. *Лицо потемнело (Внезапно расстроиться)*

Под влиянием этих мыслей его неподвижное **лицо потемнело**. [Ф.Е. Зарин-Несвицкий. Борьба у престола (1913)]

10. *Тень легла на лицо (Подумать о чем-то плохом)*

На сто двадцать юнкеров восемьдесят студентов,

не умеющих держать в руках винтовку. **Тень легла на лицо** Малышева. Он помолчал. [М.А. Булгаков. Белая гвардия (1923-1924)]

Все приведённые примеры говорят нам о том, что лицо является неким индикатором чувств и эмоций человека как в невербальном, так и вербальном проявлении. Использование соматизма «лицо» можно выделить несколько лингвокультурных особенностей русского человека.

В первую очередь это открытость и эмоциональность. В русской культуре выражение лица часто служит индикатором эмоций и внутреннего состояния человека. Фразеологизмы, такие как «на лице написано», «отразилось на лице» и «лица нет», подчеркивают важность мимики и того, что человек не может скрыть свои истинные чувства.

Также можно выделить склонность к драматизировать и гиперболизации явлений. Многие фразеологизмы с компонентом «лицо» являются метафорическими гиперболизированными выражениями, отражающими сложные эмоции и внутренние состояния. Например, «кровь от лица отхлынула» описывает человека, который испытывает крайнее волнение, а «тень легла на лицо» указывает на то, что человек задумался о чем-то плохом.

Стоит отметить также эмпатичность и внимание к переживаниям окружающих людей. Фразеологизмы, такие как «измениться в лице», «кислое лицо» или «лицо вытянулось», свидетельствуют о том, что русские люди обращают внимание на эмоции других людей и могут чувствовать и подмечать, когда их окружающие испытывают страх, удивление или расстройство.

Стоит также отметить отношение к свету и тьме отраженные в языке. Испокон веков свет в русском языке (как и во многих других) отражает что-то хорошее, а тьма что-то плохое и негативное. Некоторые примеры фразеологизмов, такие как «лицо посветлело» и «лицо потемнело», отражают эту культурную особенность.

Обобщая вышесказанное, мы можем заключить, что мимика является неотъемлемой частью культуры. Взаимодействие мимики и вербальных выражений эмоций могло бы помочь изучающим язык облегчить понимание культуры собеседника и повысить эффективность процесса коммуникации. На мимику влияют культура и социальные установки внутри общества. Опираясь на вышесказанное, в процессе общения на иностранном языке должна быть обеспечена способность незатруднённо участвовать в коммуникации, что обуславливает необходимость изучения особенностей невербальных способов передачи информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хуснутдинов, Д.; Сагдиева, Р.; Сайгуллина, Ф.; Гатин, Р.; Тимерханов, А. Фразеологические единицы в татарском языке, содержащие компонент Душа. *XLinguae*, 2019. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2019.12.02.04>
2. Хупер, Дж.; Томпсон, С. Н. Применимость корневых преобразований. *Лингвистические исследования*. Том., т. 4, № 4, 1973.
3. Тарасов Е.Ф. Язык и культура: методологические проблемы. *Язык-Культура- Этническая принадлежность*. М.: Наука, 1999. С. 11-129.
4. Верещагин Е.М.; Костомаров В.Г. Лингвистика и принцип коммуникации. *Лингвострановедческое описание лексики английского языка*. Москва, 1983. С. 3-113.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология в кругу других гуманитарных наук. *русский язык за рубежом*, № 3, с. 95-101, 1999.
6. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова. 1953. № 5. С. 88-119.
7. Верещагин Е.М.; Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов. *Словари и лингвострановедение: сб. науч. тр.* Москва, 1983. С. 89-98.

© Дун Хаомин (donghaoming@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

STRUCTURAL FEATURES OF ENGLISH-LANGUAGE CONSTRUCTION TERMINOLOGY

**R. Iksanova
I. Kirillova
Ya. Zubkova**

Summary: The article presents the results of the analysis of English-language construction terminology at the structural level using methods of linguistic analysis, analysis and synthesis, component analysis, statistical processing of material. The review and analysis of scientific research in the field of studying the English-language terminological material of texts is carried out. In the course of the study, according to the morphemic structure, the most frequent ways of forming terms were determined: derivatives and multicomponent. After analyzing the terminological material on a morphological basis, it was concluded that the construction vocabulary contains the largest number of nouns.

Keywords: term, construction, multicomponent terms, construction terms, terms-phrases, terms-words.

Иксанова Раиса Мингазитдиновна

кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы (г. Уфа)
iks_raichka@mail.ru

Кириллова Инна Константиновна

кандидат педагогических наук, доцент, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
innes_05-81@mail.ru

Зубкова Яна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет
yanazubkova@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты анализа англоязычной строительной терминологии на структурном уровне с использованием методов лингвистического анализа, анализа и синтеза, компонентного анализа, статистической обработки материала. Проведен обзор и анализ научных исследований в области изучения англоязычного терминологического материала текстов. В ходе исследования согласно морфемной структуре определены наиболее частотные способы образования терминов: производные и многокомпонентные. После проведения анализа терминологического материала по морфологическому признаку сделаны выводы, что строительная лексика содержит наибольшее количество имен существительных.

Ключевые слова: термин, строительство, многокомпонентные термины, строительные термины, термины-словосочетания, термины-слова.

Процесс глобализации, быстрое развитие науки и техники, оказывающие существенное влияние на все сферы деятельности современного общества, а также развитие международных отношений ведет к возрастанию интереса к овладению соответствующими знаниями и высококвалифицированным специалистам в профессиональной сфере.

Россия занимает лидирующие позиции во многих профессиональных сферах на мировом рынке, в том числе и в сфере строительства. Многие архитектурно-строительные организации выходят на международный рынок, раскрывая большие возможности обмена опытом с зарубежными коллегами на международных научно-технических конференциях, форумах, симпозиумах, семинарах, а также разработка и внедрение новых методов и технологий проектирования, строительства и реконструкции строительных объектов. Для обеспечения межкультурной коммуникации и повышения уровня профессионального опыта представляется необходимым владеть терминологией в строительной сфере.

В отечественной филологической науке немало работ ученых посвящено терминологическому аспекту языка, проблеме дефиниции термина (Ф.М. Березин, В.Н. Головин, С.В. Гринев-Гриневич, В.М. Лейчик, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская, Л.Ф. Чернявская). Многие авторы схожи во мнении и рассматривают термин как лексему, которая характерна в определенной области (научной, профессиональной) и выполняет функцию номинации понятий [3, 4, 6, 8, 10]. Исследованием термина занимались и зарубежные лингвисты – Л. Букер, Ф. Памела, Дж. Сагер и другие. Непосредственно изучением английской терминологии в строительной сфере занимались ученые, которые посвятили немало работ данной проблеме: В.В. Махова, А.Д. Староверова, Ю.В. Чистюхина, З.У. Хакиева, Халина Т.А. и другие.

Рассмотрев несколько точек зрения относительно дефиниции термина [5, 7, 12, 14], в рамках настоящего исследования под термином мы понимаем лексическую единицу, которая может быть в форме слова или выражения, которая функционирует в определенной сфере для номинации понятий или действий, и является сред-

ством общения между специалистами научной, технической или профессиональной области.

Термин, являясь языковой единицей, имеет свои отличительные языковые особенности от общеупотребительных слов. Среди них можно выделить следующие: точность, однозначность, системность, наличие дефиниции, моносемантичность, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность, специфичность употребления.

Также следует отметить, что термину характерны и языковые функции. В рамках настоящего исследования рассматривается его главная функция – номинативная, служащая для определения понятий.

Классификацию терминов можно считать еще одной проблемой в терминологии, так как нет единого мнения относительно типов терминологических единиц. В рамках данного исследования будет рассмотрена структурная классификация терминов в сфере строительства. В процессе исследования мы использовали метод лингвистического анализа, метод анализа и синтеза, метод сплошной выборки, метод компонентного анализа, метод статистической обработки материала.

Для анализа строительных терминов в английском языке было отобрано 500 терминологических единиц методом сплошной выборки из интернет-версий периодических изданий «International Journal of Civil Engineering, Construction and Estate Management (IJCECEM)», UK; «Civil Construction and Structural Engineering», UK; «Structure And Infrastructure Engineering», UK. К анализу привлеклись публикации за период с 2021 по 2023 год.

Терминологические единицы в сфере строительства в английском языке по своей структуре могут быть разделены на следующие группы:

1. термины-слова – терминологические единицы, которые имеют форму одного слова: *- hoop – арматурный хомут; kip – киловунт-сила, mould – опалубка; bay – пролет.*

Согласно морфологической структуре, строительные термины в английском языке могут быть:

а) непроизводными /немотивированными (простыми) – состоят из одного корня: mesh – конечно-элементная сетка, арматурная сетка; beam – балка; strength – прочность; urigid – жесткая, неподвижная часть здания и др.

б) производными / мотивированными (аффиксальными) – состоят из корня и аффикса:

1. суффиксальные: critical (-al) – критическое предположение; assumption (-tion) – определенное предположение о распределении вероятностей; equipment (-ment) – оборудование; condenser (-er)

– конденсатор; evaporator (-or) – испаритель; compressor (-or) – компрессор и др.

2. префиксальные:

– hydrocarbons (hydro-) – углеводороды; unbound (un-)– не имеющая границ поверхность; intersect (inter-) – пересекаться, пересекать и др.

3. суффиксально-префиксальные:

– decarbonisation (de- ...-tion) – декарбонизация; displacer (dis- ... -er) вытеснитель; redundancy (re- ... -y) – избыточность (дублирование критических компонентов для повышения надежности системы); retrofitting (retro- ... -ing) – модификация (усиление) и др.

в) сложные – состоят из двух и более корней:

– hourglass (hour + glass) – эффект обоймы при испытании на сжатие бетонных кубов; flywheel (fly + wheel) – маховик; earthquake (earth + quake) – землетрясение; watertightness (water + tightness) – водонепроницаемость; cross-ties – поперечная арматура; shear-controlled – сдвиговой механизм разрушения (по наклонному сечению).

г) аббревиатуры:

– CHP losses – Combined Peat and Power losses – потери ТЭЦ;

– TFM – Travelling Fires Methodology – метод создания модели перемещающегося огня;

– FRR – Fire Resistance Rating – предел огнестойкости;

– IOF – Inverse opening factors – обратные коэффициенты проемности;

– FEM – Finite Element Method – метод конечных элементов;

– HRR – Heat release rate – скорость выделения тепла.

Количественные данные строительных терминов-слов, согласно морфемной структуре, позволяют сделать вывод, что большинство терминов-слов, согласно морфемной структуре, являются производными – 12 % от общего числа. Аббревиатуры составили 7% от общего числа, непроизводные термины-слова составили 6% от общего числа, сложные термины слова составили 5% от общего числа.

С морфологической точки зрения строительные термины-слова в английском языке могут быть выражены различными частями речи:

1. существительные:

– plasticizer – пластификатор; abutment – устой платины; tile – облицовочный материал; settling – осадка здания и др.

2. прилагательные:

– unbound – не имеющая границ поверхность; rigid – жесткая, неподвижная часть здания; reinforced – армированный материал; concave – вогнутый и др.

3. глаголы:

– to design – проектировать, to construct – строить, конструировать, to accumulate – скапливать

что-то; to counteract – противодействовать чему-либо влиянию и др.

4. причастия:

— *buttressed – поддерживающий, служащий опорой для чего-либо; reticulated – сетчатый, образовывать сетчатую поверхность и др.*

Таким образом, анализ выборки позволяет установить, что большинство терминов-слов выражены именем существительным – 20% от общего числа. Термины-слова, выраженные прилагательным, составляют 2%, и термины-слова выраженные глаголом и причастием составляют по 1%.

2) термины-словосочетания – терминологические единицы, которые состоят из двух, трех и более компонентов:

— *steel-framed structure – стальная рамная конструкция; mid-span of the beam – середина пролета балки; permeability coefficient – коэффициент фильтрации; fuel cell based micro cogeneration – микрогенерация на топливных элементах; film coefficient of the air flow – коэффициент теплоотдачи воздушного потока и др.*

В зависимости от количества компонентов, строительные термины-словосочетания в английском языке могут быть разделены на следующие группы:

а) двухсоставные:

— *travelling fire – перемещающийся огонь; opening factors – коэффициент проемности; fluctuation zone – зона переменного уровня; near collapse – близкое к разрушению, прогрессирующее разрушение; boundary elements – крайние волокна бетонного сечения и др.*

б) трехсоставные:

— *current design guidance – текущие нормы проектирования; bolt clearance hole – болтовое отверстие с зазором; extreme loading condition – аварийный уровень нагрузки; maximum water level – форсированный подпорный уровень воды; soil damping ratio – коэффициент демпфирования грунта; non-structural building systems – не несущие конструкции здания и др.*

в) четырехкомпонентные:

— *performance-based structural fire engineering – объективно-ориентированное пожарно-техническое проектирование; deposit of clay fines – отложение глинистых частиц; complete loss of strength – полная потеря прочности; green house gas emission – выбросы парникового газа; carbon fibre reinforcement polymer – полимер армированной углеродным волокном и др.*

г) пятикомпонентные:

— *generation in the electricity grid – генераторы в электросети; fuel cell based micro cogeneration – микрогенерация на топливных элементах; combination of bolting and welding – комбинация болтовых соединений и сварки и др.*

д) шестикомпонентные:

— *film coefficient of the air flow – коэффициент теплоотдачи воздушного потока; web and seat angle cleat connection – соединения на накладках и уголках и др.*

Итак, анализ выборки строительных терминов в английском языке позволяет выделить их структурные особенности – больше всего встречаются термины-словосочетания, составляющие 70% по отношению к терминам-словам, которые составили 30%.

Таким образом, исходя из выше рассмотренных примеров, можно сделать выводы, что строительные термины в английском языке, согласно структурному анализу, могут быть представлены двумя типами – термины-слова, которые имеют свои морфемные и морфологические группы, и термины-словосочетания, которые могут быть разделены на несколько групп в зависимости от количества компонентов. Согласно морфемной структуре, можно выделить производные, производные, сложные и аббревиатуры. Наше исследование показало, что большинство терминов-слов в строительной сфере, согласно морфемной структуре, являются производными. В соответствии с морфологической точкой зрения термины-слова могут относиться к разным частям речи. Анализ терминологического материала показал, что строительная лексика содержит наибольшее количество имен существительных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин Ф.М., Головин В.Н. Общее языкознание: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература»: [для студентов филологических и лингвистических специальностей]. – Москва: Альянс, 2014. – 415 с.
2. Бессонова, Е.В. Иностраный язык в контексте разработки инженерных проектов студентами технического вуза / Е.В. Бессонова, И.К. Кириллова // Вестник гражданских инженеров. – 2014. – № 3(44). – С. 270-275. – EDN SJITAP.
3. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. — Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. — 264 с.
5. Махова В.В., Халина Т.А. Классификация строительных терминов с позиций строителя-переводчика и сложности перевода // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сборник научных статей VI международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 220-224.

6. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1968. – С. 102-125.
7. Староверова А.Д. Особенности словообразования терминологии строительной индустрии в английском языке // International scientific review. – 2016. – №19 (29). – С. 34-36.
8. Суперанская А.В. Общая терминология: вопросы теории. – Москва, 2012. – 248 с.
9. Хакиева З.У. Основные индивидуальные (вариативные характеристики системы англоязычной строительной терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 2(6). – С. 181-185.
10. Чернявская Л.Ф. Английский язык. Термины и терминообразование: учебное пособие. – Братск: ГОУ ВПО «БрГУ», 2007. – 99 с.
11. Чистюхина Ю.В. Исследование способов перевода терминов в архитектурно-строительной отрасли // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2022. – С. 40-46.
12. Bowker L. Terminology and Translation // In Handbook of Terminology, edited by Hendrik J. Kockaert and Frieda Steurs. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2015. – pp. 306-313.
13. Pamela F, L'Homme M-C. 2014. Lexical Semantic Approaches to Terminology // An Introduction / Terminology, 2014. – №20 (2). – pp. 143-147.
14. Sager J. Term Formation // In Handbook of Terminology Management, edited by S. E. Wright and G. Budin, 25–41. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1997. – pp. 25-41.

© Иксанова Раиса Мингазитдиновна (iks_raichka@mail.ru), Кириллова Инна Константиновна (innes_05-81@mail.ru),
Зубкова Яна Владимировна (yanazubkova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Ильин Александр Александрович

Аспирант, Московский городской педагогический университет
sashailin98@yandex.ru

STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF CINEMATIC VOCABULARY

A. Ilin

Summary: This article is devoted to the structural-semantic analysis of German cinematic vocabulary. This layer of vocabulary is a dynamic phenomenon that requires a comprehensive study. The composition of lexical units associated with the cinematic vocabulary can repeatedly change and be replenished, since the language is not static, but dynamic. The relevance of the research is due to the continuous processes of technology development, the emergence and spread of new equipment and concepts. All this requires the formation of new terms and the study of language nomination methods is of great importance. The scientific novelty lies in the fact that for the first time an analysis of cinematic terms was carried out in terms of their semantics and structure. The purpose of the analysis is to describe these units as a means of expanding the ways of nomination in the German language to meet the needs that arise in the film-making industry. The article examines the formation of the terms from the point of view of the structure of a word and the semantics of its morphemes. As the result of the research, the basic principles of the formation of new cinematic lexical units are identified and described, as well as examples of their use are provided.

Keywords: structural-semantic analysis, term, terminology, lexical unit, lexicology, morpheme, structure.

Аннотация: В данной статье рассматривается структурно-семантический анализ кинематографической лексики немецкого языка. Данный пласт лексики представляет собой динамичный феномен, требующий всестороннего изучения. Состав лексических единиц, связанных с кинематографической лексикой, может постоянно изменяться и пополняться, поскольку язык не статичен, а динамичен. Актуальность исследования обусловлена непрерывными процессами развития технологий, возникновения и распространения нового оборудования, концепций. Все это требует образования новых терминов и изучение способов языковой номинации принимает первостепенное значение. Научная новизна заключается в том, что впервые был проведен анализ кинематографических терминов с точки зрения их семантики и структуры. Целью анализа является описание этих единиц как средства расширения способов номинации в немецком языке для удовлетворения потребностей, возникающих в киноиндустрии. В статье рассматривается образование терминов с точки зрения структуры слова и семантики его морфем. В результате исследования были выявлены и описаны основные принципы образования новых кинематографических лексических единиц, а также приведены примеры их употребления.

Ключевые слова: структурно-семантический анализ, термин, терминология, лексическая единица, лексикология, морфема, структура.

Изучение терминологической лексики и ее последующее описание представляет собой одно из актуальных направлений лексикологии, морфологии, лексикографии и семасиологии. Актуальность этих исследований обусловлена тем, что необходимо осмыслить и обобщить накопленные исследовательские факты, а также удовлетворить существующие практические потребности, которые предъявляют различные специализированные области знания, а в рассматриваемом в этой статье случае данной областью является сфера киноиндустрии. Появление нового оборудования, возникновение новых профессий и процессов в области кинопроизводства требуют быстрого развития специализированных областей знания и языковых средств их номинации.

Вопрос расширения терминологических способов номинации в языке не является новым, но по-прежнему не теряет актуальности в связи с постоянным развитием языка. Этой проблемой занимались А.А. Реформатский [11], Г.П. Мельников [8], И.Г. Кожевникова [5], Дж. Лайонз [6], Звегинцев В.А. [4] и другие.

В данной статье использованы методы теоретического, статистического, сравнительного и компонентного анализа.

Поскольку любой язык является носителем культурного кода и содержит фоновые знания, то овладение ими становится необходимостью для формирования адекватной языковой компетенции. Изучение терминов представляет большой интерес для лингвистов [2, 3, 9, 10, 26], поскольку это помогает отразить мыслительное содержание наилучшим образом и позволяет решить определенные коммуникативные задачи. В лексические средства, способствующие решению коммуникативных задач, входит также кинематографическая лексика (кинолексика), а основным фактором, приводящим к возникновению новых лексических единиц, является деноминативный.

Согласно определению словаря лингвистических терминов, структурно-семантический анализ представляет собой закономерное соответствие между значением и строением конкретной языковой единицы, а сама лексема «термин» представляет собой слово или слово-

сочетание технического, научного или любого другого специального языка, принятая, созданная или заимствованная для наиболее точного и успешного обозначения специального предмета или понятия [1].

В данной статье мы рассматриваем кинематографическую терминологическую лексику через призму структурно-семантического анализа.

Основополагающим компонентом в структурно-семантическом анализе является семантика, задача которой заключается в том, чтобы передать с помощью языка или каких-либо его единиц информацию или донести до адресата содержание высказывания.

Еще одним компонентом анализа является понятие самой структуры, которое необходимо рассмотреть с лингвистической точки зрения. Джон Лайонз описывал структуру как сеть смысловых отношений, где лексический, грамматический и фонологический уровни также являются взаимозависимыми. При этом он определял структурную семантику как лексическую семантику, которую необходимо рассматривать в комплексе с грамматической структурой языка [6].

Поскольку терминология является составной частью лексики любого языка, то она, соответственно подчиняется ее основным законам как образования, так и функционирования. При этом особенности функционирования этих терминов представляют собой обуславливающие факторы особенностей терминообразования. Одним из факторов является формирование специфических средств словообразования, например, аффиксов. Принимая во внимание способ образования терминов, а также характер понятий, который они обозначают, все термины можно разделить на три вида, то есть базовые, производные термины и термины, которые были привлечены из других сфер. Основу любой специализированной отрасли составляют базовые термины и заимствованные из других языков или сфер научного знания [13].

Рассматриваемая в статье кинематографическая лексика включает в себя группы слов и словосочетаний, которые применяются для того, чтобы обозначить или описать реалии, относящиеся к кинематографии как отраслям культуры и промышленности. В данную совокупность включается как узкоспециализированная, так и общеупотребительная лексика.

Состав кинолексики (кинематографической лексики) является довольно разнотипным, но, тем не менее, в ней возможно выделить несколько независимых слов:

1. Общенаучная лексика;
2. Нетерминологическая (общеупотребительная) лексика;
3. Терминологическая (специальная или узкоспециальная) лексика [7].

Общепринятым считается выделение минимальной структурной единицы термина – терминологический элемент. Под терминологическим элементом принято понимать производящую основу, словообразующие аффиксы и символы, а не только целое слово, входящее в комплекс сложных слов и составных элементов. В данной работе рассмотрим и проанализируем различные структурные типы кинематографических терминов, способных самостоятельно функционировать в терминологической системе.

На основе изученного материала можно сделать вывод, что в области кинематографической терминологии (кинолексики) можно выделить два крупных структурных вида терминов:

1. Однословные (являющиеся сложным словом);
2. Составные (двухсловные, многословные) термины.

В работе используются три основных принципа компонентного анализа. Значения кинематографических терминов описываются посредством деления их на элементарные смысловые единицы; эти семантические компоненты могут быть представлены как независимые универсальные репрезентации и интерпретированы в качестве элементов концептуальной системы, которая входит в систему познания человека [4].

В статье необходимо рассмотреть, как возникли различные термины в области киноиндустрии, либо приобрели свое новое значение под влиянием прибавления морфем. Поскольку семная структура слова подразумевает под собой взаимосвязь элементарных смыслов, известных как семы, которые и формируют значение слова, то каждая из этих сем является отражением отличительных черт присущих предмету или явлению в сознании говорящего. Таким образом, предметом исследования являются некоторые однословные кинотермины, состоящие из нескольких морфем, наделяющих слово уникальным значением и несущими в себе определенные грамматические функции.

Die Verfilmung («экранизация») представляет собой производный термин, возникший при заимствовании другого термина из английского языка – “film” («пленка», произошедшее от древнеанглийского термина “film”, означавшего «тонкая кожа», «пленка»). После возникновения в XIX веке кинематографа, когда английское слово “film” уже поменяло свое основное значение на «кинопленка», немецкий язык заимствовал этот базовый термин, образовав существительное мужского рода – *der Film* («фильм», «кино», «кинофильм», «кинопленка»).

Само слово-термин *Verfilmung* состоит из трех морфем, обладающих как лексическим значением, так и несущими в себе грамматическую функцию определения рода и числа.

Согласно Этимологическому словарю немецкого языка, приставка *ver-* может иметь следующие значения:

- удаление
- введение в заблуждение
- отрицание
- усиление
- результат
- исчезновение [14].

Также приставка *ver-* может использоваться при переходе из одной части речи в другую и словесных преобразованиях прилагательных и существительных, что мы можем наблюдать в данном случае:

Ver+film+en (окончание глагола) – дословно означает «записывать на пленку», «превращать в фильм», то есть «экранизировать».

Sie werden sein Leben deswegen nicht verfilmen. («Поэтому они не будут снимать фильм о его жизни». Перевод автора) [15].

Суффикс *-ung* чаще всего служит для образования от глагольной основы (в большинстве случаев) существительного, которое обозначает процесс или действие, но также может обозначать предметы. Следует отметить, что данная сема всегда указывает на то, что существительное имеет женский род и образует множественное число с помощью окончания *-en*. Данный суффикс не имеет структурных вариантов и всегда стоит в конце слова, поэтому данная морфема автономной быть не может.

Ich frag mich, wer dich in der Verfilmung spielen wird. («Интересно, кто бы смог сыграть тебя в кино?» Перевод автора) [18].

- Du hast Joey ein Buch verdorben, in deren Verfilmung nicht Jack Nicholson mitgespielt hat. («Ты испортила Джоуи книгу, в экранизации которой не снимался Джек Николсон». Перевод автора) [18].

Рассмотрим термин *das Weitwinkelobjektiv* («широкоугольный объектив»), который мы разделим на семы – *weit*, *Winkel*, *Objektiv*, – каждая из которых несет в себе определенное лексическое значение.

Das Objektiv («объектив») – немецкое существительное среднего рода латинского происхождения, означающее часть прибора, которая служит для формирования изображения [12].

Der Winkel («угол») – существительное мужского рода, обозначающее геометрическую фигуру; отдаленное место. *Der Winkel* («угол») представляет собой сему, которая ставится в начале двусоставной леммы и выступает в функции определения предмета, либо описывает его назначение/ употребление, например: *das Winkelmaß* («угельник»), *der Winkelmesser* («транспортир») [12].

Weit («далекий», «дальний», «широкий», «обширный», «просторный») – прилагательное; данная сема ставится в начале многокомпонентных лексических единиц, например: *Weiteinstellung* («дальний план») [12].

Weit + Winkel + Objektiv в совокупности значений своих сем образуют новую лексическую единицу, обозначающую специальное устройство, состоящее из линз, которое широко применяется в кинематографической сфере, а также и в других смежных областях.

Es sieht nach einer perspektivischen Verzerrung aus, aber ich hatte kein Weitwinkelobjektiv. («Это похоже на какое-то искажение перспективы, но я не использовал широкоугольный объектив». Перевод автора) [22].

Ich habe ein Stativ und ein Weitwinkelobjektiv. («У меня есть штатив и широкоугольный объектив». Перевод автора) [25].

Hoffentlich hat sie eine Weitwinkel-Linse. («Надеюсь, что у нее есть широкоугольный объектив». Перевод автора) [17].

В последнем примере мы можем видеть, что морфема *Objektiv* была заменена на синонимичную морфему *Linse*, при этом порядок сем в слове и его лексическое значение остаются неизменными, изменился только род существительного.

Необходимым является рассмотрение кинематографических терминов, связанных с освещением – *das Gegenlicht* («подсветка»), *das Tagelicht* («естественное освещение»), *das Kunstlicht* («искусственный свет»). Все они имеют в своей структуре общую морфему – *licht*.

Das Licht («свет», «освещение», «свечение», «источник света») – существительное среднего рода; согласно Этимологическому онлайн словарю Дугласа Харпера, оно восходит к праиндоевропейскому языку, где слово «*leuk*» означает «свет, яркость» [14]. В кинотерминах, связанных с освещением, данное слово является архисемой, т.е. родовой объединяющей семой, образующей семантическое поле. В слове эта морфема занимает последнее место, делая другие морфемы зависимыми от себя.

Gegen – предлог, имеющий значение «против», «вопреки», «по направлению» (к чему-то). Таким образом, слово *das Gegenlicht* приобретает значение «свет напротив», «свет, падающий на что-то/направленный на что-то», «подсветка», например:

- Der Effekt, im Gegenlicht... («Ну, тот эффект с учетом подсветки...» Перевод автора) [24].

Аналогичный процесс происходит и с терминами *das Kunstlicht* («искусственный свет, искусственное освещение») и *das Tagelicht* («естественное освещение», «естественный свет»), которые также имеют в своей основе слово *das Licht* («свет», «освещение») и входят в единое

семантическое поле.

Die Kunst – существительное женского рода, означающее («искусство», «мастерство», «умение». При объединении этих двух слов, мы получаем новый термин das Kunstlicht («искусственный свет, искусственное освещение»), постоянно находящие свое применение как в кинематографической сфере, так и во многих других областях [12].

Der Tag – существительное мужского рода, имеет значение «день». Занимая место первой семы в слове, выступает в роли определения в значении «дневной», придавая термину das Tagelicht значение «естественный свет» [12].

Следующий кинотермин – das Drehbuch («сценарий»), – представляет собой совокупность двух следующих лексических единиц:

1. das Buch – «книга», существительное среднего рода, также имеет смысловое значение литературного произведения. Занимает финальную позицию в слове [12].
2. drehen – «вращать», «крутить», «вертеть», «поворачивать», «делать (вращательным движением)» – глагол, описывающий движения оператора фильма, вращающего ручку камеры во время съемки, приобрел значение «снимать фильм». При образовании многосоставного слова занимает позицию перед существительным, определяя его значение [12].

Habe ich dir jemals von meinem Star Trek Drehbuch erzählt? («Я когда-нибудь рассказывал вам о моем сценарии «Звездного пути»?») Перевод автора [16].

Oh, mein Gott, ich habe gerade eine großartige Idee für ein Drehbuch. («О, Боже мой, у меня только что родилась отличная идея для сценария к фильму.») [19]. В данных примерах слово Drehbuch имеет значение «сценарий-сюжет», в то время как в следующем примере данное слово приобретает значение «сценарий-книга»:

Du hast uns also dein Drehbuch mitgebracht. («А ты, значит, принес нам сценарий?») Перевод автора [20].

Кинематографический термин die Besetzung («кастинг», «актерский состав», «исполнитель», «распределение ролей») также получает свое финальное значение благодаря совокупности лексических значений его частей. Данная лексическая единица представляет собой существительное женского рода, имеющее в составе слова приставку be-, корень, образованный от глагола setzen («класть», «ставить», «устанавливать») и окончание -ung (определяющее род и число существительного) [12].

Приставка be- в немецком языке имеет несколько функций:

1. делает непереходные глаголы переходными: schreiben — писать, beschreiben — описывать;
2. усиливает значение глагола, придает ему значение предельности; также может указывать на завершенность действия, полноту действия: zahlen – платить, bezahlen – расплатиться, оплатить.
3. способствует образованию переходных глаголов от прилагательных и существительных: die Antwort — ответ, beantworten — отвечать (на что-либо); endlich — наконец, beenden — заканчивать [14].

Таким образом, слово setzen («класть», «ставить»), получив приставку be-, изменило свою словоформу на besetzen и получило следующие значения: - «занимать (место)»

— «назначать (на какой-то пост)».

Совершив переход из одной части речи в другую, существительное Besetzung принимает новое лексическое значение – «захват (чего-либо), – и в сфере киноиндустрии становится термином, имеющим значение «распределение ролей», «состав исполнителей», «актерский состав», например:

Es ist ein all chinesische Besetzung. («Кастинг проводится только среди китайцев». Перевод автора) [18].

Wie die Besetzung eines Fellini-Films. («Как актерский состав фильма Феллини». Перевод автора) [23].

Philip kennt die Besetzung. («Филип знает актеров!» Перевод автора) [21].

На основе вышесказанного мы можем говорить о том, что немецкий язык активно развивается вследствие развития технологий, и, соответственно, возникновения новых областей знаний; идет непрерывный процесс возникновения новых лексических единиц и специализированных или узкоспециализированных терминов. Термины представляют собой неотъемлемую часть этого развития, поскольку новые слова и выражения возникают, для того чтобы описать новые технологии, концепции, и т.д. Термины в сфере кинопроизводства могут возникать из разнообразных сфер жизнедеятельности, включающих в себя различные научные отрасли, технологии, средства массовой информации, моду и многое другое.

Кинематографические термины возникают в немецком языке благодаря заимствованиям из английского языка, поскольку киносфера и кинобизнес преимущественно имеют англо-американское происхождение. Кроме того, заимствования могут происходить и из других языков, через лингвокультуру представителей других национальных диаспор.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены

однословные многосоставные термины и приведены примеры их употребления в современной речи.

Структурно-семантический анализ кинематографических терминов в немецком языке показал, что они имеют следующие особенности:

1. Будучи заимствованными из других языков, термины прибавляют морфемы к заимствованной лексеме;

2. Морфемы модифицируют значение слова в соответствии со своими основными функциями, усиливая значение или меняя его на противоположное, совершая переход из одной части речи в другую.
3. Все морфемы слова-термина несут в себе определенное лексическое значение, и, объединяя эти значения в единое целое, создают новое лексическое (знаковое) понятие, меняя семантику этого слова и определяя его структуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Наука, 1966. – 512 с. – С. 448, 462.
2. Гринев-Гриневиц, С.В. Еще раз к вопросу об определении термина / С.В. Гринев-Гриневиц, Э.А. Сорокина, М.А. Молчанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 710–729. – DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729. – EDN BOVCSX.
3. Гринев-Гриневиц, С.В. Полисемия в общепотребительной и в специальной лексике / С.В. Гринев-Гриневиц, Э.А. Сорокина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 51–64. – DOI 10.18384/2310-712X-2015-4-51-64. – EDN ULKXVJ.
4. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – 2-е изд., доп. – Москва: Учпедгиз, 1960. Ч. 1. – 406 с.
5. Кожевникова И.Г. Русская спортивная лексика. Структурно-семантическое описание. Монография. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. – 264 с.
6. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – 544 с.
7. Лебедева, О.Н. Диссертация «Русская кинематографическая лексика (структурно-семантический анализ)». Днепропетровск, 1984. – 200 с. – С. 11, 12.
8. Мельников Г.П. Лингвистика структурная или лингвистика системная // Материалы всесоюзной конференции по общему языкознанию: Основные проблемы эволюции языка. Ч.1. – Самарканд: ФАН, 1966, с.103-106.
9. Мичугина, С.В. Трансдисциплинарный подход к изучению терминов цвета на примере английского red // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2023. – № 1(49). – С. 87–95. – DOI 10.25688/2076-913X.2023.49.1.07. – EDN KSZPID.
10. Мушкина, Ю.В. Функционирование терминологической системы «производство формалина технического» в технической документации (на материале русского и английского языков). М.: Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 9-2. – С. 172-178. – DOI 10.37882/2223-2982.2023.9-2.26. – EDN UIHYKV.
11. Реформатский, А.А. Введение в языковедение. / Под редакцией Виноградова. М.: Аспект Пресс, 2000. – 536 с. – С. 115-126.
12. Словарь немецкого языка Netzverb Dictionary (онлайн) Netzverb Dictionary - Inflection of German verbs, nouns and adjectives (verbformen.com) (Дата обращения: 15.01.2024)
13. Топорская, А.Ю. Диссертация «Структурно-семантические и функционально-парадигматические особенности терминологии театрального искусства». Москва, 1997. – 133 с. – С. 27, 28.
14. Этимологический словарь немецкого языка (онлайн) Etymologisches Wörterbuch des Deutschen | DWDS (Дата обращения: 15.01.2024)
15. Сериал «Американская семейка», режиссер Гейл Манкусо и др.
16. Сериал «Во все тяжкие», режиссер – Мишель МакЛарен и др.
17. Сериал «Доктор Хаус». Режиссер – Грег Яйтанс и др.
18. Сериал «Друзья», Режиссер – Гари Хэлворсон и др.
19. Сериал «Как я встретил вашу маму». Режиссер – Памела Фрайман и др.
20. Сериал «Клан Сопрано», режиссер – Тимоти Ван Патен.
21. Сериал «Компьютерщики». Режиссер – Грэхэм Лайнхэн.
22. Сериал «Очень странные дела» режиссер – Мэтт Даффер и др.
23. Фильм «Манхэттен», режиссер – Вуди Аллен.
24. Фильм «Моя мама». Режиссер – Нанни Моретти.
25. Фильм «Паранормальное явление». Режиссер – Орен Пели.
26. Shatilova, L.M. Structural and functional model of terminology phrasing in Russian and English for synthetic resin production / L.M. Shatilova, O.A. Kasatkina, Y.V. Mushkina // International Transaction Journal of Engineering, Management and Applied Sciences and Technologies. – 2020. – Vol. 11, No. 12. – P. 1112. – EDN OOVXMG.

© Ильин Александр Александрович (sashailin98@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИХ ЗНАЧЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ-НАИМЕНОВАНИЕМ РЕПТИЛИЙ, АМФИБИЙ И РЫБ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Курбанов Ибрагим Алиевич

к.филол.н., профессор, Сургутский государственный университет

ibragimkurbanov@mail.ru

Магомедов Магомед Мурадovich

Сургутский государственный университет
mr.mmm1998@mail.ru

FORMATION OF INTERPRETIVE MEANINGS OF PHRASEOLOGICAL UNITS, PROVERBS AND SAYINGS WITH A REPTILIAN, AMPHIBIAN AND FISH COMPONENT IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND DARGWA LANGUAGES

**I. Kurbanov
M. Magomedov**

Summary: This article is devoted to the analysis of the national-cultural specificity of the interpretive function of phraseological units, proverbs and sayings. The meanings of phraseological units, proverbs and sayings reflect the interpretive activity of human consciousness. Being a means of a secondary interpretation, they are formed as a result of the experienced interaction of a particular people with the world. The national-cultural significance of phraseological units, proverbs and sayings is connected with the fact that they participate in accumulation, storage and transmission of important culturally and nationally determined ideas of certain ethnic groups about the world. The study of phraseological units, proverbs and sayings allows to understand the interaction of peoples, human mind, culture and language better.

Keywords: national-cultural specificity, interpretive function, phraseological unit, proverb, saying, animal component, reptilian, amphibian, fish.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу национально-культурной специфики интерпретирующей функции фразеологических единиц и паремий. В значениях фразеологических единиц и паремий находит отражение интерпретирующая деятельность человеческого сознания. Являясь средством вторичной интерпретации, они формируются в результате опытного взаимодействия конкретного народа с миром. Национально-культурная значимость фразеологизмов и паремий связана с тем, что они участвуют в аккумуляции, хранении и передаче важных культурно- и национально-обусловленных представлений определенных народов о мире. Их изучение позволяет расширить представление о взаимодействии народов, мышления, культуры и языка.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, интерпретирующая функция, фразеологическая единица, паремия, компонент-наименование, рептилия, амфибия, рыба.

Процесс познания мира человеком происходит фрагментарно, он начинается с выделения отличительной особенности определенного фрагмента, которая впоследствии позволяет классифицировать его уже не как незнакомый, а как известный. Таким образом, познание происходит за счет интерпретации – сравнения характеристик объектов двух разных категорий. В качестве области-источника может выступать область ЖИВОТНЫЙ МИР, а в качестве средства интерпретации – фразеологические единицы (ФЕ) и паремии с компонентом-наименованием рептилий, амфибий и рыб.

Объектом нашего исследования выступают русские, английские и даргинские фразеологизмы и паремии с компонентом-наименованием рептилий, амфибий, рыб и репрезентируемое ими концептуальное содержание интерпретирующего характера. Предметом исследова-

ния являются вторичные, интерпретирующие значения и смыслы ФЕ с компонентом-наименованием рептилий, амфибий и рыб.

Фразеологизмы с компонентом-наименованием рептилий, амфибий и рыб представляют собой сложные структуры знаний, возникшие в результате аналогий между объектами разных концептуальных областей (интерпретирующей и интерпретируемой). Аналогия позволяет установить связи между разными концептами на базе логики или ассоциативных ощущений. Так, посредством характеристик представителей животного мира могут интерпретироваться такие когнитивные области, как ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР, АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ [1: с.78]. В данной статье мы рассмотрим когнитивную область ЧЕЛОВЕК.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении интерпретирующей функции фразеологизмов и паремий с компонентом-наименованием рептилий, амфибий и рыб в языковой картине мира, описании их интерпретирующих значений, а также в анализе когнитивных и языковых механизмов интерпретации на примерах ФЕ концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК.

Поставленная цель исследования предполагает решение следующей задачи: рассмотреть фразеологические единицы с компонентом-наименованием рептилий, амфибий и рыб как средство вторичной номинации в рамках общей лингвистической теории интерпретации, определить их место и роль в языковой картине мира.

Фразеологизмы и паремии с компонентом-наименованием рептилий, амфибий или рыб часто используются для интерпретации концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК. Интерпретация особенностей человека при помощи характеристик рептилий, амфибий и рыб закономерна, так как те, и другие являются живыми существами и, следовательно, обладают некоторыми схожими чертами: анатомическим строением, психической организацией, биологическими признаками (пол, возраст, биологические ритмы и т.д.).

Как правило, встреча с незнакомым человеком начинается с составления первого впечатления, основанного на восприятии внешнего вида. При этом сознание концентрируется на специфических, бросающихся в глаза чертах. Фразеологизмы с компонентом-наименованием рептилий, амфибий и рыб могут отражать следующие основные характеристики внешнего облика человека:

- общее впечатление: *проворный/юркий как ящерица, суцья жаба, противный как змей, as ugly as a toad, chameleon, fishwife, чиччала чедила жагаси бирар, бухинабад агзула* (букв. «змея снаружи красива, а внутри – ядовита»);
- манера одеваться: *with no more clothes than a frog has*;
- строение тела: *астраханская селёдка, селёдка в корсете, змея в корсете, тонкая как щука, тощий как килька, худ - как треска, a whale, snakehips, урхула класван* – (букв. «как морской кит») о тучном и жирном;
- части тела: *жабыи глаза, to give someone fish eyes, (осуждающий взгляд), хлелхала хьябван* (букв. «как шея ящерицы») – о человеке с худой шеей;
- отношение к гигиене: *Змея грязнопятая* (пск. бран.) *Билхлала пяснясаг* (букв. «болотная лягушка») – грязная женщина, неряха.

В роли концептуального основания формирования значений ФЕ, интерпретирующих общее впечатление о человеке, выступают знания формата зрительной перцепции о физических способностях рептилий или их внешних особенностей. Так ФЕ *юркий/проворный как*

ящерица основан на знании того, что ящерицы способны с легкостью взбираться или слезать с деревьев, зарываться в песок и перемещаться по различным поверхностям. Знание того, что змеи в большинстве своем ядовиты является результатом экспериенциального эффекта. Поведение человека, непостоянного в своем настроении, характере или внешнем виде интерпретируется по ассоциации с хамелеоном, рептилией, известной способностью менять свою окраску в зависимости от окружающих условий.

Английская ФЕ *fishwife* подразумевает грубую и дерзкую на высказывания женщину. В старину жены рыбаков продавали улов мужей, и так как рыба – скоропортящийся продукт, им приходилось привлекать покупателей громкими фразами. Негативная коннотация данной ФЕ возникла по причине того, что многие из них не стеснялись при этом сквернословить.

В зависимости от того, обладает ли человек эстетической привлекательностью или нет, носители языка проводят параллель между общим впечатлением о его внешнем виде и положительным/отрицательным образом облика конкретной рептилии, амфибии или рыбы.

В русской и английской языковой картинах мира внешняя непривлекательность или уродливость передаются через зоонимы *toad, жаба, змей: суцья жаба, противный как змей, as ugly as a toad*. Это связано с тем, что в русской народной культуре лягушки, жабы и змеи относились к нечистым животным. В даргинской языковой картине мира змея, несмотря на то, какую опасность она может представлять, все же считается привлекательным животным, согласно ФЕ *чиччала чедила жагаси бирар, бухинабад агзула* (букв. «змея снаружи красива, а внутри – ядовита») Фразеологизмы, характеризующие манеру одеваться, основываются на знаниях, полученных в результате зрительной перцепции, ведь животные, как известно, не носят одежду. Только английская языковая картина мира зафиксировала это явление в своей фразеологии (*with no more clothes than a frog has*).

В качестве концептуальной основы интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-наименованием рептилий, амфибий и рыб, характеризующих строение тела, лежит знание о размерах животного. В русской языковой картине мира фразеологизмы с компонентом-наименованием рептилий, амфибий и рыб используются для обозначения худобы (*астраханская селёдка, селёдка в корсете, змея в корсете, тонкая как щука, тощий как килька, худ - как треска*). Английские ФЕ *snakehips* и *whale* основаны на знаниях формата зрительной перцепции о габаритах змеи, и габаритах кита и подразумевают человека с тонкими бедрами и человека тучного соответственно. Даргинская ФЕ *урхула класван* (букв. «как морской кит») используются для обозначения

человека с избыточным весом.

Фразеологизмы, интерпретирующие отдельные части тела, основаны на знаниях ассоциативного формата: *жабы глаза* – широкие от удивления глаза, *to give someone fish eyes* – смотреть на кого-то осуждающе, или зрительной перцепции: *хлелхала хъябван* (букв. «как шея ящерицы»).

ФЕ, характеризующие отношение человека к гигиене, в русской и даргинской языковых картинах мира включают в себя зоонимы *змея* и *лягушка*, соответственно. Нечистоплотные люди в даргинской языковой картине мира ассоциируются с лягушками, обитающими на болотах *билхлала пясаяг* (букв. «болотная лягушка»). В русской языковой картине мира нечистоплотный человек ассоциируется со змеей лишь в псковском диалекте русского языка: *змея грязнопятая* (пск. бран.).

Фразеологизмы с компонентом-наименованием рептилий, амфибий и рыб применяются для характеристики эмоций, интеллекта, черт характера человека, а также его деятельности, то есть всех тех аспектов, которые определяют человека, как разумное существо.

- эмоциональное или психическое состояние: *чувствовать себя как рыба в воде, лить крокодиловы слезы, like a fish to water, be like a fish out of water, to shed crocodile tears, шизиб бялихъван* (букв. «как рыба в воде»);
- интеллектуальные качества: *глуп, как осетровая башка, премудрый пискарь, сиг копченый* (прост. шутол. ирон.- о недалеком человеке), *лезмили чиччала пукъалабад дурайу*. (букв. «острый язык змею из гнезда выманит»);
- общая характеристика деятельности: *кося куют, а жаба лапы подставляет, лягушкам глаза колоть* (выбивать), *окуньки редки - потеряй деньки* (диал. камск. о безделии), *биться как рыба об лед*;
- поведение, поступки: *держат в лещах* (кар. строго обращаться с кем-либо), *всяка жаба себя хвалит, в своем болоте и лягушка поет, а на чужбине и соловей молчит*.

ФЕ, описывающие эмоциональное или психическое состояние человека основаны на знаниях, полученных в результате наблюдения. Как известно, водная среда является естественной средой обитания для рыб, по этой причине они ведут себя в ней естественно и не испытывают каких-либо трудностей, но за ее пределами они будут чувствовать себя неестественно и даже могут погибнуть.

Фразеологизм *лить крокодиловы слезы* подразумевает неискреннее и наигранное сожаление, но на самом деле крокодилы не плачут, а так называемые “слезы” крокодила – это его пот, так как рептилия ест редко,

но помногу, и процесс переваривания еды происходит напряженно, и сопровождается обильным потовыделением, а сальные железы крокодила расположены в том числе и около его глаз.

Концептуальной основой интерпретирующих значений фразеологизмов, характеризующих интеллектуальные особенности, является знание формата зрительной перцепции. Осетриная голова, как правило не используется в кулинарии поскольку содержит много костей и не выглядит привлекательно.

Выражение *премудрый пискарь* произошло от одноименной сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина и обозначает человека трусливого, как и героя данной сказки, рыбы пискаря, который из-за боязни быть съеденным всю жизнь провел в своей норе и выходил из нее исключительно по ночам с целью поиска пропитания и не завел ни семьи, ни друзей.

В даргинской языковой картине мира остроумие приравнивается к способности выманить змею из норы: *лезмили чиччала пукъалабад дурайу*. (букв. «острый язык змею из гнезда выманит»).

Интерпретирующие значения фразеологизмов с компонентом-наименованием рептилий, амфибий и рыб используются для описания жизни человека, образа жизни в целом и отдельных её этапов.

- общая характеристика: *бедный в нуже, что жаба в луже, бить (гонять) лягушек* (неодобр.) – вести праздный образ жизни. *от рыбы до рыбы* (кар.), *урхъназиб бялихъван* – (букв. «словно рыба в море»);
- смерть: *послать кого-либо со дна рыбу ловить, to feed the fishes*.

Концептуальной основой для интерпретации фразеологизмов, характеризующих общую характеристику жизни, являются знания ассоциативного формата или операционального опыта, так как: 1) бедные люди всегда в чем-либо нуждаются, и их нужда для них привычная среда, как жизнь в луже или болоте для лягушки или жабы. 2) люди, зарабатывающие на жизнь рыболовным промыслом, живут от одного рыболовного сезона до другого. В противовес этому, в даргинской языковой картине мира, финансовое благополучие сравнивается с жизнью рыбы в море.

Фразеологизмы с компонентом-наименованием рептилий, амфибий и рыб применяются для вторичной номинации следующих черт характера и эмоций человека:

- двуличие: *голос соловьиный, а жало змеиное, льстец под словами – змей под цветами, snake in the grass, адамла пикруми дагъесличир – кярличир чичча къл дагъес гьамадли бирар*. – (букв. «легче разгадать след змеи на траве, чем узнать помыслы

- человека»);
- хитрость: *змеев брат, изворотлив как угорь, скользкий как уж, as slippery as an eel*;
 - неблагодарность: *пригреть змею на груди, cherish a snake in one's bosom*;
 - агрессивность: *колючий как ерш, as mad as a cut snake, piranha*;
 - привередливость: *со щучки одни щечки кушает*;
 - добродушие: *крокодил Гена*;
 - храбрость: *някъ-някъли чичла дурцан* – (букв. «голыми руками змей ловящий»); *Чичла уркли деркунил* (букв. «змеиное сердце съевший») – о храбром человеке;
 - подлость, коварство: *змея подколодная, лернейская гидра, змей-горыныч, rattlesnake, агьула чичлала* – (букв. «ядовитая змея»);
 - страх: *сесть на жабу (жарг. мол. шутл. – сильно испугаться), man once bitten by a snake fears every piece of rope, диркъаниб чичлала чебаибси, дубрив гьяялиглив урухklar* (видевший змею веревки боится);
 - осторожность: *змею выше глаз не поднимай, поститя щука, а пискарь не дремли, маллачира чичлайчира вирхмаруд* (букв. не верь мулле и змее);
 - тон голоса: *во всю жабу, драть жабу, нем как рыба, реветь белугой, чичлала къацбикусиван* (как змеей ужаленный).

Для вторичной номинации характеристики двуличия используются знания формата наблюдения. Известно, что соловей, как в принципе любая другая певчая птица издает очень приятное на слух чирикание, в то время как змеиное жало ядовито. В английской языковой картине мира двуличность сравнивается с притаившейся в траве змеей. Даргинская ФЕ *адамла пикруми дагьесличир – къарличир чичча къел дагьес гьамадли бирар*, сформирована на гипотетическом предположении того, что увидеть змеиный след в траве проще, чем узнать реальные мотивы человека.

Для интерпретации такого качества как хитрость используются знания ассоциативного формата, т.е. интерпретирование посредством создания гипотетической, ирреальной ситуации, как признание за человеком родства со змеей, считающейся коварным и хитрым животным или формата наблюдения, ведь ужа или угря сложно удерживать в руках из-за их упругой кожи.

ФЕ *пригреть змею на груди*, возник в русском и английском языках благодаря произведению древнегреческого баснописца Эзопа под названием «Крестьянин и змея», в котором змея ужалит приютившего ее крестьянина, тем самым проявив неблагодарность.

Интерпретирующие значения, характеризующие аг-

рессивность, возникли на знаниях формата зрительной перцепции и наблюдения: 1) ФЕ *колючий как ерш* основывается на знании того что ерш, имеет шипы по всему своему телу; 2) английская ФЕ *as mad as a cut snake* возникла от знания формата наблюдения в австралийском варианте английского языка и интерпретирующая поведение разрубленной напополам змеи и возникающую в результате этого агонию и неконтролируемое движение как гнев. Вторичная интерпретация термина «piranha» исходит из знания того, что пиранья является хищной рыбой и поэтому опасна.

Русская ФЕ *со щучки одни щечки кушает* подразумевает людей, не любящих изменения и новые впечатления, и предпочитающих оставаться в знакомом для них окружении.

Несмотря на то что крокодил является хищным животным, в русском языке существует устойчивое выражение «*крокодил Гена*», подразумевающее добродушного человека. Оно возникло благодаря одноименному мультипликационному персонажу. В английском и даргинском языках фразеологических единиц, где зооним «крокодил» интерпретируется положительно, не существует.

Для интерпретации характеристики храбрость в даргинской языковой картине мира используются знания ассоциативного формата, так храбрость приравнивается к ловле змей голыми руками или поедание змеиного сердца.

ФЕ русского языка, характеризующие отрицательные качества как подлость или коварство, имеют происхождение из древнегреческой или славянской мифологии. В английском языке подлый человек ассоциируется с гремучей змеей (*rattlesnake*), а в даргинском – с ядовитой (*агьула чичлала*).

ФЕ, характеризующие страх основываются на знаниях формата экспериенциальных эффектов, исходя из того, что ужаленный однажды змеей человек будет бояться всего, что по форме похоже на змею.

Значения ФЕ, характеризующие тон голоса, основываются на знаниях формата слуховой перцепции, на знании об интенсивности звуков, издаваемых животным (громко или тихо). ФЕ *реветь белугой* на самом деле правильно произносить как *реветь белухой*, потому что белуга, это рыба семейства осетровых и не издает звуков, в то время как белуха, или полярный дельфин, известна тем, что способна очень громко реветь. ФЕ *нем как рыба* основан на знании того, что рыбы не издают звуков. Но на самом деле они издают звуки, неуловимые человеческим ухом. В даргинском языке человек, издающий громкие звуки, ассоциируется с тем, кто был ужален змеей.

Фразеологизмы с компонентом-наименованием реп-

тилий, амфибий или рыб используются для вторичной номинации явлений общественной жизни человека:

- род деятельности: *акула пера, финансовая акула, гад легавый, сваха лукавая, змея семиглавая, рыба хариус, черепаха – тортилла* (жарг. школ), *черепашки-ниндзя* (шутл.), *dragon* (slang), *loanshark*;
- семейные отношения: *жена да муж – змея да уж*;
- взаимоотношение с другими людьми: *большая рыба маленькую целиком глотаем, big fish eat little fish, члчлала члчлайчи кьацлхлебиклар* (букв. «змея не кусает змею»);
- положение в обществе: *biggest frog in the puddle, bottom fish, бялихъван удирад куртляхлиб* (вырвался в люди, стал большим человеком – «как рыба снизу вынырнул»).

Для интерпретации фразеологизмов, характеризующих род деятельности человека, используются знания ассоциативного формата. Влиятельный в сфере СМИ или финансов человек как правило ассоциируется с *акулой*, так как способен создать значительные неприятности своим оппонентам, например, испортить, или напротив, улучшить их репутацию. В народных поверьях свахи считались коварными и хитрыми женщинами, использующими свои знания и умения с целью навредить другим, и поэтому ассоциировались со *змеями*. ФЕ *рыбка хариус*, подразумевающий женщину легкого поведения, возник от глагола *харить*, что означает «совершать половой акт», «совокупляться». На жаргоне школьников учительница пожилого возраста называется *черепаха-тортилла*, по причине того, что в силу возраста не может быстро передвигаться. *Черепашками-ниндзя* называют бойцов спецназа по причине того, что и у тех, и у других лица спрятаны за маской. Английская ФЕ *loanshark* ассоциирует ростовщиков с акулами, потому что для возвращения долгов, они прибегают к незаконным методам по типу шантажа или запугивания.

Для интерпретации ФЕ характеризующие семейные отношения используются знания ассоциативного фор-

мата. Муж с женой ассоциируются со *змеями*, потому что муж и жена одинаковы в своих желаниях, стремлениях и действуют заодно.

Для характеристики взаимоотношений с другими людьми используются знания операционального опыта. Русская и английская ФЕ подразумевают что сильный притесняет слабого (*большая рыба маленькую целиком глотаем, big fish eat little fish*), а даргинская ФЕ подразумевает что те, кто равен в силах не будут состязаться друг с другом: *члчлала члчлайчи кьацлхлебиклар* (букв. «змея не кусает змею»).

Для интерпретации положения человека в обществе используются знания ассоциативного формата. В английской языковой картине мира влиятельный человек сравнивается с самой большой лягушкой в пруду, а человек непопулярный, являющийся изгоем, с рыбой, обитающей на самом дне океана. Даргинская ФЕ *бялихъван удирад куртляхлиб* проводит аналогию роста в глазах общественности со способностью рыбы выныривать из воды.

Как показывает анализ, существует большое количество концептуальных связей между объектами концептуально-тематических областей ЖИВОТНЫЙ МИР и ЧЕЛОВЕК. В качестве концептуальных основ данных связей выступают знания форматов перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов и ассоциативного формата. При интерпретации явлений общественной жизни используются знания о взаимодействии животных как с себе подобными, так и с представителями других видов.

ФЕ отражают особенности национальных языковых картин мира, о которых свидетельствует неодинаковый выбор языковых средств и механизмов репрезентации одних и тех же понятий. Культурно-национальная специфика языковых картин мира дает основания предположить, что представители разных социумов ориентируются на разные доминанты в процессе познания мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева И.В. Интерпретирующая функция фразеологизмов с компонентом-зоонимом в языковой картине мира (на материале русского, английского и французского языков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тамбов, 2020. – 20 с.
2. Гасанова У.У. Словарь даргинских пословиц и поговорок / отв. ред. Сивриди Г.Н. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2017. – 262 с.
3. Гасанова У.У. Фразеологический словарь даргинского языка. Махачкала: 2018. – 300 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Эксмо, 2008. – 616 с.
5. Курбанов И.А. Зоосимволы русского и английского языка: Анималистическая фразеология и паремиология в контексте культуры: [монография]. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, cop. 2012. – 434 с.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
7. <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com>
8. <https://1725.slovaronline.com> Dictionary of American idioms.
9. <https://eng-rus-aphorisms-dict.slovaronline.com>
10. <https://rus-phrasology-dict.slovaronline.com/?ysclid=lg9brffby829001384>

11. <https://phrases.org.uk/meanings/animal-phrases.html>
12. Фразеологический словарь русского языка. Телия Е.Н. 2006. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm>
13. Фразеологический словарь русского литературного языка. Фёдоров. А.И., 2008. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm>
14. <https://www.ircambridge.com/books/The-Oxford-Dictionary-of-Proverbs.pdf>
15. <https://www.theidioms.com/The-largest-idiom-dictionary>.
16. Англо-русский словарь непристойных выражений <https://rus-en-dirty-words-dict.slovaronline.com/?ysclid=ln4d9q58ey636214119>

© Курбанов Ибрагим Алиевич (ibragimkurbanov@mail.ru), Магомедов Магомед Мурадович (mr.mmm1998@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПОДСТИЛЯ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ «СОВМЕСТНОГО ЗАЯВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ОБ УГЛУБЛЕНИИ ОТНОШЕНИЙ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО ПАРТНЁРСТВА И СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, ВСТУПАЮЩИХ В НОВУЮ ЭПОХУ»)

Ма Лимин

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
mlmdiana@yandex.ru

COMPARISON OF LANGUAGE FEATURES OF THE DIPLOMATIC SUB-STYLE OF THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES (BASED ON THE MATERIAL OF "THE JOINT STATEMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA ON DEEPENING THE RELATIONS OF THE COMPREHENSIVE PARTNERSHIP AND STRATEGIC INTERACTION ENTERING A NEW ERA")

Ma Liming

Summary: In the modern world, diplomatic language plays an important role in resolving international issues and ensuring international security. The diplomatic language has its own stylistic and lexical features that make it unique and easily recognizable. This article focuses on comparing the diplomatic substyle of the Russian and Chinese languages. The subject of the study is the characteristics of diplomatic documents at the lexical, morphological and syntactic levels. The purpose of the article is to identify the stylistic features of diplomatic documents created in the languages under study. To achieve this goal, methods of comparative analysis, statistical analysis and component analysis are used. The bilingual document "Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Deepening Comprehensive Partnership Relations and Strategic Cooperation Entering a New Era" was chosen as the material for the study. This choice was driven by the need to avoid errors caused by translations, genre differences and differences in specific documents. As a result of the study, it was concluded that both Chinese and Russian diplomatic documents have a certain official character. However, due to the unique language systems and linguistic features of the Russian and Chinese languages, differences have been found at the lexical, morphological, and grammatical levels.

Keywords: diplomatic substyle, Russian language, Chinese language, international relations, document, linguistic features, bilingual documents.

Аннотация: В современном мире дипломатический язык играет важную роль в решении международных вопросов и обеспечении международной безопасности. Дипломатический язык обладает своими стилистическими и лексическими особенностями, которые делают его уникальным и легко узнаваемым. В данной статье основное внимание уделяется сравнению дипломатического подстиля русского и китайского языков. Предметом исследования выступают характеристики дипломатических документов на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Цель статьи заключается в выявлении стилистических особенностей дипломатических документов, созданных на исследуемых языках. Для достижения данной цели используются методы сопоставительного анализа, статистического анализа и компонентного анализа. В качестве материала для исследования был выбран двуязычный документ «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху». Этот выбор был обусловлен необходимостью избежать ошибок, вызванных переводами, жанровыми различиями и различиями в конкретных документах. В результате исследования был сделан вывод, что китайские и российские дипломатические документы имеют определенный официальный характер. Однако из-за уникальных языковых систем и лингвистических особенностей русского и китайского языков обнаружены различия на лексическом, морфологическом и грамматическом уровнях.

Ключевые слова: дипломатический подстиль, русский язык, китайский язык, международные отношения, документ, языковые особенности, двуязычные документы.

За последние два десятилетия глобализация достигла своего золотого периода развития. Однако в этот период глобальная ситуация изменилась, и

увеличилось количество дестабилизирующих факторов, которые повлияли на развитие текущей международной ситуации. Эти трансформации нашли свое отражение и в

языке дипломатии.

В современной дипломатии официальные документы не только пишутся о политической позиции к какой-либо акции другого государства или международным событиям, но и информируют о намечаемых или проведенных мероприятиях, имеющих международное значение, в этом плане совместное заявление считается дипломатическим документом [4, с. 98]. Дипломатические документы имеют большое значение в дипломатической деятельности, их содержание обычно задано заранее, а составление подчинено стереотипам. В них важны как содержание, так и форма [3, с. 84]. В функциональной стилистике дипломатические документы определяются как представителей дипломатического подстиля, который является своеобразным и легко узнаваемым. Кроме того, они часто используются в целях стилизации [1, с. 7]. Ученый В. В. Виноградов, говоря о стилях языка как системах, подчеркивает их устойчивый характер, который соответствует этапу развития языка в целом, его современному состоянию. Следовательно, стилистические черты обладают «исторической закрепленностью», однако они могут изменяться, прогрессировать и, соответственно, исчезать [2, с. 73]. Таким образом, сопоставив дипломатические документы русского и китайского языков, представляется возможность обнаружить их стилистические сходства и различия, проявляющиеся на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка.

Язык дипломатии в целом носит книжную характеристику, так как в документах употребляется стилистики книжная и высокая лексика, придающая дипломатическим документам торжественное звучание. Кроме того, в русском дипломатическом языке характерно употребление терминологии, с одной стороны, и общеупотребительной лексики – с другой [6, с. 227] (в основном латинского и французского происхождения, в настоящее время также обнаруживаются слова, имеющие английское происхождение). Например: *юстиция* (лат. *справедливость*) – римская богиня, олицетворявшая правосудие. Термины и из другой сферы могут употребляться в дипломатическом документе, при этом слово получает образное значение (*аутрич* (англ. *outreach* – *внешний контакт*) определяют как *форма продвижения услуг, предоставляемых медицинскими службами и общественными организациями, в целевое сообщество*, а в документе БРИКС «аутрич» называет один из способов расширения диалога и сотрудничества между странами БРИКС и другими странами, входящими в зону влияния или интересов каждой страны БРИКС. Также в дипломатических текстах широко используется общелитературная лексика, выступающая в качестве терминов, стилистически принадлежащих только дипломатическому подстилю. Например: *сторона* в данном документе обозначает государство, а *курс*, *ключ* употребляются в

значении направление политической деятельности.

Русский дипломатический документ отличается использованием аббревиатур для обозначения стран, международных органов и т.д. например: ВОЗ (Всемирная Организация Здравоохранения), ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество) и др.

Высокий стиль китайских дипломатических документов, как и русских, проявляется в лексике. В китайском языке часто используются архаизмы, что отвечает требованиям официального языка. Такие слова можно разделить на два типа: односложные и многосложные. Односложные слова реже используются отдельно в современных китайских официальных документах, но чаще употребляются как указательные местоимения, например, слово *其* *qí* в предложении *为此, 双方重申有必要综合施策, 与时俱进完善国际安全架构, 赋予其更强韧性。* (В этих целях Стороны подтверждают необходимость комплексной работы по обновлению и совершенствованию архитектуры международной безопасности для придания *ей* большей устойчивости к кризисам). Слово *愿* *yuàn* употребляется как глагол, выражающий желание и готовность, например: *双方高度重视人工智能治理问题, 愿就人工智能问题加强交流与合作。* (Стороны придают большое значение вопросу регулирования искусственного интеллекта и *готовы* наращивать обмена и сотрудничество по данной тематике.). Эти архаизмы также могут сочетаться с другими элементами и образовывать новые слова, например, с помощью служебного слова *之* *zhī* оформляется атрибутивное словосочетание, *全球发展倡议之友小组* (Группа друзей инициативы в области глобального развития) в китайском языке пишется как «Инициатива в области глобального развития+之+группа друзей».

В русском и китайском языках аббревиатура является одной из ярких характеристик дипломатического подстиля, например *AUKUS* аналогично и в русском языке *АУКУС*. Однако аббревиатуры, состоящие из букв, в китайском языке встречаются редко. Большинство образуется с помощью иероглифов-слов. Примером такого типа образования может быть *印太战略* (индо-тихоокеанская стратегия), в котором *印太* *yìntài* является сокращением слов *印度洋* *Yìndù yáng* (Индийский океан) и *太平洋* *Tàipíng Yáng* (Тихий океан).

Несмотря на официальность дипломатических документов, в китайском языке иногда встречаются слова из разговорного стиля, такие как идиомы, коллоквиализмы, пословицы и фразеологизмы, чтобы сделать язык живым и легким для понимания. При этом такие слова постепенно теряют характеристику разговорности. Например, *拱火浇油* *gǒnghuǒ jiāoyóu* означает в соответствующем русском документе *действие, способствующее дальней-*

шему разжиганию конфликта, а сама идиома буквально переводится как «подливать масло в огонь».

Обратимся к морфологическому уровню. Проанализировав конкретное количество слов разных частей речи в русском документе, обнаруживаем, что среди всех частей речи первое место занимает существительное. Высокая частотность употребления существительных в русском дипломатическом документе определяет именно характер подстиля, что в первую очередь отражается в высокой частотности употребления отглагольных существительных [5, с. 13]. Отглагольное существительное имеет абстрактный, общий характер и может широко использоваться вместо глаголов в официальном документе для достижения эффекта краткости содержания.

Кроме того, существительные в дипломатических документах широко употребляются в родительном падеже. В.А. Маркова определяет «цепочки родительных падежей» как конструкции, состоящие из ряда связанных между собой существительных, каждое из которых стоит в форме родительного падежа. Например: *Стороны подтверждают важность **скорейшего возобновления полного и эффективного выполнения Соглашения по иранской ядерной программе и резолюции 2231 Совета Безопасности ООН**, в связи с чем призвали все заинтересованные стороны принять политические решения, которые оказали бы содействие положительному исходу **переговоров** о возобновлении **выполнения Совместного всеобъемлющего плана действий**.*

Для дипломатического подстиля также характерны описательные глаголы, значение которых определяется существительным, к которому они присоединены. Например, такие выражения, как «осуществлять взаимовыгодное сотрудничество», «проводить работу» и «вести диалог», являются типичными для документов данного подстиля. В этих предложениях глаголы носят только грамматическое значение, а семантика заключается в существительных.

Кроме знаменательных частей речи, употребление служебных слов тоже имеет свои особенности. В русских дипломатических документах часто можно встретить составные предлоги. Следует учитывать, что подобные конструкции могут быть необходимы для точного и ясного выражения смысла. Эти предлоги обычно обозначают цели, причины, средства и т. д. Например:

*...углублять и расширять практическое сотрудничество в процессе модернизации **в целях** совместного развития и процветания...*

*...и международное сообщество должно поддерживать предпринимаемые **в связи с** этим конструктивные усилия.*

*...и разрешении острых проблем **посредством** диалога и консультаций...*

Как и в русских документах, в китайских дипломатических документах преобладают существительные, а также слова с функциями нескольких частей речи. Китайский ученый Чжу Дэси предложил термины **名动词** míngdòngcí (номинативные глаголы) и **名形容词** míngxíngcí (номинативные прилагательные) [7]. Эти категории отличаются от аналогичных в русском языке (т.е. отглагольные глаголы и отглагольные прилагательные) тем, что они не образуются с помощью трансформации, а уже сами по себе являются разными частями речи. Соответствующие номинативные глаголы обладают свойствами как глаголов, так и существительных, а номинативные прилагательные – свойствами как прилагательных, так и существительных. Например: в предложении *双方愿加强广播电视网络视听领域政策沟通合作* (Стороны намерены развивать сотрудничество и взаимный обмен информацией о политике в сфере радио) слово *合作* hézuò используется как существительное, а в предложении *双方同意加强媒体、智库、出版、社科、档案、文艺等领域交流合作* (Стороны согласны укреплять обмены между СМИ, аналитическими центрами, издательствами, сотрудничать в области общественных наук и архивов, литературы и искусства) – как глагол.

В китайских документах также присутствует большое количество **虚化动词** xūhuà dòngcí (размытые глаголы), которые используются для создания глагольно-объектной конструкции, не изменяя значения исходного слова. Они похожи на русские описательные глаголы.

Кроме того, в китайском языке активно употребляются **介词** jiècí, которые похожие на русские предлоги и используются для выражения значения места, времени, предмета, причины, цели и т. д. Их использование является характерной чертой дипломатического подстиля китайского языка. Например *在“两国方案”基础上(на основе двухгосударственного принципа)/在元首外交引领下(При ведущей роли дипломатии лидеров).为应对新冠疫情全球大流行(во вопросам борьбы с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19)/按照“双轨并进”思路(в соответствии с идеей «параллельного продвижения»)*. Однако иногда для выражения одного и того же смысла в китайском и русском языках пользуются разными способами. В выражении *以两国元首共识为引领(руководствуясь договоренностями, достигнутыми между главами государств)* конструкция *以...为...yǐ... wéi...* обозначает «применять кого-то-либо в качестве...». В русском документе подобную функцию выполняет деепричастие.

Рассмотрим синтаксический уровень. Осложнение простых предложений в русском языке является одной из характеристик дипломатического подстиля. В таких предложениях часто используется множество причастных и деепричастных оборотов, которые выполняют функции дополнения, ограничения, пояснения основ-

ной части предложения. Это делает выражение более полным, точным и избегает двусмысленности, что особенно важно для рассматриваемого подстиля.

Например, в предложении «Стороны отмечают, что отношения между Россией и Китаем, **не являясь** военно-политическим союзом, подобным союзам, **сложившимся** в период холодной войны, превосходят такую форму межгосударственного взаимодействия...» с помощью причастного и деепричастного оборотов ясно указывается на характер отношений между Россией и Китаем.

В простых предложениях частотны однородные члены предложения и союзы *и, или, а также*. Например, в следующем предложении: Стороны будут **укреплять** контакты и координацию по вопросам, связанным с африканскими государствами, **сохранять** благоприятную и здоровую атмосферу международного сотрудничества в Африке, **поддерживать** усилия африканских государств в самостоятельном решении проблем континента **и вносить** вклад в общее дело мира и развития на Африканском континенте. Одно подлежащее связывается с четырьмя сказуемыми через использование союза *и* и бессоюзную связь.

Сложные предложения в дипломатическом подстиле, как правило, соединяются союзами и союзными словами, такими как *однако, в связи с этим, в результате, следовательно* и т.д. Эти слова помогают связывать разные части предложения и указывать на логические связи между ними. Например:

Стороны подтверждают готовность решительно защищать международную систему, **в которой** центральную роль играет ООН...

Стороны подтверждают, **что** Договор о нераспространении ядерного оружия является краеугольным камнем...

Стороны настаивают на том, **чтобы** США, как единственное государство – участник Конвенции о запрещении химического оружия...

Как и в русском языке, структура простого предложения в китайском дипломатическом языке осложняется посредством однородности частей речи. Однородность воплощается с помощью союзов, таких как *和hé, 与yǔ, 及jí, 以及yǐjí (а также), 或者huòzhě (или)*, например: ...谴责打着打击国际恐怖主义**和**极端主义旗号**以及**利用恐怖**和**极端组织干涉别国内政、实现地缘政治目的的行径。(...> выступают против политизации и двойных стандартов в борьбе с терроризмом и экстремизмом, осуждают практику вмешательства во внутренние дела государств под предлогом борьбы с международным терроризмом **и** экстремизмом, **а также** попытки использования террористических **и** экстремистских группировок в геополитических целях) или непосредственно с помощью точки или запятой, например: 在

这一形势下, 双方保持密切外交协调, 开展紧密多边协作, 坚决捍卫公平正义, 推动构建新型国际关系。(В этих условиях Стороны поддерживают тесную внешне-политическую координацию и взаимодействие на многосторонних площадках, решительно отстаивая равенство и справедливость, продвигая построение международных отношений нового типа).

В китайской грамматике слова, используемые для соединения разных частей сложных предложений, называются **关联词语** (коррелятивные союзы). Для единообразия терминологии в данном тексте мы будем использовать термин **союзы**. Они могут выражать параллельные, избирательные или переходные отношения между различными частями предложения. Например, в предложении *双方指出, 中俄关系不是类似冷战时期的军事政治同盟, 而是超越该种国家关系模式, 具有不结盟、不对抗、不针对第三国的性质*. (Стороны отмечают, что отношения между Россией и Китаем не являются военно-политическим союзом, подобным союзам, сложившимся в период холодной войны, **а** превосходят такую форму межгосударственного взаимодействия, не носят блокового и конфронтационного характера и не направлены против третьих стран) использованы коррелятивные союзы для выражения отношений между частями предложения.

Кроме того, в китайских дипломатических документах для связи разных частей сложных предложений часто используются смысловые связи. Например, в предложении *俄罗斯需要繁荣稳定的中国, 中国需要强大成功的俄罗斯* (Россия заинтересована в стабильном и процветающем Китае, а Китай заинтересован в сильной и успешной России) две части предложения связаны по смыслу без употребления союза.

В сложноподчиненных предложениях китайских дипломатических документов главное и придаточное предложения соединяются запятой, а ведущие глаголы часто являются глаголами типа *指出zhǐchū (отметить), 强调qiángdiào (подчеркивать), 认为rènwéi (полагать, считать)* и т.п. Например: *双方**强调**, 巩固和深化中俄新时代全面战略协作伙伴关系是双方基于各自国情作出的战略选择, 符合两国和两国人民根本利益, 符合时代发展潮流, 不受外部影响*. (Стороны **подчеркивают, что** укрепление и углубление российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, являются независимым от внешнего влияния стратегическим выбором, основанным на национальной специфике каждой из Сторон, отвечают коренным интересам двух государств и их народов, соответствует современным тенденциям развития, не подвержены влиянию внешних факторов).

Итак, в ходе анализа двуязычного документа нами

были обнаружены как сходства, так и различия между российскими и китайскими дипломатическими документами. Оба языка характеризуются использованием терминологии и аббревиатур, а также преобладанием существительных, употреблением описательных глаголов и союзов; осложнением простых предложений.

Однако в русском и китайском языке также существуют значительные различия:

- китайские документы содержат больше архаизмов, слов разговорного стиля и идиом, а русские – больше иностранных слов и аббревиатур;
- в китайском языке глаголы употребляются чаще,

чем в русском, что детерминируется отсутствием причастий и деепричастий;

- в русских документах часто используются причастные и деепричастные обороты для образования простых предложений и союзы для соединения главных и придаточных предложений, тогда как китайские документы содержат больше простых предложений.

В целом, оба языка демонстрируют формальный и официальный характер дипломатических документов, но существуют различия на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буре Н.А. Основы русской деловой речи: учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений / Н.А. Буре, Л.Б. Волкова, Е.В. Косарева и др.; под ред. проф. В.В. Химика. Санкт-Петербург: Златоуст, 2012. 448 с.
2. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 73.
3. Борунков А.Ф. Дипломатический протокол в России. Изд. 3-е, доп. Москва: Международные отношения, 2007. 264 с.
4. Ковалев А.Н. Азбука дипломатии. Москва: Международные отношения, 1968. 208 с.
5. Логинова К.А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху. Развитие функциональных стилей современного русского языка. Москва: Наука, 1968. 13 с.
6. Салимовский В.А. Стилистика русского языка. 4-е изд., стереотип. Москва: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
7. 朱德熙. 现代书面汉语里的虚化动词和名动词 [J]. 北京大学学报, 1985, (5): 1–6.

© Ма Лимин (mlmdiana@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫК МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

THE LANGUAGE OF MASS CULTURE IN MODERN MASS MEDIA

E. Molyavina

Summary: The article is devoted to the consideration of the specifics of the broadcast of mass culture through the mass media. The main focus is on the peculiarities of the language of mass culture. The author defines the pragmatic functions of speech tools implemented by the media in the broadcast of mass culture. The theoretical postulates are supported by original language material.

Keywords: mass culture, mass media, speech impact, mass communication, genres, stylistics.

Молявина Елена Алексеевна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ (г. Москва)
molyavina68@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению специфики трансляции массовой культуры посредством средств массовой информации. Основной акцент делается на особенностях языка массовой культуры. Автор определяет прагматические функции речевых средств, реализуемых СМИ при трансляции массовой культуры. Теоретические постулаты подкрепляются оригинальным языковым материалом.

Ключевые слова: массовая культура, СМИ, речевое воздействие, массовая коммуникация, жанры, стилистика.

В современном мире распространение информации как никогда упрощено посредством средств массовой информации, доступность которых значительно повысилась в результате их перехода на онлайн формат. Наши знания о мире становятся все более углубленными посредством доступности различного рода данных. Однако доступность обработки информации выросла не только для реципиентов, но и для ее адресантов. Так, СМИ, выступающие активным транслятором знаний о мире, непременно добавляют в свои тексты оценочные структуры, характерные для каждой конкретной культуры [Муравлева, 2020]. Совокупность подобных структур, распространенных по всему миру, создает **массовую культуру** - явление, характеризующее особенности производства культурных ценностей в современном обществе [Корнилов, 2000: 37]. Учитывая распространенность и всеобъемленность данного феномена, можно уверенно говорить об актуальности его исследования. Однако в современных исследованиях зачастую принижается значение массовой культуры - в ней видят преимущественно деструктивную составляющую, не углубляясь в механизмы ее функционирования, в частности посредством языковых элементов.

Термин «массовая культура» появился впервые в американской печати в конце 1930-х гг. К массовой культуре принято относить те «артефакты», которые понятны широкому кругу лиц без дополнительных сведений, знаний и комментариев. По мнению Д. Белла массовая культура - это «своего рода организация обыденного сознания в информационном обществе, особая знаковая система или особый язык, посредством которого члены информационного общества достигают взаимопонимания» [Белл, 1993: 96]. Массовая культура – это не просто

культура потребления, как принято считать, скорее это процесс и результат циркулирования актуальных значений и ценностей в социальной системе. Первостепенную роль в формировании и развитии массовой культуры играет межкультурная коммуникация.

Принципиальным отличием массовой культуры от культуры в глобальном смысле видится в том, что массовая культура формируется не столько народом, сколько культурными индустриями с целью получения экономической прибыли:

Suddenly, Facebook, Instagram, YouTube and other social platforms were rushing to roll out similar products, encouraging users to make videos up to one-minute in length that would be displayed vertically, in a scrolling feed with endless recommendations for what to watch next. Those other platforms spent the following years trying to play catch-up to TikTok's popularity, especially among the crucial teen demographic [CNN, 2023: TikTok is pushing longer videos. Some creators worry about the vibe shift].

(Внезапно Facebook, Instagram, YouTube и другие социальные платформы поспешили выпустить аналогичные продукты, поощряя пользователей создавать видеоролики продолжительностью до одной минуты, которые отображались бы вертикально в прокручиваемой ленте с бесконечными рекомендациями о том, что смотреть дальше. Эти другие платформы потратили годы, пытаясь догнать популярность TikTok, особенно среди критически важной подростковой аудитории).

В приведенном фрагменте основное внимание автора направлено на наиболее используемые современными подростками социальные сети. Текст сосредоточен на том, чтобы сравнить возможности перечисленных

платформ по трансляции информации. Лексические средства, употребляемые адресантом способствуют выстраиванию неочевидной иерархии продуктов потребления массовой культуры (... *were rushing to roll out similar products...*; *Those other platforms spent the following years trying to play catch-up to TikTok's popularity...*), что позволяет обойти аналитическую обработку информации сознанием реципиента. Таким образом закрепляется приоритет одной из указанных платформ.

Массовая культура вездесуща. Так, согласно исследованиям Батса (Butts, 2019), среднестатистический американец оказывается под ее непосредственным воздействием ежедневно примерно по 11,5 часов. Такой объем времени не может использоваться хаотично: «тексты, особенно ориентированные на широкую аудиторию, представляют собой результат не спонтанного, а, напротив, четко продуманного процесса речетворчества, отвечающего задачам коммуникации» [Белоусова, Муравлева, 2021: 36]. Так, радио, телевидение, периодические издания, социальные сети и другие источники транслируют свои «артефакты», используя различные речевые жанры (статьи, реклама, рассказы, анекдоты, советы, признания и многие, многие другие). На наш взгляд выбор жанрово-стилистических форм трансляции массовой культуры определен их «близостью» среднестатистическому реципиенту информации – наиболее удачными формами реализации текстов являются те, с которыми люди встречаются в своей повседневной жизни:

Keep on top of your finances with a budgeting app that can give you an overview of your current and savings accounts at different lenders in one simple dashboard. They can also sort your spending into categories.

Some even help you save by combing through your bills, offering cheaper alternatives or areas where you can cut back. How to cut your spending: from cashback and loyalty card perks to supermarket deals.

(Следите за своими финансами с помощью приложения для составления бюджета, которое может предоставить вам обзор ваших текущих и сберегательных счетов в разных банках на одной простой панели мониторинга. Они также могут сортировать ваши расходы по категориям.

Некоторые даже помогают вам экономить, просматривая ваши счета, предлагая более дешевые альтернативы или области, где вы можете сэкономить. Как сократить свои расходы: от возврата наличных и льгот по картам лояльности до скидок в супермаркетах.)

Приведенный фрагмент статьи написан в форме дружеской рекомендации на весьма острую тему финансового благополучия. Автор избегает употребления узкоспециальной терминологии, обращаясь к нейтральной, повседневной лексике. Легкие и доступные для реализации советы скрывают за собой рекламу конкретных

приложений (далее по тексту статьи), воспользоваться которыми можно оплатив подписку.

Стоит отдельно отметить влияние социальных сетей на язык массовой культуры. Дело в том, что посты в социальных сетях создаются обычными людьми. СМИ зачастую ссылаются на те или иные высказывания пользователей социальных сетей в рамках такой аргументативной функции как апелляция к авторитетам [Муравлева, 2019] – внося тем самым в свои тексты «глас народа» или же изречения известных лиц, которые, по мнению авторов текстов СМИ, являются неким примером для подражания для реципиентов информации. Подобным образом массмедиа подчеркивают, что находятся на одной волне с читателями и движутся в ногу со временем, освещая наиболее актуальные темы:

Are you part of a matching pajama family? The twee tradition of Christmas morning coordination has recently become a kind of visual shorthand, allowing the internet to infer all kinds of notions about the inner workings of a stranger's clan. "If you come from a matching pjs family I can't relate to you at all," read one post on X. "I wish my family were a matching pjs type of family," chimed another.

True or not, the groupthink of unison dressing seems to relay a powerful message of unity and togetherness — even if the synchronism only lasts long enough to pose for a family photo. [CNN, 2023: Look of the week: The hidden meaning behind this royal scarf]

(А в вашей семье похожие пижамы? Традиция рождественского утра в едином стиле в Твиттере недавно стала своеобразной визуализацией, распространяющей в Интернете представления о жизни чужих семей. «Если ты один из этих «пижамных семей», то мне вообще не о чем с тобой говорить», - гласит один пост на X. «Я бы хотел, чтобы моя семья была одной из таких «пижамных семей»», - подхватил другой.

Правда это или нет, но массовое стремление к одежде в унисон, похоже, передает мощное послание единства — даже если его хватает лишь на то, чтобы позировать для семейной фотографии.)

В приведенном фрагменте текста представлены два противоположных мнения на обсуждаемую тему. Интересным видится, что предложенные вниманию реципиента сообщения цитаты не несут за собой никакой привязки ни к конкретным людям, ни к социальным сетям. По мнению автора, достаточно лишь указания, что эти мнения отражены в постах одной из социальных платформ. Иными словами, последние сами по себе выступают неким авторитетным источником информации. Более того, отдельно стоит отметить, что указание разных точек зрения предоставляет адресанту некий нейтралитет, позволяющий ему быть востребованным сторонниками любой из представленных цитат.

Таким образом, распространенность массовой куль-

туры в современном обществе определяется доступностью информации как для ее реципиентов, так и для адресантов, неограниченностью межкультурных коммуникаций и экономической выгодой для ряда индустрий. Принципиальную роль трансляции массовой культуры

играет язык. Специфическими особенностями языка массовой культуры можно назвать нейтральную обиходно-бытовую жанрово-стилистическую окраску, использование аргументативных приемов (апелляция к авторитетам) и прагматически окрашенной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. — М.: Мысль, 1993.
2. Белоусова, О.Г. Особенности реализации стратегии дискредитации во время пандемии COVID-19 / О.Г. Белоусова, В.Р. Муравлева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2021. — № 5-3. — С. 35-39.
3. Корнилов М.И. Герои и жанры массовой культуры Японии. // Человек: образ и сущность. - М.: ИНИОН РАН, 2000.
4. Муравлева, В.Р. «Апелляция к авторитетам» как один из способов языкового воздействия в современных информационных войнах / В.Р. Муравлева // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот: Материалы Международных научных конференций, Екатеринбург, 27–30 ноября 2019 года / Ответственный редактор Н.Б. Руженцева. — Екатеринбург: [б.и.], 2019. — С. 152-156.
5. Муравлева В.Р. Языковые манипулятивные средства в коммуникативной среде СММ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 2. С. 48–56.
6. Butts, T. (2019, July 1). Nielsen: U.S. adults spend majority of waking hours interacting with media. TV Technology. Retrieved July 20, 2020, from <https://www.tvtechnology.com/news/nielsen-u-s-adults-spend-majority-of-waking-hours-interacting-with-media>
7. Dolan, L. Look of the week: The hidden meaning behind this royal scarf / CNN // Электронный пещуц <https://edition.cnn.com/style/royal-scarf-king-charles-lotw/index.html>
8. Duffy, C. TikTok is pushing longer videos. Some creators worry about the vibe shift / CNN // Электронный пещуц <https://edition.cnn.com/2023/12/16/tech/tiktok-pushing-longer-videos-creators-app-change/index.html>
9. How to cut your spending: from cashback and loyalty card perks to supermarket deals / the Guardian // Электронный пещуц <https://www.theguardian.com/money/2024/jan/05/how-to-cut-your-spending-cashback-loyalty-card-perks-supermarket-deals>.

© Молявина Елена Алексеевна (molyavina68@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЕРМЕНЕВТИКА КАК СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩАЯ ОСНОВА ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

HERMENEUTICS AS A LEGAL TRANSLATION MEANING-GENERATING BASIS

*M. Novikova
A. Lebedeva*

Summary: The article is devoted to identifying the main problems of the legal acts' understanding and interpreting both within one and the same language and in a translation situation. Typical cases of unprofessional / illiterate legal language use by domestic and anglo-saxon legislators leading to misunderstanding or multiple interpretations of the legal norm by recipients are highlighted. To solve this problem, the domestic hermeneutic-legal methodology is optimally suited. In the article it has been established that the legal translation meaning-generating basis is the interaction of hermeneutic-legal and hermeneutic-translation methodologies within the framework of the cognitive-hermeneutic translation paradigm.

Keywords: legal act, legal translation, hermeneutic-legal methodology, hermeneutic-translation methodology, cognitive-hermeneutic translation paradigm.

Новикова Марина Геннадьевна

*Доктор филологических наук, доцент, профессор,
Российский государственный университет правосудия
(г. Москва)*

Novikova_mg@mail.ru

Лебедева Анна Александровна

*Доктор филологических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)*

lebsuch@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена выявлению основных проблем понимания и толкования текстов нормативно-правовых документов как в рамках одного языка, так и в ситуации перевода. Освещены типичные случаи непрофессионального / неграмотного использования юридического языка отечественными и зарубежными законодателями, ведущие к непониманию или множественному толкованию правовой нормы реципиентами. Для снятия данной проблемы оптимально подходит отечественная герменевтико-юридическая методология. Установлено, что смыслопорождающей основой юридического перевода является взаимодействие герменевтико-юридической и герменевтико-переводческой методологий в рамках когнитивно-герменевтической парадигмы перевода.

Ключевые слова: нормативно-правовой акт, юридический перевод, герменевтико-юридическая методология, герменевтико-переводческая методология, когнитивно-герменевтическая парадигма перевода.

Правовое поле поросло лесом законов, поэтому и в правовом поле можно наломать немало дров.

Константин Кушнер [7].

Слова российского историка и педагога К.А. Кушнера подтверждают актуальность выбранной темы исследования, поскольку указывают на существующие многочисленные проблемы в области понимания и толкования текстов нормативно-правовых документов даже в рамках одного языка, в ситуации перевода (при активном сопротивлении контактирующих языков и культур) число данных проблем резко возрастает.

Одним из возможных источников подобных сложностей понимания правовых текстов является высокий «толковательный потенциал» языка, когда, казалось бы, одну и ту же мысль возможно сформулировать и перефразировать, используя обширный набор различных лексико-грамматических средств, с одной стороны, и вариативность когнитивного восприятия конкретного дискурсивного сообщества (участников коммуникации в определенной правовой ситуации) с другой. Образуется своеобразный «смысловой барьер» между содержа-

ем нормативно-правового акта и его пониманием и последующим толкованием реципиентом.

Так, правовой текст несет не только лексическое содержание, но и «содержание, схваченное в отношении к бытию», к конкретной правовой ситуации, к другим содержаниям и самому реципиенту / правоприменителю. «Этот субъективный аспект и есть смысл текста. Важно: он создает зазор между тем, что есть, и тем, как это воспринимается <...> текст поэтому есть кристаллизованная рефлексия (правового) человеческого бытия. И в этом заключается его смысл. Восстановление этого «намерения» текста есть задача понимания» [3, с. 109].

Вариативность когнитивного восприятия заставляет в каждой системе значений, которой по сути и является правовой текст, искать помимо буквального смысла смысл вторичный, иносказательный, который может быть выражен и развит через буквальный [8, с. 113-117]. Данная способность человеческого мышления позволяет толковать одну и ту же правовую норму по-разному. Именно поэтому юридический дискурс возможно трактовать как динамичный юридический текст, находящийся в процессе понимания и разъяснения.

Исходя из базовой задачи текстов законов – регламентирование и регулирование общественных отношений населения в государстве, их возможное множественное толкование жизненно необходимо сводить к минимуму для обеспечения равноправного правового обслуживания граждан той или иной страны. Попытка решения данной задачи на лексико-грамматическом и стилистическом уровне вылилась в ряд требований к юридическому языку, используемому законодателем для написания нормативно-правовых актов. Так, к основным из них относят терминологическую насыщенность, устойчивость и однотипность употребления и ... **однозначность толкования** (sic!).

Парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что для достижения желаемой однозначности толкования и простоты восприятия, юридический язык, будучи непрым искусственным феноменом, ещё более усложняется как в отечественной юриспруденции, так и в зарубежной. Подобное противоречие не осталось незамеченным и вылилось в ряд иронических исследований и высказываний в адрес английского юридического языка и критических замечаний в случаях «непрофессионального / неграмотного» использования русского юридического языка.

Так, например, отечественные законодатели в текстах правовых документов нередко допускают:

- неоправданное использование иноязычной терминологии вместо существующих аналогичных терминов в русском языке («листинг» вместо «список», «дистрибьютер» вместо «поставщик», «ритейлер» вместо «распространитель или магазин розничной торговли» т.п.). Непростая ситуация сложилась с термином «омбудсмен» древнескандинавского происхождения, который впервые стал использоваться для обозначения должности человека, решающего сложные вопросы в стране в отсутствие короля в Швеции в 1800-х гг. В настоящее время англоязычные словари выделяют два основных значения термина – «человек, расследующий и регулирующий жалобы частных лиц (пациентов, потребителей, работников и пр.) против соответствующих организаций» и «чиновник, расследующий жалобы о злоупотреблении должностными обязанностями государственными служащими» [12.1]. В русском языке после заимствования у данного термина появилось ещё три значения, закрепленные на законодательном уровне в разных видах права – «финансовый уполномоченный», «общественный примиритель на финансовом рынке» и «уполномоченный по правам человека». Подобная искусственно созданная полисемия не способствует достижению искомого однозначного толкования правовых документов;

- злоупотребление дефинициями, когда в текстах законов даются определения не только юридическим научным понятиям, но и словам, не относящимся к терминологии. Примером послужат изменения, внесенные в федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» 28 февраля 2023 г.: выражение «быть идентичными по содержанию и техническому оформлению» заменили словами «быть идентичными по содержанию, равнозначными по размещению и техническому оформлению (иметь одинаковые параметры – цвет, тип и размер шрифта)» [4]. Однако следует отметить, что изменения в тексты законов вносятся на основании анализа полученных запросов от населения и выявленных случаев неправильного понимания того или иного положения нормативно-правового акта, следовательно, в некоторых случаях лексико-синтаксическое усложнение юридического текста может быть вынужденным;
- «юридизацию» элементов разговорной и публицистической лексики, а также профессиональных жаргонизмов, что может исказить смысл формулируемой юридической нормы, затруднить ее понимание и правоприменение. Так, например, даже в федеральном законе можно встретить выражение «отмывание денежных доходов» вместо термина «легализация» с устоявшимся значением [2, с. 107];
- намеренное использование длинных сложноподчиненных предложений, ввиду чего смысл правовой нормы улавливается с трудом и т.д. [6].

Феномен юридического языка в англоязычных странах приобрел специальный термин «Legalese». Его необоснованная сложность, а иногда и несуразность, стала источником множества шуток и иронических высказываний.

Например, известный американский юрист, исследователь проблем, связанных с юридическим языком, А. Фридман отмечает, что «Nothing in the realm of **legalese** is quite what it seems. Consider the fact that Congress once passed legislation declaring that ‘September 16, 1940 means June 27, 1950.’ In New Zealand, the law says that a ‘day’ means a period of 72 hours... To American lawyers, a 22-year-old document is ‘ancient,’ while a 17-year-old person is an ‘infant’» [9]. (В юридическом языке все может быть не тем, чем кажется. Так, например, Конгресс однажды принял закон, провозглашающий, что «16 сентября 1940» года означает «27 июня 1950 года». В Новой Зеландии, согласно одному из законов, «сутки» означают период времени в 72 часа... Для американских юристов документ 22-летней давности считается «древним», а 17-летний человек – «младенцем» – перевод наш – М.Н., А.Л.).

Или же облетевший весь мир шуточный 'перевод' простой и понятной фразы «I give you this orange – я даю тебе этот апельсин» на юридический язык, отражающий все особенности **legalese**, составленный безымянным служителем Фемиды:

Know all the persons by these presents that I hereby give, grant, bargain, sell, release, convey, transfer, and quitclaim all my right, title, interest, benefit, and use whatever in, of, and concerning this chattel, known as an orange, or *Citrus aurantium*, together with all the appurtenances thereto of skin, pulp, pip, rind, seeds, and juice, to have and to hold the said orange together with its skin, pulp, pip, rind, seeds, and juice, for his own use and behoof, to himself and his heirs, in fee simple forever, free from all liens, encumbrances, easements, limitations, restraints, or conditions whatsoever, any and all prior deeds, transfers, or other documents whatsoever, now or anywhere made, to the contrary notwithstanding, with full power to bite, cut, suck, or otherwise eat the said orange or to give away the same, with or without its skin, pulp, pip, rind, seeds, or juice [10].

Настоящим доводится до всеобщего сведения, что я, пребывая в здравом уме и ясной памяти, обозначенным лицам даю, предоставляю, передаю, продаю и отказываюсь от своих прав, интересов и выгод от использования всего, что связано с этим движимым имуществом, известным как апельсин или лат.: *Citrus aurantium* вместе со всем свойственным ему: кожурой, мякотью, косточками и соком навсегда в полную собственность для безграничного обладания указанным апельсином вместе с его кожурой, мякотью, косточками и соком, а также его непосредственного использования в собственных интересах и интересах наследников, без каких-либо залогов, обременений, ограничений или каких бы то ни было условий всех предыдущих актов передач или других документов для того, чтобы кусать, резать, сосать или иным образом есть указанный апельсин или передать его иным лицам вместе со свойственными ему: кожурой, мякотью, косточками и соком или без них (интерпретация наша – М.Н., А.Л.).

Приведенные доводы и примеры доказывают необходимость разработки эффективной методологии для снятия возможности неоднозначного понимания правовых норм и «неадекватной их реализации в процессе правотворчества или правоприменения, неоправданно расширительного или ограничительного толкования нормы права, а также игнорирования принципов верховенства права в конкретной ситуации правоприменения» [5, с. 8] даже в рамках одного языка, ибо без однозначного понимания текста нормативно-правового акта его невозможно перевести на другой язык или же перевод не будет адекватным.

Согласно высказыванию известного французского

философа П. Рикёра, «в области идентификации текстового значения эффективными являются герменевтические методологии» [15, с. 38].

Действительно, юридическая герменевтика – наука, давно и плодотворно используемая в отечественной и зарубежной юриспруденции. Учёные в Российской Федерации выделяют среди основных целей этой дисциплины постижение смысла определенной правовой нормы в *конкретной ситуации* и выработку правового суждения для применения данной нормы. Другими словами, герменевтическое осмысление правовых феноменов позволяет найти или придать юридический смысл конкретной ситуации, конкретному отношению между людьми, которое может быть урегулировано правом как общеобязательным формально определенным и зафиксированным сводом правил поведения [5].

Зарубежные исследователи в силу особенностей английского юридического языка, осознавая внутреннюю «понимающую» задачу юридической герменевтики, настаивают на включении в сферу её интересов риторическую теорию аргументации. Имеется ввиду профессиональная подготовка аудитории к признанию обоснованности излагаемой правовой информации и принятию точки зрения говорящего. Причина повышенного интереса к риторическому искусству лежит, по их мнению, в концептуально открытой природе права и уверенности в том, что объективное правовое описание реальности невозможно, ибо оно находится в другом логическом измерении, чем язык [14, 17]. Более того, юридическая герменевтика, как утверждают зарубежные правоведы, должна быть основана на осознании «творческого элемента в языке», что дает возможность «судьям (подобно фокусникам) манипулировать реальностью, навязывая у сторон ложное чувство безопасности из-за множества мер предосторожности, доступных при толковании норм права» [11, с. 181-188]. Следовательно, в задачи юридической герменевтики должно входить не только выявление смысла правовой формулировки, но и учет эффектов различных интерпретаций с возможными прагматическими последствиями того или иного правового решения [16].

При сопоставлении юридических герменевтических методологий становится очевидным стремление отечественных правоведов к установлению конкретного случая правоприменения, в то время как англосаксонские ученые намеренно оставляют возможность для «правового манипулирования», которое маскируется под тенденцией правового развития, вместе с тем активно пропагандируется стремление к однозначности толкования.

Таким образом, для переводчика в качестве рабочей методологии целесообразно использовать наработки отечественной юридической герменевтики, ибо опреде-

ление конкретного случая правоприменения не только снимает проблему множественного толкования в пределах одного языка, но и очерчивает границы понимания непереводаемого, сложно-переводимого или имеющего множественные значения отрезка исходного текста нормативно-правового документа в ситуации перевода. Другими словами, именно юридическая герменевтическая методология делает процесс понимания конечным для переводчика.

Таким образом, отечественная юридическая герменевтическая методология должна быть включена в состав предложенной научному сообществу отечественным лингвистом Э.Н. Мишкурным **когнитивно-герменевтической парадигмы перевода**. Последняя определяется в качестве «системно выстроенной по принципу дополнительной дистрибуции дискурсивной соборности философо- / филолого-герменевтических, когнитивно-коммуникативной / когнитивно-прагматической, семиотико-интерпретирующих и иных теорий, концепций, максим, моделей, способов и приемов перевода, а также перепорождения, перелагания, пере выражения, адаптации и других разновидностей игровой трансформации ИТ в результирующий ПТ на уровнях контентно-смысловом, функционально-стилистическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, символично-аллегорическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров» [1, с.166-167].

Методологической базой упомянутой парадигмы является «**Герменевтико-переводческий методологический стандарт**», который представляет собой четырехступенчатую матрицу, включающую в себя когниции предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения.

Когниция **предпонимания** представляет собой формирование «исходного» знания, необходимого и достаточного для осуществления переводческого процесса. На данном этапе на имеющиеся или обретенные фоновые знания накладывается расширенный трансдисциплинарный анализ ИТ, снимающий основные лексико-синтаксические и стилистические сложности.

Рассмотрим предложения:

*Most law firms have a **precedent** bank.*

*The court will sometimes use an **"armchair principle"** to clarify ambiguity.*

На этапе **предпонимания** определяем, что оба выделенных понятия относятся к англо-саксонской правовой системе. Термин **precedent** (от старого французского *precedent*, непосредственно от латинского *praecedentum*) стал употребляться в юридическом английском с начала XV века в значении «предшествующий случай или обстоятельство, которое может быть принято за правило в по-

следующих аналогичных случаях; установленный обычай, привычка или правило» [12.2]. Понятие **armchair principle** относится к толкованию завещания в тех случаях, когда его значение неочевидно, и судье приходится «учитывать внешние доказательства, то есть свидетельства обстоятельств наследодателя на момент составления завещания. Если, к примеру, завещание содержит исключительно слова: "All for mother", и на момент его составления мать наследодателя была жива, судья должен учесть и внешние данные, показывающие, что при жизни наследодатель называл «матерью» свою жену, мать своих детей. Следовательно, в наследство должна вступить жена, а не мать составителя завещания» [13].

Когниция **понимания** обеспечивает глубокое проникновение в ИТ, выявляя и раскрывая всю систему текстовых, затекстовых и подтекстовых смыслов оригинала. Происходит преодоление межъязыковой асимметрии, сближение когнитивных диапазонов контактирующих культур. Именно на данном этапе необходимым условием адекватного понимания смысла иноязычного нормативно-правового акта является использование методологии юридической герменевтики, позволяющей определиться с видом правоприменения в каждом конкретном случае.

Другими словами, на этапе **понимания** мы определяем границы значений искомых терминов, а далее ищем и анализируем возможные случаи правоприменения понятий с предполагаемым значением в уже существующих юридических документах. Результат подробного анализа показывает, что значение термина **precedent** зависит от вида права: в контрактном праве – это «шаблон», в остальных случаях – «судебное решение». Значение термина **armchair principle** является устоявшимся, используемым в однотипных контекстах.

Когниция **интерпретации** позволяет сформулировать ряд адекватных вариантов перевода в соответствии со стратегиями «форенизации» или «доместикации».

Для первого понятия – это «набор шаблонов для создания необходимых документов» или «банк прецедентных судебных решений» в зависимости от вида права. Возможны и иные формулировки с идентичным значением. Для второго понятия считаем возможным подобрать русскоязычный фразеологизм со схожим значением или дать буквальный перевод, снабдив выбор переводческим комментарием: «принцип чужой skóry», «принцип чужого места», «принцип чужого кресла» – обязанность учитывать внешние доказательства на момент составления завещания.

Когниция **принятия переводческого решения** есть свидетельство выбора оптимального, по мнению переводчика, варианта перевода для данного оригинала в

заданных хронопных условиях, отчуждаемого в сферу читательской рефлексии:

1. В большинстве юридических фирм есть банк прецедентных судебных решений (или в контрактном праве – В большинстве юридических фирм есть набор шаблонов для создания необходимых документов).
2. По необходимости суд будет использовать принцип «чужого кресла», т.е. учитывать внешние доказательства на момент составления завещания для уточнения смысла последнего.

Таким образом, смыслопорождающей основой юридического перевода является взаимодействие герменевтико-юридической и герменевтико-переводческой методологий в рамках когнитивно-герменевтической парадигмы перевода с целью определения конкретного случая правоприменения в исходном тексте, снимающего возможность множественного толкования искомой правовой нормы, а также очерчивания границ понимания и интерпретации исходного текста нормативно-правового документа для создания адекватного варианта перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мишуров Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении. М.: Флинта, 2020. 300 с.
2. Мурсалимов К.Р. Следование закономерностям права и соблюдение правил законодательной техники — основа высокого качества нормативных правовых актов // Вестник Московского университета МВД России. №8, 2013. С. 104-107.
3. Никитина Е.С. О понятии нулевого смысла текста // Культурноисторическая психология. 2015. Т. 11. № 2. С. 108-117.
4. «О государственном языке Российской Федерации» 28 февраля 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028?index=1> (дата обращения: 28.11.23).
5. Писаревский А.Е. Юридическая герменевтика. Автореф. дис. ... к.филол.н., Краснодар, 2004. 32 с.
6. Погрешности языка закона. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/492666> (дата обращения: 13.12.23).
7. Праворуб. Профессиональное сообщество юристов и адвокатов. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravorub.ru/groups/2951381520300/8956.html> (дата обращения: 13.12.23).
8. Харитонов Л.А. Герменевтический подход к толкованию правовых норм // КриминалистЪ. 2011. №1(8). С. 113-117.
9. Freedman A. The Party of the First Part: The Curious World of Legalese. Henry Holt, 2007. URL: <https://www.thoughtco.com/legalese-language-term-1691107> (дата обращения: 28.11.23).
10. From Words to Deeds: Translation & the Law, 2012. URL: <https://wordstodeeds.com/2012/05/21/monday-smiles-i-give-you-this-orange/> (дата обращения: 16.12.23).
11. Jørgensen S. Lawyers and Hermeneutics // Legal Theory, April 2000. S. 181–188.
12. Merriam-Webster Dictionary Thesaurus. URL: 1) <https://www.merriam-webster.com/dictionary/ombudsman>; 2) <https://www.merriam-webster.com/dictionary/precedent> (дата обращения: 28.11.23).
13. Oosterhoff A. When Can a Judge Sit in the Testator's Armchair? // Commentary, WEL Newsletter. May 27, 2021. URL: <https://welpartners.com/blog/2021/05/when-can-a-judge-sit-in-the-testators-armchair/> (дата обращения: 26.11.23).
14. Perelman Ch. Justice et raison, 2nd ed., Bruxelles, 1970.
15. Ricoeur P. Text to Action, transl. K. Blamey, J.B. Tompson. Evanston, 1991.
16. Taylor G.H. Legal Hermeneutics: The Text and Beyond. University of Pittsburgh. USA, 2017. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00071773.2017.1303121> (дата обращения: 07.10.23).
17. Viehweg Th. Topik und Jurisprudenz, 3. Aufl., München, 1965.

© Новикова Марина Геннадьевна (Novikova_mg@mail.ru), Лебедева Анна Александровна (lebsuch@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В КИТАЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Тянь Кайгэ

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
kaige2013@yandex.ru

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL ADVERTISING IN CHINA AT THE PRESENT TIME

Tian Kaige

Summary: Social advertising in China is evolving at a rapid pace, and it is important for companies to keep up with the latest trends in order to succeed. It is important to realize that the Chinese digital market is different from all other markets in the world. Consumers have different habits and behaviors, and companies use different brand promotion strategies. In this regard, the purpose of the article is to identify and study the main trends of social advertising in China at present. The study identifies the distinctive features of the Chinese social media ecosystem, analyzes marketing strategies in Chinese social media, and outlines the challenges of social advertising development in the country. The results show that China has a unique ecosystem of social networks and advertising in them, which requires companies to apply special approaches to promotion and positioning in the market, and to use different methods of communication strategy development. Prospects for further research include an extended analysis of the effects of interaction between e-commerce and social networks in China.

Keywords: advertising, social media, behavior, consumer, consumer, marketing, China, strategy, video.

Аннотация: Социальная реклама в настоящее время является стержнем современного маркетинга, она позволяет продвигать бизнес, продукты и услуги, обмениваться мнениями и создавать привлекательный контент. Китай, являясь лидером в цифровизации, претендует на занятие лидирующих позиций в мире в сегменте рекламы в социальных сетях. В связи с этим цель статьи заключается в выявлении и изучении ключевых тенденций развития социальной рекламы в Китае в настоящее время. В процессе исследования выявлены отличительные черты китайской экосистемы социальных сетей, проведен анализ маркетинговых стратегий в китайских социальных сетях, обозначены проблемы развития социальной рекламы в стране. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в Китае сформировалась уникальная экосистема социальных сетей и рекламы в них, что требует от компаний применения специальных подходов рыночного продвижения и позиционирования.

Ключевые слова: реклама, социальные сети, поведение, потребитель, маркетинг, Китай, стратегия, видео.

Актуальность

Социальные сети превратились в источник вдохновения, развлечений и новостей. Естественно, они также стали одним из наиболее эффективных каналов цифрового маркетинга, причем большинство компаний используют возможности социальных сетей как никогда раньше. Влияние и охват социальных медиа-платформ сделали их одной из наиболее эффективных площадок для взаимодействия, вовлечения и конверсии целевой аудитории. К 2023 году в мире насчитывается 4,4 миллиарда активных пользователей социальных сетей. В 2021 году 50 процентов представителей поколения Z и 58 процентов миллениалов в Европе и США заявили, что реклама в социальных сетях повлияла на их предыдущие решения о покупке [1].

Принимая во внимание тот факт, что численность пользователей социальных сетей имеет устойчивую тенденцию к росту, а на покупательское поведение все большее влияние оказывают TikTok и Instagram, маркетологи активно используют притягательную силу этих платформ для продвижения своих товаров, работ и ус-

луг. В 2022 году расходы на рекламу в социальных сетях достигли уровня около 230 млрд. долларов США, при этом ожидается, что к 2024 году они превысят отметку в 300 млрд. долларов США, а к 2030 году объем рынка достигнет 471,9 млрд. долл. [2].

В глобальном измерении наибольший удельный вес расходов на социальную рекламу приходится на Америку (72,3 млн долларов США в 2023 году). Однако прогнозируется, что в скором времени первенство займет Китай, поскольку, расходы на рекламу в социальных сетях в стране уже сегодня составляют 71,38 млрд долларов США. Ожидается, что в ближайшем будущем они будут демонстрировать ежегодный темп роста (CAGR 2023-2027 гг.) на уровне 4,89%, в результате чего прогнозируемый объем рынка к 2027 году составит 86,39 млрд долларов США [3].

В тоже время необходимо отметить, что изменения в среде ведущих китайских социальных сетей происходят так же быстро, как растет китайская экономика, и они настолько же нестабильны. Несколько лет назад каналы WeChat и Weibo были важнейшей платформой для соз-

дания контента, но сейчас появились и другие социальные сети, которые создают им конкуренцию. Кроме того, в последнее время тенденции маркетинга в социальных сетях Китая, благодаря растущей электронной коммерции, смещаются от охвата и вовлечения новой аудитории к побуждению людей к покупкам и предоставлению доверительных рекомендаций.

Таким образом, динамизм рынка социальной рекламы в Китае, широкий спектр различных стратегий и технологий, которые используются для привлечения внимания к контенту, определяют необходимость проведения более углубленных исследований данной проблематики, что и обуславливает выбор темы данной статьи.

Социальная реклама стала объектом научных исследований ученых из разных стран мира, среди которых можно отметить Бардакову Е.В., Тарасенко Е.П., Горобец Д.В., Малетина А.О., Xu, Mengchen; Zhang, Sha; Ding, Aihui.

Изучением особенностей современной социальной рекламы на различных платформах, обоснованием ее преимуществ и возможностей занимаются Шибяева Л.В., Романовская В.Г., Bandil, Deepika; Agrawal, Vivek; Mohanty, R.P.

Практическая сторона эффективности социальной рекламы в Китае, специфика маркетинговых коммуникаций в китайских социальных сетях детально анализируются в работах Cheng, H. Chan, K.; King, R.L. Roberts, M.S.; Li, Qixing; Dou, Wenyu; Zhao, X.; Belk, R.W.; Chu, Shu-Chuan; Lien, Che-Hui.

В тоже время, несмотря на имеющиеся труды и работы в исследуемой предметной плоскости, ряд вопросов остается открытым и требует более детального изучения. В частности, особого внимания заслуживает четкая формализация особенностей современной социальной рекламы в Китае как фактора социализации. В уточнении и дополнительном обосновании нуждается специфика использования новых технологий в социальной рекламе, что в итоге позволит определить основные модели социализации, которые предлагаются целевой аудитории.

Итак, принимая во внимание вышеизложенное, **цель статьи** заключается в выявлении и изучении ключевых тенденций развития социальной рекламы в Китае в настоящее время.

Задачи: 1) исследование отличительных черт китайской экосистемы социальных сетей; 2) проведение анализа маркетинговых стратегий в социальных сетях Китая; 3) выявление проблем развития социальной рекламы в Китае.

Социальная реклама, также известная как реклама

в социальных сетях, представляет собой отдельный тип цифрового маркетинга, который использует платформы и сети социальных сетей для доставки платной рекламы определенной целевой аудитории [4]. Ни для кого не секрет, что социальные сети неотделимы от повседневной жизни китайцев. Поскольку западные гиганты социальных сетей, такие как Facebook и Twitter, не допускаются в Китай, страна создала собственную экосистему социальных платформ, которая имеет схожие функции. Наиболее популярными игроками в пейзаже китайских социальных сетей являются следующие.

WeChat, разработанный компанией Tencent, представляет собой самую популярную в Китае социальную медиаплатформу с более чем 1 млрд. ежемесячных активных пользователей. Она предлагает услуги обмена сообщениями, интеграцию платежей, игры и многое другое. Таким образом, для пользователей WeChat позволяет получить всеобъемлющий цифровой опыт.

Важнейшим игроком является Weibo, известный как «китайский Twitter». По данным на III квартал 2022 года, его ежемесячная активность составляет 589 млн. пользователей. Бренды взаимодействуют с подписчиками посредством коротких сообщений и мгновенного обновления новостей.

Douyin, имеющий 600 млн. ежедневных активных пользователей (за пределами Китая он известен как TikTok), предназначен для любителей обмена видео. Он особенно привлекает молодых людей быстрым и увлекательным визуальным контентом.

Xiaohongshu (или Little Red Book) - еще одна социальная платформа. Женщины в возрасте 18-35 лет используют эту платформу электронной коммерции для создания пользовательских отзывов о различных товарах.

Считаем целесообразным обратить внимание на тот факт, что китайский сектор социальных медиа очень локален и фрагментирован. На каждой платформе социальных медиа присутствует как минимум два крупных местных игрока: например, в сфере микроблогов, Tencent Weibo и Sina Weibo; в сфере социальных сетей - ряд корпораций, включая Kaixin001 и Renren. Каждая влиятельная компания на рынке имеет свои сильные стороны, сферы наибольшего присутствия и, зачастую, географические приоритеты. Для разработки рекламных сообщений и выстраивания маркетинговой стратегии такая фрагментация существенным образом усложняет социально-медийный ландшафт в КНР и требует наличия значительных ресурсов, опыта, а также сети партнеров.

В процессе проводимого исследования, представляется целесообразным отдельное внимание уделить демографическим характеристикам и особенностям

поведения пользователей китайских социальных сетей, что позволит понять особенности социальной рекламы и способы ее воздействия на потребителей.

В таблице 1 представлен обзор демографических характеристик и особенностей поведения пользователей WeChat, Weibo, Douyin и Xiaohongshu. (Таб. 1.)

Проведенный анализ позволяет прийти к заключению, что китайские потребители очень активны в социальных сетях, они используют платформы для открытия новых продуктов, взаимодействия с брендами и принятия решений о покупке.

Несмотря на уникальность социальных сетей и платформ в Китае, используемые маркетинговые стратегии при разработке и продвижении социальной рекламы базируются на принципах, лежащих в основе эффективной стратегии в других странах мира.

Так, одной из ведущих стратегий социальной рекламы является маркетинг влияния. Так называемые KOLs (лидеры общественного мнения) и KOCs (основные потребители) — это китайские авторитеты, обладающие огромной властью над решениями китайских потребителей о покупках. Они приобрели популярность несколько лет назад, и сегодня использование авторитетов при продвижении социальной рекламы является базальтернативным вариантом [5].

KOLs - это интернет-знаменитости, и большинство из них являются специалистами в своих областях, что привлекает многие бренды, которые хотят с ними сотрудничать. Хорошая кампания по привлечению влиятельных лиц может принести миллионные продажи, поскольку маркетинг «из уст в уста» в Китае гораздо эффективнее

из-за многочисленных скандалов и подделок на рынке. Китайские потребители доверяют рекомендациям своих друзей, родственников и любимых авторитетов больше, чем официальным заявлениям брендов.

В тоже время, необходимо отметить следующую значимую тенденцию в социальной рекламе. В последнее время в Китае происходит много скандалов с участием KOL, и аудитория постепенно теряет доверие ко всем этим звездам. Вместо этого они переходят к KOC - обычным пользователям продуктов, которые они продвигают на более узкую аудиторию, собирая вовлеченных последователей и завоевывая доверие своих поклонников [6].

Еще одной значимой маркетинговой стратегией в социальной рекламе являются прямые трансляции - одно из самых громких открытий последних лет, которое стало особенно прибыльным и популярным во время пандемии COVID-19. Поскольку люди были заперты дома, они стали смотреть потоковое видео, чтобы убедиться в качестве и использовании продуктов, которые они хотели приобрести (см. рис. 1).

Одной из основных причин популярности прямых трансляций в Китае является тот факт, что из-за многочисленных скандалов с поддельными продуктами и низким качеством услуг большинство потребителей не доверяют официальному продвижению брендов. Они предпочитают полагаться на мнения и рекомендации друзей и авторитетных людей. Прямые трансляции — это еще один шаг, поскольку они могут увидеть товар вживую, в реальном использовании.

Набирающей обороты маркетинговой стратегией в социальной рекламе в Китае является привлечение частного трафика из китайской аудитории.

Таблица 1.

Демографические характеристики и поведение пользователей социальных сетей Китая.

Platform	Демографические характеристики пользователей	Поведение
WeChat	Число ежемесячных активных пользователей WeChat составляет более 1 млрд. человек, что позволяет сделать вывод о разнообразии аудитории, включая представителей всех возрастных групп и полов. Большинство пользователей находятся в возрасте от 18 до 35 лет	Пользователи WeChat проводят на платформе в среднем 66 минут в день, занимаясь различными видами деятельности, такими как обмен сообщениями, покупки и потребление контента
Weibo	Weibo насчитывает более 500 млн. ежемесячных активных пользователей, большинство из которых - городские жители в возрасте 18-35 лет. Среди пользователей практически поровну мужчин и женщин	Weibo известен своими «горячими темами» и функциями обмена новостями: пользователи в основном пишут о развлечениях, спорте и текущих событиях. Они также общаются с влиятельными людьми и следят за своими любимыми брендами на этой платформе
Douyin	Douyin насчитывает более 600 млн. ежедневных активных пользователей, причем основную демографическую группу составляют молодые люди в возрасте до 24 лет	Пользователи Douyin в основном используют короткие видеоматериалы. Они также взаимодействуют с авторитетными людьми, занимаются электронной коммерцией на платформе
Xiaohongshu	Xiaohongshu насчитывает более 85 млн. ежемесячных активных пользователей, среди которых преобладают женщины в возрасте 18-35 лет.	Пользователи Xiaohongshu в основном просматривают контент, связанный с красотой, модой и стилем жизни, делятся отзывами, рекомендациями и личным опытом. Они активно взаимодействуют с авторитетами и участвуют в электронной коммерции



Рис. 1. Динамика развития прямых трансляций в социальной рекламе Китая [7]

Качественное взаимодействие с брендами в социальных сетях становится все более важным в глазах потребителей, и именно поэтому частный трафик - самая горячая тенденция на сегодняшний день. Воронка коммуникаций с потребителями через частные инструменты позволяет компаниям полностью контролировать трафик. Наиболее распространенной платформой является WeChat - бренды просят пользователей следить за их официальными аккаунтами и/или присоединиться к закрытому групповому чату WeChat. Пользователи, которые попадают в частную воронку, обычно устанавливают определенный уровень лояльности к бренду при входе, что позволяет повысить коэффициент конверсии и эффективность затрат на маркетинг. Маркетологи также могут установить более глубокую связь, быстрее обслуживать клиентов и получить более полное представление о рынке [8].

Итак, отслеживать и регулярно мониторить тенденции в области социальной рекламы в Китае — это непростая задача. Многие из них являются новыми, поскольку Китай - законодатель мод в цифровом мире в целом. Кроме того, китайская онлайн-экосистема кардинально отличается от принятой в странах Запада. Огромное количество пользователей социальных сетей, которых в Китае насчитывается более 300 млн. человек, создает уникальные проблемы для эффективного взаимодействия с потребителями. Например, клиенты ожидают ответа на каждое сообщение, поэтому компаниям необходимо разработать новые модели и процессы эффективного взаимодействия с людьми, чтобы донести до них идентичность и ценности бренда, удовлетворить их интересы и не допустить негативного распространения информации по спирали. Другой проблемой является сложность разработки и отслеживания надежных показателей для оценки эффективности социально-медийной стратегии, учитывая размер пользовательской базы, отсутствие аналитических ин-

струментов (подобных тем, что предлагают Facebook и Google на других рынках), а также ограниченную прозрачность ведущих платформ.

Научная новизна

Научная новизна заключается в том, что в работе выявлены характеристики пользователей социальных сетей и паттерны их поведения, также обозначены доминирующие маркетинговые стратегии в процессе развития социальной рекламы.

Практическая значимость

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их применения для более глубокого понимания потребительских тенденций и предпочтений, что позволит оптимизировать стратегию использования бизнесом социальных сетей в Китае.

Заключение

Китайская экосистема социальных сетей обуславливает уникальные особенности социальной рекламы в стране, а также специфические проблемы, стоящие перед маркетологами, которые не характерны для западных цифровых гигантов. В социальной рекламе доминируют визуальные эффекты, большое значение имеет сотрудничество с ключевыми потребителями продуктов. Выявленные в ходе исследования поведенческие стратегии пользователей социальных сетей и релевантные для рынка маркетинговые стратегии позволяют компаниям выработать обоснованную политику присутствия и продвижения своих продуктов на китайском рынке.

Перспективы дальнейшего исследования включают в себя расширенный анализ эффектов взаимодействия электронной коммерции и социальных сетей в Китае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дедкова И.В. Социальная реклама. тенденции развития социальной рекламы. Известия Института систем управления СГЭУ. 2021; № 1 (23): 42-45.
2. Анцупова А.С. Совершенствование социальной рекламы как инструмента социальной профилактики. Общество и человек. 2023; № 2 (45): 8-11.
3. Пестриков В.Е. Отражение актуальных проблем развития в социальной рекламе Китая. Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36: 2594-2598.
4. Changchun Xuan The effects of social media advertising in China: theory, practices and implications. London: Routledge, 2022.
5. Chen, Zhen Troy Consumption as extended carnival on Tmall in contemporary China: a social semiotic multimodal analysis of interactive banner ads. Social semiotics. 2022; Volume 32, Number 2:163-183.
6. Informing, Reinforcing, and Referencing: Chinese Male Consumers' Interpretation of Luxury Advertising and Luxury Brands' Presence on Chinese Social Media. Journal of global marketing. 2021; Volume 34, Issue 1: 38-55.
7. Грищенко А.С., Мамаева Д.М. Особенности серий социальной рекламы в Китае. Международный научно-исследовательский журнал. 2021; № 8-4 (110): 26-32.
8. Богатова И.Д., Ян Ч. Социальная реклама в Китае: основные направления развития. Актуальные проблемы филологии. 2021, № 23: 43-51.

© Тянь Кайгэ (kaige2013@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ДОНБАСС: “БОЛЬ” И “НАДЕЖДА” – КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА»

Урукова Любовь Алексеевна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского
(г. Санкт-Петербург)
lyubovurukova@mail.ru

"DONBASS: "PAIN" AND "HOPE" ARE THE KEY WORDS OF THE CURRENT MOMENT"

L. Urukova

Summary: The article is devoted to the analysis of lexical and semantic categories of pain and hope in the linguistic and cultural space of Donbass from the point of view of their correspondence to the linguistic signs of the keywords of the current moment. The study showed that currently in the territory of Donbass, these words are frequently used, as well as significant and discussed in everyday life.

Keywords: frequency, grammatical potential, syntagmatics and paradigmatics, onyms, definitions, language reflection, language game.

Аннотация: Статья посвящена анализу лексико-семантических категорий боли и надежды в лингвокультурном пространстве Донбасса с точки зрения их соответствия языковым приметам ключевых слов текущего момента. Исследование показало, что в настоящее время на территории Донбасса указанные слова являются частотными в употреблении, а также значимыми и обсуждаемыми в повседневной жизни.

Ключевые слова: частотность, грамматический потенциал, синтагматика и парадигматика, онимы, дефиниции, языковая рефлексия, языковая игра.

Сегодня каждый понимает, что внимание всего мира приковано к России, Донбассу и событиям, происходящим в зоне специальной военной операции (СВО).

В поддержку жителей Донбасса и участников, выполняющих задачи в ходе СВО, написаны статьи, поэмы, изданы поэтические сборники. В них отражается «тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит» [1, с.14]. Ведь «лексика немедленно откликается на любые изменения в общественных отношениях, в быту, в идеологии» [2, с. 102]. «Денотатами слова выступают предметы, события, свойства, действия, наблюдаемые в окружающем нас мире» [2, с. 113]. При этом «особенно важные и показательные слова» называются «ключевыми» [1, с. 35], а «наиболее значимые и обсуждаемые повсеместно» – «ключевыми словами текущего момента» (КСТМ) [3, с. 33].

Цель данной работы – определить слова, которые на территории Донбасса являются «ключевыми словами текущего момента» [3, с. 33; 4, с. 243].

Объектом исследования послужили 9 поэтических сборников 2014-2023 годов, посвящённых стойкости мирных жителей Донбасса, мужеству и героизму российских воинов, защитников Донбасса: «Час мужества» [5], «Ожог» [6], «Донбасс, Донбасс, земля моя, ты весь горишь в огне» [7], «Выбор Донбасса» [8], «Своих не бросаем!» [9], «Часовые памяти» [10], «Воля Донбасса» [11], «Сила в правде!» [12], «Переправа» [13]. Выборку составили 130 стихотворений «профессиональных литераторов и обычных людей, взявшихся за перо уже после того, как им пришлось столкнуться с суровой правдой военных будней, бомбёжками, потерей родных и близких» [5, с. 5].

Исследование проводилось в основном по комплексной методике Т.В. Шмелёвой [3] с использованием эмпирических методов при отборе и систематизации языкового материала, а также описательных методов в ходе лингвистического наблюдения, обобщения и интерпретации результатов.

В первую очередь, лексико-семантический анализ названий всех 130 исследуемых произведений показал, что в них 15 заголовков содержат слова *боль* и *надежда*, их словоформы и/или синонимические варианты (надежда/вера): «До боли сжимаю руки...» [8, с. 23], «Большинное» [8, с. 85], «Боль и горе» [8, с.105], «А боль была потом...» [10, с. 62], «За боль Донбасса» [12, с. 44], «Господи, крошево битой надежды» [8, с. 171], «Надежда» [8, с. 20], «Армия наша – надёжный щит» [12, с. 57], «Я верю в Россию» [12, с. 39], «Из жизни нашей стали исчезать слова: присяга, подвиг, верность» [9, с. 26], «Верю» [9, с. 86], «Вера» [12, с. 115], «Доверие» [13, с. 199], «Надежда» [12, с. 24], «Живу и надеюсь» [12, с. 118]. Как видим, тему *боли* и *надежды/веры* отражает каждый девятый заголовок.

Опишем слова *боль* и *надежда* на предмет их соответствия основным признакам лексики, характерной для текущего момента [3; 4].

1. Частотность

Под частотностью слова мы подразумеваем активность или пассивность его употребления, что в целом отражает «динамику русской лексики» [14, с. 7]. Приведём данные об употребительности слов *боль* и *надежда* в частотном словаре, основанном на текстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ) с выборкой 92 миллиона

словоупотреблений [16]. В словаре лемма *надежда* имеет ранг 753, лемма *боль* – 1065. Это свидетельствует о том, что слово *надежда* по частотности входит в первую тысячу лемм. Слово *боль* чуть превышает тысячный рубеж. В целом, по данным НКРЯ, оба слова находятся в списке 20 000 самых употребительных лемм общей лексики [16].

Данный словарь также представляет общую частоту употребления (*instancespermillionwords – imp.*) этих слов в различных разновидностях русского языка. К примеру, в художественной литературе и в устной разговорной речи оба слова имеют приблизительно одинаковые значения: *imp боли* - 168,6 и 45,4; *imp надежды* - 162,3 и 50,4. В публицистике показатели слова *надежда* превышают значения слова *боль* в 2 раза: *imp боли* - 86,5; *imp надежды* - 173,2 [16]. Таким образом, в рамках функциональных стилей слова *боль* и *надежда* также включены в список 5 000 самых частотных лемм русского языка [16].

Как видим, оба слова (*боль* и *надежда*) относятся к высокочастотным единицам: «входят в активный словарный запас» [14, с. 10], являются «общеупотребительными, а не периферийными» [1, с. 36]. Частотность их употребления обусловлена ещё и тем, что «через 70 лет после Победы в Великой Отечественной войне Донбасс вынужден встать на защиту своей свободы, культуры и великого русского слова» [5, с. 5]. В связи с этим в «текущий момент» [3, с. 39] слова *боль* и *надежда* на территории Донбасса заметно активизировались.

2. Текстовое пространство

В данной работе пространство текста воспринимается как отображение реальной действительности. Симптоматично, что слова «традиционного, исторического пласта русской лексики» [14, с. 10] *боль* и *надежда* в текущий момент в условиях Донбасса [3] обладают высокой частотностью употребления, а тексты современных поэтических сборников с донбасской тематикой буквально пестрят этими словами.

Прежде всего, уточним смысл данных понятий в дефинициях толковых словарей. В словаре В. И. Даля выделяется 4 значения слова *боль*: «*боль как болезнь*», «*боль-ощущение* как физическое страдание», «*душевная боль*» и «*боль-больной человек*» [18; Т.1. с.111-112]. Причём для раскрытия значения слова *боль как болезнь* в словнике используется синонимический ряд из 15 синонимов: *болезнь, болесть, хворость, хворь, хвороба, недужина, недуг, немочь, немощь, немогута, скорбь (телесная), хиль, хилина, боля, нездоровье*. В современных словарях толкование *боли* представляется несколько иначе. В словаре С.И. Ожегова *физическая боль* и *боль душевная* объединены в рамках одного значения [19, с. 49]. В словарях Л.Г. Бабенко, Д.Н. Ушакова и С.А. Кузнецова *физическая боль* выделена отдельным значением [20, с. 39; 21, с. 42;

22, с. 90]. *Душевная боль* в их словниках соотносится или с чувством скорби и отмечена пометкой (*перен.*) «переносного значения» [21, с. 42], или с чувством утраты, разлуки, *боли* воспоминаний и отнесена к значению «нравственного страдания» [22, с. 90].

В целом и в словаре В.И. Даля, и в современных толковых словарях термин *боль* связан со всевозможными телесными и душевными страданиями. При этом в толковых словарях XX века семантика слова *боль* включает в себя только два значения: физическое и душевное страдание, а первоначальная семантика «*болезнь*» исчезла.

Выделим в исследуемых материалах контексты с лексемой *боль*:

1. Прежде всего, подчёркивается ощущение физического страдания: *хоть кулаки грызи от боли* [5, с.11]; *боль прерывает дыхание* [5, с.18]; *боль посильней зубной* [5, с. 25]; *боль распиная грудь* [5, с. 55]; *накрывает боль жирная копоть* [5, с. 65]; *будет боль* [5, с.101-102]; *крича от боли* [6, с. 99]; *всегдашняя боль* [8, с. 20]; *до боли сжимать руки* [8, с. 23]; *разлиться болью* [8, с. 26]; *с черным от боли лицом* [8, с. 31]; *болью мучим* [8, с. 38]; *лютой боли* [8, с. 75]; *боль впитали кожей* [8, с.105]; *больно плакать* [10, с. 62]; *так больно; боль не сложить мне в слова* [5, с.18]; *свидетельница болей* [11, с.11]; *привычна боль* [11, с. 41]; *боль была потом* [10, с. 62]; *стучала боль* [11, с. 44]; *боли так много* [11, с. 63]; *в крик глазницы боли* [9, с. 96]; *глаза болят* [11, с. 51]; *каждая рана болит* [12, с. 50]; *стонет от боли сердце, кричит* [12, с. 57]; *скошены болью* [9, с. 41]; *с кровоточащей болью* [12, с. 62]. - *Мы каждой клеткой чувствовали боль Расстрелянного русского Донбасса* [12, с. 44]. *Вокруг бомбят. И в горле – хрип, а в сердце – боль* [9, с. 31].

Так, *боль* выступает важной характеристикой текущего момента и обретает свойства «постоянного признака» реальной жизни [23, с. 443].

2. Душевная боль изображается как глубокое негативное эмоциональное состояние: *душа страдает и болит* [9, с.102], *больна душой* [8; с. 96], *боль из сердца* [12, с. 103], *зарю боль* [8, с. 57], *разрастается боль* [10, с. 53], *боли частицею* [5, с. 7], *вместилось столько боли в человеке* [10, с. 62]. - *Ты боли не бойся...* [10, с.166]. *Мир распадается – дайте дорогу боли* [10, с.149].
3. Нравственные душевные муки передают горечь потерь: *боль утраты* [10, с. 77], *боль потерь* [5, с. 89], *боль, страданье, разлуки* [5, с. 89], *злора и боль* [5, с. 71], *нести ... сквозь боль* [5, с.10], *моя боль* [7], *твоей болью* [6, с. 20], *лишённые боли* [13, с. 125], *еще больней* [9, с. 53], *до боли знакомых* [11, с. 21]. - *Боль и горе мы впитали кожей В двадцать первом веке, на Земле* [8, с.105]. *В семье любой ... погибшие и боль в любой избе* [9, с.73].

4. Значение *душевной боли* представлено в переносном смысле: *дождь - блаженный, болящий, стонущий* [8, с.12], *город больной и измученный* [8, с. 35], *город изрядно болен* [8, с.10], *больная река* [13, с.105].- *И будет боль, и будет стон из непа жизни подниматься* [5, с.101]. *Сквозь боль и дым вела симфония Шостаковича* [10, с. 96].

Итак, в исследуемых текстах слово *боль* употребляется в значениях физической и душевной боли, которые зафиксированы в указанных толковых словарях русского языка. В то же время для понимания цитаты «*Мы сроднились хлебом, водою, Болью общею и бедою*» [5, с. 8] потребовались дополнительные разъяснения. Однако ни в одной словарной статье, к слову, *боль* не оказалось толкования словосочетания «*сродниться общею болью*». В связи с этим необходимо констатировать, что выявленное «отклонение от нормы» [15, с. 15] подчёркивает «отставание дефиниций» в действующих толковых словарях от реального употребления носителями русского языка [24, с.155].

Аналогичным образом составим перечень когнитивных признаков, которые содержит контекст *надежды*.

В толковых словарях выделено два основных значения понятия *надежды*. Первое значение («*надежда как ожидание чего-нибудь благоприятного, в сочетании с уверенностью в его осуществлении*») отмечено во всех указанных толковых словарях [20, с. 204; 19, с. 321; 21, с. 325; 22, с. 372]. Оно находит подтверждение и в исследуемых текстах: *начало в тактике, конец в надежде* [9, с.43], *не теряем любви и надежды* [5, с. 8], *из надёжных пернатых друзей* [9, с.100], *надежда нас учила: «Верь и жди!»* [10, с.77], *надежда умирает последней* [11, с. 58], *наполняя надеждой душу* [12, с. 22], *не позволим угаснуть надежде* [12, с.25], *мы всё перенесём с надеждой* [8, с.102], *надеемся и держим оборону* [11, с. 9], *меня не обманет Святая Надежда* [10, с. 58], *надежду зажечь* [9, с. 39].

Второе значение («*надежда - тот (то), на кого (на что) можно надеяться, опереться, положиться*») отмечено только в двух словарях [19, 22], а в двух других не упоминается [20, 21]. Например: *в надежде на то, что застынем* [8, с.20], *верили в такой желанный мир* [5, с. 20], *и в Русь – святую – крепче верю!* [7], *с надеждой глядит Русский мир на Россию* [9, с.14], *Россия ... Вся надежда на тебя* [9, с. 28], *а вера... для всех людей надежда на спасенье* [9, с. 89], *надеюсь на письма... надеюсь на глупость... надеюсь на случай... надеюсь на встречу* [2, с.118] и др.

Как видим, в контексте *надежды* в исследуемых текстах выделяются две основные лексемы: *надежда* (имя существительное) и *надеяться* (глагол). При этом наравне с ними используется синонимичный вариант – *вера* (имя существительное) и *верить* (глагол). Такое употре-

бление подтверждается и текстами, и всеми словарями, которые подчёркивают смысловое наполнение *надежды* через идею *веры*: *надежда – это вера ...* [20, с. 204; 19, с. 321; 21, с. 325; 22, с. 372].

В целом основные значения слова *надежда* также соотносятся со словарными дефинициями. Но, как оказалось, в современных толковых словарях, предназначенных для самого широкого использования, отсутствуют толкования понятий: *потерять надежду* [11, с. 22], *ложная вера* [9, с. 29], особенно актуальных в сегодняшние дни для носителей русского языка на Донбассе.

Как видим, в текущий момент на Донбассе текстовое пространство указанных сборников актуализирует слова *боль* и *надежда* и выдвигает их в центр «общественного сознания» [3, с. 35].

3. Грамматический потенциал

Грамматический потенциал слов *боль* и *надежда* раскрывается путём формо- и словообразования.

В сборниках активизированы все их грамматические формы. К примеру, **имена существительные**: *боль* [5, с.18,55,65,71,89, 101,102; 6, с.44,104,233; 7; 8, с.15,20,28,39,53, 57,105,178; 9, с.25,33,61; 10, с.35,62,77; 11,с.41; 12, с.53, 60, 71,12,103]; *боли* [8, с.73; 5, с.7; 10, с.62,86; 11, с.63;9, с.96; 13, с.83, 100, 125]; *до боли* [8, с.23,49; 11, с.21]; *от боли* [5, с.11; 6, с.99; 8, с.31; 9, с.85;12, с.57,100-101,124], *через/чрез боль* [12, с.25; 8, с.102]; *сквозь боль* [5, с.10; 8, с.102], *за боль* [12, с. 44]; *болью* [5, с.29; 6, с.20,78; 8, с.8,26,38; 10, с.48; 9, с.41; 12, с.62,87], *о боли* [5, с.85]; *больницы* [6, с.65]; *больных-сущ.* [7; 12; с.103] из *больных (сущ.)* [12, с.103]; *боле́й* (мн.ч.) - [11, с.11]; *надежда* [9, с.28;], *надежды* [8, с.171], *надежде* [12, с.25], *по надеждам* [6, с.78], *надежду* [11, с.22], *надеждой* [12, с.92], *с надеждой* [8, с.102], *с надеждою* [9, с.100], *в надежде* [8, с.20]; **имена прилагательные**: *больной* [8, с.35], *больная* [13, с.105]; *больное* [11, с.83], *больные* [12, с.107]; *больней* [6, с.57; 9, с.53; 13, с.152,174]; *болен* [8, с.10]; *больны* [8, с.10,96]; *надёжной* [13, с.136]; *надёжных* [9, с.100], *надежного* [11, с.21], *безнадёжных* [11, с.51]; **глаголы**: *болишь* [8, с. 8], *болит* [12, с. 50; 11, с. 83; 9, с.102], *отболели* [11, с.19], *болеят* [11, с. 51]; *надеется* [12, с.11], *надеюсь* [12, с.118], *не надейся!* [12, с.27].

Приведённые многочисленные страницы свидетельствуют о том, что тексты буквально пестрят словами *боль* и *надежда*. При этом они способны менять свои частеречные характеристики. Их деривационный потенциал выявляется в словообразовательной парадигме, словообразовательной цепочке и в словообразовательном гнезде [15, с. 16].

Словообразовательную парадигму с доминанта-

ми боль и надежда составляют слова, находящиеся на одной ступени словопроизводства: *больной-больно; больница-больничное; болеть-отболеть; надеяться-надежда; надежда-надёжный; надежда-надёжно*. Лексико-семантические варианты слов иллюстрирует словообразовательная цепочка [15, с.16]: *боль-больной-больно-больница-больничное; боль-болеть-отболеть; надежда-надёжный-надёжно; надеяться-надежда*. Словообразовательное гнездо вбирает в себя производящее слово и его производные части: *боль-больной-больно-больница-больничное-болеть-отболеть* [25, с.60-61]; *надеяться-надежда-надёжный-надёжно* [25, с. 306-307]. Словообразовательные гнезда с вершинами *боль, надежда* подчёркивают различные смысловые вариации.

Как видим, достаточно полная «словообразовательная активность» [15, с.15] также позволяет причислить оба слова к разряду КСТМ [3].

4. Синтагматика (сочетаемость) слов

В данном разделе исследуется сочетаемость слов *боль* и *надежда* с самостоятельными частями речи, что является обязательным признаком КСТМ.

Прежде всего, обратимся к синтагматическим данным исследуемых слов. В словаре сочетаемости [26] отмечено, что слово *боль* содержит более 130 сочетаний с существительными, прилагательными и глаголами [26, с. 34-35], слово *надежда* - более 50 [26, с. 296-297].

Примечательно, что в текстах синтагматические отношения определяются реальными связями явлений современной действительности. Но «мы не можем напрямую увидеть боль, возможно лишь ощущение боли» [23, с. 442]. Поэтому в сочетаниях лексем *боль* и *надежда* с существительными наблюдается чёткое разграничение:

1. слово *боль* указывает на место локализации боли: *боль в глазах* [9, с. 96], *в груди* [8, с. 20], *в сердце* [9, с. 31], *из сердца* [12, с.103];
2. слово *надежда* указывает направленность на что-либо или на кого-либо: *надежда на спасенье* [9, с.89], *на офицеров* [8, с.68], *на Россию* [8, с.14, 28]. При этом конкретная *надежда на...* все-таки означает общую «позитивную» настроенность [27].

Атрибутивы при существительных *боль* и *надежда* (*вера*) в основном отличаются «семантикой предельности» [23, с.442]: *боль немая* [8, с. 26], *лютая* [8, с. 73], *вера неистовая* [8, с. 20]. Реже встречаются определения, указывающие на меньшую степень интенсивности боли: *боль по нисходящей* [8, с.178]. Болевые ощущения передаются в сравнении: *боль посильней зубной* [5, с. 25], *еще больней бессмысленность потери* [9, с. 53]. Постоянные болевые ощущения позволяют говорить о небольшом числе факторов, способных изменяться [27]: *боль при-*

вычная [11, с.41], *кровотоочащая* [12, с. 62], *битые надежды* [8, с.171]. Определения подчеркивают временной аспект: *боль всегдашняя* [8, с. 20] и пространственную локализацию: *боль общая* [6, с. 78; 11, с. 8], *вера безграничная* [12, с. 39]. Оба понятия даны в качественном аспекте: *боль честная* [10, с. 24], *надежда святая* [10, с. 58] или в аспекте неповторимости: *единственная боль* [8, с. 178], *отцовская вера* [8, с. 76]. В рамках ностальгии подчёркиваются те счастливые моменты, которые были когда-то пережиты: *знакомый до боли* [8, с. 49; 11, с. 21], *надёжный тыл* [7].

С речевой точки зрения примечательно то, что в текстах заостряется внимание на *любой боли* [12, с. 71], *боль* становится *болью* «буквальной», «настоящей» [23, с. 444], поднимаются проблемы *ложной веры* [9, с. 29].

Самая активная сочетаемость данных слов наблюдается с глаголами:

1. чаще всего передаётся факт «претерпевания» боли [23, с. 445], когда раскрывается семантика власти боли над человеком [7, с.114]: *боль пугает* [6, с. 233], *прерывает* [5, с.18], *распинает* [5, с.55], *стучит* [11, с.44], *накрывает* [5, с. 65], *поглощает* [5, с.89], *явится* [9, с.25], *разрастается* [8, с.53]; *тянуть* [9, с.61], *ощущать* [6, с.104], *трудно передать* [11, с.44], *оставить* [8, с.15], *нести* [5, с.10], *стерпеть* [6, с.99], *чуять* [8, с.20], *видеть* [10, с.35], *смирять* [12, с.53], *впитать* [8, с. 105], *причинять* [13, с.100], *будет подниматься* [5, с.101]; *до боли сжимать* [8, с. 23]; *от боли стонать* [12, с.57], *выть* [5, с.7], *кулаки грызть* [5, с.11], *хранить* [12, с.124], *кричать* [6, с.99], *избавить* [9, с. 85]; *через боль вернуться* [12, с. 25]; *принять* [8, с.102], *сквозь боль лететь* [9, с. 33]; *болью не оскорбить* [10, с. 48], *не играть* [5, с. 29], *накрывать* [5, с. 65], *мучить* [8, с.38], *скосить* [9, с. 41], *торить* [12, с. 62]; *причащаться* [11, с. 8], *полниться* [12, с. 87], *разлиться* [8, с. 26]; *с болью жить* [6, с. 20];
2. раскрывается стремление человека избавиться от боли и победить её: *боль зарыть* [8, с. 57], *не почувствовать* [13, с. 83], *стихает* [12, с. 71]; *затишает* [7], *уходит* [12, с. 103], *закончится* [10, с. 77].

В то же время встречается необычная для слова *боль* сочетаемость, связанная с «имплицированной информацией» [28]. Раскроем смысл приведённого термина на примерах: *Всей душой, всем сердцем, даже кожей ощущаю боль твою, Донбасс* [6, с.104]. *Город изрядно болен - в лицах людей испуг* [8, с.10]. *Город припал к земле, больной и измученный* [8, с. 35]. *Луганск - моя боль* [8, с.15]. Как видим, начальная семантика указанных примеров будет понятна не всем и требует имплицитного, то есть дополнительного знания. Чтобы понять смысл приведённых предложений, читателю необходимо обладать «фоновыми знаниями» [29] о мире, об истории Донбасского

региона и города Луганска. И только благодаря «индивидуальному опыту языковой личности» можно понять содержание этих высказываний [29]. Так, имплицитная информация – та, которая «домысливается адресатом сообщения, заставляет его приложить усилия для понимания сообщения» [28, с.19].

В целом контекст боли представляется в ее «физических и душевных проявлениях» [17, с.113].

Контекст надежды понимается как «ментальное» состояние [27]. Надежда позволяет приспособиться к неблагоприятным обстоятельствам и выстоять в тяжелых жизненных ситуациях: *с надеждой ждать* [12, с. 53], *толкать* [9, с.100], *глядеть* [9, с.16], *перенести* [8, с.102], *проститься* [9, с.100], *воевать* [6, с. 92]. Даются описания, где субъекты находятся в драматической ситуации, связанной с отсутствием благоприятных перспектив развития: *по надеждам бить* [6, с. 78]; *надежду потерять* [11, с. 22]. Приводятся эпизоды выбора, где субъект стремится выйти из трудной ситуации: *надежды не терять* [6, с.78], *остатки надежды сбереечь* [12, с.129], *ветер надежды гнать* [9, с.18]. Передаётся позитивный настрой: *в надежде застыть* [8, с. 20], *пробыть* [12, с. 92]. Характерно состояние, которое постоянно изменяется: *надежде не угаснуть* [12, с.25], *надежду зажечь* [9, с. 39], *надеждой наполнять* [12, с. 92], *согреться* [12, с.118]. Примечательно, что в текстах используется метафорическое значение пословицы *надежда умирает последней* [11, с. 58], которая передаёт некое «генерализованное когнитивное» состояние [27]: нужно всегда надеяться на лучшее. В общем контекст надежды подчёркивает «стремление к цели или саму цель» [27].

Так, синтагматические связи передают опыт людей Донбасса, кто испытал на себе боль и надежду. Здесь мы сталкиваемся уже не с проблемой лексического значения, а с проблемой концептуального содержания слов боль и надежда, отражающих «мировидение целого народа» [27].

5. Парадигматика ключевых слов

В данном разделе рассматриваются антонимические и синонимические связи со словами *боль* и *надежда*, которые при выдвигании в КСТМ могут формировать новые образования с синонимами и антонимами.

В поэтических сборниках можно встретить антонимические пары, которые выражают отношения между «полярными членами тематической группы» [30, с.118]: *И боль с восторгом явятся* [9, с. 25]. *Веет от счастья домом, Поле и садом, Чем-то знакомым до боли* [8, с. 49]. *Конечно, есть к работе их доверие, И только недоверия к ним нет* [13, с. 199]. *Между верою и неверием разрывает-*

ся [5, с. 17]. *Начало в тактике, конец в надежде* [9, с. 43]. *Тебя (Русского солдата) земля и небо снова ждут С отчаяньем, мольбою и надеждой* [12, с. 53].

Также со словами *боль* и *надежда* выделим синонимические связи: *...только боль за стихами. Только горечь и грусть* [8, с. 28]. *Боль и горе мы впитали кожей* [8, с.105]. *Горечь образов боли мне в сердце вошли* [10, с. 70]. *Накрывала и кровь, и боль* [5, с. 65]. *Расскажут о боли, страданье, разлуках* [5, с. 85]. *И в горле – хрип, а в сердце – боль* [9, с. 31]. *Дождь – болящий, стонущий* [8, с. 12]. *Душа страдает и болит* [9, с.102] и др. В примерах подчёркивается, что *боль* является частью жизни, частью лингвокультурного пространства Донбасса. В то же время именно *боль* заставляет остановиться и по-другому взглянуть на «свои страдания», «страдания других и мир в целом» [17, с.115]: *Ты боли не бойся... она неизбежна, иначе мы просто не сможем духовно расти* [10, с. 166].

Приведём примеры довольно редкого явления, когда в одном контексте есть и синонимы, и антонимы. Например: *И будет боль, и будет стон из пепла жизни подниматься. Смерть не останется в долгу – и будет боль, и будет стон* (синонимы: *боль-стон*, антонимы: *жизнь-смерть*) [5, с. 101]. *Бьёт война по надеждам и чаяньям, Бьёт по душам тупым отчаяньем* (синонимы: *надежды-чаянья*, антонимы: *чаянья – отчаянья*) [5, с. 8]. При этом лексемы *боль* и *стон* неслучайно повторяются дважды – это усиливает восприятие реальной ситуации на территории Донбасса.

Так, синонимия и антонимия передают «эмоциональную напряженность» Донбасса [30, с.118], в результате которой появляются новые, характерные для сегодняшнего текущего момента синонимы: *Донбасс – тир, мишени - мы* [8, с.155].

Б. Онимическое употребление имён собственных

Отметим, что, попадая в центр общественного внимания, слова *боль* и *надежда* начинают использоваться в качестве имени собственного (онима) «различными социальными институтами» [3, с. 37].

В нашем случае не стоит приводить никаких аргументов, что корневая морфема слова *боль* несёт в себе отрицательный смысл. В связи с этим, как правило, в ономастике отсутствуют примеры названий каких-либо организаций со словом *боль*. Однако, вопреки сказанному, на Донбассе действует Сообщество «Донбасс. Территории боли», которое создаёт «документальные видеостории людей Донбасса о жизни под ежедневными обстрелами украинской армии; о жизни 8 лет в подвалах и бомбоубежищах; о разрушениях украинскими военными детсадов, школ,

заводов, жилых домов»¹.

В речевой практике онимическое употребление имён собственных в основном характерно слову *надежда*. В этом плане можно привести массу примеров. На Донбассе действует Общественное Движение «Союз женщин - Надежда Донбасса», в с. Николаевка - волонтерский отряд «Надежда Донбасса»¹.

В России оним *Надежда* употребляется в названиях посёлков Севского района Брянской области, Кромского и Орловского районов Орловской области, Матвеево-Курганского района Ростовской области. А отдельные хутора Городищенского района Волгоградской области и Куйбышевского района Ростовской области имеют модифицированные названия – *Новая Надежда*¹.

Оним *надежда* широко используется в разных сферах жизнедеятельности. Например, в области искусства известны популярная песня «Надежда» Н. Добронравова и А. Пахмутовой, картины Н.К. Рериха, П.В. Покидышева, В.Н. Алексеева под названием «Надежда». В сфере СМИ - газета «Надежда» Всероссийского общества инвалидов. В промышленном секторе - угольная шахта «Надежда» во Львовско-Волынском угольном бассейне. В сфере досуга и отдыха - шхуна-ресторан при въезде в Находку; учебный парусный фрегат МГУ во Владивостоке. В спорте функционируют несколько клубов с одноимённым названием «Надежда»: баскетбольный - в Оренбурге, футбольный - в Ногинске, волейбольный - в Серпуховском районе Московской области, хоккейный в Биробиджане, с таким же названием «Надежда» в Луганске работает спортивный клуб по тайскому боксу¹.

Особый интерес вызывает стихотворение «В Киеве лето...» (Горловка, 2014 г.), в котором украинский автор Е. Ромащук упоминает имя Надежда в имплицитном контексте: *Скоро Максим окончит Черкасскую среднюю школу И воевать захочет Со мною, российской сестрёнкой, С Надеждой, московской бабкой* [6, с. 92]. Как видим, чтобы расшифровать содержащиеся здесь намёки и понять их смысл, читателю нужно знать дополнительную информацию текущего момента.

Так, в рамках КСТМ слово *Надежда* в качестве онима получило своё твёрдое закрепление.

7. Дефиниции

В дефинициях раскрывается характерный признак КСТМ, связанный с их употреблением в высказываниях, «близких к словарным толкованиям» [3, с. 37].

Приведём примеры с главным словом *боль* разных авторов: *Я его головы боль... Мир театр, а Донбасс мир, И мишенями в нём мы* [8, с.155], *Пусть ночью у нас не звучит канонада, Пусть только не взрывы, не залпы "града"! Луганск - моя боль...* [8, с.15]. Есть высказывания и о миссии России в современном мире: *Через мрак, через кровь, через боль Украина в Россию вернётся* [12, с.25]. *Мы, русские, - надежда всей планете. Судьбу свою мы, не торгуясь, встретим, В бою за други изливая кровь* [9, с. 60] и др. *Жизнь есть боль. Боль не чья-то - моя. Боль, как Божий топор, - плоть разрубленная* (А. Вознесенский). *Почему боль не проходит? Потому что проходит вовнутрь* (Б. Поплавский). *Жизнь без боли - как шашлык без соли* (И. Самарина-Лабиринт). *Ты - боль моя, наполнившая душу, Печаль моя...* (И. Тетерчева). *Самая страшная боль – одиночество* (С. Алекс-Арефьева). *Боль - это маленькая смерть* (Мартын)² и др.

А с главным словом *надежда* выделяются две группы высказываний: первая связана с оригинальным толкованием женского имени, в котором обращается внимание на набор и энергетику букв: *Наша русская Надежда живёт в земном мире. Имя не про «пустые иллюзии», а про «светлые ожидания». И ожидания эти относятся к людям, событиям и земным благам. Имя заканчивается словом-согласием «Да». Это начало пути. Надежда говорит жизни "Да". Имя начинается со слова «На». Возможны значения: «на, бери», и «на чем-то». Это цель жизненного пути. Надежда делится своим опытом и благами* (Л. Обережная)².

Вторая – пробуждает жизненные силы: *Надежда - луч души моей!* (Н. М. Карамзин). *Надежда – опора, Надежда – полёт* (Л. Кудрявцева). Есть пояснения, в которых *надежда* подобна спасательному кругу: *Каждому надежда – до конца не трусить* (Е. Касьян). *И вдруг надежда: мир Не даст пропасть пропащим* (Т. Бек)².

1 Онимическое употребление имён собственных: «Донбасс. Территории боли»: <https://vk.com/club214590584>; Общественное Движение «Союз женщин - Надежда Донбасса»: <https://kprf.ru/international/ussr/198732.html>; волонтерский отряд «Надежда Донбасса»: <https://priazovstep.ru/master-klassy-i-sbory-ot-nadezhdy-donbassa/>; названия посёлков в Брянской, Орловской и Ростовской областях, хуторов в Ростовской области: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/88502>; в области искусства, сфере СМИ, промышленном секторе, сфере досуга и отдыха: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/88502>; в спорте: <https://vk.com/club20813624>.

2 Дефиниции: А. Вознесенский: <https://rustih.ru/andrej-voznensenskij-bol/>; Б. Поплавский: <https://poemata.ru/poets/poplavskiy-boris/pochemu-bol-ne-prohodit/>; И. Самарина-Лабиринт: <https://poemata.ru/poets/samarina-labirint/zhizn-bez-boli-kak-shashlyk-bez-soli/>; И. Тетерчева: <https://poemata.ru/poets/tetercheva-irina/ty-bol-moya/>; С. Алекс-Арефьева: <https://stih.ru/2019/04/04/9921>; К. Мартын: <https://stih.ru/2019/02/26/8031>; Л. Обережная: https://dzen.ru/a/Y0ufbfZU1nV5P2_Z; Н.М. Карамзин: <http://karamzin.lit-info.ru/karamzin/poeziya/stih-103.htm>; Л.Кудрявцева: <http://www.stihi.ru/2012/02/11/1878>; Е. Касьян: <https://rustih.ru/elena-kasyan-ne-pugajsa-boli/>; Т. Бек: <https://rustih.ru/tatyana-bek-kogda-nadezhdy-net/>.

Так, мы видим, что категории *боль* и *надежда* представляют собой «семантический компонент огромной силы» [17, с.114]. О них говорят, спорят, размышляют, поэтому они становятся объектами определения и выступают в качестве «толкуемых» [3, с. 37].

8. Языковая рефлексия

Языковая рефлексия – это «осмысленное пользование языком» [4, с. 809]. Слова оказываются объектом для оценивания. Иногда суждениям о КСТМ посвящаются «целые фрагменты текста» [3, с. 37].

Приведём высказывания того, как эти слова «воспринимают и оценивают в разных аспектах» разные авторы [3, с. 38].

Суждения со словом *боль*: *Боль ... Это сладкое слово сейчас. Это горькое слово потом* (А. Грязов). *Часто спрашивают: «Какая боль страшнее - физическая или душевная?» Отвечу так: «Они равноценны. Но вся суть во времени. Первую можно быстро забыть, а вторая может преследовать всю жизнь»* (И. Вин)³ и др.

Учитывая многозначность слова *надежда*, примеры языковой рефлексии представлены в двух частях. Первая включает в себя высказывания о женском имени Надежда: *Надежда – красивое женское имя. Надежда, ты взглядом и карим, и синим Мужчину возносишь и ввысь, и вперёд* (Л. Кудрявцева)³ и др.

Вторая поясняет философское значение *надежды*: *“Надежда” – какое объёмное слово! Нам веру вселяет, на крыльях несёт* (Л. Кудрявцева). *Хорошее слово – “надежда”. Не будет разочарований, Коль скоро не сеять “надежд”.* (О. Бурьгина). *Прекрасное слово “надежда”. ... Граница чудесная между Имеющимся и возможным* (К. Морару). *Это сильное слово. Я слышу в нем слово «надо». Надо надеяться. **НА**до **ОДЕ**ть новые оде**Ж**ДЫ, облачиться в них, родиться заново, чтобы жить с надеждой* (Н. Кублякова)³ и др.

Итак, языковая рефлексия подчеркивает, что слова *боль* и *надежда* находят отклик в сердцах людей и становятся «объектом вкусовых оценок» [3, с. 37]. Собственно, в рамках каждого раздела нашей работы примеров языковой рефлексии по КСТМ приведено уже достаточно.

9. Языковая игра

Языковая игра в данном разделе понимается как умеренное отступление от языковой или речевой нормы. Сюда же относится обыгрывание графического облика

слова или смысла слова, выражения и целого текста. Авторы осознанно манипулируют экспрессивной речью, чтобы добиться нужного эффекта.

Приёмов разработки языковых игр очень много. Чаще всего в наших текстах используются прецедентные высказывания, которые создаются несколькими способами. Так, в одном из текстов трансформация цитат позволила современному автору провести полемику с самим М.Ю. Лермонтовым: *Лермонтову я с восторгом хочу сказать в стихах. Я тоже, как и он, ЛЮБЛЮ Отчизну “странною любовью”, но никакой бедой и болью свою любовь - не оскорблю... мой язык сказать не в силе вслед за поэтом сквозь года: “Привет, невытая Россия...” РОССИЯ мне - ЧИСТА всегда!* (у Лермонтова - «Прощай, невытая Россия») [10, с. 48].

Как видим, в контаминации усечённых цитат из стихотворений М.Ю. Лермонтова «Родина» («Люблю отчизну я, но странною любовью!») и «Прощай, невытая Россия» чувствуется настоящая ирония, которая считается эффективным приёмом завуалированного внедрения оценок, мнений [31, с. 137]. В этом же контексте автор графически намеренно выделяет слова: ЛЮБЛЮ, РОССИЯ, ЧИСТА, чтобы привлечь к ним внимание читателей.

В другом примере обыгрывается цитата «*Широка страна моя родная*» из «Песни о Родине» И. Дунаевского, переданная в изменённом виде: *Широка страна моя, поверь... [12, с.51]*. И читатель понимает, что привычная образность, заключённая в песенных словах, сегодня обрастает новым содержательным компонентом: *Широка страна моя, поверь... Я не знал про город Волноваха, Но о нём волнуешь я теперь [12, с. 51]*.

В следующем примере описываемая ситуация переключается с текущим моментом и намерениями самого автора: *Солдат России. С отчаяньем, мольбою и надеждой... Смирная боль, как долго ждал тебя Донбасс... Иди солдат. И пусть собаки лают... [12, с.53]*. Фрагмент содержит прямой намёк на пословицу «*собаки лают, караван идёт*» о готовности продолжать своё дело, невзирая на негативное мнение окружающих и «бессмысленную критику» [32]. А. Клас указывает на выраженное в пословице «бессилие речевой агрессии», характерной для современной риторики [32].

Привлекают внимание эпизоды, в которых обыгрываются имена известных личностей: *Уходит боль из сердца и из раны, Светлеют лица, оживает взгляд. Шульженко Клава пела ветеранам Вот так же много лет назад [12, с. 103]*. Имя Клавдии Ивановны Шульженко, исполнительницы песен времён Великой От-

3 Языковая рефлексия: А. Грязов: <https://poezia.ru/works/76968>; И.Вин: <https://stihi.ru/2014/09/12/9322>; Л. Кудрявцева: <http://www.stihi.ru/2012/02/11/1878>; О. Бурьгина: <https://stihi.ru/2023/06/06/3861>; К. Морару: <https://stihi.ru/2003/04/23-453>; Н. Кублякова: <https://stihi.ru/2022/11/11/4600>.

еественной войны, сближает защитников двух поколений – дедов и их сегодняшних внуков. Другое имя упоминается в связи с текущей ситуацией: *Заглохла речь и захлебнулась мова... Убили Алексея Мозгового... Мы - русские! Покой нам только снится. А Вера наша – города берёт!* [6, с.115]. В эпизоде используется усечённая цитата из стихотворения А. Блока «На поле Куликовом»: «*И вечный бой! Покой нам только снится*». Как видим, причиной усечения является явное «недоговаривание». Эти слова рассчитаны на догадку. И читатель понимает, что именно украинская мова в 2015 году «захлебнулась» ложью по поводу убийства Алексея Борисовича Мозгового, командира батальона «Призрак». В этом случае автор использует языковую игру для «формирования общественного мнения по важным вопросам» текущего момента [31, с.137].

Чаще всего в текстах используется «приём гибридации», который предполагает смешение разных систем письма, прежде всего кириллицы и латиницы [33]. Суть приёма в том, что в русский контекст авторы включают иноязычную лексику или иноязычные буквы. Много ярких примеров такого способа в сборнике «Сила V правде!» [12], в котором знаки **Z** (За победу!), **V** (Сила в правде!) передаются как важные символы текущего момента: *Поколение Z! Время выбрало нас!.. За Россию! За Веру! За Донбасс!* [12, с.14]. *Мы идём напролом, невзирая на боль, Многотрудной дорожкой Zed.* [12, с.38], *А ныне наши русские герои, Осуществляя время "Z" любовью, Победный путь с кровоточащей болью Торят...* [12, с. 62], *Мы верны их памяти, - Время Z!* [12, с.19].

Достаточно много примеров, когда в русском языковом окружении встречаются украинские слова: *Раньше звучали песни про кохання и про любовь – на украинском и на русском* [7], *Враг кровавые клинья бьёт Между Родиной и – Радзімай!... чтобы брату не верил брат* [7]. Оба примера построены на приёме контраста. Под «Радзімай!» имеется в виду «Полонез Огинского», который известен под названием - «Прощание с Родиной!». Так, несмотря на стремление внешних сил разъединить братские народы, языковая игра подчёркивает их общую историческую Родину.

Часто иноязычные слова намеренно включаются в нейтральный контекст: *Как ты хочешь всё это собой изменить, что ты можешь один, человек?* [6, с. 57]. Так, архаизм *человече* на фоне общеупотребительных слов попадает в неузвальную для своего употребления сферу. Но он не контрастирует, а наоборот, придаёт речи оттенок торжественности.

Представлен пример нарушения узкой лексической сочетаемости: *Лишь бы мой верный враг не объявил меня мёртвой* [5, с.73]. Здесь намеренно нарушено типичное

сочетание прилагательного *верный* (ср. *верный друг*), что делает речь ещё более выразительной.

Встречается в рамках словообразовательной игры и дефисное написание: *Дон-басс! С тобою сегодня делюсь я хлебными крохами, Чтобы ... с верою, без опаски - Мир ... воскрес* [8, с.109]. Автор сознательно разбивает слово «Донбасс» с помощью дефиса на компоненты, чтобы напомнить всем об экономической мощи **Донецкого** каменноугольного **бассейна** и т.д.

Как видим, для достижения определенного эффекта авторы стараются «творчески нарушить (перестроить) усвоенные модели стандартного употребления языка» [34, с. 658]. Языковая игра при этом является своеобразным способом актуализации слов *боль* и *надежда*. Игры с данными словами позволяют видеть в них один из признаков «ключевости» [3; 31; 33].

Итак, 9 названных примет касаются практически всех сторон жизни слов *боль* и *надежда*: от их грамматики до места в композиции текста [3]. С одной стороны, подчёркиваются существенные негативные изменения, которые привносит *боль* во все аспекты жизни человека. С другой - спасительная сила *надежды* пробуждает положительные чувства и веру в себя. В целом исследуемые слова *боль* и *надежда* в текущий момент занимают доминирующее положение в лингвокультурном пространстве Донбасса. Именно «текущий момент» выдвигает их в центр общественного сознания, потому что они заключают в себе понятия наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно – «в парламенте и в очереди, на радио и в печати, на телевидении и в трудовых коллективах» [3, с. 33].

Два этих слова определяют атмосферу каждого из числа исследуемых поэтических сборников. В аннотации к сборнику «Ожог» даётся важная оценка текущему моменту: *«Стена отчуждения, умело возведённая внешними силами между Россией и Украиной, не может не отзываться болью в сердцах людей... А надежду даёт наша общая история, в том числе победа в Великой Отечественной войне»* [6, с. 2].

В то же время проведённое исследование показало, что, помимо лексем *боль* и *надежда*, претендующих на статус ключевых слов текущего момента, наблюдается нарастающая частотность употребления долгожданного слова – «Победа»: *С надеждой глядит Русский мир на Россию. И знает и враг, и спасённый собрат, Что огненной мощью и вежливой силой Победу одержит Российский солдат!* [12, с.15]. *Наше дело – правое, Нам и побеждать!* [9, с.42].

А это значит, что тематика данной работы является весьма актуальной и нуждается в дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 288 с.
2. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., «Вышш. школа». 1975.-328 с.
3. Шмелёва Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium, 1993. № 1. С. 33-41.
4. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова и др.- М.: Флинта: Наука. 2003.- 840 с.
5. Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014-2015 годов. Сборник стихов. - М.: Издательство «Перо», 2015. - 112 с.
6. Ожог / Сост. С.Д. Евсеев, В.Ф. Киришин, В.Н. Попов. - М.: Вече, 2015. - 272 с.
7. Итоги конкурса одного стихотворения «Донбасс, Донбасс, земля моя, ты весь горишь в огне». СПб. 2016. URL: <http://litgazeta.dompisatel.ru/archives/965> (дата обращения -12.10.2023 г.).
8. Выбор Донбасса. Альманах Союза писателей ЛНР. - Луганск: Донбасс. 2017. - 672 с.
9. Своих не бросаем! Книга стихотворений. Составители: В.А. Силкин, И.Е. Витюк. - М.: Центральный Дом Российской Армии, 2022. - 104 с.
10. Часовые памяти / Сборник стихотворений - М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. - 176 с.
11. Воля Донбасса (сборник) / Альманах - «ИП Березина Г.Н.», 2019. - 109 с.
12. Сила в правде! Сост.: В.А. Силкин, И.Е. Витюк. - М.: Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, 2022.-135 с.
13. Силкин В.А. Переправа. Книга стихотворений. - М.: Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, 2023. - 216 с.
14. Глинкина Л.А. Частотность как значимый регистр лексикографии и фразеологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. №3 (33). С.7-11.
15. Свечкарёва Я.В. О деривационном потенциале слова как языковой категории // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 300-3. С.15-16.
16. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка на материалах национального корпуса русского языка / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров; РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. - Москва: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru> (дата обращения - 12.10.2023 г.).
17. Калашникова Ю.А. Лексико-семантическое выражение категории боль в русской художественной литературе XIX в. (на материале произведений Ф. М. Достоевского) // Вестник БГУ. 2009. № 10. С.112-115.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - М.: Рус.яз., 1998.- Т.1: А-З.- 1998.- 699 с.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Около 57000 слов. / Под ред. гл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. - 18-е изд., стер. - М.: Рус.яз., 1987. - 797 с.
20. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. / Под ред. Л.Г. Бабенко. - 2-е изд., стер. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. - 864 с.
21. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка, Д.Н. Ушаков. - М.: «Аделант», 2013. - 800 с.
22. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. - СПб.: «Норинт», 2000. - 1536 с.
23. Варзин А.В. БОЛЬ: слово, образ и концепт в речемыслительном пространстве Ф.М. Достоевского // Вестник РУДН. 2021.Т.12. № 2. С. 436-453 с.
24. Рудакова А.В. Лексическое значение слова в словаре и языковом сознании носителей языка. // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 10 (52) 2015, часть 1. - С.153-156.
25. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. / А.Н. Тихонов.- Москва: АСТ, 2014.- 639 с.
26. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. статей. / Ин-т рус.яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. - 2-е изд., испр.- М.: Рус.яз, 1983.- 688 с.
27. Лассан Э. «Надежда»: Семантический и концептуальный анализ. (RespectusPhilologicus.-Т.2 (7).- Vilnius, 2002).URL:<http://www.philology.ru/linguistics2/lissan-02.htm> (дата обращения: 15.10.2023).
28. Барышева А.И. Имплицитность в тексте и аспекты её анализа. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 18-20.
29. Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания. // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 37-47.
30. Милютина М.Г. Взаимодействие антонимии и синонимии: игра со смыслами // Филологический класс. 2018. № 3 (53). С.118-123.
31. Пыстина О.В. Функционирование языковой игры в региональных молодежных СМИ // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С.137-141.
32. Клас А. Язык и удивительные выражения, выражения и фраземы французского языка, а также их корреспонденты на английском и немецком языках. // Мета. 2015. № 2 (60). С. 299-305.
33. Нухов С.Ж. Игра шрифтом как модный графический приём языковой игры в медийных заголовках // Вестник Башкирск. ун-та. 2018. № 1. С.164-171.
34. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. / Под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии Е.А. Баженова, М.П. Котурова, А.П. Сковородников. - 2-е изд. испр. и доп. - М. Флинта. Наука, 2006. - 696 с.

© Урукова Любовь Алексеевна (lyubovurukova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ «ВРАЧЕБНОЙ ПРОЗЫ»: ВЛИЯНИЕ МОДЕРНИЗМА НА ТВОРЧЕСТВО ЛУ СИНЯ

Чжу Цзыцзин

Аспирант, Университет МГУ-ППИ, Шэньчжэнь;
Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова;
zzj1996@yandex.ru

ON THE ARTISTIC UNIQUENESS OF "DOCTOR'S PROSE": THE INFLUENCE OF MODERNISM ON LU XUN'S WORK

Zhu Zijing

Summary: The article is devoted to the problem of modernist poetics of Lu Xun, who was able to transfer his medical knowledge into literary works. The writer did not adhere exclusively to the realistic method and paid great attention to foreign modernist literary trends. In his work, the influence of modernism can be seen in all its diversity. By combining the traditions of Chinese and Western culture, he proved that Chinese and Western literary horizons can be brought closer together.

Keywords: Lu Xun, modernism, realism, Chinese literature, modernist philosopher.

Аннотация: Статья посвящена проблеме модернистской поэтики Лу Синя, сумевшего перенести свои познания в области медицины в литературные произведения. Писатель не придерживался исключительно реалистического метода и с большим вниманием относился к зарубежным модернистским литературным течениям. В творчестве писателя влияние модернизма проявляется во всем его многообразии. Совмещая традиции китайской и западной культуры, он доказал возможность сближения китайского и западного литературных горизонтов.

Ключевые слова: Лу Синь, модернизм, реализм, китайская литература, философ-модернист.

Лу Синь (1881-1936) – признанный классик, основоположник современной китайской литературы. Однако и более полувека после смерти писателя его произведения оцениваются прежде всего с точки зрения отражения в них злободневных вопросов эпохи. Тем не менее наличие социальной проблематики не отменяет модернистской поэтики творчества писателя, требующей более пристального взгляда на соотношение вечного, надвременного, и конкретно-исторического. Не вызывает сомнений, что Лу Синь не придерживался исключительно реалистического метода и с большим вниманием относился к зарубежным модернистским литературным течениям. В творчестве писателя влияние модернизма проявляется во всем многообразии: очевидна ориентация на открытия символизма, экспрессионизма, технику потока сознания и психоанализа. Безусловно, движение писателя в сторону мировой модернистской культуры не осталось незамеченным уже его современниками. Так, знаменитый китайский писатель, критик Мао Дунь в статье «Читая «Крик»» видел в «Записках сумасшедшего» Лу Синя иное, по сравнению с реалистическим, начало, отмечая, что «холодные предложения в этом странном тексте (...) и неяркий оттенок символизма составляют иной стиль.....» [12, с. 1475].

Российские писатели и литературоведы рассматривали творчество классика китайской литературы с различных точек зрения. Так, А. Фадеев в статье «О Лу Сине», писал: «Он был критическим реалистом...разоблачавшим и бичевавшим силы старого общества...» [17, с. 581]; В.Ф. Сорокин в статье «О реализме Лу Синя»

заметил, что новаторство Лу Синя было связано главным образом с «принципиально новым методом создания художественных образов» [15, с. 20]; В.В. Петров считал, что «русская классическая литература сыграла важную роль в формировании реалистического метода Лу Синя, но ее влияние отнюдь не нарушало самобытности его писательской манеры» [13, с. 327]; В.И. Семанов обнаружил критический пафос творчества Лу Синя на разных уровнях текста и отметил как новаторство писателя, так и преемственность по отношению к традициям мировой классики в его творчестве [14, с. 147]. Несложно заметить, что и в работах российских исследователей 1950-1960-х гг. преобладал взгляд на Лу Синя как на представителя реалистической литературы.

Большим завоеванием русского лусиноведения стала статья Л.З. Эйдлина «О сюжетной прозе Лу Синя». Подробно им были проанализированы «Записки сумасшедшего», в которых он увидел не только гоголевское влияние, но и типологическое сходство с творчеством другого русского писателя – Леонида Андреева [19, с. 5]. Таким образом, можно констатировать некий поворот в российском лусиноведении уже в 1970-е гг.

В Китае определенный сдвиг в восприятии наследия классика произойдет позже. В 1988 г. в своей статье Линь Чжихао отмечает тесную связь между творчеством Лу Синя и символизмом, утверждая, что китайский писатель в большей или меньшей степени подвергался влиянию символизма [2, с. 106]. В исследовании, бросающем вызов общепринятому пониманию литературных про-

изведений Лу Синя, Тан Сяобин смело предлагает прочесть его первый рассказ «Записки сумасшедшего» как «модернистский текст», выражающий модернистские устремления движения «Четвертого мая» [16, с. 1222].

Пытаясь установить соответствия между современной китайской и европейской литературой, чешский Китаевед Ярослав Прушек (Jaroslav Průšek) утверждает, что китайская литература периода движения Четвертого мая имеет много общего – как по эмоциям, так и по технике – с европейской литературой периода между мировыми войнами. Более того, он полагает, что из-за сильного влияния классической китайской поэзии проза Лу Синя обнаруживает удивительное сходство с символистской поэзией Шарля Бодлера [21, с. 43]. Смелая по тем временам точка зрения Прушека не утратила свою свежесть и по сей день, поскольку позволяет расширить контекст исследования творчества писателя за счет рассмотрения его на фоне не только стилевых, но и жанровых (шире – родовых) исканий мировой литературы, что, несомненно, коррелирует и с современным подходом к анализу поэтики модернистских и даже постмодернистских текстов.

Итак, современное лусиведение вплотную подошло к теме «Лу Синь и мировая модернистская культура», однако, несмотря на то что исследователи обнаружили в творчестве писателя черты и приемы, сходные с мировой модернистской литературой, эпитет «модернизм» к его творчеству применяется с изрядной долей осторожности.

1. Влияние современной западной философии на философскую мысль Лу Синя

Не будет преувеличением сказать, что по своему масштабу мировидение Лу Синя во многом коррелировало с западным философским мышлением. Еще в 1907 году Лу Синь, учившийся в Японии, заметил передовое и просветительское значение философских систем Ницше, Кьеркегора, Шопенгауэра для литературы. Художественная мысль Лу Синя сформировалась в ранние годы, когда он учился в Японии, оставил медицину и обратился к литературе, начал писать, перевел большое количество иностранной литературы.

Как и у западных философов-модернистов, идея «уважения к человеческой личности и развитие духовности», в которой подчеркивается духовная независимость и свобода индивидуальной жизни, а конечной целью является искоренение рабства, сковывающего индивидуальность и уничтожающего духовную свободу, формировалась у Лу Синя на фоне анализа недостатков развития современной западной цивилизации. Начиная с XVIII в. под влиянием рационалистической философии Рене Декарта и просветительской мысли Ж.-Ж. Руссо концепция естественных прав человека глубоко укоренилась в умах лю-

дей западного мира, а такие ценности, как наука, справедливость, правосудие и свобода, проникли во все области гуманитарного знания. Этих концепций придерживалась и китайская интеллигенция того времени. Лу Синь признает прогресс демократии, принцип свободы и равенства, которые должны прийти на смену авторитаризму, и считает, что путь к исправлению ситуации лежит через осознание ценности индивидуальности, через самостояние личности. В напаках Лу Синя на республиканскую систему, «уничтожающую эго человека» [10, с. 81], и в его утверждении, что человек должен быть уникальным и независимым в своих взглядах, чувствовалось глубокое влияние идеи «единственности» Макса Штирнера, родоначальника индивидуального анархизма, а в поддержке выдающейся личности и противопоставлении посредственности гению – влияние Ницше и Генрика Ибсена.

Можно сказать, что пионеры современной философии оказали большое влияние на образ мышления Лу Синя: поставив в центр мира личность, субъективность, индивидуальное прочтение свободы, бунтарства и выбора, он в самих истоках формирования критической мысли совпадает с модернистской концепцией человека. Ощущение кризиса, пронизывающее творчество Лу Синя, порождено чувствами одиночества, смерти, греха, отчаяния и других переживаний жизни, обнаруживает несомненное родство с философией западного модернизма.

Не меньшее родство обнаруживает творчество китайского классика с экзистенциализмом. В 1908 году Лу Синь перевел романы «Ложь» и «Молчание» русского писателя Л. Андреева. Обращение Андреева к тайне жизни и смерти, одиночества и страха глубоко заинтересовало Лу Синя, который сохранил неизменную увлеченность литературой Андреева и высоко отзывался о нем: «Никому из русских писателей не удавалось так растворить разницу между внутренним миром и внешним проявлением, как это сделал он в своих произведениях» [9, с. 201]. Типологическое родство творчества Л. Андреева с трудами экзистенциалистов и произведениями писателей экзистенциалистской направленности позволяет рассуждать и об опосредованной близости художественных открытий Лу Синя идеям Кьеркегора, сосредоточенного на изучении феномена страха и одиночества как экзистенциального переживания [1, с. 21]. Категория самовыражения Андреева созвучна «кьеркегоровскому человеку», который окончательно и безнадежно остается погруженным в одиночество [10, с. 81]. Люди видятся датскому мыслителю одинокими системами, установление сущностных связей между которыми принципиально невозможно [11, с. 86]. Подчеркнем, однако, что экзистенциальная проблематика в творчестве китайского классика всегда имеет социальную окраску: жизненный опыт Лу Синя никогда не был абстрактным психологическим феноменом, а коренился в его размышлениях об освобождении китайского общества.

Лу Синь также перевел предисловие к книге Ницше «Так говорил Заратустра». Почитание личности – нравственно совершенного и волевого сверхчеловека – сыграло важную роль в философской мысли и литературном творчестве Лу Синя. Что касается странных, но исповедующих высокие идеи «безумцев», «сумасшедших», «глупцов», «зрителей» и «одинок» в произведениях Лу Синя, то все они позволяют нам почувствовать некую связь с учением Ницше.

В Китае того времени психоанализ Фрейда был скорее культурно значимым, чем признанным психологическим методом. В 1922 году Лу Синь экспериментировал с новыми способами постижения личности в работе над рассказом «Починка неба». В 1924 г. он перевел на китайский язык работу Куриягавы Хакусона по теории литературы «Символы депрессии», по-прежнему проявляя большой интерес к психоаналитическому аспекту изучения личности. В 1928 г. он также приобрел книгу Фрейда «Введение в психоанализ». Медицинский вектор творчества китайского писателя несомненен, как несомненно и то, что виды психологизма в его творчестве предопределены как изучением литературы, так и исследованием трудов по медицине и близких к ней наук – в том числе и психологии.

2. Модернизм в литературной практике

Литературную деятельность Лу Синя можно разделить на переводческую и писательскую, причем обе они сохраняли свою значимость на протяжении всей его литературной карьеры. Рассматривая литературную деятельность Лу Синя, можно заметить, что в сферу его внимания попали различные литературные направления модернизма, которые либо определили направление его философской мысли, либо были усвоены и применены в его литературном творчестве.

Любовь Лу Синя к модернизму и начальным стадиям его формирования в русской литературе наблюдается в его переводах. Он перевел «Четыре дня» и «Очень коротенький роман» В. Гаршина; «Ложь» и «Молчание», «Книга» и «В тумане» Андреева, «Счастье», «Доктор» и «Рабочий Шевырев» М. Арцыбашева. Кроме того, он перевел символично-реалистическую сказочную поэму голландского писателя Фредерика ван Эдена «Маленький Йоханнес». Лу Синь чутко реагирует на ростки модернизма в русской и мировой литературе – и готов их видеть даже в творчестве писателей реалистической направленности.

Нидерландский синолог Доуве Вессель Фоккема в своем исследовании «Лу Синь: Влияние русской литературы» утверждает, что пристрастие Лу Синя к иностранной литературе и его выбор в сфере перевода свидетельствуют о том, что он отдавал предпочтение «комплексу

символических ценностей, передаваемых русской литературой» [18, с. 90], а также о том, что «объективное отображение социальной реальности не было ценностью, которая вдохновляла Лу Синя» [18, с. 91]. Фоккема также отмечает, что Лу Синь, безусловно, не придерживался идеалов реализма и натурализма, согласно которым писатель должен быть лишь скромным наблюдателем, объективно отображающим мир [18, с. 92]. Любимые им авторы, такие как Байрон, Шелли, Андреев, Арцыбашев, Гаршин, Гоголь и другие, независимо от того, являются ли они официально признанными представителями реализма, романтизма или модернизма, часто прибегали, как пишет Фоккема, «к таким романтическим приемам, как природный символизм, мистификация, культ героизма, иррациональное пристрастие к абсурдному преувеличению и иронии» [18, с. 92].

Зигфрид Берсинг исследовал критерии, по которым Лу Синь отбирал свои переводы, и предположил, что многие произведения были переведены не только по литературным соображениям. Во-первых, Лу Синю приходилось ориентироваться на то, что было переведено на японский или немецкий, – два иностранных языка, которые он знал. Во-вторых, исследователь полагает, что Лу Синь предпочитал переводы, содержащие социальную критику; однако рассказы, переведенные Лу Синем, часто носят скорее сентиментальный, чем революционный характер [2, с. 106]. Из комментариев исследователя также ясно, что именно реалистичность произведений и их социально-критическое значение привлекли Лу Синя к тем произведениям (даже с реалистической стилистикой), в которых просматривалось движение в сторону символизации конкретно-исторического плана изображения.

Андреев был писателем, оказавшим глубокое влияние на Лу Синя. Стремление к реализму, конкретно-исторической очерченности характеров персонажей, социально-критической значимости произведения – вот основные причины, по которым Лу Синь был увлечен Андреевым. Лу Синь не раз отмечал, что на его собственное творчество повлияли произведения Андреева. Например, в предисловии к «Большой серии новой китайской литературы» он говорит о финале своего рассказа «Снадобье», выдержанном в мрачном стиле в духе Андреева [8, с. 176]. Однако не вызывает сомнений тот факт, что в творчестве Андреева китайского писателя привлекал глубокий подтекст, несводимый к социальному конфликту и обнаруживающий родство с открытиями модернизма – в том числе и в сфере психологического анализа.

Диалектическое отношение Лу Синя к символистскому литературному направлению прослеживается в его оценке поэта-символиста Блока. В послесловии к китайскому переводу «Двенадцати» Блока Лу Синь пре-

жде всего указал на тенденцию неизбежного упадка символизма «не только из-за ударов революции, но и из-за атак футуристов и нигилистов... Что касается Октябрьской революции, то это, естественно, был дополнительный тяжелый удар» [3, с. 77], что не помешало ему прийти к выводу, что среди поэтов символистской школы больше остальных добился именно Блок, как и преуспел в том, чтобы «из разнородного материала создать мистическое произведение реалистической поэзии» [3, с. 78]. Как видно, перевод Лу Синем произведений некоторых писателей, известных как модернисты, не означал, что он безоговорочно верил в модернизм и особенно в символизм. Он избирательно относился к творчеству этих художников, выбирал произведения с более явной реалистической тенденцией, утверждая положительные стороны символизма и критикуя пессимистический тон их произведений.

Есть и другое объяснение тому, что Лу Синь предпочитал переводить произведения писателей и поэтов модернистской направленности: именно они были приверженцами художественного новаторства, использовали богатый арсенал средств для создания сильных художественных эффектов, что, по мнению Лу Синя, было лучшим способом поколебать основы искусства, и потому обладали большим художественным потенциалом, чем реалистические романы, к тому времени завоевавшими читательскую аудиторию Китая, и больше соответствовали требованию Лу Синя «прорваться через все традиционные идеи и методы» [7, с. 257].

Лу Синь заимствовал в своих произведениях приемы и методы символизма, причем использовал их довольно часто. Упомянутые выше «Записки сумасшедшего» – первый рассказ Лу Синя, написанный на современном китайском языке в истории новой китайской литературы. Благодаря творческому использованию символистских приемов и тщательному изображению психологии «маргинальных типов» китайская литература вошла в современную эпоху. В форме дневника в рассказе с помощью изображения галлюцинаций и фантазий сумасшедшего, символов, намеков, метафор, психологического анализа и других приемов раскрывается символический подтекст – «каннибализм» феодализма, под которым подразумевается не реальное «людоедство», а духовное отравление человека, надругательство над личностью и уничтожение ее феодальными обрядами, что еще более вредно, чем фактическое поедание человеческой плоти. По своему символическому значению «сумасшедший» – это образ феодального бунтаря с современным сознанием и трезвого просветителя, однако «сумасшедший» Лу Синя одинок, воспринимается обществом как изгой или юродивый. Такое выдвигание на передний план «маргинальной» личности в произведениях Лу Синя задало антифеодальный тон всему его творчеству и, видимо, невольно подтвердило и определило интерес к симво-

лизму, как к стилю, поднимавшемуся над сугубо социологическим пониманием личности.

Можно сказать, что и «Снадобье» – рассказ, в котором преобладает символическое начало. Ся Юй, герой рассказа, посвящает свою жизнь спасению людей от их бедственного положения, и очевидно, что Лу Синь придал образу героя метафорическое значение духовного целителя. Но кровь такого врача, не жалеющего своей жизни ради спасения душ людей, была съедена Хуа Сяошуань как панацея от болезни, а слова и поступки Ся Юя оцениваются людьми, которых он пытается спасти, как безумные и греховные. Инакомыслие в консервативном обществе трактуется как болезнь и безумие (и выводы писателя коррелируют с художественной мыслью писателей русской классической литературы – достаточно вспомнить архетипическую фигуру Чацкого). Однако Лу Синь, рассуждая о невежестве и мракобесии, раскрывается не только как писатель, но и как врач – и в этом отношении его можно сопоставить с Чеховым, художественный метод которого не укладывается в рамки традиционного реализма XIX в.

С середины 1920-х годов Лу Синь стал внимательно присматриваться к западному экспрессионизму и серьезно размышлять о нем. В 1924 г., когда Лу Синь преподавал в Пекинском университете, он познакомился с экспрессионизмом и перевел книгу «Символы депрессии» Куриягавы Хакусона, даже использовал ее в качестве учебника для своего курса по теории литературы. В этой книге Куриягава Хакусон опирался на доктрины Фрейда и Бенедетто Кроче, подчеркивая, что искусство – это самовыражение, и что «так называемый экспрессионизм заключается в том, что литературное произведение – это не просто воспроизведение впечатлений, полученных из внешнего мира, а проявление того, что хранится во внутреннем мире писателя» [10, с. 81]. Кроме того, после 1924 г. писатель приобрел большое количество книг по экспрессионизму, касающихся теории литературы, оперы, скульптуры, крестьянской живописи и т.д. В то же время он перевел большое количество статей японских теоретиков литературы об экспрессионизме. Его любимый художник Кете Кольвиц также был экспрессионистом.

Лу Синь ценил ориентацию экспрессионизма на постижение проблем эпохи, склонность к субъективности, акцент на сознании, преувеличенные, гротескные, свободные и гибкие образы. И это вызвало изменение его творческого мышления, в основе которого лежало убеждение, что литература и искусство должны держаться на определенной дистанции от жизни. Более того, его поздние произведения, несмотря на то что и относятся к разным жанрам, имеют общее свойство: в них наблюдается отступление от жестких канонов реалистического стиля и возрастает роль художественного эксперимента. Ки-

тайский теоретик литературы Янь Цзянь прямо называет «Старые легенды в новой редакции» «продуктом» экспрессионизма и обосновывает свою точку зрения следующими особенностями книги: во-первых, «Старые легенды в новой редакции» вводят в мифы, легенды и исторические факты некое современное содержание и детали для создания контрастных комических и интертекстуальных эффектов; во-вторых, содержание сюжета наполнено абсурдом; наконец, автор использует древние сюжеты для экстерииоризации и преломления специфических эмоций и душевного состояния [20, с. 148].

В сборнике «Дикие травы» также можно увидеть некоторое сходство с философией экзистенциализма. Представители западной экзистенциальной мысли, от Кьеркегора и Хайдеггера до Сартра, Камю и др., хотя и различаются по многим позициям, имеют, по крайней мере, следующие общие черты: во-первых, рассматривают человека, сталкивающегося со сложностью мира, с точки зрения его «внутреннего» существования; во-вторых, в процессе иррационального созерцания жизни приходят к выводу, что одиночество, горечь, смерть, тревога, отчаяние не только служат сопровождением жизни, но и составляют сам процесс жизни. Характерные для философии сентенции экзистенциализма в сборнике рассказов получают и свойственное этому методу словесное выражение (чувство безысходности и бездомности «тени»; абсурдность ввержения в бессмысленное существование; «путник», который не знает, кто он, откуда пришел, куда идет и может только «идти»; смерть доказывает существование жизни: «Прошлая жизнь умерла. Я рад этой смерти, потому что знаю теперь, что жизнь существовала. Умершая жизнь истлела. Я рад этому тлению, потому что знаю теперь, что жизнь не была пустой» [6, с. 328]. В «Диких травах» преобладает пафос надежды и отчаяния, жизни и смерти, иллюзии и реальности, печали и радости, и при этом эти глубокие и столь характерные для экзистенциализма переживания пристекают из понимания традиционной китайской культуры и национальных реалий.

В сборниках новелл «Крик» и «Блуждания» «образность пустыни» отражает глубокое переживание одиночества. Описание раненого волка в рассказе «Одинокий» помещается в сильную позицию: «...В этом вое боль смешивалась с гневом и печалью» [6, с. 269]. Острота переживания передается резким, точным мазком кисти художника. При этом одиночество осмысливается как экзистенциальная проблема и трактуется как следствие пробуждения индивидуального сознания. Собственно, значение «философии экзистенции» Лу Синя заключается в том, что он чувствует, что над традицией, нацией и самой личностью тяготеют непростительные грехи, требующие искупления.

Психоаналитическое учение Фрейда оказало вли-

яние не только на мировоззрение китайского классика, но и на поэтику его художественных произведений. Исторический рассказ «Починка неба», а также рассказы «Мыло», «Почтенный учитель Гао», «Братья», «Развод» и «Записки сумасшедшего» погружают читателя в мир подсознательных интенций и импульсов. Изучению различных видов девиации, психологических сдвигов, в целом аномальных проявлений внутренней жизни можно найти в «Братьях». Жизнь подсознания в рассказе «Братья» воссоздается благодаря сновидческой технике – при этом автор особое внимание уделяет страхам, фобиям, навязчивым идеям и подавленным желаниям. Так, во сне Пэйцзюня, героя рассказа, происходит именно то, чего он все время боится, – смерть брата, а также «разоблачение», поскольку он опасается, что люди могут подумать, что он плохо относится к ребенку брата.

Исследуя жизнь подсознания, извращенного сознания, болезненных проявлений и бреда, Лу Синь использует различные виды писательской техники, получившие распространение в мировой литературе, – технику потока сознания, ассоциативный способ связи эпизодов, а также своеобразный «синэстетический» способ воссоздания всего комплекса чувств и переживаний героев – включая различные сенсорные ощущения. Внутренний монолог основан на совмещении сознательного и подсознательного и используется для изображения психологии представителей китайской интеллигенции, среди которой много «интровертов», носителей «смещенного», «сдвинутого сознания». Такого рода внутренний монолог используется в таких рассказах, как «Записки сумасшедшего», «Скорбь по ушедшей», «Блеск».

Произведения Лу Синя вобрали в себя и абсурд, позволяющий отразить иррациональное в самой реальности – в том числе в социальной сфере. Наиболее ярко абсурдистское начало проявилось в сборнике исторических рассказов «Старые легенды в новой редакции». Опираясь на древние легенды и сказания, автор с помощью привнесения в текст элементов фантазмагии, смещения временных планов, гротескной образности добивается удивительного эффекта: история начинает восприниматься как метафора современности.

Еще более загадочна и показательна абсурдность сюжета в таких произведениях, как «Развод» и «Подлинная история А-кью». История о том, что судья уничтожает сопротивление Айгу «одним чихом», просто абсурден. Несложно заметить в этой гротескной ситуации типологическое родство с той, которая лежит в знаменитом рассказе А.П. Чехова «Смерть чиновника»: ничтожное определяет логику поведения человека и переворачивает, и даже перечеркивает его жизнь. И все же квинтэссенция абсурдистской поэтики – это уже упомянутое выше произведение «Подлинная история А-кью». Противоречивые, искаженные и преувеличенные черты характера А-кью показывают, что это скорее

абсурдный, чем реалистичный образ. Главная черта характера героя – «метод духовной победы», представляющей собой своеобразное самолюбование, самовосхваление и самообман. Это болезненная психология, полная внутренних противоречий, определяющая логику повествования в целом.

Изучение литературных произведений писателя позволяет утверждать, что Лу Синь стремился перевернуть

привычное для китайского читателя представление об искусстве. Совмещая традиции китайской и западной культуры, он доказал возможность сближения китайского и западного литературных горизонтов. Во многом благодаря художественным исканиям Лу Синя произошел коренной перелом в китайской литературе. Не будет преувеличением сказать, что современная китайская литература началась с Лу Синя и сформировалась под его влиянием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бень Ю. Страх жизни и смерть как избавление от него в рассказе Леонида Андреева «Вор» к 150-летию со дня рождения Леонида Андреева // Славянские чтения, выпуск 18(24), 2021. С. 15-25.
2. Линь Чжихао. Лу Синь и модернизм, символизм // Серия «Общественные науки», Выпуск 2, 1988. С. 104-110.
3. Лу Синь. Дополнение к собранию сочинений. Пекин: Издательство «Народная литература», 2006. 270 с.
4. Лу Синь. К Дун Юншу // Полное собрание сочинений Лу Синя (т. 12: Письма 1927-1933). Пекин: Издательство народной литературы, 2005. С. 433-434.
5. Лу Синь. Как я начал писать рассказы // Полное собрание сочинений Лу Синя (т. 4). Пекин: Издательство народной литературы, 2011. С. 303-305.
6. Лу Синь. Лу Синь избранное. Издательство Художественная литература, 1989. 511с.
7. Лу Синь. Могила. Пекин: Издательство Народная литература, 2005. С.251-257.
8. Лу Синь. Предисловие ко второму сборнику новелл «Большой серии новой китайской литературы» // Полное собрание сочинений Лу Синя (т. 6). Пекин: Издательство «Народная литература». 2011. С.176-189.
9. Лу Синь. Примечание переводчика к «В тумане» // Полное собрание сочинений Лу Синя, т. 10. Пекин: Издательство «Народная литература». 2005. С. 201-202.
10. Лэн Сюаньцянь. Лу Синь и западный модернизм // Журнал Хубэйского телевизионного университета. 2010. Март. т. 30, № 3. С. 80-81.
11. Лященко М. Проблема одиночества в экзистенциальной модели бытия // Издательство ГРАМОТА, 2017. № 3 (77), часть 1. С. 85-88.
12. Мао Дунь. Читая «Крик» // Собрание сочинений Мао Дуня (т. 7: О Лу Синя). Чжэцзянское издательство литературы и искусства. 2007. С. 1475-1477.
13. Петров В. Лу Синь. Очерк жизни и творчества. М.: Гослитиздат, 1960. 383 с.
14. Семанов В. К новой классике // Вопросы литературы. 1962. № 8. С. 143-152.
15. Сорокин В. О реализме Лу Синя // Вопросы литературы. 1958. № 7. С. 5-22.
16. Тан Сяобин. «Записки сумасшедшего» Лу Синя и китайский модернизм // Публикация Ассоциации современного языка. 1992. 107 (5): С.1222-1234.
17. Фадеев А. О Лу Синя // Собрание сочинений в пяти томах (т. 4). М.: Гослитиздат, 1960. С. 580-582.
18. Фоккема Доуве. Лу Синь: Воздействие русской литературы. В современной китайской литературе эпохи Четвертого мая. Издательство Гарвардского университета. 1977. С. 90-92.
19. Эйдлин Л. О сюжетной прозе Лу Синя // Лу Синь. Повести. Рассказы. М., 1971. С. 5-30.
20. Янь Цзянь. Лу Синь и экспрессионизм - О художественной характеристике «Старых легендов в новой редакции». Китайская социальная наука. 1995. № 2. С.141-153.
21. Ярослав Прушек. Лирическое и эпическое: Исследования современной китайской литературы. под ред. Лео Оу-Фан Ли. Блумингтон: Издательство Университета Индианы, 1980. xiii, 268 с.

© Чжу Цзыцзин (zzj1996@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Adzieva E. – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor, Russian Academy of Natural Sciences (Moscow)

Antipov O. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB-MVA named after K.I. Scriabin

Argashokova S. – Ph.D., Associate Professor, Pyatigorsk State University

Badmaeva U. – The teacher is a speech therapist, MKDOU «Kindergarten No.33 «Raduga», Elista

Bagdasarova I. – Senior Lecturer, Moscow Institute of Physics and Technology (national research university)

Belenkova Yu. – Lecturer, Samara State Technical University

Biryukova A. – Candidate of History, Associate Professor, Department of Philosophy and Social - Humanitarian Sciences, Samara State Technical University

Borodina M. – PhD in Philology, Associate Professor, Russian State Social University

Boronikhina I. – Senior Lecturer, Russian Biotechnological University (Moscow)

Brykin Yu. – Associate Professor, Moscow Witte University

Budaeva E. – Senior lecturer, Dorji Banzarov Buryat State University

Chirkova O. – Senior Lecturer, South Ural State University (NRU), Chelyabinsk

Demidova E. – Ph.D., Associate Professor, Pyatigorsk State University

Dong Haoming – Postgraduate Student, Moscow Pedagogical State University; Staff, Changchun University (China)

Dubrovskaya O. – Ph.D. in Philology, Associate Professor, St. Petersburg State Agrarian University

Erdnieva E. – Mentor, MKDOU «Kindergarten No. 17», Elista

Eremina N. – Associate Professor, Orenburg State University

Our authors

Esipov R. – Senior Lecturer, National University of Science and Technology "MISIS" (Moscow)

Glavatskikh M. – Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

Gudkov S. – Sevastopol Institute of Economics and Humanities (the Branch) V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Hassanzadeh Rezvan – Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor, Department of Russian Language Shahid Beheshti University, Tehran (Iran)

Iksanova R. – PhD in Philology, Associate Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah (Ufa)

Ilin A. – Postgraduate student, Moscow City Pedagogical University

Kabysheva M. – Candidate of pediatric sciences, assistant professor, senior lecturer, Kuban State Medical University (Krasnodar)

Karimov T. – C. h. s., senior scientific researcher, Institute of History. Sh. Marjani AS RT (Kazan)

Khamdamova N. – Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista

Kirillova I. – PhD in Education, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering

Kropta O. – Associate Professor, Volgograd State Agrarian University

Kupriyanova T. – Senior Lecturer, Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin

Kurbanov I. – Candidate of Philological Sciences, Professor, Surgut State University

Lebedeva A. – Dr. Sc. (Philology), Professor, All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation) (Moscow)

Ledovskikh I. – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Federal State Educational Institution of Higher Education "Pacific State University"

Lutsyuk V. – Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB-MVA named after K.I. Scriabin

Ma Liming – Ph.D. student, Lomonosov Moscow State University

Magomedov M. – Surgut State University

Medvetskaia A. – Postgraduate, lecturer, Witte Moscow University

Melikhova E. – Associate Professor, Russian Biotechnological University (Moscow)

Menzhevitskiy M. – Graduate student, Moscow Finance and Law University

Molyavina E. – Cand. Sc. (Linguistics), Senior Lecturer, Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation (Moscow)

Novikova M. – Dr. Sc. (Philology), Professor, Russian State University of Justice (Moscow)

Nyurksne L. – Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB-MVA named after K.I. Scriabin

Pershin Yu. – Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB-MVA named after K.I. Scriabin

Pishkova N. – Senior Teacher, Federal State Educational Institution of Higher Education "Pacific State University"

Polyakov A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Orenburg State University

Porubayko L. – Candidate of medical sciences, assistant professor, Kuban State Medical University (Krasnodar)

Ruslyakova E. – Associate Professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University

Shagaeva N. – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Kalmyk State University, Elista

Shekhovskaya Yu. – Associate Professor, Tyumen Higher Military Engineer Command School named after marshal of engineering troops A.I. Proshlyakov

Shkilevich I. – Immanuel Kant Baltic Federal University Kaliningrad

Stelmakhova L. – Postgraduate student, Moscow City Pedagogical University

Sukhanova E. – Ph.D., Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB-MVA named after K.I. Scriabin

Surkov A. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB-MVA named after K.I. Scriabin

Teplyakov S. – Service Student, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute for the National Guard Troops of the Russian Federation

Ternitskaya S. – Candidate of pedagogic sciences, Senior Lecturer, Sevastopol Institute of Economics and Humanities (the Branch) V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Tian Kaige – Postgraduate, Lomonosov Moscow State University

Tokarchuk V. – Sevastopol Institute of Economics and Humanities (the Branch) V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Urukova L. – Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer, A.F. Mozhaisky Military Space Academy (St. Petersburg)

Varfolomeeva N. – Associate Professor, Russian New University (Moscow)

Vygovskaia D. – Associate professor, South Ural State University (NRU), Chelyabinsk

Wang Lewen – Heilongjiang University

Wang Xiaolin – Postgraduate student, RUDN

Zaitseva S. – Graduate student, Moscow City Pedagogical University

Zhu Zijing – PhD student, Shenzhen MSU-BIT University; PhD student, Lomonosov Moscow State University

Zubkova Ya. – PhD in Philology, Associate Professor, Moscow City University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале



Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).